Татьяна
Таирова-Яковлева

ИНКОРПОРАЦИЯ:

РОССИЯ И УКРАИНА ПОСЛЕ ПЕРЕЯСЛАВСКОЙ РАДЫ

(1654–1658)

Татьяна Геннадьевна Таирова-Яковлева

Родилась в Ленинграде.

В 1989 году окончила исторический факультет Ленинградского государственного университета.

В 1990–1991 годах – аспирантка Канадского института украинских студий (CIUS).

В 1994 году защитила кандидатскую диссертацию в Институте истории Украины НАН Украины.

В 2004 году защитила докторскую диссертацию в Санкт-Петербургском государственном институте.

С начала научной деятельности одним из приоритетных интересов исследовательницы была и остается украинская история.

С 2003 года преподает на историческом факультете СПбГУ, с 2006 года – профессор.

Специалист по истории Украины Нового времени.

Автор 9 монографий, 4 публикаций источников и 150 статей по истории Украины раннего Нового времени.

Обладатель грантов Президента РФ, РГНФ, фонда Г. Хенкель, CIUS и др.

Директор Центра по изучению истории Украины Института истории СПбГУ.

Награждена орденом княгини Ольги III степени.

Ныне – профессор кафедры истории народов стран СНГ Института истории СПбГУ.

Военные действия
украинских казаков
на территории Белоруссии
(1648–1651)
ЛІТОЎСКА-ПОЛЬСКАЯ
ПОЛАЦКАЕ
ПОЛАЦАК
ВІЦЕБСК
ВІЦЕБСКАЕ
СМАЛЕНСКАЕ
СМАЛЕНСК
ВІЛЬНЯ
МЕНСК
НАВАГРАДАК
АМСЬЦІСЛАЎ
Слонім
Брасла́ў
Нежинский
полк
Черниговский полк

Военные действия
украинских казаков
на территории Белоруссии
(1654–1657)
ЛІТОЎСКА-ПОЛЬСКАЯ
ІНФЛЯНТЫ
Себеж
Невель
Крослер
Браслаў
ПОЛАЦКАЕ
ПОЛАЦАК
ВАЯВОДЗТВА
ВІЦЕБСК
ВІЦЕБСКАЕ
СМАЛЕНСКАЕ
ВАЯВОДЗТВА
СМАЛЕНСК
ВІЛЬНЯ
ВАЯВОДЗТВА
Ашмяны
Воршa
Копысь
АМСЬЦІСЛАЎ
МЕНСК
Лагойск
Шклоў
Магілеў
Койданава
НАВАГРАДАК
Слонім
Клецак
Пяхавічы
Слуцк
Бабруйск
Чачэрск
СМАЛЕНСКАЕ
ВАЯВОДЗТВА
Стародуб
Нежинский
полк
Рэчыца
Мазыр
Новгород
-Северский
ЧАРНІГАЎ
Черниговский полк
Остер
Нежын

Татьяна
Таирова-Яковлева

ИНКОРПОРАЦИЯ: РОССИЯ И УКРАИНА ПОСЛЕ ПЕРЕЯСЛАВСКОЙ РАДЫ (1654–1658)

Київ
ТОВ «Видавництво “Кліо”»
2017

УДК 94(470+477):327.5]“1654/1658”
Т14

Новое исследование Татьяны Таировой-Яковлевой посвящено изучению тех договоренностей, которые были достигнуты при инкорпорации Украинского гетманства и Московского государства в 1654 г., а также тому, как они трактовались сторонами и какие конкретные шаги предпринимались в первые четыре года после Переяславской рады для имплементации их в жизнь.

Эта книга позволит лучше понять причины конфликтов, ссор и споров, вылившихся в прямое военное противостояние и отсоединение Украины уже в 1658 г.

Работа основана на широком архивном материале и ориентирована как на профессиональных историков, так и на тех, кто интересуется историей Украины и русско-украинских отношений.

Научный редактор
доктор исторических наук, профессор
о. Юрий Мыцык

ISBN 978-617-7023-55-4

© Таирова-Яковлева Т. Г., 2017
© ООО «Издательство “Клио”», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 6

Глава 1. ВЗАИМНОЕ НЕПОНИМАНИЕ 9
Кто и за что боролся в Украине 10
Отчизна 17
Кого и почему присоединяло Московское государство 21
Границы 27
Отношение к подданству 31
Взаимонепонимание 37

Глава 2. УКРАИНСКОЕ ГЕТМАНСТВО К 1654 г.:
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ 43
Итоги социального потрясения. Показачивание
как последствие войны 45
Формирование новых экономических реалий 54
Социальная напряженность как итог глобальных перемен 69

Глава 3. ВОПРОС О ВОЕВОДАХ:
АДМИНИСТРАТИВНАЯ ВЛАСТЬ И НАЛОГИ 75
Часть 1. 1654–1656 гг. 76
Переяславские договоренности 76
Мартовские статьи 86
Первые попытки имплементации
договоренностей (1654–1655) 92
Первые ссоры и конфликты 105
Полномочия русских воевод 113
Попытка ввести воеводское правление в 1657 г. 115
Часть 2. 1657–1658 гг. 127
Отправка Василия Кикина 127
Бунт Григория Лесницкого 135
Отмена миссии Алексея Трубецкого 144
Миссия Богдана Хитрово 149
Отправка в Москву Максима Филимоновича 158
Новая попытка введения воеводского правления 162
Отправка Василия Шереметева в Киев 166
Отправка воевод 170

Глава 4. СОПЕРНИЧЕСТВО ЗА БЕЛОРУССИЮ 181
Часть 1. 1654–1656 гг. 182
Предыстория 185
Начало русско-польской войны 189
Реалии войны и противоречивость политики царя..... 197
Новый титул царя..... 200
Политика Ивана Золотаренко 201
Зимняя кампания 1654–1655 гг. 219
Расстановка сил и взаимные притязания летом 1655 г. 232
Борьба за административную власть после «потопа» 238
Часть 2. 1657–1658 гг. 246
Миссия Лариона Лопухина..... 252
Следствие Антина Ждановича..... 261
Попытки русских сместить Нечая и взаимная глухота..... 266
Осада и взятие Быхова 278
Богдан Хмельницкий и «белорусский вопрос» 281
Борьба за союз с литовской шляхтой..... 283
Борьба за Пинск 286
Попытка введения воеводского правления..... 289
Отказ Ивану Выговскому на белорусские имения 298
«Сдача» Быхова Иваном Выговским..... 301
Переход Ивана Нечая и его казаков на сторону Речи Посполитой..... 306

Заключение..... 310

Указатель имен 313

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Акты ЮЗР – «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные археографическою комиссиею»
Архив ЮЗР – «Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов»
ВКЛ – Великое княжество Литовское
ВУсР – «Воссоединение Украины с Россией»
Док. БХ – «Документы Богдана Хмельницкого»
ЗНТШ – «Записки Наукового товариства імені Шевченка»
Моск. гос. – Московское государство
ПКК – «Памятники Киевской комиссии»
ПСЗРИ – «Полное собрание законов Российской империи»
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РП – Речь Посполитая
Рус. ист. библ. – «Русская историческая библиотека»
УІЖ – «Український історичний журнал»
Універсали БХ – «Універсали Богдана Хмельницького»
ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов
ЧОИДР – «Чтения в Обществе истории и древностей российских»

в. г. – великий государь
в. м. – ваша милость
в. ц. в. – ваше царское величество
е. к. м. – его королевская милость
е. м. – его милость
е. ц. в. – его царское величество
м. п. – милостивый пан
н. с. – новый стиль
н. ц. в. – наше царское величество
с. с. – старый стиль
т. е. – то есть
т. к. – так как
т. м. – твоя милость
т. н. – так называемый
ц. в. – царское величество
ц. м. – царская милость

Введение

Идею этой книги мне подсказал много лет назад (в конце 80-х гг. XX века) замечательный украинский историк Федор Шевченко. Узнав, что студентка Ленинградского государственного университета занимается Руиной, Федор Павлович посоветовал в таком случае начинать свое исследование с 1654 г. Признаюсь, тогда глубина этой мысли осталась мне непонятной.

После десятилетий изучения различных периодов истории Украинского гетманства мы считаем необходимым вернуться к истокам, к самому началу инкорпорации [1] Украины в состав Московского государства. Посмотреть, какие договоренности были достигнуты, как они трактовались сторонами и какие конкретные шаги по их воплощению в жизнь предпринимались в течение первых четырех лет после Переяславской рады. Такое исследование, на наш взгляд, позволит лучше понять причины конфликтов, ссор и споров, вылившихся в прямое

[1] Именно термин «инкорпорация» считает наиболее удачным московский историк Б. Флоря: *Флоря Б. Н.* Переяславская рада 1654 г. и ее место в истории Украины // Белоруссия и Украина. Ежегодник 2004. М., 2005. С. 7.

военное противостояние и отсоединение Украины уже в 1658 г.

Понимание и признание факта, что объединялись два субъекта, сильно рознившихся ментально, по своей социальной сущности и политическому устройству, в последнее время наметилось даже в российской исторической науке. Борис Флоря в своей недавней монографии пишет: «На Украине мы наблюдаем в эти годы возникновение ряда тяжелых, конфликтных ситуаций между русской верховной властью и Войском Запорожским, которые даже в конце концов привели к войне между ними. Возникновение разного рода противоречий и сложностей было неизбежно при контакте между двумя столь разными обществами с разной социальной структурой и разными историческими традициями» [1]. Кирилл Кочегаров и Евгений Рычаловский подчеркивают: «Нельзя, однако, не отметить и того, что, несмотря на общую историю, веру, этническую и языковую близость, с 1654 г. под скипетром русского самодержца происходило сближение двух обществ, заметно отличавшихся друг от друга социальной организацией, политическими институтами, культурными традициями, мировоззрением» [2].

Тем не менее, мы хотим определить глубину этих различий и их многосторонность, посмотреть на цели сторон, на то, как они осуществлялись или, наоборот, терпели крах. Мы намеренно не затрагиваем аспекты внешней политики Украинского гетманства, касательно которой в последние годы было написано ряд серьезных исследований. Нас интересует социально-экономическое состояние, в котором Украинское гетманство подошло к инкорпорации, а также вопросы административного и налогового управления после 1654 г. В этом смысле проблема введения воеводского правления в Украине представляется нам ключевой. Наконец, мы полагаем важным обратиться к русско-украинским противоречиям, возникшим из-за различного представления о подчинении белорусских земель, отвоеванных у Речи Посполитой в ходе русско-польской войны.

---

[1] *Флоря Б. Н.* Русское государство и его западные соседи (1655–1661). М., 2010.

[2] *Кочегаров К. А., Рычаловский Е. Е.* Россия и Украина в 1654–1657 гг. // Переписка гетманов Левобережной Украины с Москвой и Санкт-Петербургом. Т. 1. М., 2017. С. 42.

Несмотря на то, что мы использовали документы из архивов Польши и Украины, это наше исследование было бы невозможным, если бы в последние годы мы не осуществляли проект издания описей фондов Российского государственного архива древних актов (Москва), содержащих уникальные материалы по истории Украинского гетманства. Именно эта работа позволила нам выявить и перепроверить источники по 1654–1658 гг. Многие из них вводятся впервые или впервые цитируются в оригинале, поэтому мы сохранили язык оригинала. Выражаю глубокую благодарность сотрудникам архива, оказавшим мне бесценную помощь, прежде всего Юрию Моисеевичу Эскину, Сергею Сергеевичу Ермолаеву, Андрею Алексеевичу Булычеву и многим-многим другим.

Хотелось бы также вспомнить и поблагодарить замечательных историков, которые в разные годы помогали мне советами и участием. Историков, которых, к сожалению, уже нет с нами: Юрия Давидовича Марголиса, Руслана Григорьевича Скрынникова, Федора Павловича Шевченко, Омельяна Прицака, Ореста Субтельного.

Ну и, конечно же, благодарю свою семью за терпение и поддержку.

Глава 1

Взаимное непонимание

В данной главе мы затронем ряд вопросов, которые, как нам представляется, имели прямое влияние на проблемы, возникшие при присоединении Украины к Московскому государству. В чем-то мы будем базироваться на исследованиях наших коллег, кое-что уточним и дополним, где-то постараемся сформулировать новые концептуальные выводы. Но в целом понимание основополагающих явлений, на фоне которых осуществлялась инкорпорация Украины в структуру Московского государства, на наш взгляд, является залогом объективной оценки событий и возможностью вскрыть внутренние механизмы и логику, которые ими двигали.

Кто и за что боролся в Украине

Начнем с, казалось бы, простых вопросов: кто и за что боролся в Украине в 1648–1653 гг.? Что не устраивало в Речи Посполитой лидеров украинского восстания и его рядовых участников? Понимание этих вопросов позволит лучше разобраться в сущности возникавших в последующем конфликтов с Московским государством.

Необходимо помнить, что украинские земли входили в

состав Великого княжества Литовского в середине XIV в. Поскольку структуры ВКЛ сохранялись и после создания Речи Посполитой, то Украина к моменту восстания 1648 г. находилась в составе княжества уже почти триста лет. Разумеется, менталитет ВКЛ доминировал среди населения Украины. К тому же почти 80 лет она входила в состав Речи Посполитой. Это означает, что было несколько поколений, родившихся и выросших в шляхетской республике. Богдан Хмельницкий и все другие руководители восстания родились и выросли в Речи Посполитой, равно как и их отцы. Они присягали польским королям и служили им верой и правдой (отец Б. Хмельницкого погиб за Речь Посполитую в битве с турками под Цецорой).

Хотя украинское казачество, безусловно, считало Речь Посполитую своей «отчизной», но уже на рубеже XVI–XVII вв. возникает серьезный конфликт, который приводит к серии казацких восстаний. Очень четко причины восстания сформулировал современник событий, автор летописи Самовидца: «Початок и причина войни Хмелницкого ест едино от ляхов на православіе гоненіе и козаком отягощеніе» [1]. К этому можно добавить массовое недовольство крестьян, собственно и поставлявших легионеров в вольное казачество.

Другими словами, причина восстаний заключалась в нарушении Речью Посполитой сложившихся реалий Великого княжества Литовского. Реалий, заключенных в юридических документах.

Прежде всего речь идет о религиозной толерантности, которой так славилось ВКЛ. При своем создании в 1569 г. Речь Посполитая тоже декларировала религиозную толерантность. Она была закреплена и в п. 2 Генриховых артикулов, на которых присягали все короли Речи Посполитой, начиная с 1574 года [2]. Однако Брестская уния 1596 г. и последовавший за ней запрет на греческую (православную) религию разрушили существовавший компромисс. После длительной многолетней борьбы Владислав IV утвердил в 1632 г. «Статьи для успокоения народа руського», восстановившие де-юре православие в Речи Посполитой. Но толерантности уже не было.

---

[1] Літопис Самовидця. К., 1971. С. 45.

[2] «in causa religionis mają w pokoju bydź zachowany, która My im obiecujemy trzymać w cale, czasy wiecznemi».

Второе глобальное изменение произошло с положением крестьян. Согласно измененным Литовским статутам (1566 и 1588 гг.) бегство в города теперь не избавляло крестьянина от личной зависимости (города обязывались выдавать таких беглецов). К тому же пан получил единоличное право судить крестьянина и даже казнить. А право обращаться в суд было для крестьян отменено. Эти изменения привели к массовому бегству крестьян в вольные края и их показачиванию. Кроме того, крестьяне стали активными союзниками и участниками казацких восстаний.

Нарушение религиозной толерантности и социального положения крестьянства стало серьезной основой недовольства. Крестьяне бежали, шляхта протестовала, духовенство вело богословскую полемику. Но реальные изменения начали происходить только тогда, когда к протестным выступлениям подключилось казачество.

Рост недовольства совпадал с формированием новой политической элиты периода раннего Нового времени – реестрового казачества.

Признание королем и Речью Посполитой особого юридического статуса [1] реестровых превращало казачество из отщепенцев-бунтарей в официальную элиту, которая постепенно все четче осознавала свое влияние, власть, возможности, требовала все больших прав, включая участие в политической жизни страны, и одновременно настаивала на расширении своих рядов.

За считанные десятилетия казацкие полки превратились в важную часть военной машины Речи Посполитой, и без их участия не обходился ни один ее военный поход. Сражения в Ливонии, русская Смута, события в Молдавии – во всех этих эпизодах реестровые казаки сказали свое веское слово.

Особенное значение казаки сыграли в противостоянии турецкой агрессии. Между тем, угроза со стороны Оттоманской Порты имела общеевропейский масштаб. В начале XVII в. турецкие корабли заходили даже в Темзу. Поэтому за-

[1] Уже грамоты Сигизмунда II (1572) высвобождали реестровых из-под судебной юрисдикции панов и давали налоговые привилегии как минимум старшине (включая беспошлинное шинкование меда, пива и горилки). Акты ЮЗР. Т. II. СПб., 1865. № 149. С. 175–176. Грамота Стефана Батория (1682) освобождала реестровых казаков от налогов («zadnych podatkow») и любого судебного преследования, кроме суда казацкого гетмана («starszego ich»). Жерела до історії України-Руси. Т. VIII. Львів, 1908. С. 6.

слуги гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного и его реестровых казаков, захвативших Кафу, а затем спасших Речь Посполитую и короля под Хотином, вели к пониманию казацкой элитой своей силы и значимости. Сагайдачный мог спокойно выставить регулярную армию в количестве 40 тыс. человек. Не случайно именно в этот период казаки начинают вмешиваться во внутренние дела Речи Посполитой, а зачастую – прямо диктовать свою волю. Именно так обстояло дело с восстановлением православной митрополии и в конечном счете ее юридическим признанием.

Мы подходим к вопросу о том, кто участвовал в восстании Б. Хмельницкого. И надо понимать, что лидеры этого восстания должны были иметь определенное образование, обладать знаниями и опытом, чтобы успешно вести дипломатические переговоры, создавать собственную государственность, включая административную, налоговую и судебную системы.

Серьезная опасность подстерегает историков при попытке свести верхушку Б. Хмельницкого к казачеству (а тем более к «запорожскому казачеству») [1]. На самом деле это был тесный сплав среднепоместной православной шляхты и казацкой старшины. Разумеется, встречались люди без образования, представители богатых мещанских семей (Золотаренки, Сомки), даже татары (Филон Джалалий). Но это являлось скорее исключением, чем правилом. А вот шляхетско-казацкий союз был очень тесным и значимым [2].

«Старшие» реестровых казаков Ян Бадовский, Иван Оришевский, практически все руководители ранних казацких восстаний, начиная от Кшиштофа Косинского и Северина Наливайко, происходили из православной шляхты. Богдан Хмельницкий и его ровесники, равно как и все другие казацкие старшины, включая поколение времен Ивана Мазепы, родились и выросли в Речи Посполитой. Их предки столетиями жили в Великом княжестве Литовском, польскому королю служили их отцы, и именно эти традиции политической жизни стояли у них перед глазами. Мы имеем в виду прежде всего традицию активного участия в жизни

---

[1] *Кочегаров К. А.* Взаимоотношения России и запорожского казачества с середины XVI в. до 1654 г. // Переписка гетманов Левобережной Украины с Москвой и Санкт-Петербургом. 1654–1764 гг. Т. I: Гетманство Богдана Хмельницкого. 1654–1657 гг. М., 2017. С. 5–41.

[2] Об этом подробно писал еще В. Липинский.

страны. По условиям Литовских статутов 1529 и 1566 гг. вся шляхта могла участвовать в сеймиках и в выборах шляхетских судов. Это давало огромный опыт и практику причастности к государственному управлению. К тому же вся шляхта была юридически равна и с 1673 г., независимо от вероисповедания, потенциально могла принимать участие в избрании короля, которым теоретически мог стать любой шляхтич. Это создавало особый менталитет свободного и уважающего себя человека. Для шляхтича и казака, родившихся в ВКЛ, казалось дикостью именовать себя «холопом» в обращении к царю (что делали все бояре и князья в Московском государстве). В длинной череде украинских гетманов только Иван Брюховецкий, выходец из слуг, использовал такое обращение. Как заявил Януш Радзивилл русскому послу, «я никогда не был холопом и не хочу им быть теперь» [1].

До определенного момента именно такие панибратские отношения доминировали на территориях ВКЛ между шляхтой и магнатами (примером служат отношения Михаила Хмельницкого, отца Богдана, с православным магнатом Яном Даниловичем).

Существовавшие в ВКЛ традиции участия шляхты в политической жизни плавно перетекают в аналогичные стремления казачества. В 1625 г. после ряда восстаний реестровое казачество впервые получает статус городового с отдельными административными полномочиями на подвластной ему территории. Начинают формироваться весьма конкретные понятия, заключавшиеся в «казацких вольностях»: право управлять своей территорией и жить по своим законам. Следует отметить, что еще Николай Костомаров переводил польское слово «wolność» как «права», а не как «свободу» [2]. Именно такая трактовка «вольности» встречается и у Мелетия Смотрицкого: «представ с нашей просьбой на нынешнем сейме, мы покорно и униженно просим исходить из общих законов: сжальтесь, не давайте ломать наших законных свобод и привилегий...» [3] Стремление участвовать в управлении своей страной – это то, что отличало украинское реестровое казачество от донского.

---

[1] *Kotljarczuk A.* In the Shadows of Poland and Russia. P. 200.
[2] *Костомаров Н.* Богдан Хмельницкий. Т. 2. СПб., 1884. С.170.
[3] Уния в документах / сост. В. А. Теплова и З. И. Зуева. Мн., 1997. С. 178.

Мария Лескинен считает, что для «украинского сармата» на первом месте в иерархии добродетели стоит не вольность, а верность. Она, в частности, ссылается на знаменитый «Вирш» Касьяна Саковича о П. Сагайдачном [1]. Нам представляется, что такая трактовка не вполне верная. Ведь перед нами барочное произведение, истинный смысл которого заключался не в восхвалении умершего гетмана, а в указании на несправедливое отношение Речи Посполитой к заслугам казачества. В этом смысле понятие «верность» лишь служит доказательством необходимости сохранять и расширять «вольности» казачества.

Один из путей получения права участия в политической жизни приводит к тому, что старшины стремятся распространить на реестровых казаков права шляхты. Это тем более интересно, что большинство из старшин и так являлись шляхтой, а следовательно – имели право пользоваться демократическими свободами и политическими правами привилегированной части Речи Посполитой. Видимо, в этот период происходит перелом, когда для самосознания казацкой элиты звание «казак» становится как минимум не менее значимым, чем звание шляхтича. Как позже писал познанский воевода Ян Лещинский, казаки «не добиваются шляхетства и не ценят его» [2].

Мы отмечали выше, что украинская элита унаследовала менталитет ВКЛ и Речи Посполитой. Мы согласны с М. Лескинен, которая пишет, что «украинский сармат-рыцарь – это и казак, и шляхтич». По ее мнению, «главной отличительной добродетелью его является борьба за независимость Отчизны и родную веру» [3]. Она также отмечала, что приближение понятий шляхтича и казака объяснялось реалиями жизни в Речи Посполитой, где и те, и другие вместе принимали участие в обороне польских восточных рубежей [4].

9 июня 1632 г. казаки подают на конвокационный сейм письмо, в котором, ссылаясь на «службы свои рыцерские», предлагают в качестве кандидата в короли королевича Владислава и просят, чтобы их считали равными членами Речи Посполитой и «не обделяли в избрании короля». Есть там и

---

[1] *Лескинен М. В.* Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002. С. 143.

[2] *Kubala L.* Szkice historyczne. Ser. VI. 1922. Dodatek № XIX. S. 545–546.

[3] *Лескинен М. В.* Мифы и образы сарматизма. С. 142.

[4] Там же. С. 143.

примечательное пожелание: «чтобы мы были наделены вольностями, людям рыцарским надлежащими» [1]. По крайней мере двое из подписавшихся принадлежали к шляхетскому сословию [2]. В инструкции казацким послам от 6 сентября 1632 г. повторялись те же просьбы со ссылкой на «верные, отважные и кровавые заслуги наши» [3]. Апеллировал к рыцарственному характеру службы казаков и Б. Хмельницкий, который заявил польскому послу Якову Смяровскому в ноябре 1648 г.: «Как предки мои самоотверженно и с пролитием крови служили королям польским, так и я, не изменяя им, с подчиненным мне рыцарством, хочу верно служить его величеству королю, моему милостивому государю, и Речи Посполитой...» [4]

Полное осознание политической элитой Украины того, что она может и должна осуществлять свои вольности в смысле права управлять собственной страной, пришло в годы восстания Б. Хмельницкого и было вызвано небывалым размахом восстания и невероятными победами над поляками. Осознание это появилось прежде всего у самого гетмана и его ближайшего окружения, а затем – у более широкого круга старшины, которая уже с 1649 г. вовлекалась в административное и судебное управление Украинским гетманством. Отметим, что примерно половина полковников времен Б. Хмельницкого были из шляхты. Часто имела шляхетское происхождение старшина других рангов [5].

Люди, которые теперь на равных (или почти на равных) переписывались с иностранными государями, обменивались с ними иностранными посольствами, уже практически не могли вернуться к прошлому положению. Хотя высшим влиянием и властью пользовался только очень узкий слой старшины, дела с местным управлением обстояли иначе. Если учесть, что по реестру 1649 г. имелось шестнадцать полков, в среднем по 15 сотен, соответственно 240 сотников, а также

---

[1] *Голубев С.* Киевский митрополит Петр Могила и его современники. Т. II. К., 1883. Приложение № LXXIV. С. 403–407.

[2] Там же. С. 405.

[3] Архив ЮЗР. Ч. III. Т. I. К., 1863. № XCIII. С. 339.

[4] *Краустар А.* Посольство Якова Смяровского к Богдану Хмельницкому во время осады Замостья в 1648 г. // Киевская старина. 1894. Т. 47. № 12. С. 454.

[5] Блестящее исследование на эту тему сделал еще В. Липинский. *Lipiński W.* Stanisław Michał Krzyczewski, z dziejów walki szlachty ukraińskiej // Z dziejów Ukrainy. Kraków, 1912.

писари, бунчужные, обозные, судьи и т. д., набирается несколько тысяч старшины, которая за следующие несколько лет уже почувствовала вкус долгожданной «воли».

Это была новая политическая элита, которая, не найдя компромисса с польской шляхтой, не желавшей допускать ее к политической жизни, теперь с оружием в руках, ценой сложных внешнеполитических комбинаций и противостояния мощной машине Речи Посполитой завоевала право управлять своей страной.

Отчизна

Начиная разговор о таком сложном и противоречивом вопросе, как представление об «отчизне» среди политической элиты украинского общества до 1654 г., следует сказать несколько слов о проблемах источниковой базы. Собственно, у нас имеется (особенно в отношении казацкой старшины) очень фрагментарный материал, т. к. гетманский архив эпохи Б. Хмельницкого не сохранился, равно как и бóльшая часть переписки казацкой старшины. Ошибочной является тенденция российских историков использовать без оговорок русские документы, содержащие в большинстве случаев переводы или российскую интерпретацию терминов, употребляемых украинской стороной.

Статейные списки и отписки – это вообще специфичный источник. Как отмечал еще Геннадий Карпов, они писались не главами посольств, а безымянными подьячими по возвращении в Москву, составлялись по памяти через некоторое время после переговоров и, разумеется, не могут претендовать на точный пересказ речей и даже событий. К тому же подьячие стремились понравиться царю и могли соответственно редактировать текст [1]. Еще хуже обстоит дело с так называемыми переводами с белорусского письма, о чем мы скажем ниже.

Не меньше проблем и подводных камней таят в себе барочные тексты украинских богословов. Пропитанные духом украинского барокко, они содержат такое количество метафор и аллегорий, а также настолько подчинены канонам барочной формы, что современному исследователю (если он

[1] *Карпов Г.* Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся. М., 1870. С. 166–168.

только не эксперт барочной литературы) зачастую сложно оценить содержание таких текстов. Многие историки «ведутся» на внешние формы, придавая им смысл, совершенно отличный от замысла автора. Особенно следует отметить, что в России со времен Владимира Перетца украинское литературное барокко не было предметом специальных исследований, и такая школа прервалась. Видимо, поэтому даже замечательный московский историк Борис Флоря всерьез пишет, что нежинский протопоп Максим Филимонович восторженно приветствовал присоединение Украины [1]. Он не делает оглядок на барочный характер речи протопопа, а также не упоминает, что месяцем раньше он агитировал Могилев против подданства царю [2]. Не претендуя на глубокие знания особенностей барочной литературы, мы будем опираться на современные исследования украинской и итальянской научных школ [3].

Начать следует с того, что для казачества, казацкой старшины и украинской шляхты вплоть до 50-х гг. XVII в. «отечеством» была, безусловно, Речь Посполитая. То же самое можно сказать и об украинском духовенстве. Сагайдачный прославляется за то, что «готов ойчизнѣ служити за вольность єи» [4].

Само понятие «отчизна» было заимствовано в Украине от польского «ojczyzna». Это понятие получило широкое распространение в Речи Посполитой в начале XVII в. от античного «patria» под влиянием гуманистичной школы. Отчизна подразумевала необходимость любить ее, защищать ее свободу, заботиться о ее благе и не жалеть собственной жизни для ее защиты. Это была барочная идея, подхваченная как шляхтой, так и казачеством.

В Украине этот термин активно использовался как в текстах старшины, так и в богословских произведениях. Лари-

---

[1] *Флоря Б. Н.* Воссоединение Украины с Россией в оценке современников // Славянский альманах 2004. М., 2005. С. 8.

[2] Еще В. Эйнгорн отмечал, что «приветственные речи, которые говорились священниками разных малороссийских городов при встречах Бутурлину, не могут служить указанием на те или другие отношения ораторов к Москве», т. к. ничто не мешало им «на следующий же день оказать свое нераденье великому государю». *Эйнгорн В.* Сношения малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. С. 57–58.

[3] Это, прежде всего, Н. Яковенко (Украина) и ее ученики, в частности Д. Броджи (Италия) и др.

[4] *Довга Л.* Поняття «отчизна» в українських проповідях другої половини XVII ст. // Пилип Орлик: життя, політика, тексти: мат. Міжнар. наук. конф. до 300-річчя Бендерської конституції 1710 р. К.: НаУКМА, 2011. С. 109.

са Довга анализировала издания Киево-Печерской лавры 1616–1650 гг. и пришла к выводу, что в них несомненна территориальная привязка отчизны к Речи Посполитой. Наоборот, исторические территории предков («Киевская земля», «земля наша Российская») никогда «отчизной» в текстах не именуются. Можно согласиться, что «отчизна» для украинской элиты была в некотором роде понятием, механически перенесенным из античных текстов, однако присутствие патриотизма «нельзя оспаривать» [1].

Как убедительно показал Франк Сысин, обращение «отчизна» в контексте не Речи Посполитой, а собственно Украины появляется после восстания Б. Хмельницкого, не ранее 1652 года [2]. Даже в 1654 г. в переписке Б. Хмельницкого с Я. Радзивиллом используется словосочетание «отчина наша», речь идет «о успокоении любимой тое отчины нашей, и о преварении крови разлития, и о разорении краев и народов древле живущих» (в польском оригинале, разумеется, «Ojczyzna») [3].

Адам Кисель говорил: «сарматы Rossi и сарматы Polonos – общей отчизны нашей». М. Смотрицкий в 1623 г. в «Юстификации невинности» отмечал: «с вольными народами Польским и Литовским народ Руський ("Ruski") объединился в единое тело».

В литературе часто ссылаются на украинскую полемическую литературу как на доказательство существования представления об этническом единстве с Москвой. Л. Довга убедительно показала, что даже на протяжении 50-х гг. в произведениях украинского духовенства (Иннокентия Гизеля, Иоанникия Галятовского, Лазаря Барановича и др.) нет ни единого случая использования понятия «отчизна» применительно к Московскому государству (для которого используется термин «держава» или «царство»). Не называют они отчизной и Гетманщину. Отчизной по-прежнему именуют Речь Посполитую [4]. Это совершенно объяснимо с исторической точки зрения. Украинское духовенство не принимает

---

[1] Там само. С. 111–112.

[2] *Sysyn E. Frank.* Fatherland in Early Eighteenth-Century Ukrainian Political Culture // Mazepa and his time. History, culture, society. Alessandria, 2004. P. 39–53.

[3] РГАДА. Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. № 1636. Л. 177, 179.

[4] *Довга Л.* Поняття «отчизна» в українських проповідях другої половини XVII ст. С. 114.

присоединение Украины к России и категорически отказывается признать Московского патриарха. Гетманщина, принявшая царя, остается враждебной силой к руководству Киевской митрополии вплоть до 1658 г., когда новый Киевский митрополит поддерживает Ивана Выговского в заключении Гадячского договора и возвращении в состав Речи Посполитой.

Отдельные обращения украинского духовенства периода Руины, на наш взгляд, были связаны не с концептуальными изменениями и не с появлением новой, единой с Московским государством, идентичности, а, скорее всего, с сиюминутными политическими или материальными выгодами [1].

После юридического раздела Украины 1667 г., когда надежд на возвращение в лоно Речи Посполитой больше не было, киевскому духовенству пришлось искать пути сотрудничества с Московским государством. Отсюда появление барочных схем, которые могли понравиться царю.

В 50-е гг. XVII в. духовенство и политическая элита Украинского гетманства сильно расходятся в своих взглядах. В годы Руины в среде старшины и авторов исторического нарратива формируется новое понятие «отчизны» применительно к Украинскому гетманству. На наш взгляд, то, что переосмысление термина «отчизна» происходит только в конце 50-х гг., объясняется военным временем, не оставлявшим возможности для формулирования новых идей. Наоборот, в ходе Руины назревает потребность переосмыслить события и найти собственную идентичность.

В 60-е гг. с разделением Украинского гетманства термин «Малая Россия» не только лишается церковного смысла (т. е. относящегося к Киевской митрополии), но и начинает означать исключительно Левобережную Украину, входящую в состав Московского государства. Появляется необходимость термина, который подчеркивал бы единство двух территорий, несмотря на разделяющую их границу. Таким термином для элиты становится «Украина» [2]. Свое окончательное осмысление этот термин получил в 1728 г. в пьесе неизвест-

---

[1] Поэтому, на наш взгляд, некорректно говорить о работах 60-х гг., таких как «Пересторога» и др., в контексте нового этнического самосознания, как, например, это делает Д. Степанов (*Степанов Д. Ю.* Этноконфессиональное самосознание православного населения Речи Посполитой и Гетманщины в середине – второй половине XVII в.: автореф. ... канд. ист. наук. М., 2016.

[2] У Л. Барановича в «Лютне Аполлоновой»: «Украина в крови, невзгоде». У Величко «Украина», «казацтво украинское».

ного автора «Милость Божия», в которой главным действующим лицом выступает Украина.

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что патриотическая доктрина «отчизны», перенятая украинской элитой (как политической, так и духовной) от античных и польских образцов, формировала необходимость ее любить, защищать и заботиться о ней. Такой «отчизной» для украинских казаков, шляхты и духовенства десятилетиями оставалась Речь Посполитая. В этой идеологической конструкции отчизна была несравненно выше короля. Большинство старшин было воспитано на антично-барочной системе «семи искусств», в которой риторика занимала важное место. Но формирование понятия новой отчизны – Украинского гетманства – только начиналось у старшины, а у духовенства еще не началось.

Кого и почему присоединяло Московское государство

Разбираясь в вопросе, почему Московское государство присоединило Украину, мы сразу должны отбросить миф о «братских народах», не имевший ничего общего с менталитетом человека XVII в., который не предусматривал этнического, а тем более национального самосознания [1]. Менталитет скорее был этноконфессиональным. Но, умышленно не желая вдаваться в дискуссию о самосознании и идентичности человека эпохи раннего Нового времени, мы хотели бы задаться вопросами: кого присоединяло Московское государство? Как царское правительство относилось к украинским казакам, которые собственно и вели с ними переговоры, и к населению Украинского гетманства?

Разумеется, у нас, как и в случае с представлением об отечестве у казацкой старшины, имеются только косвенные источники. Тем не менее, логично предположить, что отношение к казакам как среди царского окружения, так и среди пограничных воевод было далеко не самое позитивное. Сам термин «черкасы», который с XVI в. и вплоть до середины XVIII в.

[1] В этом смысле представляется опрометчивым заявление И. Андреева, что «выбор, сделанный на Переяславской раде в 1654 г., носил характер национального». *Андреев И.* Алексей Михайлович. М., 2003. С. 220. Для данного утверждения нужно как минимум для начала отстоять право на такой термин применительно к середине XVII в.

использовался в официальной русской документации применительно и к казакам, и ко всему населению Украины, не предусматривал наличие какого-либо этнического родства.

Начнем с того, что прошло всего три десятилетия с окончания Смуты, потрясшей до основания Московское государство и, безусловно, оставившей в умах боярства катастрофические воспоминания о поляках и активно помогавших им запорожских казаках. По приблизительным подсчетам, в русской Смуте на различных этапах участвовало от 20 до 60 тысяч казаков с Украины. Другим не менее ярким, грозным и отрицательным воспоминанием был поход П. Сагайдачного с его реестровыми казаками, взявшими в 1618 г. под его командованием Елец, Калугу и осадившими Москву. Последовавшее после этого посольство от Сагайдачного к царю не могло сгладить впечатление.

Не меньше, хотя и в другом масштабе доставляли неприятностей пограничным воеводам «воровские черкасы». Отписки воевод Белгорода, Путивля, Валуйки в 30–40-е гг. XVII в. пестрят сообщениями о появлении «воровских черкас», приходивших с территории Украины [1]. В некоторых случаях «черкасы» нападали на татар, но часто не брезговали и пограничными поселениями. Как справедливо пишет Виктор Брехуненко, колонизация Дикого Поля украинскими казаками во второй четверти XVII в. столкнулась с «московською державною колонізацією», и «конфлікти з московитами стали буденним явищем для козаків» [2].

Наконец, следует сказать несколько слов относительно православного единства. После Смуты на фоне юридической ликвидации православия в Речи Посполитой Украина воспринималась в Москве как часть иноверного мира [3]. В конце 20-х гг. XVII в. первый Романов, Михаил Федорович, и его отец, патриарх Филарет, ввели сначала запрет на ввоз украинских книг и торговлю ими на территории Московского государства, а затем их тотальную конфискацию в приграничных с Речью Посполитой уездах [4]. К тому же изданные на

---

[1] Донские дела. Кн. II. СПб., 1906. С. 440–444; *Багалий Д. И.* Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний. Х., 1890; РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ: Белгородский стол и др.

[2] *Брехуненко В.* Східна брама Європи. К., 2014. С. 49.

[3] *Живов В.* Из церковной истории времен Петра Великого. М., 2004. С. 23.

[4] Подробнее об этом см.: *Булычев А. А.* История одной политической кампании XVII века. М., 2004.

«простой мове», а не на церковнославянском языке книги в Москве воспринимались как «еретическое заблуждение» [1]. Вышедший в Москве в 1639 г. Требник повторял указ Филарета, направленный против украинского православия [2]. Эти действия имели больше политический, чем богословский характер. Но выходцев из ВКЛ заставляли перекрещиваться и истинными православными их признавать не желали [3]. Киевского митрополита Петра Могилу в Москве считали чуть ли не католиком. Не вписывалась в рамки московского православия и украинская традиция православных братств, активно влиявших на политическую и религиозную жизнь (вплоть до избрания митрополита и архимандрита), а также занимавшихся культурой и образованием.

Еще один важный аспект – социальный. Как мы увидим ниже, восстание Б. Хмельницкого привело к глобальным изменениям в положении крестьянства Украины. Оно не только вернулось ко временам ВКЛ, но достигло даже более высокого уровня личной свободы с полной ликвидацией крепостного права. В те же годы (в 1649 г.) в Московском государстве было принято Соборное уложение, установившее бессрочный сыск беглых крестьян и их полную личную зависимость (без «урочных лет»). Как мы понимаем, само понятие выдачи беглых не только было чуждо казакам, но и противоречило всей их идеологии. А Алексей Михайлович, наоборот, не мог представить существование вольных людей (он так и написал в 1654 г.: «волных окроме беглых холопей не живет» [4]). Разумеется, двум таким полярным обществам было сложно найти общий язык. Если еще во внутренние дела Украины царское правительство некоторое время не вмешивалось, то в Белоруссии принципиальные противоречия по отношению к крестьянству очень быстро дали о себе знать.

Совершенно логично, что на протяжении ряда лет в Москве очень осторожно (если не сказать подозрительно) относились ко всем просьбам и обращениям Б. Хмельницкого. Как

---

[1] *Андреев И.* Алексей Михайлович. С. 207.

[2] *Плохій С.* Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. К., 2005. С. 384.

[3] *Опарина Т. А.* «Исправление веры греков» в русской церкви первой половины XVII в. // Россия и Христианский Восток. Вып. II–III. М., 2004. С. 288–325.

[4] Опубликовано у М. Грушевского: Зап. іст.-філ. від. Укр. АН. Кн. XXIV. К., 1929. С. 105.

пишет Кирилл Кочегаров, «недоверие московского правительства было в этой ситуации вполне естественным» [1]. Пограничные воеводы составляют нелицеприятные донесения и видят в восстании обычный казацкий бунт [2], сочувствия к которому московские власти не могли испытывать априори.

Что же изменилось? Почему все-таки было принято решение присоединить Украину? В историографии широко распространенным является заблуждение, что царское правительство или окружение царя было каким-то монолитным, неизменным. Самым ярким исследованием, развенчивающим такие представления, является, на наш взгляд, работа Павла Седова [3], хотя она и относится к более позднему периоду истории Московского государства, т. е. к царствованию Федора Алексеевича. Тем не менее, книга заставила нас задуматься о существовании различных групп в царском окружении, зачастую представлявших противоположные интересы и добивавшихся разных целей. И в этом случае хотелось бы понять, какая сила в окружении юного Алексея Михайловича подтолкнула его к принятию решения о присоединении Украины.

Мы придерживаемся мнения, что такой силой был новоизбранный патриарх Никон [4]. Сергей Лобачев в своей замечательной работе о Никоне доказал, что решение о выдвижении Никона в патриархи Алексей Михайлович принял под влиянием Иерусалимского патриарха Паисия, находившегося в Москве в 1649 г. (того самого, который, по мнению большинства историков, внушил Б. Хмельницкому идеи государственности). С. Лобачев использовал материалы фонда «Греческие дела» Российского государственного архива древних актов и убедительно показал, что Паисий поддержал не только Никона, но и весь кружок «ревнителей благо-

---

[1] *Кочегаров К. А.* Взаимоотношения России и запорожского казачества с середины XVI в. до 1654 г. С. 41.

[2] Как пишет В. Брехуненко: «Упродовж 1648 р. Москва дивилася на українські події як на звичайне козацьке повстання. Можливість дезінтеграції Речі Посполитої навіть не припускалася». *Брехуненко В.* Східна брама Європи. С. 137.

[3] *Седов П. В.* Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2006.

[4] Подробнее см.: The Role of the Religious Factor and Patriarch Nikon on the Unification of Ukraine and Moscovy // Acta Poloniae Historica. 2014. Vol. 110. P. 5–22. Н. Костомаров ошибочно полагал, что патриарх был противником присоединения. *Костомаров Н. И.* Богдан Хмельницкий // Актуальная история России. М., 1994. С. 655.

чества», внушив царю идею освобождения Гроба Господня и предсказав, что тот станет «новым императором Константином». Первым шагом на этом грандиозном пути должно было стать освобождение православного населения Речи Посполитой [1].

Начинается принципиальное изменение в отношении к украинскому православию. Уже в мае 1649 г. Алексей Михайлович впервые в истории просит Киевского митрополита Сильвестра Косова прислать в Москву ученых монахов [2]. Ими были Феодосий Василевич, Арсений Сатановский и Епифаний Славинецкий [3]. Намечаются церковные реформы, решающую роль в которых играет украинская ученость. А в июле 1652 г. Никон становится патриархом и сразу активно начинает воплощать в жизнь задуманный грандиозный проект. В апреле 1653 г. он лично встречается с казацкой делегацией, присланной Б. Хмельницким, и благословляет ее [4]. В следующем месяце пишет гетману, уверяя, что будет «ходатайствовать» перед царем «о добром хотении» [5]. К Никону напрямую обращается Б. Хмельницкий в критический момент августа 1653 г., прося военной помощи и обещая принять «крепкую руку» царя [6]. В июне 1653 г. польские послы сообщали королю, что новый патриарх уговаривает царя разорвать вечный мир [7]. В официальных русских документах везде подчеркивалось, что Алексей Михайлович решил принять Украину «под высокую руку», «советовав с отцем своим и богомолцем святеишим Никоном патриархом» [8]. Патриарх лично присутствовал на Земском соборе, принявшем в октябре 1653 г. историческое решение о присоединении Украины к Московскому государству [9].

---

[1] *Лобачев С. В.* Патриарх Никон. СПб., 2003. С. 83–85.

[2] *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. I. Казань, 1914. С. 120–121.

[3] Именно Епифаний Славинецкий основал в 1653 г. в Москве первую греко-латинскую школу.

[4] ВУсР. Т. III. С. 267.

[5] Там же. С. 286–287.

[6] Там же. С. 364, 367.

[7] Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х – 80-х гг. XVII в.: Документы, исследования / изд. Л. В. Заборовский. Ч. 1: Источники времени гетманства Б. М. Хмельницкого. М., 1998. С. 126.

[8] Там же. С. 170.

[9] ВУсР. Т. III. С. 406.

Однако далеко не все влиятельные лица из окружения Алексея Михайловича поддерживали идею принятия казаков, а еще меньше – начало войны с Речью Посполитой. Яркое свидетельство тому приводит С. Лобачев. Это – донесение шведского резидента Иоганна де Родеса от августа 1653 г.: «Как мне по секрету сообщили, некоторые знатные господа очень противятся этому предприятию, и отсоветывают е. ц. в., и представляют ему, что легко зажечь пожар, но нельзя так же скоро его потушить; их патриарх считает за трусов и изменников русской вере; в конце концов е. ц. в., кажется, держит патриарху древко, а он сам навязывает на него знамя» [1]. Как писал Сергей Соловьев, людям из окружения царя «не нравилось предприятие, заставившее расстаться с покойною московскою жизнию, им страшен был поход к литовской границе, ибо давно уже эти походы не оканчивались счастливо» [2].

Таким образом, в окружении Алексея Михайловича существовали серьезные сомнения в целесообразности присоединения Украины. Они были вызваны не только опасениями войны с Речью Посполитой, но и отрицательным отношением к украинскому православию, к «черкасам». Однако все социальные противоречия были отброшены благодаря железной воле Никона и тому влиянию, которое он в первые годы имел на Алексея Михайловича.

Царь и патриарх начинали религиозную войну. Именно этот термин использовали современники [3]. В речи, произнесенной по приказу царя во время смотра войск на Девичьем поле, между прочим говорилось: «воинствующие за святую, соборную и апостольскую церковь и за православную веру противо своего достояния и от нашего царского величества милость получат и небесного царствия сподобятся, как и первые победоносцы, за православие пострадавшие» [4].

---

[1] *Лобачев С. В.* Патриарх Никон. С. 137. С. Лобачев использовал оригиналы донесений Родеса, хранящиеся в Государственном архиве Швеции.

[2] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 10. М., 1990. С. 602.

[3] *Лобачев С. В.* Патриарх Никон. С. 137. Иоганн де Родес: Хмельницкий «уже давно просил о защите е. ц. в., единственно чтобы получить свободу совести и исповедания русской религии, которую он иначе оставит, если е. ц. в. его не примет, и будет искать защиты турецкого императора; в этом, по мнению патриарха, имеется достаточно причин, чтобы начать религиозную войну».

[4] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 10. С. 597.

Религиозный ореол и спешка в принятии столь важного решения объясняют тот факт, что на первом этапе условия и механизмы фактического присоединения даже не обсуждались. Можно сказать, что решение присоединить Украину принималось на встречах патриарха с царем, а не в Посольском приказе. Поэтому административные рутинные вопросы были отброшены на второй/третий план на фоне задач освобождения православных ВКЛ. Их начали обсуждать/решать постфактум, что, разумеется, породило много проблем. Для сравнения, совершенно по-иному готовился договор о присоединении к Московскому государству Молдавии [1], которое, впрочем, так и не состоялось.

Границы

По нашему мнению, у царского окружения не было точного представления, ни что именно присоединяется, ни в каких границах.

В документах Земского собора сказано о «принятии под высокую руку» «Войска Запорожского з городами их и з землями» [2] – термине настолько расплывчатом, что даже современные историки ошибочно полагают, что речь шла о Запорожье или исключительно о казаках. При этом титул царя практически сразу после Переяславской рады изменился на «Всея Великия и Малыя Росии» [3]. Тут следует напомнить, что еще С. Соловьев отмечал: по официальному заявлению русских послов, сделанному на переговорах с поляками в 1634 г., в старый царский титул «всея Руси» не включалась «Малая Русь» [4]. Поэтому теперь замена была необходима.

Немного проще дело обстояло не с термином, а с конкретной границей. Речь шла в январе 1654 г. о Зборовском договоре с Речью Посполитой (т. е. о той границе, которая была установлена между РП и Украинским гетманством в

---

[1] *Ченцова В. Г.* Подлинник «письма молдавских послов» 1656 г. и его создатели // Человек в пространстве и времени культуры. Барнаул; Рубцовск, 2008. С. 398–412.

[2] ВУсР. Т. III. № 197. С. 413.

[3] Например, царская грамота от 7 февраля 1654 г. с. с. – ВУсР. Т. III. № 234. С. 545.

[4] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 5. С. 167, 176. Об этом также: *Плохій С.* Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. С. 362.

1649 г.). Что касается украинской стороны, то у нее в отношении границ имелись программа-минимум и программа-максимум. Программа-минимум заключалась в Зборовских границах, детально прописанных в одноименном договоре с Речью Посполитой 1649 г. Впоследствии (в 1684 г.) казацкая старшина вспоминала: «Когда сия Малая Росия с Войском Запорожским, с посполитым народом принята учинилась в милостивую милостивого пресветлого монарха оного оборону», тогда она включала воеводства «Киевское, Брясловское и Черниговское», «в тех трех воеводствах и Украйна вся, и Войско Запорожское заключаетца» [1]. Программа-максимум предусматривала Волынь, Подолию, ряд областей Белоруссии, Посожье и т. д. – вплоть «до Холма и Галича», по выражению Б. Хмельницкого [2]. Нежинский протопоп М. Филимонович в 1654 г. писал о Малой России, включая «Львовскую землю, Подолскую, Покутцкую, Подгородскую, Полескую, Белорускую» [3].

Понять представления царского окружения частично помогают изменения, внесенные в царский титул. Считается, что титул «Малой Руси» придумали с украинской подачи [4]. Именно так впервые именовал царя Б. Хмельницкий в письме от 8 января 1654 г. с. с. [5]. В Москве это предложение приняли и уже с февраля стали официально использовать. Это не удивительно, ведь, как мы уже говорили, в Москве находились ученые киевские старцы, на советы которых опирался Никон. Но, как отмечает Сергей Плохий, «Москва, принимая основные параметры и язык этого инициированного украинцами дискурса» [6], добавила к нему свои собственные понятия.

Видимо, это было вызвано как раз наличием разных групп в окружении царя. И некоторые из них не хотели принимать украинскую трактовку термина «Малой Росии» как

---

[1] РГАДА. Ф. 229: Малороссийский приказ. Оп. 1. № 90. Л. 19, 21.

[2] Про границы: *Гуржій О.* Українська козацька держава в другій половині XVII–XVIII ст.: кордони, населення, право. К., 1996; *Крип'якевич І.* Студії над державою Богдана Хмельницького // ЗНТШ. Т. 151. Львів, 1931; *Таирова-Яковлева Т. Г.* Представления о границах Украинского гетманства у казацкой старшины середины XVII века // Canadian-American Slavic Studies. 2015. Vol. 49. № 2–3. С. 294–304.

[3] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 7. С. 176.

[4] *Плохій С.* Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. С. 412.

[5] ВУсР. Т. III. № 225. С. 516.

[6] *Плохій С.* Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. С. 412.

церковного понятия, включающего Киевскую митрополию. И в титуле появляется неожиданное дополнение: князь черниговский и киевский.

С. Плохий, который наиболее полно рассмотрел данный вопрос, пишет, что для московской стороны Украина/Малая Русь состояла «из двух давних княжеств со столицами в Киеве и Чернигове» [1]. Это полностью совпадает со свидетельством шведского резидента Иоганна де Родеса, который спросил в Москве, что означает новый титул «Малой Росии». Ему ответили, что «подразумеваются киевские и черниговские области» [2]. В июле 1654 г. в грамоте городу Киеву говорилось: «учинились под нашею государскою высокою рукою великие княжества Киевское и Черниговское, и гетман Богдан Хмельницкой, и все Войско Запорожское, и вся Малая Русь» [3].

Такая редакция титула, отмечает С. Плохий, подчеркивала «историческую (династическую и церковно-религиозную) связь московских царей со святым Владимиром, на которую напирали русские интеллектуалы задолго до Переяславля, теперь она превратилась в юридическое обоснование претензий на царскую вотчину». С другой стороны, идея этнического единства «двух Русей», которая занимала важное место в малороссийской идеологии киевского духовенства 20-х гг. XVII в., так и не была принята в Московском государстве [4]. При этом отсылки ко временам Киевского и Черниговского княжеств не становились попыткой получить или выделить их в отдельное правление – исключив из других земель Украинского гетманства. Например, когда в начале 60-х гг. ученый хорват Юрий Крижанич предложил Алексею Михайловичу взять Киев и Чернигов под свое прямое управление [5], это не встретило поддержки царя, а сам Крижанич был сослан в Тобольск [6].

Таким образом, доминировавшая благодаря Никону религиозная идея соседствовала с идеей династической, которую представляли другие силы в окружении царя. Интересно,

---

[1] *Плохій С.* Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. С. 346.

[2] *Лобачев С. В.* Патриарх Никон. С. 141.

[3] Акты ЮЗР. Т. X. № 13. С. 651.

[4] *Плохій С.* Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. С. 413.

[5] Киев и Чернигов «имают быти просто под Царским Приказом и Воеводами: бо то сут Царски и Кнсзовски титулы».

[6] *Крижанич Ю.* Малорусские казаки между Россией и Польшей в 1659 году по взгляду на них серба Юрия Крижанича // ЧОИДР. 1876. Кн. III. Ч. V. С. 117–120.

что ни официальные бумаги этого периода, ни новый царский титул не вспоминали о Северщине, входившей в состав Московского государства с 1503 г., после войны с Великим княжеством Литовским. Почеп, Трубчевск, Стародуб, Чернигов, Новгород-Северский (всего 20 городов) вернулись в состав ВКЛ (точнее, теперь уже в состав Речи Посполитой) только по Поляновскому договору 1634 г. Правда, этот период в истории Северщины не был особо радужным. Вошла она в состав Московского государства в результате тяжелых военных действий. В 1515, 1534 и 1535 гг. литовские (а значит, и украино-белорусские) войска предпринимали военные походы, чтобы вернуть эти территории. Косвенным свидетельством недовольства населения Северщины служит тот факт, что именно выходец из Черниговщины Иван Болотников стал руководителем крестьянско-казацкого восстания 1606–1607 гг., в котором приняли активное участие жители Северщины («севрюки») и запорожцы. Московское правление даже не внесло существенные изменения в земельные порядки, сложившиеся в ВКЛ. В XVII в., уже после вхождения Северщины в Речь Посполитую, там сохранялась традиционная для ВКЛ сябринская (совместная) форма землевладения.

По каким-то причинам в 1654 г. этот столетний эпизод в истории Северщины в Москве вспоминать не хотели. Только в 1659 г., когда Украину во второй раз присоединяли к Московскому государству, а среди окружения царя в силе были «ястребы», Алексей Никитич Трубецкой заявил гетману Б. Хмельницкому: «быть в Новгородке Северском, в Чернигове, в Стародубе, в Почепе своим ц. в. воеводам и уезды ведать по-прежнему к тем городам; а те городы настари належат к Московскому государству, а не к Малой Росии». Несмотря на то, что казаки сделали в 1659 г. много принципиальных уступок Москве, против этого они категорически возражали. Гетман заявил, что этим «будет домовное и всякое разоренье, и права де и вольности их тем будут нарушены... и в Войске де Запорожском междоусобию успокоения не чаять». Интересно, что в 1659 г. русские воеводы готовы были за Войском Запорожским, т. е. за Украинским гетманством, признать только те земли, на которых казачество было еще «за польскими короли». Получается, результаты восстания

Б. Хмельницкого они в расчет принимать не желали [1]. Это была ультраправая позиция, которая не смогла победить ни в Украине, ни в окружении царя [2].

Отношение к подданству

В данном случае нас интересует не то, как юридически оформлялось «присоединение», или, пользуясь терминологией того времени, «принятие под высокую руку» царя, а то, как это воспринимали стороны.

Присоединение новых территорий – Украины – не было для России событием исключительным. Поэтому стоит посмотреть, как юридически осуществлялось присоединение других народов и территорий. Вопрос о серьезных различиях в отношении к «подданству» двух сторон (царя и присоединяющихся народов) подробно рассмотрел в ряде работ, в частности в своей последней монографии, Вадим Трепавлов.

Он пишет, что одни владения входили в состав Московского государства реально, другие – номинально. При этом ученый отмечает, что степень реальности/номинальности зачастую понималась по-разному в столичных инстанциях и на «национальных окраинах». Историк выделяет объективные параметры принадлежности региона государству:

1) «включенность территории (народа) в высшую государственную символику – большой царский титул или большой государственный герб;

2) налогообложение в пользу единого государства;

3) распространение на данный регион действия общероссийского законодательства и подведомственность внутригосударственным инстанциям;

4) принадлежность региона к одному из административных подразделений государства».

В. Трепавлов считает, что «вести речь о вхождении территории в состав государства можно лишь с тех пор, как она

---

[1] «Новгородок Северской приписан к Нежинскому полку ныне, как Войско Запорожское отлучилось от польских королей, а как были за польскими короли, и в то время Новгородок Северской ничем к Войску Запорожскому прилучен не был, а был за сенатори; а которые буде козаки тут и живут, и то новописные, а не изстари тут живали».

[2] Акты ЮЗР. Т. 4. С. 261.

характеризуется хотя бы тремя из перечисленных четырех критериев» [1].

Исходя из этих положений, посмотрим на ситуацию с Украиной.

1. Как мы уже говорили, Малая Россия вошла в титул царя сразу с 1654 г. Тогда же была изготовлена и новая большая государственная печать.

2. Налогообложение в пользу царя предусматривалось статьями 1654 г., о чем мы будем подробно говорить в следующей главе. Однако на самом деле это не исполнялось, и даже в XVIII в. генеральная старшина в своем ответе на пункты Малороссийской коллегии (1722) заявила, что «за гетманства Богдана Хмельницкого жадных зборов в казну государеву не збирано» [2].

3. Что касается судебной системы и законодательства, то в Жалованной грамоте Алексея Михайловича 1654 г. говорилось: «и судитись им велели от своих старших по своим прежним правам» [3]. Попыток распространить общероссийское законодательство на Украинское гетманство не предпринималось вплоть до 1781 г. (если не учитывать планы ввести общеимперские законы в конце правления Петра I).

4. С вопросом об административном подчинении Украинского гетманства все значительно сложнее. Такое положение вещей отражало отсутствие единой концепции у московских властей касательно управления Украиной. Никакого отношения к Разряду, управлявшему внутренними делами Российского государства, Украинское гетманство не имело. Только в 1722 г. Петр I предпринял попытку создать Малороссийскую коллегию. Однако все эти попытки вплоть до окончательной ликвидации гетманского правления носили временный характер, вызывали множественные протесты, и лишь в 1781 г. на территорию бывшего Украинского гетманства была распространена система администрации Российской империи.

Таким образом, можно заключить, что только один пункт из названных В. Трепавловым имел место в отношении

---

[1] *Трепавлов В. В.* «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 134.

[2] *Барвинский В. Д.* Заметки по истории финансового управления в Гетманщине. Х., 1914. С. 8.

[3] ВУсР. Т. III. № 248. С. 568.

Украины. Следовательно, реально территория Левобережной Украины вошла в состав Российского государства лишь в конце XVIII в., после ликвидации гетманского правления и административно-судебных структур Украинского гетманства. До этого Украина подчинялась центральной власти только номинально, имела широчайшую автономию, собственные административную и судебную системы, собственное законодательство и даже таможню и таможенные сборы. Правобережная Украина окончательно влилась в состав Российского государства еще позже – примерно в 30-е гг. XIX в., когда на территориях бывшей Речи Посполитой было упразднено использование Литовского статута и распространена губернская администрация.

Как мы увидим ниже, еще при жизни Б. Хмельницкого российские власти предпринимали попытки ускорить процесс реального вхождения украинских земель в структуру Московского государства, но каждый раз, наталкиваясь на яростное сопротивление местной элиты и широких масс казачества и мещанства, отказывались от этих попыток.

Как же смотрела украинская казацкая элита на свое подданство? С точки зрения Московского государства подданный – это подчиненный власти царя. В семантике самого слова «подданный», о чем пишет В. Трепавлов [1], заключен конкретный смысл – плательщик дани, а, как мы видели, «дани», т. е. налогов, Украина как раз и не платила. Если при оформлении подданства народов, присоединяемых к России, когда шла речь об иноверцах, использовалась шерть, то в случае присоединения христианских народов она заменялась крестным целованием. В. Трепавлов пишет: «Официально шертные соглашения оставались двусторонними договорами, но на самом деле являлись декларацией обязанностей младшего участника договора по отношению к старшему» [2]. И далее, что еще более важно: «Если воеводы видели в них (шертях) знак безусловного и исключительного подчинения Москве, то “иноверцы” – неприятный, но необходимый акт, сопутствующий договору с русскими о военном союзе, взаимном ненападении и покровительстве» [3].

---

[1] *Трепавлов В. В.* «Белый царь». С. 135.
[2] Там же. С. 137.
[3] Там же. С. 139–140.

Можно возразить, что православные украинцы смотрели на подданство по-другому, чем нехристианские народы. Но ведь именно стремление получить возможность управления своей страной было двигающей силой лидеров казацких восстаний. Поэтому сохранение автономии – как можно более полной – являлось для них ключевым вопросом.

Трактовка «статей» с московским царем именно как договоров со стороны казацкой элиты была совершенно естественна. И Б. Хмельницкий, и его преемники опирались на традицию договоров с Речью Посполитой.

Некоторые современные российские историки не считают «договорные статьи» собственно договором [1]. Честно говоря, совершенно неясно, почему если шертные грамоты, по мнению историков, являлись двусторонним договором, то таковыми не были «договорные статьи»? Следует отметить, что в соглашениях с гетманами воеводы использовали именно термин «договор» [2]. То, что гетман и старшина в конечном счете (после долгих пререканий) согласились на одностороннюю присягу, не говорит о том, что их взгляды на «статьи» изменились. Просто военная обстановка требовала срочного союза с царем.

Неверно полагать, что в Украинском гетманстве политическая элита смотрела на «статьи» не как на договор, ни к чему не обязывающий царя. Хотя по форме это действительно были ответы на просьбы, но на деле статьи носили характер двустороннего договора, достигнутого в результате дискуссии. Миргородский полковник Григорий Лесницкий в 1658 г. прямо говорил: «и против прежнего договору царское величество к нам не устоял» [3]. В некоторых случаях старшина пыталась изменить положения договоров задним числом (в декабре 1659 г.). Во время Батуринской рады 1663 г. статьи, наоборот, составлялись в процессе бурных дебатов [4]. Не меньше споров с воеводами было и в 1669 г. на Глуховской раде.

Ярким доказательством того, что старшина считала «статьи» договором, служит «Прошение малороссийского шляхет-

---

[1] *Кочегаров К.* (в соавторстве). Обсуждение монографии Т. Г. Таировой-Яковлевой «Иван Мазепа и Российская империя. История "предательства"» // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2011. № 2. С. 117.

[2] РГАДА. Ф. 210. Оп. 17: Безгласный стол. № 86. Л. 57–58; Акты ЮЗР. Т. IV. № 58. С. 99 и др.

[3] Акты ЮЗР. Т. IV. № 29. С. 38–39.

[4] *Таирова-Яковлева Т. Г.* Батуринские статьи 1663 года // Батуринська старовина: зб. наук. праць, присвяч. 300-літтю Батуринської трагедії. К., 2008. С. 73–81.

ства и старшин вместе с гетманом о восстановлении разных старинных прав Малороссии», составленное старшинской радой в Глухове осенью 1763 г. Добиваясь расширения автономии, старшина ссылалась на «Статьи Богдана Хмельницкого» и заявляла про события присоединения Украины к России в 1654 г.: «Сие добровольное подданство учинил он на договорах... Оные договоры от времени до времени при постановлении каждого гетмана поновляемы и подтверждаемы были» [1].

Подводя итог, необходимо отметить, что в своем отношении к подданству украинская политическая элита опиралась на давнюю традицию борьбы за «вольности» и пыталась добиться от царя конкретных, устраивавших ее «статей», по аналогии со «статьями», утверждавшимися польскими королями (например, «Статьи или пункты для успокоения руського народа» 1632 г.), которые считались договором, внесенным в конституцию сейма. Именно как договор или соглашение расценивает Мартовские статьи 1654 г. Б. Флоря, который по этому поводу пишет: «следует признать, что бóльшее значение имеет не форма, а содержание документов» [2].

Точно так же неверно считать, что статьи с точки зрения старшины не оставляли возможности для «легального выхода». Политическая элита Украинского гетманства всерьез считала, что невыполнение договора со стороны суверена (короля, царя) освобождало ее от присяги. Такая трактовка шла от Генриховых артикулов – основного документа Речи Посполитой, на котором присягали все короли: «В случае же, если мы (от чего Боже сохрани!) не выполним этих статей или условий или учиним что-либо вопреки им, законам и вольностям, то всех жителей королевства и великого княжества объявляем свободными от должного нам повиновения и верности» [3].

В знаменитом универсале И. Выговского к европейским государствам (1658) были такие примечательные слова: «Ни из-за каких-либо других мотивов мы приняли протекцию

---

[1] Прошение малороссийского шляхетства и старшин вместе с гетманом о восстановлении разных старинных прав Малороссии, поданное Екатерине II в 1764 году // Киевская старина. 1883. № 6.

[2] *Флоря Б. Н.* Переяславская рада 1654 г. и ее место в истории Украины // Белоруссия и Россия. История и культура. Ежегодник 2004. М., 2005. С. 10.

[3] Следует сказать, что в ВКЛ к присяге относились двойственно. Например, К. Поклонский, изменив царю, писал: «Меня изменником не зовите, что есми до своего первого и прямого пана возвратился, как есть шляхтич и любитель вольностей». Акты ЮЗР. Т. XIV. № 17. С. 546.

великого князя московского, но только для того, чтобы сохранить и приумножить для себя и нашего потомства свободу нашу, добытую с Божьей помощью оружием и много раз ценой крови возвращенную». Но раз Москва «их обманула», хотела Украину «придавить и покорить», то они освободились от присяги и заключили Гадячский договор с Речью Посполитой [1].

В этом заключалась принципиальная разница в традициях. В Речи Посполитой король был равен своим подданным, так как ими избирался, а по отношению к самодержцу российскому все были холопами. Такое отличие в традициях ярко проявилось в цитируемом многими историками эпизоде, когда в соборной церкви Переяславля в январе 1654 г. перед принесением присяги Б. Хмельницкий и старшина потребовали от Василия Васильевича Бутурлина, чтобы тот тоже присягнул от имени царя. Бутурлин наотрез отказался, заявив, что такого «николи не бывало и впредь не будет», а «всякой подданной повинен веру дати своему государю». И полковники, и казаки настаивали, что «полские короли подданным своим чинят присягу», но в конечном счете были вынуждены уступить [2].

Однако, как ни парадоксально, царь сам создал прецедент, подведя юридическую базу под «освобождение от присяги» польскому королю Б. Хмельницким, казаками и всем населением Украины.

В решении Земского собора 1653 г. с целью оправдать Б. Хмельницкого и всех жителей Украины польского короля Яна Казимира обвинили в нарушении присяги (они приносили ее еще в 1648 г.). Там говорилось, что Ян Казимир, вступая на престол, присягал защищать христианскую веру. «А будет он тое своей присяги не здержит, и он подданных своих от всякия верности и послушанья чинит свободными» [3]. Т. е. факт нарушения договоренности со стороны суверена Москва признавала основанием для освобождения подданных от крестного целования. Это обоснование готовил знакомый нам киевский старец Феодосий Василевич. Вдогонку к уже отправленному к Б. Хмельницкому с объявлением о «принятии Украины» В. В. Бутурлину его усилиями была

---

[1] Архив ЮЗР. Ч. III. Т. VI. К., 1875. № CXXVII. С. 363.
[2] Акты ЮЗР. Т. X. № 4. С. 225–227.
[3] ВУсР. Т. III. № 197. С. 414.

послана копия королевской присяги «латынским писмом» и перевод «рускою речью» [1].

После этого прецедента украинская элита считала себя свободной от присяги в любом случае «нарушения статей» [2]. Исполнение или нарушение договорных статей царем рассматривалось ею как безусловный повод для освобождения от присяги – так же, как и в случае с польским королем. Например, таким нарушением гетманы считали возможную уступку полякам украинских территорий. Когда в 1656 г. прошел ложный слух, что русские отдали Речи Посполитой Украину по условиям Виленского договора, Б. Хмельницкий заявил казакам: «треба отступить от руки царского величества, а пойдемо там, где вышний Владыко повелит быть, – не токмо под христианином государем, хотя под бусурманом» [3]. В 1677 г. на фоне слухов об отдаче Киева полякам гетман Демьян Многогрешный заявил, что в этом случае «они, гетман с Войском Запорожским, сыщут себе иного государя» [4].

Таким образом, можно сказать, что казацкая старшина, принимая подданство русскому царю, рассматривала его с точки зрения менталитета Речи Посполитой и Великого княжества Литовского. Следует учитывать, что гетман Б. Хмельницкий к 1654 г. уже сам осознавал себя сувереном. Об этом свидетельствует принятие им с 1650 г. формы универсалов, повторявших юридическое клише королевских привилеев, а также практика утверждения высших духовных православных иерархов [5].

Взаимонепонимание

В заключение сделаем несколько общих замечаний об уровне взаимонепонимания в прямом и переносном смысле этого слова. Речь пойдет о языке или неточностях перевода; о различиях в восприятии

---

[1] Акты ЮЗР. Т. X. № 4. С. 152–153.

[2] Совершенно согласна с В. Брехуненко, который пишет: «У європейській історії підлеглі правителі часто міняли свого патрона – тому й Б. Хмельницький після Переяслава 1654 р. не вважав свої руки зв'язаними». *Брехуненко В.* Східна брама Європи. С. 145.

[3] Акты ЮЗР. Т. III. № 369. С. 556.

[4] РГАДА. Ф. 229: Малороссийский приказ. Оп. 1. № 91. Л. 98–108а.

[5] Например, в июне 1655 г. Б. Хмельницкий утверждает своим универсалом Теодосия Софоновича, архимандрита Михайловского Златоверхого монастыря. Документы Богдана Хмельницкого. 1648–1657 гг. / сост. И. Крипякевич. К., 1961. С. 431–432.

терминов; о разнице обычаев и традиций; о непонимании реалий. Мы не собираемся детально анализировать эти факторы, однако считаем необходимым обратить на них внимание.

1. Начнем с различия в языке и опасности неверных переводов.

Вопрос, о котором не особо задумывались историки и на который не дают прямого ответа источники: на каком языке велись переговоры? На русском, старославянском, польском? Нет ни одного свидетельства, что на переговорах использовали переводчиков. При этом в состав русских делегаций входили толмачи – к сожалению, без уточнения, с какого языка.

Что касается старшин, то никто из них русский язык не изучал, равно как не знал украинского и боярин В. В. Бутурлин. Вполне допустимо, что на бытовом уровне стороны хорошо понимали друг друга. Этому способствовало знание церковнославянского и некоторыми русскими боярами – польского. Но когда дело доходило до юридических терминов или экономических понятий, могли возникать серьезные разночтения. Основания так полагать дает факт, что все послания из Украины переводились [1]. Гетман и старшина писали «простой мовой», т. е. на староукраинском, который к тому времени уже приобрел черты литературного языка (благодаря издававшимся на нем книгам). В России его называли «белоруским» или «литовским». Причем не известно, имелось ли в 1654 г. в Москве четкое понимание о различии между старославянским («руським») языком, который был официальным юридическим языком ВКЛ, и «простой мовой». Например, шляхтичу ВКЛ Константину Поклонскому Посольский приказ предлагал в 1654 г., чтобы он писал отписки «к нам белоруским или польским писмом, *будет у него руским писмом писать некому*» [2] (здесь и далее курсив наш. – *Т. Т.*). Следует отметить, что гетманы даже в начале XVIII в. писали в Москву по-украински, и, соответственно, их письма переводили. И наоборот, в Петровскую эпоху чиновники просили: «Потребно быть переводчику языка малороссийского...» [3]

---

[1] Например, сохранилась помета, что, получив грамоту полковника И. Золотаренко, «*государь сего перевода слушал* и указал и бояре приговорили отписать к Золотаренку...». Акты ЮЗР. Т. XIV. № 35. С. 787–788.

[2] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 8. С. 220.

[3] *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Т. 3. М., 1837. С. 296–297.

В результате мы имеем случаи неверных или неточных переводов, сделанных с «белорусского писма», т. е. с украинских текстов, в Посольском приказе (позднее – в Малороссийском). Обычно издатели документов печатали только один текст – оригинал либо перевод. Но наша работа с изданием описей Российского государственного архива древних актов (Москва) позволила выявить несколько писем, сохранившихся и в оригинале, на украинском языке, и в переводе на русский. Непонимание, неточный перевод, а иногда и просто грубое искажение содержания документов дают основание предположить, что в ряде случаев русские и украинцы просто говорили на разных языках, в прямом смысле этого слова. Ярким примером служит эпизод, когда неверный перевод украинского термина «панования» привел к серьезному русско-украинскому конфликту в 1656 г. (об этом речь пойдет ниже).

Непонимание русской стороной украинского языка отмечает ряд историков Московского государства XVII в. Например, Игорь Андреев пишет, что в Украине использовалась «проста мова», «тогда как в Московской Руси единственным литературным языком оставался церковнославянский. Для русских людей многие книги "литовской печати" становились литературой на другом языке» [1].

Мы не знаем, на каком языке объяснялись стороны в Переяславле и были ли у воевод переводчики – статейный список В. В. Бутурлина не позволяет ответить на этот вопрос. Но то, что стороны или не понимали, или не хотели понимать друг друга, – факт неоспоримый.

2. Вопрос о разных языках общения, порождавших взаимонепонимание, тесно связан с непониманием терминов. Или точнее – с их различным толкованием.

Да, термины, которыми оперировали стороны, были во многих случаях противоположными. Еще Омельян Прицак обращал внимание на то, что воеводы в польско-литовской традиции являлись высшими земскими представителями шляхты, решавшими все проблемы в сенате. И вот вопрос: казацкая старшина, соглашаясь в 1654 г. на присутствие русских воевод в Киеве и Чернигове, что имела под этим в виду? Весьма сомнительно, что у нее было ясное понимание

---

[1] *Андреев И.* Алексей Михайлович. С. 207.

полномочий русских воевод. Ну а русские воеводы даже примерно не представляли те реалии, которые несколько столетий бытовали в украинских городах в рамках Речи Посполитой и Великого княжества Литовского.

Другой пример: сохранился царский указ от марта 1655 г. (!) о назначении «на своей государевой службе в Запорогах» на место Шереметева В. В. Бутурлина [1]. Его посылали не в *Запорожье*, а в *Войско Запорожское*, т. е. в Украинское гетманство.

3. Различие в понимании терминов объяснялось сложившимися традициями. Определенной части украинского общества наличие таких различий было очевидно. Например, нежинский протопоп М. Филимонович, ходатайствуя за своего протеже, чтобы тот стал протопопом в Десятинной церкви Киева, пишет: «понеже он извычаи и московския, и чины тутошние знает гораздо, к тому ж с нашими умеет поступать и с рускими людьми» [2].

Различия в традициях наблюдались и на бытовом уровне, и на более высоком – риторическом. Например, шляхта ВКЛ просила царя, «чтоб для уничижения хохлов и платья обыкновенного полского, чтоб не возбраняли». Алексей Михайлович обещал: «Быть так» [3]. Но впоследствии чауский полковник Иван Нечай жаловался царю, что по приказу воеводы Василия Борисовича Шереметева казакам «чюприны» режут [4].

Разные традиции приводили к различному пониманию даже основных договорных статей. Как писал историк Виктор Барвинский, на Мартовские статьи 1654 г. «в противоположных целях ссылалось московское и местное правительство: первое – для подтверждения своих централистических стремлений, второе – для охраны своих привилегий» [5].

Так же дело обстояло с термином о принятии Украины «под высокую руку». О. Прицак высказывал смелое предположение, что казацкая старшина расценивала этот термин как церковную метафору греческого происхождения, где царь – духовный покровитель, протектор православного

---

[1] Акты Моск. гос. Т. II. № 644. С. 402.
[2] Акты ЮЗР. Т. IV. № 22. С. 30.
[3] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 8. С. 292.
[4] Акты ЮЗР. Т. IV. № 13. С. 16–18; Акты ЮЗР. Т. VII. № 62. С. 179–180.
[5] *Барвинский В. А.* Заметки по истории финансового управления в Гетманщине. С. 6.

мира. Учитывая прекрасное образование в области богословия, которое получили в стенах Киево-Могилянской академии те же Павел Тетеря и Иван Выговский или выпускник иезуитского коллегиума Б. Хмельницкий, такую трактовку нельзя исключать. Поэтому украинская сторона под «высокой рукой» подразумевала протекторат, а русская – подданство [1]. Ярко иллюстрирует эту догадку статейный список Артамона Матвеева, где записано следующее свидетельство: «И священники нам говорили: как де Богдан Хмельницкий великому государю е. ц. в. бил челом в вечное холопство...» [2] Священники явно использовали другой термин, а подьячий записал в статейный список про «вечное холопство»...

То же самое относится и к знаменитым речам, произнесенным В. В. Бутурлиным в Переяславле в январе 1654 г. Он зачитывал украинский барочный текст, составленный для него украинскими советниками Никона – чтобы понравиться украинской стороне и говорить на понятном ей языке барочной метафоры (орел, покрывающий свое гнездо и птенцов, апелляция к культу Покрова Богородицы и т. д.). Но, как пишет С. Плохий, декларативное единство сторон на основе религиозной традиции подрывалось «разным восприятием характера этого единства» [3].

4. То, насколько русские власти были далеки от понимания реалий Украинского гетманства образца 1654 г., не может не поражать. Ведь все-таки они собрались принять его в свое подданство...

По прошествии трех с половиной лет (!) со времен Переяславской рады думные дьяки расспрашивали в Посольском приказе посланников гетмана И. Выговского: «Наперед сего гетманы в Запорожье ли живали или в городех, и отколе гетманов выбирали, и гетман Богдан Хмельницкой отколе выбран?» [4] В 1658 г. воеводам в Украине приказывалось «проведать тайным обычаем», собираются ли там пошлины «и на кого збирают: на гетмана ль, или на полковника, или на

---

[1] *Пріцак О.* Формула «високої руки» як вияв української ментальності середини XVII ст. // Із досліджень про державу Богдана Хмельницького. 1648–1657 рр. Х., 2003. С. 118.

[2] РГАДА. Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. № 1471. Л. 79.

[3] *Плохій С.* Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. С. 412.

[4] Акты ЮЗР. Т. IV. № 40. С. 58.

какие войсковые росходы, или бурмистры и войты корыстуютца сами», сколько городов в полках «и как те городы имянуютца... и какими обычаи они ныне живут (включая судебную систему. – *Т. Т.*), по-прежнему ль, или у них полковники какие дела и извычаи ввели вновь» [1].

Странные вопросы для представителей суверена. Кстати, в 1654 г. этими вопросами (где избирали Б. Хмельницкого гетманом и кто) они почему-то не задавались. Спешили исполнить волю патриарха?

Подводя итог всем этим взаимным непониманиям, различным традициям, идеологиям и целям, иногда – просто противоположным представлениям об одном и том же предмете, следует добавить, что в 1654 г. обе стороны не слишком вдавались в конкретные условия присоединения, а когда вдавались – трактовали их по-разному. Все договоры, которые Войско Запорожское или Гетманщина заключали с Речью Посполитой (Зборовский, Белоцерковский), были очень краткосрочными, длясь не более чем полтора года. Так могло ли у украинской стороны быть представление, что переяславская присяга – это всерьез и навсегда? К тому же Б. Хмельницкий и его окружение срочно решали вопрос немедленного военного отпора наступавшим польско-татарским войскам. Все остальные вопросы являлись вторичными.

Напротив, Алексей Михайлович и Никон были озабочены освобождением/присоединением других православных территорий (прежде всего Смоленска и Белой Руси). Вторичность их политики по отношению к Украине подтверждается тем фактом, что царь, находясь в непосредственной близости, даже не посетил Киев (не то что Чигирин!). Да и реальные попытки управлять территорией Украинского гетманства, равно как и собирать налоги, Москва начнет предпринимать только несколькими годами позже, под давлением геополитических реалий.

Словом, в 1654 г., после присоединения Украины к Московскому государству, стороны очень мало знали друг о друге, во многих случаях просто не понимали, о чем идет речь (подчас в прямом смысле этого слова) и к тому же не слишком серьезно относились к данному объединению.

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XV. № 3. С. 158.

Глава 2

Украинское гетманство к 1654 г.: социально-экономическое положение

В данной главе мы даем характеристику социально-экономическому положению, в котором Украинское гетманство находилось в момент присоединения к России. Этот вопрос имеет ключевое значение для понимания проблем, возникших в русско-украинских отношениях в процессе фактического осуществления механизмов вхождения Гетманства в административную структуру Московского государства.

Как мы видели, у царского окружения было весьма смутное, а зачастую просто ложное представление об экономических и административных процессах и реалиях, имевших место в Украине в результате восстания Б. Хмельницкого. В Москве, в частности, ошибочно считали, что имущественные права бежавшей (или погибшей) польской шляхты оставались не перераспределенными. Царское окружение также совершенно не понимало глубину происшедших социальных изменений, фактически ликвидировавших крепостное право, частное владение городами и полностью изменивших социальную структуру общества. Такое непонимание видно и на примере царских пожало-

ваний 1654–1656 гг. старшинам, ведь они не имели возможности вступить во владения, и на конфликтах с показаченными в Белоруссии.

Разумеется, объединение двух сторон, опиравшихся на совершенно разные социально-экономические модели общества, не могло не проходить без конфликтов. Но для понимания того, насколько украинское общество образца 1654 г. отличалось от Московского государства, базировавшегося на крепостном праве и холопстве всех подданных, следует обратиться к фактам.

Итоги социального потрясения. Показачивание как последствие войны

Хотя мы не разделяем использование термина «революция» в отношении восстания под руководством Б. Хмельницкого (нам представляется, что это была Освободительная война этно-конфессионального и социально-религиозного характера, т. к. термин «национальный» все же неприменим к раннему Новому времени [1]), тем не менее, социальные изменения, происшедшие на территории Украины в результате победы восстания, носили, на наш взгляд, революционный характер.

Далеко не все исследователи отдают себе отчет в глубине и масштабе этих изменений. Прежде всего поражает количественный и процентный состав населения, вовлеченного в восстание, а также географические границы, им охваченные. Начавшись по традиции в районе Запорожья, восстание прокатилось по всей Украине, вплоть до Львова, захватив ряд областей Белоруссии и вовлекая в свои ряды все мужское активное население, в первую очередь крестьянское.

О каких цифрах идет речь? Историки спорят о реальном количестве людей, влившихся в армию восставших. Сам Б. Хмельницкий заявлял, что летом 1648 г. его армия насчитывала 360 тысяч человек [2]. Он и позже, в 1656 г., говорил, что может выставить 300 тысяч войска [3]. Более достоверной

---

[1] В этом смысле советский термин «Освободительная война украинского народа» был не так уж плох.

[2] *Крип'якевич І. П.* Богдан Хмельницький. С. 99.

[3] ЦГАДА. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1657. № 28. Л. 231–256.

выглядит цифра в 100 тысяч человек. О ней пишут русские воеводы в 1649 г. («гетман... Богдан Хмельницкий... черкасом... велел быть готовым... в городех сту тысечам» [1]). Похожую цифру (150 тыс.) называли поляки в июне 1649 г. [2], а годом ранее литовский магнат Альбрехт Станислав Радзивилл писал: «...не только казаки бунт подняли, но и все подданные наши на Руси к ним пристали и войска казакам увеличили на 70 000» [3]. Сам Хмельницкий называет 100 тысяч в 1649 г. («их может быть сто тысяч» [4]), в 1654 г. («больш ста тысеч» [5]) и в 1656 г. (предлагая Швеции военную помощь «в 100 и более тысяч человек» [6]). В польской декларации гетману запорожскому от мая 1649 г. говорилось, что этих новых казаков «в десять раз больше, чем войска запорожского» [7]. Вспомним, что по «Ординации Войска Запорожского» 1638 г. реестр составлял 6 тысяч человек. Наконец, тот факт, что ограничение реестра до 40 тысяч (Зборовский договор) и 60 тысяч (Мартовские статьи 1654 г.) вызывало сложности с «выписчиками» (т. е. теми, кто в реестр не попадал), тоже доказывает, что реальное число показаченных было значительно бóльшим.

При этом надо учитывать постоянную «ротацию» кадров, проходившую на фоне естественной убыли (убиты, ранены, вернулись домой). Таким образом, у нас получается действительно огромная цифра людей, физически вовлеченных в восстание.

Такие солидные цифры подтверждаются эмоциональными свидетельствами современников. Летом 1648 г. Петроний Ласк, ездивший к Б. Хмельницкому на переговоры, писал: «Восстала целиком Заднепровская Украина, Киевская и Брацлавская; там не пашут, не сеют, только ходят вооруженные...» [8] Православный магнат Адам Кисель, который был в гуще событий и к тому же имел обширные владения в Украи-

---

[1] Акты ЮЗР. Т. III. № 295. С. 378.
[2] Ojczyste spominki w pismach do dziejów dawnej Polski. Diaryusze, Relacye, Pamiętniki i t. p. / zeb. A. Grabowski. T. II. Kraków, 1845. S. 43.
[3] Pamiętnik A. S. Radziwilla. Poznań, 1839. Vol. II. S. 292.
[4] ВУсР. Т. II. № 47. С. 118.
[5] Док. БХ. № 271. С. 373.
[6] Архив ЮЗР. Ч. III. Т. VI. № LX. С. 136.
[7] Ojczyste spominki. T. II. № 16. S. 31.
[8] ВУсР. Т. II. № 18. С. 47.

не, был схожего мнения (май 1649 г.): «...от Днепра аж до Стыри... все показачилось...» [1]

В вопросе об участии в восстании важнейшее место занимает процесс так называемого показачивания, т. е. того самого источника, откуда Б. Хмельницкий мог постоянно черпать свою армию. Процесс показачивания рассматривали многие историки. На наш взгляд, одним из первых весомый вклад внес ленинградский исследователь Владимир Легкий, который назвал массовое показачивание «специфической организационной формой крестьянских выступлений» [2]. Для большинства историков ясно, что показачивание для крестьян означало освобождение от крепостной зависимости и получение социальных прав казачества (в Речи Посполитой эти права включали освобождение от налогов и подсудность только гетману). Именно так говорил и сам Б. Хмельницкий: «холопства не витерпів, ушли в козаки» [3].

В своей ранней монографии мы подробно изучали процесс показачивания, и наши выводы получили поддержку многих ведущих историков. Тем не менее, мы считаем необходимым уточнить некоторые наблюдения.

Источники сохранили многочисленные свидетельства массового показачивания населения в первые годы восстания. Например, автор летописи Самовидца писал, что в полки вступали «не только тіе, которіе козаками бівали, але хто и нігди козацтва не знал» [4]. Ему вторил в феврале 1649 г. посланец Б. Хмельницкого к царю Силуян Мужиловский: «...а посполство дочувшися, же короля в землі немаш, в козацтво все обернулосе, так на сюй стороне, як і на туй Днепра» [5]. Дмитрий Багалий приводил интересный пример. Он писал: «стремление к окозачиванию было так сильно», что только на маленькой территории Остерского уезда возник целый полк [6].

---

[1] Ojczyste spominki. T. II. № 13. S. 24.

[2] *Легкий В. И.* Крестьянство Украины в начальный период Освободительной войны 1648–1654 гг. Л., 1959. С. 141.

[3] ВУсР. Т. II. № 47. С. 118.

[4] Літопис Самовидця. С. 51.

[5] ВУсР. Т. II. № 50. С. 129.

[6] *Багалий Д.* Займанщина в Левобережной Украине XVII и XVIII ст. // КС. 1883. № 12. С. 570.

Для нас наиболее важен тот факт, что современники подчеркивали присоединение к казакам именно крестьянства. Уже в мае 1648 г. подчаший коронный Николай Остророг в письме к коронному канцлеру Ежи Оссолинскому с ужасом восклицал: «...и с нашим воеводством Руським Бог знает что станет, так как тут что ни холоп – тот казак» [1]. В июне 1648 г. путивльский воевода Никифор Плещеев в отписке сообщал: «копятся и идут многие мужики из тех литовских городов к тем же самовольным козакам в сход...» [2] Шляхтянка из Подолии тогда же писала: «маетности наши не казаки, но наши местные крестьяне опустошают, которых собрались уже огромные отряды ("kupy")» [3]. Имеются свидетельства показачивания крестьян Левобережья (июнь 1648 г.): «...а которые де их были крестьяне Потоцкого и Вишневецкого и Киселевы, и те де с ними стали в козаки ж...» [4] В июле литовский подстолий писал: «бесчисленное множество крестьян разгромило почти все Брацлавское воеводство» [5]. Ему вторил шляхтич Владислав Ежи Халецкий: «в наших краях что крестьянин, то казак, каждого нужно бояться» [6]. Таких свидетельств можно приводить десятки.

Значительно реже встречаются свидетельства о показачивании мещан. Но в отписке севских воевод от июня 1648 г. сообщалось: «...и безпрестанно де, государь, своевольные люди – мещане и мещанские дети, из буд будники и всякие люди к козаком приставают и копятца вместе...» [7] Также сохранилось несколько судебных дел о совместном участии мещан и крестьян в нападении на шляхетские имения в 1648 году [8].

Основное показачивание происходило, разумеется, в течение 1648 г., когда восстание охватило территорию всей Украины. Именно об этом периоде говорится в многочисленных жалобах польской шляхты, зафиксированных в судебных процессах.

---

[1] *Szajnocha K.* Dzieła. Lwów, 1877. T. IX. № 20. S. 27.
[2] ВУсР. Т. II. № 9. С. 24; Акты Моск. гос. Т. II. № 346. С. 222.
[3] Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648–1658 рр. Т. 1. № 39. С. 56.
[4] ВУсР. Т. II. № 16. С. 41.
[5] Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648–1658 рр. Т. 1. № 53. С. 77.
[6] Там само. Т. 1. № 54. С. 78.
[7] ВУсР. Т. II. № 18. С. 48.
[8] Жерела до історії України-Руси. Т. IV. № LIV, CI.

Жалобы на показачивание

Кто жалуется	На кого	Что сделали
Войцех Кгосчицкий	На подданных пана Константина Браницкого из села Клепачи	«Козаками почынившысе», ущерб ему нанесли [1]
Генрих Кашовский	На показачившихся подданных села Холинева	Грабили, пристав к «своеволию казацкому» [2]
Альбрехт Станислав Радзивилл	На крестьян села Речицы	«Показачившись в августе 1648 года, сожгли хутор и заграбили имущество жалобщика» [3]
Войцех Жегота	На крестьян села Уезднец	В 1648 году, «умыслие змовившысе, козаками и здрайцами починившы... заграбили все имущество жалобщика» [4]
Анна Козинская	На «показачившихся лавринских крестьян»	«Грабеж... имущества в 1648 г.» [5]
Кгрыбовский	На «всех подданных»	«Починивьшисе козаками... также шкоды починили...» [6]
Александр Жабокрицкий и его жена Теренция Жабокрицкая	На «месчан и подданных»	«Под час ребеллии козацкое сами з собою показачившысе и сетни свои маючи... убытки им причинили» [7]
Юрий Немирич	На 264 крестьян	Показачились во время восстания, уйдя из принадлежавшего ему местечка Лугина и сел Лугинок, Лучинки, Трухова, Терехова, Тесновки, Давлина [8]
Войцех Сваричовский	На крестьян Калушского повета	Грабили шляхетские маетности и замки [9]

[1] Архив ЮЗР. Ч. III. Т. IV. № 218. С. 554.
[2] Там же. № LXIX. С. 151–153.
[3] Архив ЮЗР. Ч. III. Т. IV. С. 435.
[4] Там же. С. 435.
[5] Там же. С. 432.
[6] Архив ЮЗР. Ч. III. Т. IV. № 109. С. 242.
[7] Там же. № 79. С. 178.
[8] Архив ЮЗР. Ч. VI. Т. I. № CLXX. С. 576–579; Архив ЮЗР. Ч. VII. Т. I. № LXIV. С. 466–470.
[9] Жерела до історії України-Руси. Т. IV. № LIV. С. 176–181.

Вопрос насильного показачивания, насколько нам известно, историки не рассматривали. Имелось ли в Украинском гетманстве явление, сходное с тем, как в Европе вербовали в наемники или в моряки, зачастую прибегая к алкоголю, обману либо силе? Свидетельства о силовых методах показачивания в Ромнах приводит рыльский воевода Андрей Солнцев в июле 1649 г., куда якобы пришел универсал Б. Хмельницкого, «чтоб де всякие литовские люди, казаки, пашенные и непашенные крестьяне бежали наспех в казацкие полки... А хто де не пойдет в полки наспех к гетману Богдану, и тем де быть в смертной казни, а в домех бы де оставались, которые гораздо остарели и которые малы, в службу не годятца...» [1] Довольно часто подобные обвинения будут звучать со стороны русских воевод в Белоруссии (о чем мы скажем ниже). И тут возникает вопрос: возможно, это всего лишь «классовый подход», вызванный отрицательным отношением русских воевод к казачеству, освобождавшему таким путем крестьян от их панов? Хотя, разумеется, могли иметь место и отдельные случаи принуждения. Однако они явно не носили массового характера.

Несмотря на перемирие конца 1648 г., показаченные крестьяне не возвращались в свои села. В январе 1649 г. А. Кисель сокрушался, что «весь плебс аж до сего времени в армии остается в титуле Казаков, не Панам своим, которые не знают, как домой ехать, но самому Хмельницкому подчиняясь» [2].

Продолжившиеся весной 1649 г. военные действия отложили решение вопроса с показаченными. Часть из них превратилась в профессиональных военных, другие составили многочисленную деклассированную массу, искавшую возможности грабежа и наживы и активно прикрывавшуюся «казацким именем». Именно эти самые «показаченные» устроили панику под Берестечком. Политика Хмельницкого играла им на руку. В январе 1649 г. полковники Иван Донец и Михаил Тиша на вопрос, являются они реестровыми казаками или нет, отвечали: «мы и сами еще не знаем, так как нас е. м. пан гетман не реестровал, только знаем то, что е. м. пан

---

[1] ВУсР. Т. II. № 93. С. 214–215.

[2] Archiw PAN w Krakowie. Zb. Rusieckich. № 41, Misc. przewaznie w sprawach Chmielnicczyzny. L. 83

гетман каждого из нас равным себе считает и не отделяет от старых реестровых...» [1]

Вернулась ли в последующие годы какая-то часть крестьян к своему обычному труду, теперь уже свободному от панов? Безусловно. Но, как мы увидим ниже, это было меньшинство. Сначала этому препятствовала военная обстановка. Брацлавщина останется зоной боевых действий вплоть до 1656 г. Т. е. местным крестьянам уже невольно приходилось показачиваться. А затем край был настолько опустошен, что немногие решались восстанавливать хозяйство на руинах.

Однако даже те, кто продолжил крестьянский труд, но побывал «показаченным», продолжали претендовать на казацкие права. Как писал Д. Багалий, «еще больше было тех, которые считали себя казаками, участвовали в войнах Хмельницкого, но не попали в реестр» [2]. С ним соглашался и Михаил Марченко: «Крестьяне, что недавно вели отчаянную борьбу против польской шляхты, считали себя козаками; осев на завоеванных ими землях, они считали эти земли своими, добытыми правом козацкой сабли» [3]. То же самое повторял и Федор Шевченко: «большинство населения участвовало в восстании и считало себя казаками» [4].

Что касается политики Б. Хмельницкого, он до определенного времени не ограничивал процесс показачивания, а наоборот, декларативно заявлял, что «чернь всяя по Люблин і Краков... то права рука нашая» [5]. В борьбе с Речью Посполитой огромная армия была его главным козырем. Попытки юридически ограничить число показаченных в первые годы осуществлялись только в связи с заключенными Зборовским и Белоцерковским договорами, предусматривавшими, соответственно, 40 и 20 тыс. реестровых казаков. И хотя Хмельницкий, чтобы удовлетворить поляков, требовал «не прикрывать казачеством» крепостных [6], на самом деле не предпринимал никаких усилий, чтобы изменить ситуацию.

---

[1] Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648–1658 рр. Т. 1. К., 2012. № 143а. С. 186–187.

[2] *Багалий Д.* Займанщина в Левобережной Украине XVII и XVIII ст. С. 570.

[3] *Марченко М.* Боротьба Росії і Польщі за Україну. К., 1941. С. 10.

[4] *Шевченко Ф. П.* Русские воеводы на Украине. С. 88.

[5] ВУсР. Т. II. № 47. С. 118.

[6] ВУсР. Т. II. № 170. С. 389.

В результате в январе 1651 г. король Ян Казимир отмечал, что «выписчики и реестровые казаки имели равные свободы» [1].

И тут мы подходим к важнейшему вопросу последствий такого всеобщего вовлечения населения в военные действия. Эта проблема носит междисциплинарный характер и имеет многочисленные аналогии в историческом процессе. Вопросу адаптации людей, прошедших войну или какие-либо другие катаклизмы, посвящена большая историография – и в историческом, и в социальном, и в психологическом аспекте. События восстания Б. Хмельницкого и дальнейшей Руины Украинского гетманства в этом плане никогда не анализировались, и очевидные параллели не проводились. Между тем, рассмотрение массового характера восстания и показачивания именно с точки зрения дальнейшей адаптации общества очень важно, ведь оно помогает объяснить многие проблемы украинского общества и последующие события. Достаточно вспомнить, что именно массовая мобилизация в армию и флот в годы Первой мировой войны стала одной из главных предпосылок революции 1917 г. Не меньшие проблемы адаптации испытывали сильнейшие государственные аппараты СССР после Второй мировой войны или США после Вьетнамской войны. Это XX век. В раннее Новое время ситуация была еще более сложной. В условиях Украинского гетманства, в котором еще только создавались новые административные структуры, приходившие на смену разрушенным, опасность появления десятков тысяч людей, выбитых из привычного образа жизни и из их социального строя, была особенно сильной.

Яркий пример подобной ситуации – появление тысяч «показаченных», принявших участие в русской Смуте. Тогда в войне участвовали десятки тысяч «показаченных», а включить их по возвращении в реестр, понятно, не представлялось возможным. В результате по окончании войны все они остались без доходов и средств к существованию. Начались грабежи и разбои, что не приносило славы казацкому имени. Вопрос с армией показаченных в первой четверти XVII в. удалось силовым методом решить Петру Сагайдачному. Он

[1] Jakuba Michalowskiego, wojskiego lubelskiego, a późniéj kasztelana bieckiego, Ksiega Pamietnierza. Kraków, 1864. S. 602.

сумел прекратить анархию в казацкой среде, создать регулярную армию реестровых казаков, которая стала грозной военной и политической силой в Речи Посполитой. Следует отметить, что действиям Сагайдачного способствовала геополитическая обстановка, Московский и Хотинский походы, занявшие большую часть выписчиков, а также их участие в войне со Швецией. Проблемы с выписчиками, как известно, возникали и позднее (восстание 1630 г.).

Однако все-таки социальные последствия восстания Б. Хмельницкого имели совершенно иной масштаб. Процент населения, воспринимавшего себя казаками, достигал астрономических цифр. Согласно нашим подсчетам, основанным на сводных данных о присяге жителей Украины в 1654 г., считавшие себя казаками составляли в:

– Каневском полку – 77 %;
– Нежинском – 58 %;
– Корсунском – 82,3 %;
– Полтавском – 47,4 %;
– Миргородском – 64,4 % [1].

Гетманская администрация не предпринимала никаких шагов, чтобы решить вопрос с показаченными. На фоне неустоявшейся системы налогов и отсутствия возможности выплаты жалования реестровым (да и институт реестровых, как мы увидим, к 1654 г. не был восстановлен) у Б. Хмельницкого практически не было рычагов к решению этого вопроса. Старшины начнут искать пути выхода из создавшейся ситуации только в 1657 г. – уже под давлением начавшихся социальных взрывов.

Массовое показачивание, а точнее появление десятков тысяч человек, выбитых из привычной социальной среды, прошедших войну, вооруженных, зачастую лишившихся средств к существованию и одновременно осознающих свою силу и власть, было страшным испытанием для молодого Украинского гетманства, которое в конечном счете ввергло его в пучину Руины.

---

[1] Проценты высчитаны на основании данных, опубликованных в ВУсР. Т. III. № 232. С. 536, 539, 540, 542. Эти цифры не совпадают с мнением Д. Багалия, что в Полтавском полку «все население, можно сказать, обратилось в реестровых или по крайней мере охочекомонных козаков». *Багалий Д.* Займанщина в Левобережной Украине XVII и XVIII ст. С. 570.

Формирование новых экономических реалий

Землевладение в Украинском гетманстве к 1654 г.

Вопрос об изменениях, которые претерпело землевладение на территории Украинского гетманства в результате восстания Б. Хмельницкого, подробно рассматривался на рубеже XIX–XX вв. в работах Дмитрия Багалия, Александра Барвинского, Венедикта Мякотина, Ивана Крипякевича. Они сделали глубокие наблюдения и интересные выводы, которые были полностью проигнорированы в советской историографии, внедрившей упрощенную схему об «усилении феодальной эксплуатации крестьян» казацкой старшиной, без всякого соотношения с реалиями и сложными перипетиями социально-экономического развития Украинского гетманства. К сожалению, эти упрощенные штампы зачастую используют и современные российские историки (равно как и некоторые украинские). Например, в «Очерках истории Украины» под редакцией Петра Толочко говорится, что уже при И. Выговском «количество крепостных быстро росло» [1]. Российский историк Алексей Шкваров пишет про Зборовский договор 1649 г. Б. Хмельницкого с поляками: «Ничего в отношении каких-либо послаблений малороссийскому крестьянству – хлопам сказано не было. Их судьба Хмельницкого и его казаков просто не интересовала» [2]. Примерно в том же русле высказывается Игорь Андреев: «Вопреки многочисленным легендам об украинском казачестве как яром защитнике угнетенных селян, на самом деле, оно преследовало в первую очередь свои узкие, корыстные цели» [3].

Для начала заметим, что в украинском обществе после 1648 г. вообще сложно отделить казаков от крестьян. Это были взаимосвязанные сосуды, пополнявшие друг друга в зависимости от обстоятельств. Тем более, что многие казаки начинают (или продолжают) вести собственные хозяйства, что и было характерно для реестрового казачества.

После трех волн изгнания поляков (1648, 1651 и 1652 гг.), согласно заявлению самого Б. Хмельницкого, «которые на-

---

[1] Очерки истории Украины / под ред. П. П. Толочко. К., 2010. С. 203.
[2] *Шкваров А. Г.* Петр I и казаки. СПб., 2010. С. 104.
[3] *Андреев И.* Алексей Михайлович. С. 226.

перед сего в той всей Украине, в Малой Росии, и на Волыне, и Подолии были городы и места королевские, и кляшторские, и панские маетности, и теми всеми ныне владеют и доходы сбирают на себя гетман и все войско запорожское» [1]. Т. е. речь идет о королевщине (землях, маетностях, городах и селах, принадлежавших королю, короне), о владении католических монастырей и о частных владениях [2].

По подсчетам И. Крипякевича, королевщина в Киевском, Брацлавском и Черниговском воеводствах включала 264, 21 и 450 сел соответственно. К этому нужно добавить примерно 50 сел католических монастырей [3]. Ученый отмечал, что никакого специального «державного акта» по поводу перехода собственности в распоряжение «Войска Запорожского» Хмельницкий не издавал. Но тут можно согласиться с В. Мякотиным, что сложившийся порядок вещей базировался «лишь на обычае, создавшемся из всего хода вещей, из слабости уцелевших в стране владельцев имений и силы только что одержавшего грандиозную победу крестьянства».

Насколько достоверно заявление о переходе земли во владение Войска Запорожского? Если относительно королевщины и владений католических монастырей вопросов практически не возникает, то относительно «панских маетностей» требуется как минимум сделать некоторые комментарии.

Понятно, что после победы восстания польская шляхта покинула территорию Украинского гетманства. Часть погибла, часть бежала, окончательно оставив попытки вернуться в свои владения после событий 1652 гг. Т. е. практически все «шляхетские маетности» (за исключением немногочисленной показачившейся православной шляхты) остались без владельцев, которые, как писал И. Крипякевич, «втікали на захід або хоронилися по містах» [4]. Только на Левобережье

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XI. С. 749–750.

[2] Как писал Д. Багалий, «земля теперь перестала быть собственностью государства польского, а сделалась достоянием "товариства"» – войска в широком смысле этого слова. *Багалий Д.* Займанщина в Левобережной Украине XVII и XVIII ст. С. 569.

[3] *Крип'якевич І.* Український державний скарб за Богдана Хмельницького // ЗНТШ. Т. 130. Львів, 1920. С. 74–76, 130.

[4] Там само. С. 80.

стали свободными 87 % населенных пунктов, входивших ранее в состав Вишневетчины [1].

Чтобы получить более точное представление о структуре землевладения в Украинском гетманстве перед его присоединением к Московскому государству, мы будем использовать сведения, содержащиеся в «Генеральных следствиях о маетностях полков Левобережья». Эти следствия, как известно, проводились по приказу гетмана Данила Апостола в начале 30-х гг. XVIII в., но, тем не менее, в них имеются уникальные сведения об изменениях в положении сел и местечек Левобережной Украины, которые они претерпели в результате восстания Б. Хмельницкого. Свои подсчеты мы делали еще в кандидатской диссертации, но с тех пор были опубликованы генеральные следствия Полтавского полка, которые мы теперь принимаем во внимание. Это особенно важно, ведь материалы Киевского и Черниговского полков неполные и не дают возможности для статистического анализа.

Положение различных населенных пунктов после восстания Б. Хмельницкого

Полки	Свободные войсковые села	Рандовые	Ратушные	Частные	Монастырские	Неизвестно
Гадячский	68 (90 %)	2 (3 %)	–	–	–	5 (7 %)
Лубенский	191 (89 %)	–	–	2 (1 %)	6 (3 %)	15 (7 %)
Миргородский	89 (95,7 %)	–	–	2 (2,15 %)	–	2 (2,15 %)
Нежинский	114 (51,8 %)	9 (4 %)	25 (11,5 %)	10 (4,5 %)	16 (7,2 %)	46 (21 %)
Переяславский	113 (74,8 %)	4 (2,8 %)	14 (9,2 %)	1 (0,6 %)	1 (0,6 %)	18 (12 %)
Полтавский	32 (86,5 %)	2 (5,4 %)	–	–	3 (8,1 %)	–
Прилуцкий	99 (95 %)	–	–	–	3 (3 %)	2 (2 %)
Стародубский	170 (67 %)	11 (4,4 %)	6 (2,4 %)	41 (16,2 %)	–	25 (10 %)
Среднее число	81,22 %	2,45 %	2,88 %	3,05 %	2,73 %	7,67 %

[1] *Яковлева (Таїрова) Т.* Гетьманщина у другій половині 50-х років XVII століття. Причини і початок Руїни. К., 1998. С. 425–426.

Таким образом, абсолютное большинство владений (81,22 %) в левобережной части Украинского гетманства составляли так называемые свободные войсковые, в некоторых полках стремясь почти к абсолютным цифрам. Населявшие их крестьяне, избавившись от частной зависимости, находились «под правлением сотенным, в ведомстве полковом и в диспозиции гетманской» [1]. Нет никакого основания полагать, что на Правобережье, т. е. на территории бывшего Брацлавского и части Киевского воеводств, ситуация отличалась.

Мы придерживаемся мнения, что фольварочное хозяйство вместе с польской формой крепостного права на территории Украинского гетманства было полностью уничтожено. При абсолютном преобладании «свободных сел» оно просто не могло существовать. Даже во времена Речи Посполитой, в годы функционирования репрессивного аппарата, крестьяне бежали от своих панов в вольные края. Теперь же, когда кругом было множество свободных земель и сел, удержать в личной зависимости крестьян было бы просто невозможно. Никаких следов сохранения личной зависимости крестьян (с правом их продажи) мы не встречаем. Более того, право перехода крестьян от одного пана к другому будет действовать в Украинском гетманстве вплоть до правления Кирилла Разумовского, т. е. до конца XVIII в. Да, в сохранявшихся и в возникавших вновь (например, ранговых) владениях крестьяне снова начинали выполнять определенные «послушенства» и/или платить подати. Но это не личная зависимость. Личной зависимости не было и у крестьян, сохранивших свои владения православных монастырей.

Свободные войсковые села находились в собственности «Войска Запорожского», равно как и все освободившиеся земли (в том числе сенокосы, луга и пр.). Верховным распорядителем всех земель (включая королевщину и владения католических монастырей) был гетман. Ему, как главе Украинского гетманства, принадлежало и право раздачи свободных земель. С первых же лет гетманы стали широко пользоваться этим правом для вознаграждения заслуг отдельных

---

[1] *Барвинский В. А.* Заметки по истории финансового управления в Гетманщине. Х., 1914. С. 16.

старшин и войсковых товарищей. Это положение не изменилось и после первого присоединения Украины к России в 1654 г., что, разумеется, подчеркивает особый, автономный статус Украинского гетманства.

А. Шкваров абсолютно ошибочно утверждает, что в 1654 г. «в распоряжение царя передавались все имения, находившиеся на малороссийской территории, и царь получил право раздавать их по своему усмотрению» [1]. Действительно, сразу после вхождения Украины в состав России московское правительство посчитало, что оно вправе раздать украинской старшине большие пожалования (часто в ответ на их просьбы). Однако при сопоставлении этих сведений с данными «Генеральных следствий о маетностях» становится ясно, что из 36 пожалованных царем городов и сел только одно село Рожево действительно стало частным, а остальные оставались свободными [2].

Такой вывод подтверждается известным фактом: в августе 1657 г. во время посольства полковника Павла Тетери в Москву он просил для себя и Выговских больших пожалований в Белоруссии. Ему ответили, что их уже пожаловали «большими городами и маятностями» в Украине «и им из того мочно жить без нужи». Тогда Тетеря объяснил, что «они тем ничем не владеют, опасаясь от войска запорожского» [3]. На предложение Москвы о том, что посылаемый в Украину боярин А. Н. Трубецкой объявит о пожалованиях, Тетеря заявил, что тогда «их де всех тотчас побьют».

Таким образом, пожалования Москвы оставались только на бумаге. В этом факте проявляется вся глубина непонимания, существовавшего между объединявшимися в 1654 г. сторонами, которая впоследствии не могла не привести к конфликту. Царское правительство либо не понимало социально-экономических реалий, сложившихся на украинских территориях в результате восстания, либо не хотело их принимать. По крайней мере вначале оно явно предполагало распространить на Украину привычные схемы земельной собственности, но затем не стало предпринимать никаких

---

[1] *Шкваров А. Г.* Петр I и казаки. С. 126.

[2] *Яковлева (Таїрова) Т.* Гетьманщина у другій половині 50-х років XVII століття. С. 408–410.

[3] Акты ЮЗР. Т. XI. С. 764.

попыток, чтобы обеспечить свои пожалования, сохраняя автономию Украины, предусмотренную Мартовскими статьями 1654 г.

Надо понимать, что получившие пожалования не только сразу, но и никогда впоследствии в них не вступили. И тут следует отметить, что И. Крипякевич недооценивал этот процесс (его работа вышла еще до исследования В. Мякотина). Он, например, писал, что Д. Выговский получил Прилуки. Однако это был полковой город, и, разумеется, он никогда частной собственностью Выговского не становился [1]. Так что никакого «розграблювання публічного добра», т. е. раздачи королевщины, о чем так сокрушался И. Крипякевич, на самом деле не было.

Т. к. рассмотрение земельного владения после присоединения Украины к России выходит за рамки нашей книги, мы лишь отметим, что в дальнейшем единоличное право гетманов распоряжаться земельным фондом Гетманства было нарушено только однажды, при гетмане Иване Брюховецком. Выслуживаясь перед Алексеем Михайловичем, Брюховецкий «подарил» ему Украину со всеми городами и селами [2]. Тогда же, в соответствии с идеей перехода Украины под непосредственное управление Москвы, киевский воевода Василий Петрович Шереметев начал выдавать документы на владение имениями в Украинском гетманстве [3]. Вспыхнувшее в 1668 г. восстание на Левобережье, когда жители избивали русские гарнизоны и воевод, положило конец такой практике.

Другое дело, что многие земли и пустовавшие имения из числа собственности Войска Запорожского получали новых хозяев путем так называемой займанщины. Этот процесс подробно изучал Д. Багалий. Как свидетельствовали сами казаки, сначала (т. е. после восстания) земля была «сполная и общая», а потом поделилась на полки и сотни. При этом

---

[1] *Крип'якевич І.* Український державний скарб за Богдана Хмельницького. С. 81. И. Андреев тоже пишет о крупных пожалованиях царя (Гадяч и др. города) и даже не отмечает, что они оставались фикцией. *Андреев И.* Алексей Михайлович. С. 259.

[2] «Жебы его царское пресветлое величество места все и села, будучие на Вкрайне, на себя взял, жебы болшей нами гетманы не владели». Акты ЮЗР. Т. V. С. 309.

[3] *Мякотин В.* Очерки социальной истории Украины XVII–XVIII вв. Прага, 1924. Вып. 1. С. 24.

большая часть земель перешла в так называемую общественную займанщину. Эти земельные займанщины обносили рвами и частоколами. Но на них «всякий пахал, косил сено, рубил лес, где хотел и сколько мог» [1]. Причем общественная займанщина сохранялась не только к моменту «Генеральных следствий» (30-е гг. XVIII в.), но и в момент Румянцевской описи (60-е гг. XVIII в.). То, что данное явление существовало сто лет, несмотря на сопротивление гетманов (а еще больше – российских властей), косвенно, но явно указывает на его масштаб. По словам жителей, этим правом могли пользоваться как «казаки, так и посполитые» («равно как в давнину и предки наши обще с козаками и жителями пещанскими» [2]). Это было, безусловно, отголоском времен, когда практически все крестьяне считали себя вправе претендовать на права казаков.

На основе документов Румянцевской описи Д. Багалий очень ярко подтверждает вывод, который мы делали выше, о характере землевладения в Украине – «не юридическом, а фактическом» [3]. Как мы уже говорили, Б. Хмельницкий не издавал специального акта, переводящего освободившуюся собственность в распоряжение Войска Запорожского. Но так было фактически. То же самое относится к займанщине: никто не издавал акта, отдающего пустующие земли в общественное пользование полков, сотен, сел и т. д. Но факт их использования впоследствии (в XVIII в.) считался юридическим основанием на притязания собственности.

Точно так же факт личной займанщины, полученной в результате занятия пустовавшей земли (грунты, угодия), признавался по своду законов Украинского гетманства XVIII в. (!) достаточным для юридического владения, а какие-либо подтверждающие документы чаще всего отсутствовали [4]. Не требовали их для признания займанщины и украинские гетманы. Именно таким путем, «по факту», подтверждались и права на хутора, возникшие на основе личной займанщины. Другим видом займанщины было основа-

---

[1] *Багалий Д.* Займанщина в Левобережной Украине XVII и XVIII ст. С. 573, 577.

[2] Там же. С. 579, 582.

[3] Там же. С. 575.

[4] Имеются в виду «Права, по которым судится малороссийский народ». *Багалий Д.* Займанщина в Левобережной Украине XVII и XVIII ст. С. 585.

ние слободок. Разрешение на их строительство выдавалось гетманами без всяких затруднений и в гораздо более поздний период [1].

В заключение обратимся к вопросу о тех земельных пожалованиях, которые делали гетманы и которые не относились к займанщине. Это позволит определить характер частных владений, которые имелись в Украинском гетманстве, а также затронуть вопрос о превращении старшин в панов. Доминировавшая в советской историографии концепция утверждала, что именно пожалования старшине стали причиной социальной напряженности в 1657–1658 гг. Но, как мы говорили, многие историки рубежа XX века тоже считали, что старшина воспользовалась результатами восстания, чтобы обогатиться за счет пустовавших владений. Этот штамп о росте эксплуатации крестьян со стороны старшины часто повторяется до сих пор, особенно в российской историографии.

Четкое понимание картины новых владений дает анализ гетманских и старшинских универсалов, т. е. главных юридических документов Украинского гетманства раннего периода. Впервые анализ структуры гетманских пожалований был сделан нами в кандидатской диссертации в 1994 г., а затем опубликован в монографии, базировавшейся на диссертационном исследовании. Хотя ссылки на наши статистические подсчеты, произведенные в монографии, имеются практически во всех украинских академических изданиях [2], они остались малоизвестными для российских коллег.

В диссертации и монографии использовались универсалы, опубликованные в XIX–XX вв., а также найденные нами в архивах. За прошедшие со времени публикации монографии почти 20 лет в Украине было осуществлено академическое издание универсалов Б. Хмельницкого и И. Выговского. Надо сказать, что оно учло не все выявленные нами универсалы, но некоторые, ныне опубликованные, наоборот, не были нам тогда известны. Поэтому возникла необходимость пересмотреть сделанный ранее анализ. Сразу следует

---

[1] Там же. С. 587–588, 590.

[2] Например: Очерки истории Украины / под ред. П. П.Толочко. С. 203.

сказать, что принципиальных изменений в цифрах не произошло, а наоборот, прежние выводы подтвердились.

Если взять все пожалования гетманов и полковников за период с 1648 по 1659 гг., то при Выговском они составляли лишь 29,2 %, а пожалования за последние три года гетманства Хмельницкого – 50 %.

Всего же грамоты (новые пожалования и подтверждающие старые), выданные старшине при Б. Хмельницком, составляют 64,8 % (за 1655–1657 гг. – 53 %), а при Выговском – 35 % (до января 1658 г. – 6,3 %).

Эти цифры позволяли нам убедительно доказать, что вовсе не рост «эксплуатации крестьян» стал причиной социального взрыва при И. Выговском, который до января 1658 г. (т. е. до разгара антигетманского восстания) сделал вообще только одно пожалование (местечко Девицу-Салтыкову с селами «надалисмо» нежинскому Рождественскому монастырю) и подтвердил шесть старых грамот Б. Хмельницкого.

Что касается структуры пожалований, то как при Хмельницком, так и при Выговском большая часть вновь пожалованных владений давалась православным монастырям (70,5 % и 71,4 % соответственно), что совершенно объяснимо. Второе место при Б. Хмельницком занимали пожалования старшине (14,7 %), затем шли обыватели (11,7 %) и священники (3,1 %). При Выговском пожалования старшине составляли 14,3 %, а остальные пожалования делились поровну (по 7,15 %) между обывателями и священниками.

И теперь мы коснемся вопроса о характере старшинских частных владений. Следует понимать тот факт, который часто недооценивают историки, что права частных землевладельцев были более ограниченными, чем права землевладельцев в Речи Посполитой или Московском государстве. Негативное отношение к старшине во многом утвердилось в историографии в наследство от социалистов и последующих историков, зажатых в цензурные тиски советской науки. При этом попытки получить свои имения в собственность, наблюдавшиеся в 80–90-е гг. XVII в., путаются с реалиями 50-х годов [1].

---

[1] И. Андреев вообще заявляет: Москве «не нравилось, что гетман пытается говорить от лица всех украинских подданных, вовсе не желавших этого и даже страдавших от произвола старшины». *Андреев И.* Алексей Михайлович. С. 494.

По отношению к Украинскому гетманству, на наш взгляд, вообще неприменимо понятие «крепостной», встречающееся в некоторых современных изданиях. Да и частное землевладение по сути таковым в Украине не являлось. В основном речь идет о ранговых владениях, т. е. дававшихся на определенную должность (уряд), которые даже не могли наследоваться. Ранговые владения не являлись частными и переходили от одного старшины к другому вместе с должностью.

Личные владения тоже не были частной собственностью в полном смысле этого слова. В. Мякотин различал три вида личного владения: 1. «В спокойное и беспрепятственное владение» – вечное владение. 2. «До ласки войсковой» – т. е. до указа. 3. «На вспартье дому» – на некоторое время для поддержки дома [1].

Самым существенным было отсутствие возможности у старшины завещать свои земельные владения или получать их по наследству. Отсюда огромное количество гетманских универсалов вдовам и детям старшины, в которых гетманы подтверждали их права на землю. Но пока гетман мог их и не подтвердить, владения не были частными в полном смысле этого слова.

Старшина стремилась превратить свои земельные владения в реальную частную собственность, сделать из условного владения безусловное, превратить его в наследственное, «вечное». Старшина пройдет очень долгий и сложный путь, прежде чем в начале XVIII в. она станет превращаться в полноценных помещиков.

Что касается крестьян, то даже «владельческие посполитые», т. е. тягловые крестьяне помещиков, теперь полагали, что имеют неоспоримое право на свои наделы земли («предковские земли, на которых сидят») и даже могут сохранять эти земли за собой, выходя из-под власти владельца имения [2]. Крестьяне, населявшие эти помещичьи имения, являлись теперь собственниками своих земельных участков и могли не только передавать их по наследству, но и закладывать, продавать и т. д.

---

[1] *Мякотин В.* Очерки социальной истории Украины XVII–XVIII вв. Вып. 1. С. 32.

[2] Там же. С. 124.

Подводя итог, можно сказать, что землевладение на территории Украинского гетманства претерпело кардинальные изменения. Перестали существовать королевщина и владения католических монастырей. Огромные земельные владения перешли под контроль гетманской администрации. Частное владение в таком виде, в каком оно было в Речи Посполитой, тоже исчезло. Пришедшие ему на смену ранговая и другие формы владения не были частными в полном смысле этого слова, т. к. не являлись наследуемыми и ограничивались волей гетмана. Наоборот, возникла огромная прослойка вольного землевладения – займанщина. Вместе с фольварочным хозяйством и частным землевладением была уничтожена и крепостная зависимость крестьян. Во многом они вернулись к положению, которое занимали до реформы Сигизмунда Августа. При этом, приняв участие в восстании, значительное количество крестьян претендовало на казацкие привилегии – налоговые льготы и судебный иммунитет.

Что касается казацкой старшины, то она в первые годы после восстания не имела (даже при желании) возможности не только претендовать на «послушенство» (т. е. своего рода панщину) своих крестьян, но даже пытаться превратить новые владения в наследуемые. При этом можно согласиться с В. Мякотиным, который писал, что старшина постепенно все более проникалась владельческими инстинктами и вскоре нашла поддержку в лице царского правительства. Однако надо понимать, что это было дело далекого будущего, получившего свою реализацию лишь во второй половине XVIII века [1].

Экономика Украинского гетманства: казна и налоги

Как писал в своей кандидатской диссертации Ф. Шевченко, «данному вопросу не повезло в исторической литературе» [2]. Спустя почти 70 лет мы можем повторить то же самое. Экономические вопросы не затрагивались даже в академи-

---

[1] Процесс формирования классического частного землевладения в Украинском гетманстве во второй половине XVII – начале XVIII вв. мы рассматривали в: *Таирова-Яковлева Т. Г.* К вопросу о формировании крупного частного землевладения в Украинском гетманстве (середина XVII – начало XVIII вв.) // Славяноведение. 2012. № 2. С. 27–33.

[2] *Шевченко Ф. П.* Русские воеводы на Украине. С. 95.

ческом издании по истории украинского казачества. Этому имеются разные причины. Из объективных следует выделить крайнюю скудность источников. Как известно, материалов генеральной канцелярии (в том числе судебных актов) за вторую половину XVII в. не сохранилось, они пропали вместе с гетманскими архивами [1]. Тем не менее, изучение финансового состояния Украинского гетманства к 1654 г., казны, наличие (или отсутствие) налоговой системы открывает большие возможности для понимания того комплекса проблем, которые возникли после присоединения Украины к Московскому государству.

Не претендуя на всеобъемлющее исследование проблемы, мы хотели бы ответить на ряд вопросов:

– какие доходы имело Украинское гетманство;
– какие налоги собирались;
– какова была структура расходов;
– каково было состояние казны (профицит/дефицит).

По мнению И. Крипякевича, в Украинском гетманстве в период до 1654 г. существовали следующие налоги: аренда и в некоторых полках подымное. Также он полагал, что в какой-то степени действовали индукта (ввозная пошлина) и показанщина (налог на изготовление горилки) [2].

Как мы видели выше, в Москве не было никакого представления о существовании административной системы в Украинском гетманстве, способном собирать налоги. Для многих историков Гетманство до 1654 г. – это хаос, казацко-крестьянское своеволие, не имевшее никакой организованной системы. И. Андреев даже отказывает казацкой старшине в праве говорить от лица всех сословий.

Между тем, мы можем говорить о том, что уже в первые после восстания годы создается, точнее, воссоздается налоговая система, которая, разумеется, во многом копировала ту, что существовала в Речи Посполитой, только в значительно урезанной форме. По сути дела, Б. Хмельницкий взял на себя королевские прерогативы, присвоив право

---

[1] Как писал В. Барвинский, «для разработки второй половины XVII в. ... исследователю вследствие недостатка данных приходится блуждать в потемках или прибегать к гипотетическим построениям». *Барвинский В. Д.* Заметки по истории финансового управления в Гетманщине. Х., 1914. С. 5.

[2] *Крип'якевич І.* Український державний скарб за Богдана Хмельницького. С. 93.

распоряжаться землей и право собирать налоги, хотя и в урезанном виде. Это происходит примерно в 1650 г., когда гетман вводит практику издания универсалов, построенных по точному образцу королевских (в отличие от универсалов всех гетманов более раннего времени) и юридическим языком декларировавших установление земельных и других порядков [1].

Самые известные источники наших знаний о налоговой системе Украинского гетманства времен Б. Хмельницкого – это свидетельства Павла Алеппского (путешествовавшего по Украине с антиохским патриархом Макарием) и Павла Тетери (во время его пребывания в Москве в 1657 г.). Оба источника представляются нам малодостоверными по разным причинам: Алеппский не обладал достаточной осведомленностью, а Тетеря в своем изложении преследовал собственные корыстные интересы. Их свидетельства можно использовать только при сравнении с актовыми материалами.

Индукта

Первый налог, о котором у нас имеются точные сведения, – это индукта (термин был заимствован из Речи Посполитой), т. е. пошлина на ввоз товаров, выражаясь современным языком. В Украине ее еще называли «мито». Индукта будет существовать в Украинском гетманстве вплоть до середины правления К. Разумовского, подчеркивая автономный статус в составе Российской империи. Это был очень серьезный доход, который, например, при Иване Скоропадском давал 8–9 тысяч рублей в год [2].

Хотя документы о сборе индукты в период до 1654 г. не сохранились, можно уверенно говорить, что она уже существовала. Главным источником служит универсал Б. Хмельницкого от 21 апреля 1654 г. с. с. (т. е. уже после присоединения к Московскому государству!). В нем гетман дает распоряжение дозорце Евстафию Стамачаенкову собирать индукту с иностранных купцов: греков, армян и турок. В универсале четко прописывалось, сколько брать с каждой группы това-

---

[1] Універсали БХ. № 43. С. 113–114; № 46. С. 117 и далее.

[2] *Барвинский В. Д.* Заметки по истории финансового управления в Гетманщине. С. 11.

ров (российских, турецких и пр.). Не освобождались от уплаты духовные лица и посольства, в составе которых были купцы. Универсал не распространялся на украинских купцов (за исключением случаев, когда они перевозили товары своих иностранных коллег – за такой обман купец лишался всего товара: половину получал дозорца, а вторую – «скарб войсковой» [1]). В универсале ссылались на то, что «приходов мало», т. е. перед нами явно дополнение к уже имевшейся системе. В том же 1654 г. П. Алеппский писал, что «Хмель отдает на откуп весь таможенный сбор с купцов на границах своего государства» [2], и это совпадает с нашими сведениями. Тремя годами позже по каким-то соображениям Б. Хмельницкий освободил от индукты греческих купцов [3]. Тем не менее, эта пошлина будет сохраняться как один из важнейших налогов в Украинском гетманстве еще сто лет.

Аренда

Другой важнейшей статьей доходов гетманской казны была аренда (т. е. откуп) на определенные, самые выгодные виды доходов. П. Алеппский говорил об аренде «с меда, пива и водки» [4]. Сам Б. Хмельницкий заявил в январе 1654 г. В. В. Бутурлину, что у «них промыслы в двух или в трех городех» отданы «на урочные лета» (2–3 года) [5]. Документы свидетельствуют, что имелась также аренда с мельниц – очень доходного в Украине вида бизнеса (достаточно сказать, что при Б. Хмельницком полковники «на кормление» получали по мельнице). От 1655 и 1656 гг. сохранились универсалы Хмельницкого, подтверждающие аренды мельниц [6]. Есть

---

[1] «од сорока соболей золотых шесть, од сорока пупков соболей золотых два, од сорока куниц золотых 2, од бунта лисиц золотых 2, од инших товаров московских од ста талярей битых – золотых по пять». От турецких товаров – «од едвабов, коберцов, килимов, завоев, поясов, мусульбесов, киндяков и инших дробных и розных товаров – од ста таляров бытых полевковых два бытых, од кождой кипи габы по леву; также хто бы провадил до земли нашой золото, сребро, камене дорогое, перла, и од тых товаров од ста таляров – по золотых пять». Акты ЮЗР. Т. III. № 344. С. 507–508. Універсали БХ. К., 1998. № 74. С. 142–143.

[2] Путешествие антиохского патриарха Макария. М., 1897. Вып. II. Кн. IV. Гл. X. С. 36.

[3] Універсали БХ. К., 1998. № 161. С. 226–227.

[4] Путешествие антиохского патриарха Макария. М., 1897. Вып. II. Кн. IV. Гл. X. С. 36.

[5] Акты ЮЗР. Т. X. № 4. С. 244–245.

[6] Універсали БХ. К., 1998. № 97. С. 164.

данные о некоем арендаторе И. Богатыре в Прилуцком полку (1656) [1]. Про выплату аренды в Миргороде в 1657 г. говорил и бурмистр этого города [2]. Конечно, при Б. Хмельницком аренда не достигала таких значительных цифр, как, например, в гетманство И. Мазепы, когда стала залогом профицита бюджета и экономического процветания Украинского гетманства. Тем не менее, мы можем с уверенностью говорить о ее существовании к моменту присоединения Украины к Московскому государству.

Другие налоги

И. Крипякевич писал еще о существовании подымного и показанщины. Наличие показанщины для посполитых отмечал и Виктор Барвинский [3]. Мы знаем, что в мае 1655 г. на раде полковники и сотники просили отменить показанщину, т. е. до этого она существовала [4].

В городах сохранялись собственные налоги. Видимо, в большинстве случаев в гетманскую казну они не шли. Так, от выплат в казну Хмельницкий освободил Киев. От октября 1656 г. имеется универсал гетмана об оставлении мещанам Козельца их городских налогов («возовое, помірное, дегот, воскобойню и поведерщину от меду и горілки» [5]).

Что касается подымного, которое бы собиралось в гетманскую казну (мы не имеем в виду выплат отдельных сел монастырям), то на самом деле есть только заявление Павла Тетери, что «в Нежинском де и в иных поветах полковники сбирают с двора золотых по 2 и по 3» [6]. Полной веры этому свидетельству давать нельзя, т. к. оно имело личностный характер. В то же время, как отмечал В. Барвинский, «в каждом полку были свои местные особенности в податном обложении, так как полковники своей властью могли вводить новые сборы на войсковые нужды» [7].

---

[1] Універсали БХ. К., 1998. Дод. II. № 18. С. 272.
[2] Акты ЮЗР. Т. IV. № 44. С. 71.
[3] *Барвинский В. А.* Заметки по истории финансового управления в Гетманщине. С. 12.
[4] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 30. С. 701–702.
[5] Універсали БХ. 1998. № 146. С. 213.
[6] Акты ЮЗР. Т. XI. № 2. С. 745.
[7] *Барвинский В. Д.* Заметки по истории финансового управления в Гетманщине. С. 11.

Впоследствии в Украинском гетманстве существовали сборы на гетманский двор, но это относится уже к более позднему периоду – 70–90-м гг. XVII в.

Доход

Если подвести итог, какие доходы имелись у гетманской казны, то, по подсчетам И. Крипякевича, Украинское гетманство приносило 300 000 польских злотых – сумму, полностью сопоставимую с доходом королевщины времен Речи Посполитой [1].

И вот тут главный вывод И. Крипякевича, на который почему-то не обратили внимание историки: украинская казна просто НЕ МОГЛА выплачивать жалование 60 тыс. казаков, которое даже без зарплаты старшины должно было достигать 1 800 000 злотых, т. е. в шесть (!) раз больше всего дохода казны [2]. В условиях послевоенной разрухи и едва налаженного административного механизма Украинское гетманство было не в состоянии собрать подобную сумму. Таким образом, соглашение с Московским государством о создании реестра в 60 тыс. с условием, что казакам будет выплачиваться жалование с доходов Украины, несло в себе потенциальный социальный взрыв.

Старшина, как мы увидим, будет искать выход. Но пройдут десятилетия, пока компромисс будет найден.

Социальная напряженность как итог глобальных перемен

Глобальные изменения, происшедшие в социальной структуре Украинского гетманства, освобождение крестьян, образование огромного числа свободных сел и общественных земель и, наконец, показачивание десятков тысяч активной части мужского населения не могли не вести к социальным потрясениям. Главная проблема теперь, конечно, заключалась в малоуправляемости той массой людей, которая претендовала на казацкие права, т. е. прежде всего на право активно участвовать в политической жизни общества.

---

[1] *Крип'якевич І.* Український державний скарб за Богдана Хмельницького. С. 98.

[2] Там само. С. 100.

Именно эта масса показаченных в конечном счете станет той силой, которую будут использовать различные старшинские группировки в годы Руины. Попытается использовать их в своих целях и царское правительство. Все это приведет к катастрофическим результатам. Но сейчас мы хотим обратить внимание, что проблемы с массами показаченных возникали и у Б. Хмельницкого, причем в период, предшествовавший присоединению к Московскому государству.

Первые признаки противоречий проявляются летом 1648 г. В своей реляции от 29 июня 1648 г. Иероним Ласка писал: «...своевольным купам (отрядам. – *Т. Т.*) Хмельницкий посылает свои универсалы, но они на это не реагируют и даже говорят, что эти своевольцы, которые взбунтовали холопов, хотят идти для купы за Днепр и выбрать себе другого старшего» [1]. Подчинить жесткой дисциплине вырвавшиеся на свободу массы было очень непросто, а любые попытки ограничить ряды казачества встречали категорическое неприятие. Тогда же, в июне 1648 г., шляхтич Громкевич сообщал о вызвавшей недовольство показаченных попытке Б. Хмельницкого «только избранных людей вписывать (в реестр. – *Т. Т.*), а прочих к работам и послушенству возвращать» [2].

Расхождения во взглядах Богдана и рядовых казаков особенно ярко проявились в период осады Львова и Замостья. Показаченные массы хотели расправиться с ненавистными поляками, а Хмельницкий, напротив, стремился к дипломатическому решению, затягивал осаду Львова и через своего бывшего учителя иезуита Андрея Мокрьского вел переговоры с королевичем Яном Казимиром, поддержав его кандидатуру на выборах короля. Довольствовавшись небольшим выкупом, Богдан прекратил осаду Львова и в ноябре начал явно безнадежную осаду Замостья вместо того, чтобы идти на Варшаву, как настаивал лидер показаченных Максим Кривонос. Все эти решения давались ему в жесткой борьбе со сторонниками «непримиримой казацкой линии», и он не раз оказывался перед реальной угрозой смещения со своего поста или даже физической расправы.

---

[1] ВУсР. Т. II. № 18. С. 47.

[2] Львовская научная библиотека им. Стефаника. Ф. Теки Нарушевича. Т. 142. Л. 146.

Первый серьезный конфликт с массами показаченных завершился полной и блистательной победой Хмельницкого. Он возвращается в Украину триумфатором, Киев оказывает ему восторженный прием, народ слагает о нем песни, а оппозиция вынуждена на время замолчать. Сознание небывалого доселе успеха, огромная добыча и изгнание поляков с Украины делают гетмана героем даже в глазах самых «непримиримых». Зима 1648–1649 гг. – это апогей взаимоотношений гетмана и рядового казачества. Уже никогда более не были они столь безоблачными.

Зборовский договор и наступившее за ним перемирие наглядно показали, что внутри самого казачества имелись совершенно разные представления об идеалах «казацкой вольности». Богдан и его единомышленники начинают создавать административную систему нового государства, со своими налоговой и судебной структурами. Именно тогда универсалы Б. Хмельницкого приобретают юридическую форму, аналогичную привилеям польских королей. Для масс показачившихся и ряда «вольных вожаков» Украинское гетманство как государственное образование являлось ограничением вольностей казачества и виделось как измена казацкому делу. Именно в этот период Данило Нечай, Степа, Кривоносенко и ряд других старшин попытались сыграть на недовольстве рядовых казаков ради смещения гетмана. Хмельницкий благодаря своему авторитету, таланту дипломата и оратора сумел подавить недовольство.

Возобновившаяся война, новое изгнание поляков с Украины отложили назревание вопросов с вольными массами. Неудача в военной кампании 1651 г., битва под Берестечком и взятие Киева литовскими войсками вынуждают Хмельницкого идти на подписание Белоцерковского договора. Для тысяч показачившихся Брацлавщины и Черниговщины это означало возвращение туда ненавистных польских панов, воссоздание польской административной и налоговой систем. На этот раз гнев выливается не только на поляков, но и на самого гетмана. Толпы недовольных готовы были приходить даже под Чигирин. О пошатнувшемся авторитете гетмана идет речь и в думе того времени:

Ей, чи гаразд, чи добре наш гетьман Хмельницький учинив,
Що з ляхами, з мостивими панами, у Білій Церкві замирив?
Да велів ляхам, мостивим панам, по козаках,
по мужиках стацією стояти...

То, что сейм не утвердил Белоцерковский договор, развязало гетману руки. Почти сразу же он издает универсал, призывая готовиться к войне. Показаченные снова были заняты в войске. Походы на Молдавию, предпринятые Хмельницким в сложные моменты взаимоотношений с «непримиримой оппозицией», очень похожи на попытку отвлечь недовольных и занять их привычной войной и приличными доходами.

Первые молдавские походы приносили казакам огромную добычу. Казацкая дума с восторгом отзывается об этих временах: «так-то Хмельницкий хорошо сделал: Польшу победил, Волощину засмутил, Гетьманщину взвеселил». Но военная фортуна снова отвернулась от Хмельницкого. Весной 1653 г. Стефан Чарнецкий совершает опустошительный поход на Брацлавщину, осенью казаки терпят поражение в Молдавии и в Сучаве погибает Тимош Хмельницкий. Настроение рядовых казаков и ряда старшины резко меняется. В ответ на приказ идти на помощь Сучаве полковники заявляют: «непотребно де нам чюжой земли оборонять, а свою без остереганья метать...». В очередной раз Хмельницкий был вынужден прибегнуть к уловке, играя в панибратство с казаками: «И пришед де гетман к казакам, поклонился трижды в землю, и велел им дать бочку меда, и говорил им: детки де мои, напейтеся и меня не подайте. И казаки де гетману сказали: пане де гетман, в том воля твоя, а быть мы с тобою все готовы» [1].

Опустошительный набег татар осенью 1653 г., завершивший несчастья этого года, привел к тому, что народная дума прямо желает: «Бодай тебе, Хмельниченьку, перва куля не минула!»

Но первое серьезное выступление показаченных против гетмана происходит летом 1654 г., сразу после присоединения к Московскому государству. Его возглавляет Василий Су-

[1] ВУсР. Т. III. № 208. С. 493.

лименко, сын знаменитого гетмана Ивана Сулимы, руководителя восстания 1635 г., которого убили поляки. Он просил царя разрешить им «прибрать себе их гулящих людей Черкас в волные». Сулименко обещал собрать отряд до 2 тысяч людей [1].

В тот момент московское правительство не захотело поддерживать своевольцев, а царь сделал резкий выговор воеводам, их принявшим [2]. Тем не менее, Хмельницкий увидел в Сулименко с товарищами серьезную угрозу своей власти. Он писал царю, что в Украине «много есть своевольников и убойцов, что зде злое зделав, что или кого убив, в землю его царского величества бежат, как и ныне в Гадячом, и в Веприку, и в ыных городех некоторые мятежники, учиня смятение и многое зло сделав, в землю его царского величества ходить начали... Также много тех своевольников на Тор без ведома нашего идут и там собираютца, тогда и туды изволь послати и тех своевольников разорити» [3]. В другой грамоте гетман сообщал: «А что некоторые казаки, не будучи заслужеными, но как впрям своевольники, побунтовав и много своровав, в слободы его царского величества за рубеж уходят» [4]. Этот бунт был преддверием гораздо более опасных событий, когда казацкая армия под влиянием показаченных стала выходить из-под контроля гетманов, а затем эта самая «чернь» вершила судьбу полковников и гетманской булавы. Б. Хмельницкий, породивший новую реальность в Украинском гетманстве, стал первым, кто столкнулся с ее губительной стороной. Он прекрасно понимал реальную угрозу и осенью 1655 г., соглашаясь послать войско на помощь Швеции, требовал, чтобы казакам «предоставлена была добыча и трофеи», отмечая, что «так как казаки не могут оставаться без войны, то после окончания войны с Польшей мы просим ваше королевское величество выступить против турок» [5].

Таким образом, Украинское гетманство к моменту своего присоединения к Московскому государству представляло

---

[1] Опубликовано у М. Грушевского: Зап. іст.-філ. від. Укр. АН. Кн. XXIV. К., 1929. С. 105.

[2] Там само.

[3] Док. БХ. № 278. С. 380–382; Акты ЮЗР. Т. XIV. С. 75–78.

[4] Док. БХ. № 281. С. 387.

[5] Архив ЮЗР. Ч. III. Т. IV. № XXX. С. 90.

собой нестабильное общество, пережившее огромное социальное потрясение. В Гетманстве создавалась административная система, действовали налоговые сборы, имелась казна. Формировалась новая система землевладений, базировавшихся на вольном труде, было полностью уничтожено крепостное право, возникло огромное количество вольных сел и общественных земель. Но все это находилось лишь в процессе становления, которое было крайне затруднено в военное время. Однако самым опасным был социально-психологический феномен показачивания, который не только создал огромную победоносную армию, но и породил многотысячную группу людей, выбитых из привычной жизни, привыкших силой и криком добиваться добычи и привилегий и не желавших возвращаться к мирному существованию. У молодого украинского общества не было ни административных, ни финансовых рычагов для решения этой проблемы.

Глава 3

Вопрос о воеводах: административная власть и налоги

Часть 1
1654–1656 гг.

В этой главе мы будем рассматривать вопрос о том, как планировалось и как осуществлялось на практике введение в Украинском гетманстве административной власти русских воевод. Сюда же относится вопрос о сборе налогов и выплате жалования реестровым казакам.

Переяславские договоренности

По поводу достигнутых на Переяславской раде договоренностей и тех «статей» (т. е. соглашений), которые были заключены в марте 1654 г. во время посольства Павла Тетери и Самойла Богданова в Москву, существует огромная историография, поразному их интерпретирующая. В основном историки спорят о причине союза, его юридической форме, характере договоренностей. А вот отдельных исследований конкретных шагов и этапов имплементации договоренностей об изменении административного управления явно недостаточно [1].

[1] Ф. П. Шевченко, написавший выдающуюся кандидатскую диссертацию «Русские воеводы на Украине» (1940), отмечал, что «вопрос о воеводах на Украине не подвергался до сих пор специальному изучению» (*Шевченко Ф. П.* Русские воеводы на Украине // Шевченко Ф. П. Історичні студії. К., 2014. С. 42). С тех

Ни в коем случае не собираясь включаться в дискуссию о форме, значении и роли присоединения Украины к России, мы обращаемся к соглашениям 1654 г. исключительно в аспекте царского контроля за внутренним администрированием Украинского гетманства, а также решений по налогам.

В этом смысле самым острым и принципиальным был вопрос о полномочиях воевод и их присутствии (отсутствии) в городах. Мы уже говорили, что менталитет и традиция, доминировавшие среди украинской элиты, играли против появления русских воевод. Собственно, одной из основных целей восстания Б. Хмельницкого было недопущение или минимизация вмешательства польской администрации во внутреннее управление казацкими территориями. Трансильванский посол Ференц Шебеши, находившийся у Хмельницкого, записал в своем дневнике ответ гетмана воеводе Федору Бутурлину: «Я поддался не для того, чтобы делать то, что скажешь... Я с польским королем уже перед этим бился, чтобы вернуть свободу мне и казакам, чтобы они не были холопами, но носили казацкое имя» [1]. Двумя годами позже Самойло Выговский в разговоре со стольником Петром Скуратовым сказал: «Пушкарь де говорит, что у них во всем Войске быть государевым воеводам... Было де то и при королях польских, что были ляцкие полковники... за то де и межусобье стало, полковников де и ляхов побили» [2]. Можно полностью согласиться с Валерием Смолием и Валерием Степанковым, которые пишут, что Хмельницкий видел смысл решений Переяславской рады в «збереженні за козацькою Україною завойованої в боротьбі самостійності» [3].

Мотивы свободы звучали в сентябре 1658 г. в знаменитом универсале Войска Запорожского «к иноземным государям»,

---

пор ситуация серьезно не изменилась, а сама диссертация Шевченко была опубликована в Киеве только в 2014 г. и практически остается неизвестной в России. Интересно, что в свежеопубликованном в Москве обзоре русско-украинских отношений в 1654–1657 гг. речь идет исключительно о дипломатических и военных аспектах, как будто присоединение не предусматривало прежде всего финансово-административные вопросы. *Кочегоров К. А., Рычаловский Е. Е.* Россия и Украина в 1654–1657 гг. // Переписка гетманов Левобережной Украины с Москвой и Санкт-Петербургом. Т. 1. М., 2017. С. 42–48.

[1] Monumenta Hungariae Historica, Diplomatoria. T. XXIII: Okmantar II Rakoczy diplomacziai ossrekotte tesiher. Budapeste, 1874. S. 540.

[2] Акты ЮЗР. Т. IV. № 68. С. 126.

[3] *Смолій В. А., Степанков В. С.* Богдан Хмельницький. Соціально-політичний портрет. К., 2009. С. 457.

составленном в окружении И. Выговского. «Ни из-за каких-либо других мотивов мы приняли протекцию великого князя московского, но только для того, чтобы сохранить и приумножить для себя и нашего потомства свободу нашу, добытую с Божьей помощью оружием и много раз ценой крови возвращенную». «Мы ожидали, что, учитывая единство веры и наше добровольное подданство, великий князь московский будет к нам справедливым, доброжелательным и ласковым, будет поступать с нами честно и свободы наши не будет притеснять, но, наоборот, все больше и больше их увеличивать согласно своим обещаниям, но обманули нас эти надежды» [1]. Тут можно вспомнить, что, например, башкиры тоже рассматривали подданство царю как свой свободный выбор и результат взаимного согласия с Москвой, а «стойкая память о добровольном присоединении и царских пожалованиях приводила башкир к убеждению в одностороннем нарушении правительством своих давних обязательств» [2].

Переговоры о форме и степени участия московских властей в административном управлении Украинского гетманства в течение 50-х годов XVII в. переходили в споры, иногда в острую полемику и, наконец, в 60-е годы вылились в кровавые столкновения.

Наша задача в данной главе – установить, о чем собственно стороны договорились в 1654 г., как они это интерпретировали, какие дальнейшие шаги предпринимали для имплементации соглашений и в какой момент одна сторона или обе отступили от первоначальных договоренностей. Если начальная дата этого мини-исследования ясна (январь 1654 г.), то окончательной мы считаем сентябрь 1658 г., когда Украинское гетманство впервые официально разорвало Переяславские соглашения и заключило договор с Речью Посполитой. В дальнейшем административный спор пройдет еще много этапов, прежде чем выйдет на статус-кво в 70-е годы XVII в., но это уже выходит за рамки нашей работы.

Вопрос об административном управлении можно разбить на несколько составляющих, тесно взаимосвязанных:

– присутствие воевод в городах Украины (и в каких именно);

– полномочия русских воевод в Украинском гетманстве;

---

[1] Архив ЮЗР. Ч. III. Т. VI. К., 1875. С. 363.

[2] *Трепавлов В. В.* «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. л-ра, 2007. С. 147, 149.

– сбор налогов (кто собирает, как и сколько);
– оплата услуг Войска Запорожского.

Материалы посольства Василия Васильевича Бутурлина, присутствовавшего на т. н. Переяславской раде и принимавшего присягу у гетмана и старшины, свидетельствуют о том, что у сторон были очень смутные представления о форме дальнейшего взаимного сосуществования. К сожалению, пересказ безымянного дьяка, написавшего официальный отчет (т. е. статейный список В. В. Бутурлина), является единственным дошедшим до наших дней свидетельством этих важнейших событий [1]. Ни украинских, ни иностранных документов, отражающих эти переговоры, не сохранилось.

Не вдаваясь в юридические и политические оценки формы присоединения Украины к России, зададимся вопросом: насколько серьезно Б. Хмельницкий относился к происшедшему? С одной стороны, налицо все формальные признаки принятия «подданства»: гетман и старшина (равно как духовенство и мещане) добиваются подтверждения давних вольностей и земельных пожалований; обещают платить налоги, а гетман – отчитываться о своей внешней политике царю. Но, с другой стороны, Хмельницкий даже не издает универсала, извещающего «народ» о «принятии под высокую руку». Для сравнения: он издаст универсал, сообщающий о совместном походе с князем Ракочи (31 декабря 1656 г. с. с.) [2]. Если бы подобный универсал о «присоединении» существовал, он бы дошел до нас хотя бы в «списке воевод». Показательно, что в 1657 г., после смерти Хмельницкого, казаки потребуют от его сына и генерального писаря И. Выговского, «чтоб они показали всему войску те статьи все, о чем царскому величеству бил челом гетман Богдан Хмельницкой и все войско запорожское и присылали к царскому величеству к Москве посланцев своих...», заявляя: «...мы де всем войском того, чем нас против нашего войскового челобитья великий государь наш... пожаловал, и до сего часу ничего не ведаем» (!) [3].

---

[1] С самой Переяславской радой дело обстоит еще хуже. Никто из русских на ней не присутствовал, а события, вошедшие во все хрестоматии (включая предложение Б. Хмельницкого сделать выбор из четырех суверенов), образно пересказал И. Выговский. Именно с его слов составлен отчет в статейный список В. В. Бутурлина. Насколько точным или, наоборот, вымышленным было описание генерального писаря, мы, видимо, никогда не узнаем.

[2] Док. БХ. № 422. С. 351.

[3] Акты ЮЗР. Т. XI. № 3. С. 799.

Помимо того, что гетман не счел нужным сообщать даже казачеству о факте присоединения и о его условиях, есть и другие основания сомневаться, что Б. Хмельницкий и его ближайшее окружение рассматривали события в Переяславле как что-то, должное определить всю их дальнейшую жизнь. Ведь никаких готовых «статей» старшина воеводам в Переяславле не представила. Казалось бы, у нее было время подготовиться: В. В. Бутурлин выехал из Москвы в ноябре 1653 г., т. е. почти за два месяца до «Переяславской рады». Новейшие исследования военно-политических событий конца 1653 г. убедительно показывают, что Б. Хмельницкий принимает окончательное решение о присоединении к России исключительно из-за катастрофической военной ситуации [1]. Так что́, у них просто не хватило времени подготовиться к переговорам в Переяславле? Или они готовы были на любые условия ради военной помощи, полагая, что впоследствии смогут добиться нужных изменений? В этом просматривается незнание московских реалий и отчасти политическое легкомыслие.

Некоторые положения «статей» наводят на мысль, что украинская элита, присоединяясь к Московскому государству, придерживалась модели отношений с Речью Посполитой [2]. Как справедливо писал историк Федор Шевченко, «гетман и старшина... старались сохранить полностью свою власть на Украине». Мы уже писали о требовании старшины, чтобы царь «присягал» на договоре, как это бывало при заключении соглашений с королями. Кроме того, Б. Хмельницкий просил, чтобы царь «велел быть по тому, чтоб шляхтич был шляхтичем, а казак казаком, а мещанин мещанином; а казаком бы де судитца у полковников и у сотников». Бутурлин уверял, что царь «пожалует их, кто в каком чину был, и ныне будет также» [3]. Эта просьба о подтверждении «прав, привилеев, свободы и всех добр» [4] проходит во всех документах красной линией и таким образом сохраняет положение вещей, существовавшее при договоренностях с польским королем.

В схему отношений с Речью Посполитой вписываются и многочисленные просьбы старшины о подтверждении сво-

---

[1] *Смолій В. А., Степанков В. С.* Богдан Хмельницький. Соціально-політичний портрет. К., 2009. С. 439–445.

[2] *Шевченко Ф. П.* Русские воеводы на Украине // Історичні студії. К., 2014. С. 121.

[3] Акты ЮЗР. Т. X. № 4. С. 243.

[4] Документы БХ. № 239–240. С. 331–333 и др.

их владений (маетностей). А вот раздача земель остается за гетманом – и это уже шаг вперед даже по сравнению со Зборовским договором. Раздача маетностей всегда оставалась за королем и сеймом. Теперь же Б. Хмельницкий и после января 1654 г. продолжает издавать соответствующие земельные универсалы. И, наоборот, как мы увидим дальше, пожалования, сделанные старшине царем сразу после Переяславского соглашения, так и не воплотятся в жизнь. Вероятно, украинская сторона так определяла сохранение автономии: прежде всего сохранение социальной и судебной систем, а также права гетмана на земельные пожалования (тут можно вспомнить, что раздача земель будет сохраняться за гетманами до И. Мазепы включительно, и только после 1708 г. Петр впервые начнет жаловать имения в Украине). Возможно, о фискально-экономической системе заботились меньше, потому что она еще не вполне оформилась.

Зато первоначально наблюдался совершенно иной, чем в договорах с польским королем, подход к оплате реестрового войска. Во время переговоров с В. В. Бутурлиным, сразу после присяги, Хмельницкий и старшина просили, чтобы царь определил войско размером в 60 тысяч. Эта цифра впервые прозвучала именно из уст старшины. Напомним, что максимальный размер реестра по Зборовскому договору с поляками достигал 40 тысяч. При этом Хмельницкий заявил Бутурлину, что под Зборовом с ним было 360 тысяч. «Хотя б де государь пожаловал, велел у них войску быть и болши того, то де и лутче; а жалованья они у царского величества на тех казаков не просят» [1]. Это уже совсем новое положение, чем в соглашениях с поляками.

Но всего через пару месяцев старшина резко меняет свое мнение и 14/24 марта требует от царя (статья 21), чтобы тот сам платил войску: «Обычай тот бывал, что всегда войску запорожскому плотили...» Посланцев пытаются «отговаривать» и подчеркивают: «...как был у гетмана у Богдана Хмельницкого государев ближней боярин и наместник тверской (В. В. Бутурлин. – *Т. Т.*) ...и гетман говорил: хотя число Войска Запорожского и велико будет, а государю де в том убытка не будет, потому что они жалованья у государя просить не учнут. А говорил гетман при них, при судье и при

[1] Акты ЮЗР. Т. X. № 4. С. 243.

полковнике, и им ныне о том говорить не доведетца» [1]. В данном случае русская сторона была права, указывая на противоречие в позиции старшины.

Почему всего через два месяца верхушка Украинского гетманства полностью поменяла свою позицию в вопросе выплаты жалования реестровым казакам? Там задумались о финансовой составляющей (о которой мы говорили выше)? Или решили полностью использовать модель отношений с Речью Посполитой, понятную и привычную для большинства населения? Отметим сразу, что именно вопрос об оплате войска станет тем предлогом, на основании которого все последующие годы московские власти начнут активно вмешиваться во внутреннее управление Гетманством. И тут следует задуматься, не была ли эта просьба ошибкой Б. Хмельницкого и его окружения?

Самый принципиальный финансовый вопрос – о сборе налогов – достаточно четко просматривается уже в переговорах в Переяславле. 10/20 января 1654 г. Б. Хмельницкий говорил В. Бутурлину: «чтоб в. г. ... указал с городов и мест, которые поборы наперед сего сбираны на короля, и на римскии кляшторы, и на панов, *сбирати на себя, государя*; а за которыми де монастыри, места, и села, и местечка даны, и чтоб государь пожаловал, велел тому всему быти за монастыри и за церквами по-прежнему...» Боярин на это заявил: «великий государь у монастырей и церквей, что им дано, отнимати у них не велит» [2]. Из пересказа не совсем ясно, что именно волновало гетмана: чтобы царь не посягал на доходы монастырей или же речь идет о сборе всех налогов с городов и сел на имя царя.

Последнее предположение подтверждает следующая просьба Хмельницкого: «Да гетман же говорил, чтоб пожаловал государь войско запорожское, с их ратных людей мыту и мостовщины и перевозу имати не велел». Воевода отвечал, что с ратных людей это «не емлют» и с них не будут [3]. Т. е. Бутурлин считал естественным, что решения о сборах налогов – какие, с кого и сколько – отныне будет принимать царь [4].

---

[1] Акты ЮЗР. Т. X. № 8. С. 451–452.
[2] Акты ЮЗР. Т. X. № 4. С. 236.
[3] Там же. С. 243.
[4] И. Андреев совершенно безосновательно пишет, что «старшина хотела сохранить за собой право сбора и распределения налогов на Украине. И это им было обещано». *Андреев И.* Алексей Михайлович. С. 256.

Надо отметить, что и украинская сторона не возражала против этого: 10/20 января И. Выговский попросил: когда посланцы Войска Запорожского, направлявшиеся в Москву для переговоров о статьях, «от царского величества отпущены будут назад к гетману, и чтоб де царское величество изволил прислати с теми его посланцы к гетману, кого он, великий государь, укажет, для того, чтоб отписал на него, государя, королевские, и панские, и всякие места» [1]. Эти слова генерального писаря не оставляют сомнений в том, что старшина в Переяславле соглашалась на сбор налогов в пользу царя. Весьма показательна тут апелляция к практике Османской империи: «как сбирает турской салтан с Венгерской, и с Мутьянской, и с Волоской земли, сметя местным делом» [2]. Однако такие дискуссии не дают ответа на вопрос, кто должен был собирать эти налоги.

Отсюда и явное взаимное непонимание в вопросе о воеводах. Мы уже отмечали, что, скорее всего, в начале 1654 г. у украинской стороны имелось ошибочное или неточное представление о воеводах и их функциях. Бутурлин говорил, что посланцы во главе с Лаврином Капустой от имени Б. Хмельницкого били челом, «чтоб в. г. его, гетмана, пожаловал, указал послати в Киев и в иные городы своих царского величества воевод, а с ними ратных людей, хотя б тысячи с три». Поэтому-де царь посылает в Киев бояр и воевод Федора Семеновича Куракина и Федора Федоровича Волконского. «И он бы, гетман, послал от себя в Киев, кого пригоже, и ц. в. бояр и воевод велел принять чесно и всякое послушанье велел им чинить» и давать корма. Хмельницкий обещал все сделать [3].

---

[1] Акты ЮЗР. Т. X. № 4. С. 246.

[2] Там же. С. 441.

[3] Там же. С. 236–237. Эта ссылка на просьбы Л. Капусты, в срочном порядке присланного в Москву в сентябре 1653 г. перед самым Земским собором, весьма спорная. На это обращал внимание еще М. Грушевский («Жаданнє присилки царських воєвод з військом до Київа й инших міст викликає великий сумнив, і я скорше готов думати, що така формуліровка жадання військової помочи з'явилася наслідком "розговорів" Капусти з боярами в Москві». *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. X. Ч. 1. С. 644). Ф. Шевченко предполагал, что Капуста, не имея таких полномочий, согласился на приезд воевод под давлением требований «о конкретном выражении подданства Украины Московскому государству» (*Шевченко Ф. П.* Русские воеводы на Украине. С. 120). Мы склонны считать, что Капуста просил именно о военной помощи и налицо взаимное непонимание. Подтверждением этому служит отписка Стрешнева-Бредихина из Чигирина о приезде Л. Капусты из Москвы 23 октября 1653 г. с. с., «а им де он сказывал твою государеву милость, пожаловал де ты, государь... ратные де твои государевы люди многие к ним посланы» (Акты ЮЗР. Т. X. № 3. С. 59). Следует добавить, что, к сожалению, ни моим предшественникам, ни мне не удалось найти в архивах следы переговоров Капусты.

Речь идет о том, чтобы давать воеводам «корма», но не о сборе налогов. «Корма»-то давать русским воеводам старшина соглашалась, однако явно имела ошибочное представление о целях их прибытия. Так, в Нежине Иван Золотаренко говорил уезжавшему Бутурлину: «писал де к нему гетман Богдан Хмелницкой, а велел ему говорить боярину Василью Васильевичю с товарыщи, чтоб государевым бояром и воеводам князю Федору Семеновичю Куракину с товарыщи из Путивля в Киев идти не замотчав; а государевы де ратные люди в Киеве надобны, чтоб от литовских людей было безстрашно» [1].

Т. е. для украинской стороны основной момент в появлении воевод – военная защита. В данном случае нам представляются неправомерными утверждения Михаила Грушевского, что Хмельницкий не просил у Москвы военной помощи. Показательно, что в письме Б. Хмельницкого к царю от 8/18 января, где он извещает о состоявшемся «принятии под высокую руку», он просит только одного: «изволь ваше царское величество нас, верных слуг и подданных своих, имети и от всех неприятелей боронити» (перевод Посольского приказа) [2]. Хмельницкий пишет о войсках и вдогонку В. В. Бутурлину [3]. Финансово-административный вопрос и деление полномочий с московскими властями гетмана в этот период совершенно не заботят. И здесь мы согласны с Ф. Шевченко, что, с одной стороны, решение Земского собора предполагало, что воеводы «должны были явиться не только полковыми воеводами – военачальниками, но и представителями центрального московского правительства на Украине». С другой стороны, «ни гетман, ни старшина не задумывались первоначально над вопросом, в каких формах будут осуществляться взаимоотношения между Украиной и Московским государством», а также «не проявляли никакой враждебности к воеводам» [4].

В Москве, напротив, присутствие воевод было необходимой чертой подданства (так было в Сибири, в Бурятии и на других присоединяемых территориях, хотя полномочия воевод в разных регионах могли серьезно различаться в зависимости от конкретных обстоятельств). Поэтому, как спра-

---

[1] Акты ЮЗР. Т. X. № 4. С. 267–268.
[2] Документы БХ. № 227. С. 316.
[3] Там же. № 230. С. 318.
[4] *Шевченко Ф. П.* Русские воеводы на Украине. С. 120–121, 137.

ведливо отмечал Ф. Шевченко, вопрос о приезде воевод в Киев Бутурлин поднимает сразу после присяги [1].

В Москве были настроены решительно и явно собирались активно воплощать словесные договоренности в жизнь. Это видно по наказу Василию Кикину, который формально должен был принимать присягу, но на самом деле – переписать новые царские владения. Наказ был датирован 13/23 января 1654 г. (обратим внимание, что В. В. Бутурлин вернулся в Москву только 5/15 февраля! [2]), и в нем говорилось: «А приведчи к вере... взять у него, гетмана, городом и местом, которыми он, гетман, и все войско запорожское владело, роспись» [3].

Из наказа первым киевским воеводам (30 января с. с.) Ф. Куракину и Ф. Волконскому видно, что их полномочия уже значительно превышали представления украинской старшины, хотя, о чем мы говорили выше, являлись обычными полномочиями воевод в новоприсоединенных территориях.

В продолжение наказа Кикину киевским воеводам приказывалось: «будучи в Киеве, проведати: что в черкаских городех было королевских, и арцыбискуповых, и бискуповых, и ксензовых, и панских, и шляхтичей болших маетностей, и которые городы и места, и чье имяны, и что в тех... маетностях ныне крестьян и бобылей, и что с... маетностей на тех людей и сколко каких поборов и всяких податей порознь сбирали» – и обо всем отписать царю [4]. Т. е. в Москве не только серьезно планировали получать доходы от новых земель, но и не вполне доверяли тем данным, которые собирались получить от гетмана.

Тут, однако, опять следует согласиться с Ф. Шевченко, что, скорее всего, эту задачу сбора сведений о доходах Украинского гетманства воеводы на деле выполнили [5].

---

[1] *Шевченко Ф. П.* Русские воеводы на Украине. С. 122.

[2] ВУсР. Т. III. № 205. С. 490.

[3] Синбирский сборник. Т. I. № 12. С. 38.

[4] Акты ЮЗР. Т. X. № 7. С. 370.

[5] «Трудно предположить, как могли воеводы собрать подобные сведения, неизвестны нам и документы, говорящие о деятельности первых киевских воевод в этом направлении» (*Шевченко Ф. П.* Русские воеводы на Украине. С. 129). Добавим, что, по нашему мнению, явным преувеличением следует считать заявление А. Яковлева, что «численні посольства... одержували таємні накази, в яких на першому місці стояли інструкції розвідувати, скільки доходів і з яких джерел збиралося на Україні». (*Яковлів А.* Українсько-московські договори в XVII–XVIII в. Варшава, 1939. С. 53). Подобные поручения в наказах появляются только в 1657 г.

Киевским воеводам давались и задания, непосредственно связанные с защитой Киева – а именно, построить крепость. Правда, делать это должны были русские воеводы за счет жителей Киева: «А на киевских мещан, и на жилетцких, и на уездных людей городового строения положить, сколком очно по их мочи, поговоря с полковниками, и с бурмистрами, и с войтами, чтоб им было не в болшую тягость» [1].

Значительно более серьезным притязанием на власть и контроль над Киевом было следующее положение наказа: всем приезжающим в Киев, чтобы «те б люди являлись в Киеве в приказной избе, а не явясь бы, никаков человек в Киеве не жил» [2]. И наконец – последнее: «А беглых крепостных людей и крестьян примать не велеть; а которые объявятца» – отдавать челобитчикам [3]. Это уже прямое нарушение казацких традиций «выдачи нет». Напомним, даже в начале XVIII в. нарушение этого правила на Дону вызвало восстание Дмитрия Булавина.

Мартовские статьи

Следующий официальный этап обсуждения «договорных статей», т. е. тех правил, по которым должно было существовать Украинское гетманство в составе Московского государства, проходил в Москве в марте 1654 г.

Все наказы, данные Б. Хмельницким своим посланцам переяславскому полковнику П. Тетере и генеральному судье С. Богданову, сохранились, к сожалению, только в переводе с «белоруского писма». Но если в отношении ряда политических аспектов договоренностей историки могут сетовать на недостоверность или неполноту дошедших до наших дней копий (как известно, оригиналов «статей», т. е. собственно соглашения, не сохранилось, они затерялись еще в XVII в., и попытки найти их не увенчались успехом уже в эпоху Петра I), то в отношении административного управления, точнее того, как оно решалось в марте 1654 г., мы можем быть более или менее уверены. Дело в том, что помимо сохранившихся копий в нашем распоряжении имеются наказы воево-

[1] Акты ЮЗР. Т. X. № 7. С. 363.
[2] Там же. С. 366.
[3] Там же. С. 367.

дам, которые поступали в Украину в разное время после переговоров, а в них повторялись статьи Мартовских договоренностей.

Сравнивая дошедшие до нас документы: статьи, озвученные на переговорах 13/23, 14/24 марта, так называемые Мартовские статьи, и, наконец, условия, объявленные на «отпуске» казацких посланцев, можно сделать ряд наблюдений.

1. Однозначным требованием украинской стороны было выведение всех социальных слоев населения – шляхты, казаков и мещан – из-под суда русских воевод.

2. Посланцы просили назначить воеводами «их же людей», но, сомневаясь в положительном ответе царя, предлагали как вариант, чтобы сборщиками налогов были их выбранные люди, и уже они передавали бы деньги воеводам. Царь согласился с этим последним условием, но предоставил право воеводам «над теми зборщиками смотрить, чтоб делали правду». Интересно, что неприятие вмешательства чуждых по менталитету русских воевод имелось у старшины уже в этот период. И просьбу к царю разрешить собирать налоги своим людям они аргументировали именно тем, что «воевода, приехав, учал права их ломать и уставы всякие чинить, и то б им было в великую досаду» [1], и наоборот: если «учнут доход сбирать на государя их люди казаки и хотя де кому покажетца и тяжело, а досадовать за то не учнут, потому что учнут делать по их же правам» [2].

Документы «отпуска» посланцев (т. е. завершающих переговоров, состоявшихся перед их отъездом) позволяют утверждать, что вопрос о введении воевод в Киеве и Чернигове на этапе переговоров в Москве в марте 1654 г. однозначно решался положительно [3], но, что крайне интересно, воеводу на этом этапе московские власти должны были послать

---

[1] ВУсР. Т. III. № 245. С. 561.

[2] Там же. С. 440.

[3] Совершенно не ясно, откуда берется утверждение И. Андреева, что в Москве негативно «отнеслись к попытке Хмельницкого и его послов говорить от имени всей Украны. Трубецкой и Бутурлин дали понять, что видят в посольстве посланцев только Запорожского войска». *Андреев И.* Алексей Михайлович. С. 259. Это абсолютно ошибочное утверждение, не подкрепленное фактами. Наоборот, принятие в Мартовских статьях положений о городском самоуправлении, системе взимания налогов, присутствии воевод и о Киевском митрополите свидетельствует, что речь шла обо всех слоях общества.

Изменение содержания статей о судах, сборе налогов и о присутствии воевод

Положение	Статьи Тетери и Богданова 13 марта с. с.	Статьи 14 марта с. с.	Статьи Б. Хмельницкого 21 марта с. с.	«Отпуск»
О судах	«2. В которых в болших городех будут государевы воеводы, и в тех городех, для судов и росправы, были урядники их казатцкие, и судитца б им, шляхте, и козаком, и мещаном, по своим правом, а государевым бы воеводам их не судить» [1]	«1. Вначале изволь, твое царское величество, подтвердити права и волности наши войсковые, как из веков бывало в войске запорожском, что своими правами суживалися, и волности свои имели в добрах и в судах; чтоб ни воевода, ни боярин, ни столник в суды войсковые не вступался, но от старших своих, чтоб товарищество сужены были; где три человека казаков, тогда третьяго должны судить. Сей статье указал государь и бояре приговорили быть так, по их челобитью» [2]		
О сборе налогов	«7. Чтоб государь указал быти в их казацких городех воеводам из их же людей, которые б были люди знатные и верные и права их казацкие знали; да они ж бы на государя и доходы всякие сбирали. А толко де государь тому быть не изволит и укажет быть в их черкасских городех своим государевым воеводам, ино б у доходов	«4. В городех урядники из наших людей чтоб были обираны на то достойные, которые должны будут подданными царского величества исправляти или урежати, и приход належачей вправду в казну твоего царского величества отдавати. Указал государь и бояре приговорили быть по их челобитью; а быти б урядником войтам, бурмистром, райцам, лавником; и доходы денежные, и хлебные, и всякие на государя сбирати и отдавать в государеву казну тем людем, которых государь пришлет, и тем людем, кого для тое сборные казны государь пришлет над теми сборщиками смотрить, чтоб делали правду» [3]	«1. Чтоб в городех урядники были из их людей обираны к тому достойные, которые должны будут подданными царского величества урежати и доходы всякие вправду в казну царского величества отдавати, для того что царского б величества воевода, приехав, учал права их ломать и уставы всякие чинить, и то б им было в великую досаду. А как тутошние их люди где будут старшие, то они против прав своих учнут исправлятца. И сей статье ц. в. пожаловал велел быть по их	

[1] Акты ЮЗР. Т. X. № 8. С. 438–439.
[2] Там же. С. 447.
[3] Там же.

Положение	Статьи Тетери и Богданова 13 марта с. с.	Статьи 14 марта с. с.	Статьи Б. Хмельницкого 21 марта с. с.	«Отпуск»
	сборщиком быть их же людем, а сбирая, отдавать государевым воеводам и приказным людем» [1]		челобитью. А быти б урядником в городех войтам, бурмистром, райцам, лавником и доходы всякие денежные и хлебные збирать на ц. в. и отдавать в его, государеву, казну тем людем, которых ц. в. пришлет. Да тем же присланным людем, кого для тое зборные казны ц. в. пришлет, и над теми зборщиками смотрить, чтоб делали правду» [2]	
О воеводах	«14. Чтоб указал государь быть своим государевым воеводам в болших городех, в Киеве да в Чернигове, а в иных бы городех воеводам не быть. А будет государь и по всей Малой Росии своим государевым воеводам быть не велит, а прикажет ведать гетману попрежнему, и гетман де учнет присылать ко государю казну по всякой год, сметя сколко доведетца местным делом» [3]			«О воеводах: чтоб быть в Киеве и в Чернигове. И посланники сказали: в том де воля государева» [4]

[1] Там же. С. 440.
[2] ВУсР. Т. III. № 245. С. 561.
[3] Там же. С. 441.
[4] Акты ЮЗР. Т. X. № 8. С. 475.

только в Киев. Можно согласиться с Ф. Шевченко, глубоко проанализировавшим статьи, что «московское правительство на первых порах могло ограничиться малым, оно стремилось ввести воевод в первую очередь как политическую силу и как представителей центрального московского правительства на Украине, а затем перейти к наступлению на политические и экономические права украинского народа» [1].

Единственное, чего однозначно добились Тетеря и Богданов, – это ограничение права воевод вмешиваться в суды. Не было ли это связано с тем, что сам Богданов являлся генеральным судьей и, соответственно, отстаивал свои собственные интересы?

Как и во время переговоров в Переяславле, явно не вызывала возражений со стороны старшины и постановка вопроса о сборе налогов в пользу царя. 13/23 марта на встрече с А. Н. Трубецким, В. В. Бутурлиным, П. П. Головиным и Алмазом Ивановым посланцы просили, чтобы с «откупов и с закладных маетностей до тех мест, как им урочные лета отойдут, на государя доходов сбирать не велел» [2], т. е. не собирать повторный налог с тех, кто уже заплатил вперед. Обсуждение таких узких технических деталей отметает последние сомнения в том, что украинская сторона соглашалась отдавать налоги царю. Тогда же повторялось положение, о котором уже говорили в Переяславле: «А переписать бы те все доходы и в смету положить, кому государь укажет своему, государеву, человеку» [3].

Остается открытым вопрос, кто, согласно первоначальным договоренностям, должен был собирать налоги? Казалось бы – выбранные из местных людей урядники. И вот тут-то как раз на переговорах 14/24 марта и возникает вопрос о выплате жалования Войску Запорожскому (статья № 21). Интересно, что пункт о размере войска стоит вторым номером («2. Войско запорожское в числе 60,000 чтоб всегда полно было. Указал государь и бояре приговорили быти, по их челобитью, 60,000 человек» [4]). Этот пункт, как видим, ника-

---

[1] *Шевченко Ф. П.* Русские воеводы на Украине. С. 139.
[2] Акты ЮЗР. Т. X. № 8. С. 439.
[3] Там же. С. 441.
[4] Там же. С. 447.

ких споров у бояр не вызвал. А вот пункт о жаловании в поданных статьях был только двадцать первым (!). И бояре указывают на несоответствие просьбы выплачивать жалование договоренностям в Переяславле.

Решение вопроса откладывается, но становится предлогом для того, чобы включить уже в Мартовские статьи статью (№ 9) о необходимости срочно «осметить» доходы Украины, после чего-де решится вопрос с выплатой жалованья. Этот пункт повторяется при «отпуске» посланцев и даже (!) включается в жалованную грамоту. Отметим, что формулировка о том, что в Москве не знают о доходах Украинского гетманства и, пока их не «осметят», не смогут платить жалованье, будет повторяться в наказах к Лодыженскому и Протасьеву, т. е. станет ключевой в финансовых дискуссиях с гетманской администрацией на протяжении следующих месяцев. В заключении Мартовских статей рукой думного дьяка А. Иванова было приписано, чтобы Тетеря и Богданов сразу по возвращении к гетману Б. Хмельницкому «сказали, чтоб он велел казаков розобрать вскоре и список им учинил, да тот список, за своею рукою, прислал к ц. в. вскоре» [1].

Изменение содержания статей о порядке сбора налогов

Статьи Б. Хмельницкого	«Отпуск»	Жалованная грамота
«что в Малой Росии в городех и местех каких доходов, и про то царскому величеству неведомо; и великий государь наш... посылает доходы описать дворян. А как те царского величества дворяня доходы всякие отпишут и сметят, и в то время о жалованье на войско запорожское, по розсмотренью царского величества, и указ будет» [2]	«царское де величество хочет послать от себя государя дворянина доброго и велит тамошние всякие доходы описать и сметити» [3]	«что Малые Росии в городех и местах каких доходов збирается, и про то нам, в. г., неведомо, и для переписки тех доходов мы, великий государь, посылаем дворян; а как те... дворяня доходы всякие отпишут и сметят, и в то время о жалованье на войско запорожское, по розсмотренью, наш ц. в. и указ будет» [4]

В Москве вопрос о выплате (невыплате) жалования был весьма понятен и близок: у них имелся опыт общения с Войском Донским. В Мартовских статьях говорилось, что «ныне

[1] Акты ЮЗР. Т. X. № 8. С. 484.
[2] ВУсР. Т. III. № 245. С. 564; Акты ЮЗР. Т. X. № 8. С. 483.
[3] Акты ЮЗР. Т. X. № 8. С. 476.
[4] Акты ЮЗР. Т. X. № 11. С. 569.

ц. в., жалуя гетмана и все войско запорожское, хочет послать своего, государева, жалованья... гетману и всему Войску Запорожскому золотыми» [1]. Но затем решение меняется и принимается схема промежуточной выплаты: «А пока указали тебе послать собрать на писаря, и на списковых на ясаулов, и на обозного, и на судей, и на полковников, и на сотников, и на казаков на шездесят тысеч человек наше ц. в. жалованье Малые Росии со всех городов, и с мест, и с уездов, со всяких аренд, и оборочные денги против прежних звычаев, как и какими людми сбирано наперед сего, и роздати им, по чему доведетца, а иных никаких лишних поборов с мещани мати не велел, чтоб от того мещаном никакие тягости не было. А сколко аренд, оброчных денег, и писарю, и обозному... жалованья роздано будет, и тебе б о том к нам, в. г., для ведома, отписати подлинно» [2]. Т. е. гетману поручалось срочно собрать необходимую сумму для выплаты казакам. Как мы отмечали выше, подобной практики в Украинском гетманстве еще не имелось.

Первые попытки имплементации договоренностей (1654–1655)

Принятие присяги завершилось в начале марта 1654 г. н. с. [3]. А уже 29 мая с. с. составляется наказ Максиму Саввичу Ладыженскому, которого посылали на Украину исключительно с целью «переписи в черкаских городех и местех доходов и всяких угодей по ту сторону Днепра...». Это задание объяснялось просьбой посланцев П. Тетери и С. Богданова «учинить 60 000 войска запорожского и давать им государево жалованье». Царь объяснял финансовые затруднения тем, что в связи с начинавшейся русско-польской войной «на подъем против неприятеля ратным людем роздана казна многая». А так как доходы «Малой России» в Москве «не ведомы», то Ладыженскому спешно предписывалось ехать на Украину и получить от гетмана сведения, «сколко в Малоросии, по той стороне Днепра, в городех, и местех королевских, и в панских,

---

[1] Акты ЮЗР. Т. X. № 8. С. 483.
[2] Акты ЮЗР. Т. X. № 11. С. 569.
[3] Присяжні книги 1654 р. Білоцерківський та Ніжинський полки. К., 2003. С. 12.

и шляхторских именьях каких ранд и иных всяких доходов, денег и хлеба собралось, и тому б дал им роспись». Отговорки о незнании со стороны Б. Хмельницкого Ладыженскому велелось не принимать: «А буде гетман скажет, что у него доходом росписей нет, и они б тех доходов ехали описывать сами» [1].

И тут неожиданно приходит отмена приказа (не позднее 18/28 июня): «и в запорожские городы посылать их не велено, а велено их со всею службою выслать к тебе, государю, в поход» [2]. Геннадий Карпов писал: «Эту посылку надо считать не состоявшеюся, что и можно видеть ниже из акта» [3].

Почему в царском окружении так резко меняется решение? [4] Там отказываются от мысли немедленно начать собирать доходы с Украины (и даже «осметить» возможные источники) и возвратятся к этому вопросу только через полгода. Весьма правдоподобным выглядит предположение, что решающими становятся два фактора:

1. Весьма негостеприимное отношение населения и духовенства к первым киевским воеводам.

2. Опасение изменения позиции гетмана касательно Москвы.

Донесения киевских воевод высветили довольно неожиданные нюансы присоединения: украинское духовенство совершенно не собиралось подчиняться Московскому патриарху, а жители без восторга и с настороженностью встречали приезд новых властей. При таких обстоятельствах в окружении царя стало известно об активных попытках польских и литовских властей склонить Б. Хмельницкого на свою сторону, и в условиях разгара военных действий было принято решение отложить вопрос об имплементации финансово-административной части договоренности о присоединении Украинского гетманства.

Украинскую сторону эти вопросы в тот момент вообще не волновали. Следует отметить, что среди многочисленных посольств, отправленных в этот период Б. Хмельницким, не

---

[1] Акты ЮЗР. Т. X. № 15. С. 674–676.

[2] Там же. С. 685–686.

[3] Там же. С. 675–676.

[4] М. Грушевский не высказывал конкретных предположений относительно отмены переписи: «в царській ставці чимсь затрівожилися в українській справі, що до війська і гетьмана». *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. IX. Ч. 2. С. 911.

было ни единого, в котором бы поднимался вопрос о воеводах или налогах. Речь шла исключительно о военных действиях, необходимости военной поддержки и сложностях геополитической обстановки (позиции балканских княжеств, Османской империи, Швеции и т. д.).

Опасение царского правительства, что в случае чрезмерного давления на гетмана присоединение Украины может вообще не состояться, приводит к тому, что в царском окружении принимается решение выслать жалование «Войску Запорожскому» (т. е. возвращаются к идее, высказанной еще в Мартовских статьях). Грушевский, на наш взгляд безосновательно, рассуждал, был ли этот шаг царя решением отказаться от сборов налогов в Украинском гетманстве. На самом деле в царской грамоте к Б. Хмельницкому четко напоминались Мартовские договоренности: по челобитью Богданова и Тетери царь установил реестр в 60 тысяч казаков и велел гетману выплатить им жалованье из доходов Малой России по своему усмотрению [1]. В грамоте подчеркивалось, что присланное жалование – эта особая награда царя за то, что «подались под высокую руку» [2]. «А вперед наше ц. в. жалованье на войско запорожское будет по нашему, ц. в., разсмотренью как нам, в. г., ведомо учинитца, сколко в Малой Росии всяких доходов в зборе будет» [3].

Из наказа П. Протасьеву (13/23 июня), высланному с жалованьем к гетману, видно, что в царском правительстве хотели, чтобы деньги дошли до каждого казака. Причем не через старшину, а непосредственно от Протасьева. Ему предписывалось потребовать, чтобы «гетман, полковником и началным людем и рядовым казаком велел ему дати росписи» и «наше жалованье золотые велено полковником и началным людем и рядовым роздати ему Петру всем налицо» [4].

---

[1] «...били челом, чтоб мы, в. г., пожаловали, изволили число войска запорожского учинить 60 000 и давати б им нашего жалованья по нашему государскому изволенью. И мы, в. г., ... пожаловали число войска запорожского учинить по вашему челобитью 60 000 и для нынешние службы указали тебе гетману послать собрати на писаря, и на ясаулов, и на обозного, и на судей войсковых, и на полковников, и на сотников, и на списковых казаков на 60 000 наше, ц. в., жалованье Малые Росии со всех городов, и мест, и с уездов со всяких аренд и оброчные денги против прежних звычаев как и какими людми збирано наперед сего и роздати им почему доведетца». РГАДА. Ф. 124: Малороссийские дела. Оп. 1. 1654. № 39. Л. 41–42.

[2] РГАДА. Ф. 124: Малороссийские дела. Оп. 1. 1654. № 39. Л. 43.

[3] Там же. Л. 42.

[4] Там же. Л. 60.

Для этого Протасьев должен был лично поехать в те полки, которых «при гетмане не будет». У царя опасались, что Хмельницкий станет уверять, что «за проездом от воисковых людей ехать немочно», и захочет сам забрать жалованье [1]. Поэтому Протасьев должен был «стояти о том и гетману говорить всякими мерами, чтоб в полки с государевым жалованьем, з золотыми для роздачи отпустил их самих». И только если Протасьев убедится, что военная обстановка действительно не позволяет проехать в полки, золото предполагалось «отдать по самой последней мере гетману» [2].

М. Грушевский полагал, что такие требования были вызваны желанием сделать эту акцию широко известной [3]. А нам думается, что это была попытка под благовидным предлогом получить действующие списки казаков. Наше предположение подтверждается следующим положением наказа. Протасьев должен был напомнить при личной встрече с И. Выговским о договоренности собрать казаков, составить им реестр, «да тот список за своею рукою прислал к ц. в. вскоре». Выговскому следовало поставить на вид, что «того списка по се время к ц. в. не прислано, и он бы, писарь, о том объявил...». А если вдруг окажется, что «списки учинены... и зачем их к ц. в. не присылывали, а будет еще списков не учинено и зачем не учинено и как те списки учинят и казаков розберут и гетман те списки прислал к ц. в. вскоре» [4].

Может возникнуть вопрос: зачем понадобились Москве списки казаков, если только что была принесена присяга? Видимо, присяжные списки вызывали вопросы не у одних историков, а и у московских дьяков. Цифры не совпадали. Жалование посылали на «восемнадцать полков» – помимо Нежинского и Черниговского, находившихся в походе с И. Золотаренко [5]. Откуда взялась эта цифра? Неясно. В Переяславле присягнуло 14 полковников и представители еще 4 полков [6]. В статейном списке В. В. Бутурлина сказано, что для присяги были отправлены русские дворяне в 17 полков

---

[1] РГАДА. Ф. 124: Малороссийские дела. Оп. 1. 1654. № 39. Л. 61.
[2] Там же. Л. 62.
[3] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. IX. Ч. 2. С. 912.
[4] РГАДА. Ф. 124: Малороссийские дела. Оп. 1. 1654. № 39. Л. 42.
[5] РГАДА. Ф. 124: Малороссийские дела. Оп. 1. 1654. № 13. Л. 2.
[6] *Грушевский М. С.* К истории Переяславской рады 1654 г. // Доклады АН СССР. № 16. Л., 1929. С. 300–303.

(не учтен Кропивенский полк) [1]. Напомним, что в реестре Войска Запорожского образца 1649 г. насчитывалось 16 полков [2].

И еще один момент, представляющийся нам важным: в историографии не обращали внимания на сумму высланного жалования и ее соотношение с цифрами, согласованными в марте. На самом деле речь шла не о жаловании, т. е. утвержденной зарплате, а о в десятки раз меньшей награде (если хотите – премии), посланной за принятие «высокой руки царя». Отсюда и такая маленькая сумма по сравнению с годовым или даже месячным жалованием. Следует также отметить, что при составлении Мартовских статей была допущена очередная ошибка перевода: злотые перевели как «золотой», хотя это совершенно другая валюта (привычная украинским казакам, равно как и ефимок). Соотношение злотого и ефимка было примерно 1 к 4 [3]. Таким образом, жалование полковника и войскового есаула планировалось примерно на одном уровне, что соответствует их «табелю о ранге» в Украинском гетманстве. При выплате «премии» соотношение рангов не особо учитывалось.

Протасьев прибыл к Хмельницкому 14/24 июля. Он снова повторил уже известный нам вердикт, основанный на челобитной Тетери и Богданова, назначить реестр в 60 тысяч человек. А т. к. царь не знает, какие доходы в Малой России, то сперва нужно их осметить, а потом уже платить, исходя из доходов. Но, «жалуя» за присоединение под «высокою рукою» царя, Алексей Михайлович решил Войско Запорожское наградить. Это было возвращение к первоначальной формуле выдачи жалования, оговоренной в Мартовских статьях, которую в апреле, как мы видели, попытались заменить на выплату жалования из доходов Войска Запорожского.

---

[1] Акты ЮЗР. Т. X. № 4. С. 251 (Чигиринский, Белоцерковский, Корсунский, Черкасский, Каневский, Уманский, Брацлавский, Киевский, Паволоцкий, Винницкий, Переяславский, Черниговский, Нежинский, Миргородский, Прилуцкий, Полтавский). В списках присяг вообще 11 и 12. Акты ЮЗР. Т. X. № 4. С. 239–240; ВУсР. Т. III. № 226. С. 517. В современной публикации присяжных книг 1654 г. ошибочно фигурирует цифра 18 полков. Присяжні книги 1654 р. Білоцерківський та Ніжинський полки. К., 2003. С. 6.

[2] Реєстр Війська Запорозького 1649 року. К., 1995. С. 12.

[3] *Прозоровский Д. И.* Монета и вес в России до конца XVIII столетия. М., 1865. С. 285.

Соотношение назначенного жалованья и выплаченного с П. Протасьевым

Статьи 14 марта	Мартовские статьи	Роспись посланного жалованья	Расходная тетрадь Протасьева
Полковник – 100 ефимков	Полковник – 100 ефимков	1 золотой в 3 золотых	1 золотой в 3 золотых
Есаул полковой – 200 золотых	Есаул полковой – 200 золотых	1 золотой червоный	1 золотой червоный
Есаул войсковой – 400 золотых	Есаул войсковой – 400 золотых	1 золотой в 3 золотых	1 золотой в 3 золотых
Сотник – 100 золотых	Сотник – 100 золотых	1 золотой червоный	1 золотой червоный
Казак – 30 золотых [1]	Казак – 30 золотых [2]	1 золотой менший [3]	1 золотой менший [4]

Протасьев вручил гетману и старшине золото и соболей, после чего попросил гетмана, чтобы «всем войсковым лестровым казаком, сороку двум тысячам, дали роспись, по чему нам, холопем твоим, твоего, государева, жалованья запорожскому войску роздавати». Такая просьба застала гетмана врасплох, и он заявил, «что он о той росписи подумает с полковниками» [5]. Протасьев стоял на своем, и на следующий день опять посылал, чтобы дали роспись. Хмельницкий ответил, «что у него еще о той росписи с полковниками не договоренность», т. е. решение не принято [6].

Через два дня, 16/26 июля, к Протасьеву пришли И. Выговский, войсковой судья С. Богданов и миргородский полковник Г. Лесницкий. И, «выслав товарыщей и людей своих и наших людей из шатра... гетман де с ними о том на всякие меры розмышлял, как бы войско запорожское розобрати и написати роспись, кому быти в списковых казаках». Посовещавшись, они приняли решение, «что такой росписи ныне учинить на шестьдесят тысячь никакими обычаи не уметь». Они объясняли, что собрались на войну «болшим сбором, кто был и не казак, и тот ныне казак, а все де они ставятца в ровеньстве казаками». Особенно интересно заявление, что

[1] Акты ЮЗР. Т. X. № 8. С. 451.
[2] Там же. С. 481.
[3] РГАДА. Ф. 124: Малороссийские дела. Оп. 1. 1654. № 39. Л. 14–15.
[4] РГАДА. Ф. 124: Малороссийские дела. Оп. 1. 1654. № 13. Л. 1–2.
[5] Акты ЮЗР. Т. X. № 15. С. 692–693.
[6] Там же. С. 694.

якобы со времен Зборовского договора реестры не составлялись («а которые де были у них наперед сего казаки лестровые, как писаны были под Сборажем, и те де люди многие побиты и померли, а после де того они войску запорожскому лестра не делали и не переписывали») [1]. У полковников, мол, тоже списков нет: «у них де людей и прибывает и убывает; а в котором де полку наперед сего было по тысяче и по две тысячи человек, а ныне де в тех полкех есть и по пяти тысячь» [2].

Отметим, что у нас есть основания не доверять этим словам. Во-первых, во время присяги русским 1654 г. полковники представляли воеводам списки казаков. Во-вторых, как мы увидим ниже, И. Золотаренко такой список представил. Очень трудно поверить, что полковникам, а тем более сотникам не были известны их люди поименно. Показательно, что всего через три дня в своем письме к царю Б. Хмельницкий оправдывался, что в составленных списках казаков, которые отправились на войну, «больш ста тысеч... а жалованья царского... точию на шесдесят тысеч казаком» прислано [3]. Непонятно, почему в 1649 и в 1651 гг. Хмельницкий мог составить реестр, как того требовал договор с Речью Посполитой, а в 1654 г. – нет. Совершенно очевидно, что списки имелись, и за нежеланием раздавать «жалование» стояли другие причины.

И тут впервые в истории русско-украинских отношений гетман и старшина открыто заявляют, что они не могут составить реестр из-за опасения возможных бунтов, т. к. желающих считаться «казаками» значительно больше («...ныне де их есть в сборе со сто тысячь и болши, и того де, государь, ныне учинить им роспись штидесят тысячам и писати росписи выбором никак не уметь, потому: у них де, государь, в войске будет рознь и смута болшая; которые не будут написаны в лестру, и те де все пойдут по домом своим и служить не похотят») [4]. Тот же аргумент приводился и в уже цитированном выше письме Хмельницкого: и «ныне бы козаки рокош подняли и на службу твою государскую не пойдут» [5].

---

[1] Акты ЮЗР. Т. X. № 15. С. 694.
[2] Там же. С. 695.
[3] Док. БХ. № 271. С. 373.
[4] Акты ЮЗР. Т. X. № 15. С. 695.
[5] Док. БХ. № 271. С. 373.

Столкнувшись с настойчивым желанием русской стороны внедрить одно из положений Мартовских договоренностей, гетман и старшина начали отговариваться «военным временем» и перекладывать исполнение «на потом». Они заявили, что, когда исчезнет внешняя опасность, «тогда мочно после службы казаков розобрать и в лестр написати лутчих людей» [1].

Интересно, что генеральный судья С. Богданов, принимавший участие в переговорах в Москве, попытался достигнуть компромисса и предложил: «мочно де вам, полковником, взять государево жалованье всякому в свой полк и поздать, по чему кому достанетца». И миргородский полковник «на судью Самойла зашумел с великою досадою: то де вы хотите того, чтоб нас, полковников, казаки побили? Ведаешь де, какие у нас люди самовольные? Кому де... жалованья недостанет, и они де чают, что мы, полковники, тем завладели сами» [2].

Поступая таким образом, старшина показала русским свою слабость, зависимость от «черни», не говоря уже о нежелании исполнять Мартовские договоренности. Хмельницкий отдавал себе отчет, что царю не мог понравиться отказ принять награду. Поэтому в своем письме он благодарил за посылку жалованья, всячески оправдывался и просил не гневаться на Протасьева за то, что тот не выполнил поручения [3].

Почему старшина так резко выступила против принятия жалования? М. Грушевский пытался объяснить это попыткой заставить московское правительство отказаться от украинских доходов. К тому же, по мнению историка, Хмельницкий и его окружение не собирались вводить плату казакам [4]. Нам такая гипотеза представляется ошибочной. Во-первых, как мы видели выше, именно казацкая старшина во время переговоров в Москве выступила с требованием, чтобы казакам платили (и такая идея вовсе не была восторженно встречена русскими). Во-вторых, если кто-то из старшин и не хотел платить казакам, то это означало только их

---

[1] Акты ЮЗР. Т. X. № 15. С. 696.
[2] Там же. С. 696.
[3] Док. БХ. № 271. С. 373.
[4] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. IX. Ч. 2. С. 926.

недальновидность и сиюминутность. Весь опыт существования украинского казачества показывал опасность наличия большого числа «показаченных», не имеющих жалования и, соответственно, не подчиняющихся дисциплине. Как мы говорили ранее, эта простая мысль была ясна еще Петру Сагайдачному. Мы не склонны думать, что и сам Б. Хмельницкий, и большинство в его ближайшем окружении не понимали этих реалий.

Так в чем же была причина? Нужно вспомнить, что лето 1654 г. – это разгар «бунта Сулименко», крайне встревожившего Б. Хмельницкого и его окружение. Именно поэтому полковники и отказывались выплачивать царское жалование, чтобы не поднимать вопрос о «реестре» и не злить «показаченных» в разгар военной кампании. Царское правительство, о чем мы говорили, резко осадило приграничных воевод, вступивших в контакты с сулимовцами. Но теперь инцидент с Протасьевым наверняка был учтен, и в дальнейшем фактор внутренних конфликтов был весьма успешно использован против гетманской администрации.

В этом эпизоде прослеживается и назревающий раскол старшины. Отметим, что И. Золотаренко охотно берет жалованье и выплачивает его своему войску [1]. Это создает прецедент.

На этом попытки начать имплементацию Мартовских соглашений в аспекте финансово-административного участия русских властей в управлении Украинским гетманством приостанавливаются. А затем неожиданно и резко этот вопрос возникает в конце 1654 г. К тому времени значительная часть Белоруссии переходит под контроль русско-украинских войск, также был взят Смоленск.

Завершение первого похода ставит вопрос об устройстве нового государства. Именно о нем идет речь во время посольства А. Матвеева. Это не просто глава Стрелецкого приказа, а одно из наиболее близких и доверенных лиц царя. Совершенно непонятно, почему историки недооценивают серьезность постановки вопросов, заявленных на этих переговорах. Историки России вообще не уделили внимания данному событию. Даже С. Соловьев не писал о

[1] РГАДА. Ф. 124: Малороссийские дела. 1654. № 27. Л. 1.

нем. М. Грушевский тоже явно недооценивал важность этих переговоров.

На самом деле Алексей Михайлович и Никон, несмотря на все внешние успехи военного похода, находились в очень непростой ситуации. Москва и центральные регионы России были охвачены чумой. Царь несколько месяцев не мог вернуться в стольный град. Начались бунты.

А. Матвеев был отправлен 23 ноября с. с. и уже 3 (13) декабря находился у гетмана. Собственно, перед Матвеевым стояли два комплекса задач:

1) добиться от Хмельницкого наступления на поляков (Корону);

2) договориться об устройстве новоприсоединенных территорий – о системе управления Украинским гетманством.

Для украинской стороны такая постановка вопроса была совершенно некстати: разгар военных действий на польском фронте; вместо ожидаемого мира – катастрофические последствия опустошения Брацлавщины. Если на предложение о наступлении на Корону Хмельницкий сразу ответил отказом, сославшись на то, что он опасается крымских людей и султана [1], то со следующими положениями было все гораздо сложнее.

Первое заявление Матвеева, видимо, стало совершенно неожиданным для гетмана и старшины: царь объявлял о намерении сделать Киев столицей и построить там свой двор («изволил он, ц. в., Киев учинить для своего царского пришествия столицею и двор свой, ц. в., и на всякие его, ц. в., обиходы построить покои. А столицею Киев и двор хочет учинить для того, что ему, в. г., образу Пресвятыя Богородицы и святым мощем Онтония и Феодосия печерских и иных святых мощем помолитца и для того, как будет Киев столицею, и двор ц. в., и его, ц. в., приход и неприятелю полскому королю будет страшен») [2]. Ответ Хмельницкого, даже в

---

[1] РГАДА. Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. № 1471. Л. 60.

[2] М. Грушевский совершенно нивелировал важность заявления Матвеева неправильным переводом текста на украинский язык: «його цар. в. зволив зробити Київ столицею, *на випадок свого приходу* збудувати царський двір...». *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. IX. Ч. 2. С. 1032. Следом за ним не предавал значения этому эпизоду и Б. Флоря. *Флоря Б. Н.* Переяславская рада 1654 г. и ее место в истории Украины // Белоруссия и Украина. Ежегодник 2004. М., 2005. С. 25.

официальном изложении статейного списка, был весьма сдержанным и лишенным восторженных приветствий такой инициативы: «На воли в. г. ... как ему, в. г., Бог известит, не токмо Киев и все – его царского величества. А что он, в. г. ... изволил Киев учинить столицею и свой ц. в. двор устроить и ему, государю, о том Бог известил, а мы такой премногой милости ц. в. зело жадны» [1].

Сама постановка вопроса о переносе столицы в Киев в то время, как Москва была охвачена эпидемией чумы, крайне интересна. К тому же столица Украинского гетманства находилась в Чигирине (куда в Москве даже не планировали посылку воевод), а Киев был столицей митрополичьей, резиденцией Сильвестра Косова. Т. е. такое заявление А. Матвеева могло содержать скрытую претензию на Киев как на «религиозную столицу Руси», по сути – на Киевскую митрополию [2].

Если первый пункт еще оставляет некоторый простор для трактовки, то второй уже не вызывал сомнений, что в ближайшем окружении царя было принято решение об изменении всей структуры Украинского гетманства, ведь, как известно, полковой принцип лежал в основе административного управления. Гетману предлагалось создать полки солдатского строя в 10 тысяч человек – распределив их по всем городам, «где чает» прихода «польских и крымских ратных людей». Учитывая военную ситуацию конца 1654 г., речь шла о большинстве городов Украинского гетманства. Эти полки солдатского строя следовало устроить «кроме тех, которые в леестре написаны». Для их обучения царь собирался прислать «полковников, и полуполковников, и маеров, и капитанов, и всяких урядников салдацкого строю». И уже после завершения обучения из числа местных обученных планировалось назначить новых офицеров. Солдатам должны были платить жалование по пять злотых из доходов Украинского гетманства (!) (для сравнения: казакам полагалось

---

[1] РГАДА. Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. № 1471. Л. 68–69. В. Смолий и В. Степанков про превращение Киева в столицу ничего не пишут и только без всяких комментариев отмечают, что Хмельницкий отказался вводить полки солдатского строя и воевод. *Смолій В. А., Степанков В. С.* Богдан Хмельницький. Соціально-політичний портрет. К., 2009. С. 505.

[2] *Плохій С.* Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. С. 332, 338.

30 злотых). Существование полков солдатского строя в Украинском гетманстве предполагалось вплоть до установления мира [1].

Ответ Хмельницкого был жестким и безапелляционным: «топере де салдацких полков устроить кроме леестровых казаков никоими мерами нелзе, потому что наступили на них неприятели – коронной и польной гетманы и крымские люди. А как Бог даст милость свою, неприятели от них отступят или над неприятели какой поиск учинят, и он де, гетман, в те поры ц. в. про то ведомо учинит» [2].

Третий пункт касался сбора налогов и введения воеводского правления. Причем предлогом служило заявление, что царю якобы стало известно: «в запорожских городех и в уездех жилецким людем от приезжих людей чинитца налога и обида великая». А вот если будут в городах воеводы «и они жилецких всяких людей приезжим людем никому в обиду недадут, и ото всякого дурна станут их оберегать».

Ответ гетмана был таким же, как и в вопросе о полках солдатского строя: теперь нельзя, т. к. военное время, а потом он царю «ведомо учинит» [3].

---

[1] РГАДА. Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. № 1471. Л. 73–75 («велел тебе, гетману, говорить, чтоб устроить для обереганя от приходу польского короля и от крымского хана ратных людей на тех городех, где их чает полков салдацких тысеч десят, а чтоб их собрал кроме тех, которые в леестре написаны, и научить салдацкому строю, а для наученя на время, покаместь салдацкому строю научатца, и ц. в. изволит прислать полковников, и полуполковников, и маеров, и капитанов, и всяких урядников салдацкого строю, а как те салдацкому строю научатца, и в те поры ц. в. укажешь быти в полковниках и во всяких урядниках ис тех, которые тому салдацкому ученю будут научины. А чтоб тем салдатом, десяти тысячем, давати корм против салдат на месяц по пяти злотых польских ис скарбы, которые збирают в запорожских городех. И быть бы тем салдацким полком на тех городех, где чает приходу от полских и крымских людей, покамест милостивый Бог спокоит миром»). (У М. Грушевского неверная нумерация.) Грушевский цитирует этот пункт, но почему-то совершенно не придает ему значения, хотя налицо попытка изменить устои Украинского гетманства. *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. IX. Ч. 2. С. 1033. Нельзя согласиться с Ф. Шевченко, который пользовался материалами посольства А. Матвеева в пересказе Грушевского, что проект был вызван «желанием многих казаков вступить на службу в киевский гарнизон». Зато можно разделить его гипотезу, что в дальнейшем старшина использовала этот пункт «в ее антимосковской агитации». *Шевченко Ф. П.* Русские воеводы на Украине. С. 151.

[2] РГАДА. Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. № 1471. Л. 76.

[3] Там же. Л. 77 («топере де в запорожских городех ц. в. воеводам быти нелзе, потому что ныне ц. в. на запорожские городы наступил неприятель и запорожских городов ратные люди идут с ним, гетманом, против неприятелей, и росправы воеводам чинить ныне нечево. А как Бог даст милость свою, уступят неприятели или какой поиск учинят, и он в те поры про то царскому величеству ведомо учинит»).

Интересно, что статейный список не содержит никаких известий о дискуссии: предложили – отказал. Но предлагал-то царь своему подданному!

Посольство А. Матвеева показывает, какая бездна непонимания существовала между гетманом и царем всего через год после официального присоединения. Или точнее – через целый год после присоединения. Б. Хмельницкий находился в тяжелейшей военной ситуации, одной из самых трагических со времен начала восстания. Как раз в это время он заваливал русских письмами о военной помощи [1]. Но для Москвы гибель тысяч новых подданных и опустошение Брацлавщины были несущественны по сравнению с присоединением Белоруссии и Смоленска. А вот идея о введении полков солдатского строя, вероятнее всего, связана как раз с проблемами укомплектования реестра и выдачей жалования казакам. В Москве хотят обустроить новую территорию, по возможности оградив себя от проблем и расходов.

По итогам посольства Матвеева Б. Хмельницкий отправил царю очень сухое письмо. В нем он выражал радость по поводу военных успехов русских войск в Белоруссии, сообщал о совместном выступлении с В. Б. Шереметевым против польских войск, «усердно молил» «боронить» от врагов и заключал: «А что по указу т. ц. в. нам Артемон Сергеевич Матвеев сказывал, мы того всего выслушал, да и он про иные вести, которые у нас обретаютца, словестно твоему ц. в. скажет» [2].

Первый опыт прямого военного сотрудничества с В. Б. Шереметевым не принес успеха. В тяжелых перипетиях битвы под Дрыжеполем у гетмана и полковников (в частности, у И. Богуна) происходят первые прямые столкновения с воеводой [3]. Очень показателен вызывающий ответ Б. Хмельницкого В. Б. Шереметеву 21/31 марта 1655 г. на запрос о каком-то коне жителя Курска Федосея Мамонтова – «об этом не знаем, от отца своего достаточно получили» [4].

---

[1] Док. БХ. № 290. С. 292–296.

[2] Док. БХ. № 298. С. 409–420.

[3] *Kochowski W.* Historya panowania Jana Kazimierza. T. I. Poznań, 1859. S. 205–206; *Величко С.* Летопись. Т. 1. С. 210–212.

[4] Оригинал: «ми о том не відаем, із отца нашого мілисмо свого доста». РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. № 58. Л. 1. Опубликовано: Док. БХ. № 302. С. 416; в Акты ЮЗР. Т. XV. С. 563–566 опубликовано по копии XIX века.

К сожалению, не существует источника, передающего реакцию Алексея Михайловича и его ближайших советников на отказ Хмельницкого на требования, переданные с А. Матвеевым. Такое поведение нового подданного не могло не вызывать вопросов со стороны московских властей. Причем если полки солдатского строя не предусматривались Мартовскими соглашениями, то вопросы о сборе налогов и воеводах там оговаривались.

Первые ссоры и конфликты

Проходит больше года, идут военные действия, меняется геополитическая ситуация, и только в феврале 1656 г. русские послы возвращаются к вопросам внутреннего устройства Украинского гетманства. Внешняя ситуация была на этот раз совершенно иная: шведский «потоп», потрясший Речь Посполитую и поставивший под угрозу все достижения русско-украинских войск в Белоруссии; поход Б. Хмельницкого и В. Бутурлина в Западную Украину, поражение от татарских войск и начало украино-шведских переговоров. Военное положение Украинского гетманства было теперь значительно предпочтительнее той ситуации, в которой оказались русские войска в Великом княжестве Литовском. Хмельницкий видел в союзе со шведами возможность окончательно покончить с Речью Посполитой, а окружение царя искало пути сближения с литовской и польской элитами для получения царем титулов князя и короля.

3/13 февраля 1656 г. к Хмельницкому отправляют думного дьяка Лариона Лопухина. На этот раз посольство столь высокопоставленного лица было вызвано серьезными сомнениями в благонадежности гетмана и всего Украинского гетманства. Лопухину в наказе прямо приписывалось: проведывать, «крепок ли к нам будет гетман Богдан Хмелницкои и полковники... и нет ли в нем, гетмане, и в Войска Запорожском какие шатости» [1].

Поводом к таким сомнениям послужил эпизод с неверным переводом с украинского языка письма И. Нечая, выполненным в Посольском приказе. Подробнее мы рассмотрим этот

[1] РГАДА. Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. № 1467. Л. 96. В. Смолий и В. Степанков в своей работе рассматривают только белорусский и внешнеполитический аспекты посольства Лопухина.

эпизод в главе, связанной с противостоянием русской и украинской администраций в Белоруссии. Сейчас только скажем, что в Москве из универсала Б. Хмельницкого решили, что он приписал «Могилев к полку Нежинскому, да к тому ж полку Нежинскому приписан город Чичерск, и Кричев, и Радомль, и Рясна, и Горы, и Горки, и Чересов, и Ново Быхов» [1]. Это истолковали как попытку изменить административные границы. А чуть позже использованный в письме белорусского полковника И. Нечая термин «пановане» был истолкован как «государствование», и, соответственно, это сочли покушением на царскую власть («А ему было таким имянованьем писатись не годилось, потому что на всей Великой, и Малой, и Белой Росии по милости Божей царствуем и пишемся государствуем мы, великий государь» [2]).

Ожесточенные споры велись вокруг этих «преступлений», а также требований русских воевод вывести казацкие полки из Белоруссии. В данном случае нам интересно, насколько по-разному стороны оценивали ситуацию. Лопухин требовал вывести казаков из Могилева и Чаус и не принимать в казаки «мужиков». При этом дьяк ссылался на наступление мирного времени («неприятеля нигде нет») [3]. Хмельницкий на это возражал: польский король стоит с войском во Львове, а с ним у великого государя договора нет («о войне ничего не докончано»). А теперь еще наступает другой неприятель – шведский король. «И только ныне тех казаков разорить з домами, и то ведомо будет во всем войске Запорожском, и он, гетман, от казаков отпасаетца всякой шатости, потому что у них люди вольные...» Хмельницкий непрозрачно намекал, что русскому царю следует быть милостивым, а то и польский, и шведский короли мечтают привлечь его и казаков к себе («Первой де великий государь наш, его царское величество, да польской и свейской короли – а все его, гетмана, и черкас хотят, чтоб ему быть при них» [4]).

Эти слова прозвучали столь недвусмысленно, что Лопухин вынужден был напомнить Хмельницкому о присяге. Тот отвечал, что говорит нелицеприятную правду, потому что верно

---

[1] РГАДА. Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. № 1467. Л. 24.
[2] Там же. Л. 85–86.
[3] Там же. Л. 136.
[4] Там же.

служит царю и не хочет допустить, чтобы началась смута. А, мол, «как служба минет» (т. е. война закончится. – *Т. Т.*), «мошно розобрать» казаков, т. е. вписать в реестр только их часть [1].

Как ни возмущался Лопухин, но разговор, видимо, был настолько неприятный, что поднимать вопрос о введении воеводского правления во всем Украинском гетманстве он не решился. А между тем, эта статья была прописана в наказе и повторяла положение посольства А. Матвеева (правда, «приезжие люди» почему-то превратились в «самовольных»). Хмельницкому, согласно наказу, следовало напомнить, что год назад он отговаривался от введения воевод военным временем. Теперь же, по мнению царя, опасности миновали и можно вводить воеводское правление, без которого жить уже «непригоже» [2]. Лопухин должен был сказать, что этот вопрос уже многократно поднимался («Да и на перед сего о том говаривано ж») и было решено положиться на волю царя («и положено то на волю ц. в.»). В связи с этим царь объявлял свое решение ввести воеводское правление «и ныне о том ц. в. изволенье есть, чтоб в черкаских знатных городех быть е. ц. в. воеводам для всякого их обереганя». Правда, было обещано, что «те воеводы прав и вольностей их нарушать ничем не учнут» [3]. И вот Лопухин даже не решился объявить об этом решении царя...

Изложение наказов русским посланцам в Украину о воеводах и налогах

Посольство А. Матвеева	Посольство Л. Лопухина
«ведомо учинилось в. г. нашему, е. ц. в., в запорожских городех и в уездех жилецким людем от приезжих людей чинитца налога и обида великая, и чтоб в запорожских городех быть царского величества воеводам. А как царского величества воеводы в запорожских городех будут, и они жилецких всяких людей приезжим людем никому в обиду не дадут и ото всякого дурна станут их оберегать»	«ведомо учинилось в. г., что в запорожских городах и уездех жилетцким людем от наезду таких же самоволных людей чинитца налога и обида великая и чтоб в запорожских городех быть ц. в. воеводы. А как царского величества воеводы в запорожских городех будут и они жилетцких всяких людей от приезду воровских людей учнут оберегать, а в обиду никому не дадут и росправу учнут чинить добрую»

[1] РГАДА. Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. № 1467. Л. 138.

[2] «И ныне по милости Божией, а царского величества счастьем неприятелей на них нигде не слышно и без воевод в черкаских городех быть непригоже».

[3] РГАДА. Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. № 1467. Л. 48.

Посольство Лопухина впервые выявило еще одну проблему: воеводы в Белоруссии и Смоленске начали распространять на украинских казаков российскую судебную практику – их, в частности, пытали. Как известно, даже в Речи Посполитой казаки были освобождены от любого суда, кроме гетманского. А войсковой суд пытки не применял. Это было покушение на один из основополагающих принципов казацкой вольности. Видимо, в царском окружении нашлись умные люди, которые поняли всю опасность происшедшего. В опережение возможной жалобы со стороны Хмельницкого или полковников Лопухину следовало объяснить происшедшее следующим образом: воевода в Смоленск послал «воровских пашенных деревенских мужиков, а не прямых запорожского войска черкас. Потому что те мужики приставали к воровским козакам и многое воровство чинили. И что им в Смоленске учинено, того не ведомо» [1]. Заметим, этот пункт Лопухин в разговоре с гетманом тоже не поднял, видимо, из-за опасения еще большего ухудшения отношений.

Думный дьяк уехал из Чигирина ни с чем (добиться от Хмельницкого уступок по Белоруссии ему тоже не удалось, как мы увидим ниже) [2]. В Москве продолжали волноваться по поводу «панования». Например, согласно наказу В. Кикину от 28 мая 1656 г. с. с. он должен был напомнить «в розговорех с гетманом и с писарем... послан... в Могилев полковник Антон Жданович; а велено ему про воровство Ивана Нечая сыскать; что он пишет... будто ему велено пановать» [3].

Но доехал Кикин к гетману только к концу августа [4], а к тому времени русские власти волновали уже совсем другие вопросы. Дело в том, что начались Виленские переговоры, и перед Алексеем Михайловичем замаячили перспективы стать королем Речи Посполитой. В таких условиях вопрос о

---

[1] РГАДА. Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. № 1467. Л. 70.

[2] Б. Флоря в своей статье значительно упрощает ситуацию. Он отмечает попытки Матвеева и Лопухина добиться изменений в административном управлении Гетманством, но пишет: «вопросы ни о сборе налогов, ни о воеводах не привели к серьезному столкновению между Москвой и Хмельницким. Московские правящие круги готовы были на серьезные уступки, чтобы удержать Гетманство в орбите своего влияния». *Флоря Б. Н.* Переяславская рада 1654 г. и ее место в истории Украины // Белоруссия и Украина. Ежегодник 2004. М., 2005. С. 25.

[3] Синбирский сборник. № 16. С. 45.

[4] Акты ЮЗР. Т. XI. № 3. С. 809.

внутреннем администрировании Украинского гетманства отходил на второй, если не на третий план.

Ни Кикин, ни посланные в ноябре и в конце декабря 1656 г. соответственно Иван Фомин [1] и Авраам Лопухин [2] о воеводском правлении не вспоминали [3]. Последних заботили исключительно вопросы Виленского перемирия, и Лопухину было велено всячески успокаивать гетмана, недовольного перемирием с поляками: «А будет гетман учнет что говорить сердито, и Авраму (Лопухину. – *Т. Т.*) в те поры молвить ему легонко» [4].

Все меняется коренным образом, когда в Москве становится известно об отправке Б. Хмельницким казаков под командованием А. Ждановича и И. Богуна на помощь трансильванскому князю Ракочи против поляков. Это было прямое нарушение Виленского перемирия, ставившее под угрозу Переяславские договоренности.

Хотя 13/23 марта 1657 г. в своем письме, переданном через В. Кикина, Б. Хмельницкий уверял думного дьяка Л. Лопухина, что, «раз учинивши віру по непорочной заповіди христовой, по вік прямими слугами е. ц. в. зостаем» [5], в Москве были крайне взволнованы. Как совершенно справедливо писал Ф. Шевченко, именно внешняя политика Хмельницкого вызвала «в свою очередь стремление московских политиков сломать всякое сопротивление старшины, ввести под каким бы то ни было видом на Украину своих представителей и войска» [6].

19/29 апреля 1657 г. к Хмельницкому отправляют Ф. Бутурлина и дьяка В. Михайлова, которые в резкой форме выражают недовольство военными действиями гетмана, направленными против поляков, а также предпринимают попытку настоять на выполнении Мартовских договоренностей. Примечательно, что документы посольства были оформлены дьяком Посольским тайных дел [7].

---

[1] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 33.
[2] Док. БХ. № 423. С. 554.
[3] На этот интереснейший факт историки не обратили внимания за обилием других событий.
[4] Акты ЮЗР. Т. VIII. № 46. С. 388.
[5] Док. БХ. № 436. С. 569.
[6] *Шевченко Ф. П.* Русские воеводы на Украине. С. 153.
[7] Акты ЮЗР. Т. III. № 369. С. 589.

К сожалению, до наших дней не сохранился наказ Ф. Бутурлину, но и «статейный список» дает возможность судить о переговорах. Послы ехали довольно долго и были у Хмельницкого только в июне.

Градус накала переговоров передает даже сухой документ официального отчета («и то ты чинишь, забыв страх Божий и присягу свою перед Святым Евангилием и верное подданство»).

Наряду с яростными спорами о внешней политике Бутурлин и Михайлов заявили на переговорах 14/24 июня 1657 г. о необходимости введения воевод. Они ссылались на то, что посланцы Войска Запорожского С. Богданов и П. Тетеря просили, чтобы в. г. «указал быти Малые Росии в больших городех своим ц. в. *воеводам в Киеве, в Чернигове, в Переяславле, в Нежине*, а в иных бы городех воеводам не быти». Имелись в виду переговоры в Москве в марте 1654 г. (в своей ранней работе мы ошибочно посчитали, что речь идет о посольстве Тетери 1657 г.).

Это заявление Ф. Бутурлина о воеводах было частично ложным, как мы увидим из приведенных ниже текстов: про Переяслав и Нежин посланцы в 1654 г. не просили. Далее Бутурлин говорил о договоренности, что доходы будут собирать местные люди и отдавать воеводам и приказным людям. И вот, мол, царь «указал быти своим ц. в. воеводам только в одном городе Киеве, а в иных городех воевод и по се время нет», а далее звучит прямой укор: *«доходов никаких ц. в. со всех городов Малые Росии, опричь киевских малых доходов, в свою царского величества казну ничего не имывал, и те все городы Малые Росии ведаешь и с тех городов всякие доходы збираешь на себя ты же, гетман»* [1].

Ответ уже тяжело больного на тот момент Б. Хмельницкого был раздраженным и резким: «...судье де Самоилу и полковнику Тетери он, гетман, не приказывал и в мысли у него не бывало, чтоб ц. в. в больших городех, в Чернигове, в Переяславле, в Нежине, велел быти своего ц. в. воеводам, а доходы бы, сбирая, отдавати царского величества воеводам. Будучи он, гетман, на трактатах ц. в. с ближним боярином и наместником тверским с Васильем Васильевичем Бутурли-

[1] Акты ЮЗР. Т. III. № 369. С. 567.

ным с товарыщи, только домолвили, что быти воеводам в одном городе Киеве...» [1]. Это была правда. Как мы видели, в Переяславле договаривались о присутствии воеводы исключительно в Киеве. Но мог ли гетман не знать то, что было в наказах к его посланцам и в Мартовских статьях? Т. е. о Чернигове? Невозможно. Забыл, понимал по-своему или не придавал этому значение? Скорее, последнее.

Про доходы Хмельницкий сказал, что они «в Малой Росии небольшие, а которые к нему с которых городов и пришлют, и то все расходится на кормы послом и посланником розных государств и на всякие войсковые потребы» [2].

Изменение положений о введении воеводского правления

Статьи Тетери и Богданова 13 марта 1654 г. с. с.	Статейный список Ф. Бутурлина	«Отпуск» посланцев, март 1654 г.
«Чтоб указал государь быть своим государевым воеводам в больших городех, в Киеве да в Чернигове, а в иных бы городех воеводам не быть. А будет государь и по всей Малой Росии своим государевым воеводам быть не велит, а прикажет ведать гетману по-прежнему, и гетман де учнет присылать ко государю казну по всякой год, сметя сколко доведетца местным делом»	«указал быти Малые Росии в больших городех своим ц. в. воеводам в Киеве, в Чернигове, в Переяславле, в Нежине, а в иных бы городех воеводам не быти; а доходы бы всякие Малые Росии с городов сбирати вашим людем, а сбирая, давать ц. в. воеводам и приказным людем, потому: как де учнут доход сбирати на ц. в. их люди козаки, и хотя де кому покажется и тяжело, и за то досадовать никто не станет, потому что учнут делать по их же правам, а переписати б те все доходы и в смету положить кому он, в. г., укажет, своему государеву человеку»; «указал быти своим ц. в. воеводам только в одном городе Киеве»	«О воеводах: чтоб быть в Киеве и в Чернигове. И посланники сказали: в том де воля государева»

О введении полков солдатского строя уже речи не было, зато Бутурлин поднял вопрос о стрельцах, которые должны были находиться при воеводах. Гетману ставили на вид, что по указу царя «...велено в Киеве стрельцам жити с женами и с детми и дать им под дворы места и под пашни земли...». А киевский полковник и войт землю под дворы не дают, и «те стрельцы с женами и с детми живут по шелашам» [3].

[1] Акты ЮЗР. Т. III. № 369. С. 569.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 579.

Реакция гетмана и старшины весьма показательна. Хмельницкий заявил, что давно в Киеве не был, но там до сих пор «хлопоты и плач великий» из-за земли, отнятой под строительство крепости. Но еще более резко против выступили писарь И. Выговский и генеральный есаул Иван Ковалевский («говорили шумно»). Они кричали, что, если отнять земли у церкви или частные дома мещан и казаков, а затем отдать их стрельцам – «и тем будет навести на себя лютая беда!». Причем прозвучала весьма грозная параллель: «ляхи у гетмана отняли Суботово, и за ту кривду и по ся места крови проливаются».

Далее идет уже знакомая трактовка украинской стороной смысла размещения русских гарнизонов: «А в Киеве мочно пробыть и без московских стрельцов, *такими малыми людьми от неприятелей будет не оборониться* (курсив мой. – *Т. Т.*). И отказали о том впрям». Т. е. Б. Хмельницкого интересовало присутствие русских только в качестве военной защиты.

В этот раз из статейного списка видно, что русские воеводы пытались спорить и настаивать на своем: «И окольничей и дьяк говорили: то дело статочное ли, что отговариватеся мимо всякие правды не делом?». В частности, они предлагали взамен церковным, монастырским, казацким и мещанским землям отдать бывшие владения польской шляхты или католических монастырей [1]. И напрямую стыдили старшину: «как есте Бога не боитесь и стыда не имеете! То ли брацкая любовь единоверным православным християном?» [2]. Последнее восклицание особенно примечательно. Как видим, речь шла только о православном единстве, а «братского единства народов» русские воеводы не вспоминали...

Правда, на следующий день, немного остыв и подумав, к русским пришел И. Выговский и сказал, что Б. Хмельницкий послал в Киев «товарыша нашего Ивана Воловича для приискиванья мест, где б стрельцом и иным жильцом его ц. в. под дворы места и под пашню земли отделено было особливое» [3]. По сравнению с вопросом о воеводах это был фиговый листок. Ничего большего Ф. Бутурлин добиться от гетмана не смог.

---

[1] Акты ЮЗР. Т. III. № 369. С. 580.
[2] Там же. С. 581.
[3] Там же. С. 584.

Полномочия русских воевод

На этом месте хотелось бы остановиться и понять, какие функции планировали в Москве передать воеводам по прошествии двух лет с момента присоединения. Некоторое представление об этом дает наказ киевскому воеводе А. Бутурлину (от 1/11 мая 1656 г.), который должен был сместить Ф. Ф. Волконского. Сразу отметим, что основная часть распоряжений касалась того, как беречься от прихода неприятелей. Воевода должен был забрать «ключи городовые и острожные, и город, и острог...», наряду со списками «служилых людей», «наряд и государеву денежную казну», всякие запасы «и книги и приходные, и росходные всяким киевским денежным доходам». Все эти данные следовало направить в Разряд (как мы помним, Малороссийского приказа еще не существовало) [1]. Воевода получал право регулировать население Киева («беречи накрепко, чтоб киевские городские люди жили все в городе и в остроге по-прежнему... а выселятца из города никаким городцким людем без государеву указу не велеть») [2]. Эти полномочия дополнялись правом контролировать всех прибывающих в Киев людей, которым следовало лично являться к воеводе, а он должен был заносить их в соответствующие книги [3].

Более неожиданным и уже напрямую вторгающимся в обычаи Украинского гетманства было право воеводы не только следить за разбоем, но и заведовать корчмарством, проституцией и азартными играми. Причем, если кто бы осмелился «корчму, и блядню, и зернь, и табак держать», их следовало «пытати... и велеть их держать в тюрьме до государева указу с великим береженьем», а затем «за воровство

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XV. № 3. С. 120.

[2] Там же. С. 125.

[3] «Велеть прокликать, заказ крепкой учинить: которые люди придут в Киев из *московских, и из украинных, и из северских городов*, и из уездов ко племяни, или для каких своих промыслов, и те б люди являлись им в приказной избе, а не явясь бы, ников человек в Киеве и в слободах никто ни у ково не жил». Записывать в книги, кто, откуда, для какого дела «и знатцов на тех прихожих и приезжих людей велеть перед собою с очи на очи ставить и тех знатцов роспрашивати ж», а если никто не знает, «и им про то сыскивать всякими сыски накрепко, и в воровстве и в измене давать на крепкие поруки с записми, а по которых поруки не будет, и им тех людей до сыску держать в тюрме». А сторожам никого не пропускать, если пропустит – быть «в великой опале и в болшом наказанье безо всякие пощады». Акты ЮЗР. Т. XV. № 3. С. 129–130.

велеть бити кнутом и батоги, смотря по вине и по человеку, и сажать в тюрму на время, а корчемское, питье и суды винные у корчемников велеть вынимать и отдавать питье на кабак... да у них же за их воровство животы их отписывати на государя» [1]. Корчма, с добавлением проституции, азартных игр и курения табака – совершенно нормальные явления в тогдашней Украине. И подобный указ воеводе противоречил всей сложившейся действительности. Тем более, что он дополнялся запретом торговать вином и табаком [2]. Отметим, что даже при Петре I такие ограничения не распространялись на Украину.

Наконец, воеводе предписывалось собирать «таможенную пошлину... прямо по государеве указной грамоте» и разбирать судные дела [3].

Введение подобных функций воевод могло привести к социальному взрыву, т. к. нарушало сложившиеся экономические и социальные реалии украинского общества, в котором торговля вином и табаком играла ключевую роль, а судебные привилегии рассматривались как основа «старинных вольностей».

Наказ воеводе Алексею Чирикову, направленному в Полтаву 26 апреля 1658 г. с. с., свидетельствует о том, что в Москве, по мере нарастания конфликтов с украинской стороной, все более осторожно относились к функциям воевод. Этот наказ можно разделить на три части:

---

[1] «И того беречись, чтоб в Киеве на посаде, и в слободах, и в Киевском уезде, и в селех, и в деревнях разбою, и татбы, и *корчмы, и блядни, и зерни*, и инова воровства не было». А если кто будет «корчму, и блядню, и зернь, и табак держать... и которые люди объявятца в воровстве, и тех людей пытати... и велеть их держать в тюрьме до государева указу с великим береженьем... А которые люди учнут ково бить или грабить или корчму, и блядню, и зернь, и табак держати... или в посылки для государевых дел ездить не учнут... и им тех людей... за воровство велеть бити кнутом и батоги, смотря по вине и по человеку, и сажать в тюрму на время, а корчемское, питье и суды винные у корчемников велеть вынимать и отдавать питье на кабак в чену... да у них же за их воровство животы их отписывати на государя». Акты ЮЗР. Т. XV. № 3. С. 125–126.

[2] «А которые купцы в Киев приедут с продажным вином и табаком, и тем купцом в Киеве вином торговать и табаку продавать не велеть и тех купцов с продажным вином и с табаком ворочать назад, а то велеть сказывать, чтоб они и впредь в Киев и в иные ни в которые городы с продажным вином и с табаком не приезжали, а безчестья им и грабежу и инова никакова дурна учинить не велеть... которые впредь приедут в Киев с продажным вином и с табаком, и у тех велено бочки разсекать, а табак велено у них имать и жечь...». Акты ЮЗР. Т. XV. № 3. С. 132.

[3] «А которые люди на ково в обидах и в насилствах учнут бить челом государю в правех, и тем людем велеть приносить к себе челобитные, а по челобитным тех людей судить и сыски всякими сыскивать накрепко». Акты ЮЗР. Т. XV. № 3. С. 127.

1. Военные функции (по указу царя в городах, где воеводы «и в тех городех служилые люди, и стрелцы, и салдаты в воротех по городу и по острогу в день и в ночь бывают на стороже», а на ночь ворота затворяют и запирают «для всякого береженья») [1].

2. Получение воеводами помещений (написать, что к приезду «где ему стать, дворы очистили») [2]. Этот пункт не мог радовать горожан.

3. Что касается остальных полномочий, то воеводе разрешалось разбирать судебные дела исключительно «на государевых людей... и про то сыскивать... и ото всякого дурна и от воровства унимать и за воровство чинить наказанье...». Любые жалобы на казаков следовало пересылать «к полковнику и велеть ему говорить, чтоб он, против их челобитья... росправу учинил», а если казаки будут бить челом на государевых людей, «меж ими всякую росправу учинить безволокитно».

В наказе особенно подчеркивалось: «А опричь того ему, Олексею, ни в какие тамошние дела без государева указу не вступатца» [3].

Попытка ввести воеводское правление в 1657 г.

Бутурлин еще только подъезжал к Чигирину, когда из Москвы в Украину выслали следующее посольство. На этот раз с более секретной миссией. Подготовка посольства началась еще 19/29 мая [4]. Но только через десять дней, 29 мая с. с., была написана грамота к князю Ракочи, служившая прикрытием Желябужскому. На следующий день он вместе с толмачом Дорофеем Остафьевым отправился в путь [5]. С ним были отправлены «переводчик» Иван Семенов и подьячий Александр Титов [6]. К сожалению, у нас нет возможности проверить, переводчиками с каких языков они были.

Отметим, что роли И. Желябужского в начавшихся в Украине бунтах уделяли внимание многие историки. Они

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XV. № 3. С. 154.
[2] Там же. С. 152.
[3] Там же. С. 155.
[4] От этой даты была подготовлена грамота И. Нечаю, которую повез Желябужский. РГАДА. Ф. 40. Оп. 1. 1657. № 1. Л. 15–16.
[5] РГАДА. Ф. 40. Оп. 1. 1657. № 1. Л. 22, 30.
[6] Там же. Л. 56–57.

использовали опубликованные еще в XIX в. статейный список и отписки Желябужского. Но некоторые дополнительные детали этого загадочного посольства дают наказ [1] и материалы «отпуска», хранящиеся в РГАДА. Вероятно, имелся еще «тайный наказ», который не сохранился – об этом мы можем судить по использованным в статейном списке шаблонным заготовкам, отсутствующим в основном наказе. К тому же в документах за следующие месяцы мы не раз будем видеть наличие «тайного наказа» у русских посланцев в Украине. Наконец, косвенным подтверждением наличия с самого начала тайных поручений служит присланный «вдогонку» указ царя оставаться в Корсуни и все разведывать, а к Ракочи не ехать, обо всем писать, «а проведывали бы еси тайным обычаем, чтоб было незнатно... А сю нашу в. г. грамоту держал бы еси у себя тайно, чтоб у тебя про то никто не ведал» [2].

Отправленный согласно официальной версии «к Ракочи» Желябужский должен был «наперед» поехать в Чаусы к полковнику И. Нечаю, а затем – к А. Ждановичу (командовавшему казаками, посланными на помощь Ракочи) [3]. При этом везде приказывалось «разведывать», а в местах и городах – разговаривать [4]. О чем должны были быть эти «разговоры», становится ясно из статейного списка. И еще любопытный момент: Желябужскому, который не должен был встречаться с гетманом и который так и не доехал до Ракочи, было выдано для раздачи множество соболей. Причем если жалкие остатки «дешевых» он сдал по возвращении [5], то самые дорогие (сорок соболей в 8 рублев) он все раздал. Обычно такие дорогие подарки были строго расписаны, но в данном случае в наказе просто говорилось: «и где он от какова дела что даст, и ему то записывать». К огромному сожалению, самóй расходной ведомости не сохранилось, но мы можем не сомневаться, что перед Желябужским были поставлены очень сложные секретные задачи, с которыми он успешно справился.

---

[1] М. Грушевский писал, что наказ отсутствует. *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. IX. Ч. 2. С. 1382.

[2] Рус. ист. библ. Т. 8. Ст. 1284–1285.

[3] РГАДА. Ф. 40. Оп. 1. 1657. № 1. Л. 14, 30 об.

[4] Там же. Л. 30, 38.

[5] Там же. Л. 84.

Интересно, что Желябужский являлся очень нестандартной фигурой для проведения посольских миссий. Он был только «дворянином», ему было 19 лет (!). Имея польские корни, он мог понимать украинский язык. Вообще посылка Желябужского, столь несвойственная Посольскому приказу, показывает, что царское окружение находилось в тупике в своей украинской политике и искало какие-то чрезвычайные меры [1]. Ведь поездки ближайших и самых влиятельных в Москве людей (А. Матвеева, Л. Лопухина и др.), как мы видели, ни к чему не приводили. Кстати, и статейный список Желябужского значительно отличается от стандартных воеводских, содержа намного больше ярких выражений и пересказов прямой речи (что, возможно, объясняется тем, что Желябужский, автор первого русского дневника, сам все записывал).

Многим современникам миссия русского дворянина сразу казалась подозрительной. Так, стародубский писарь прямо спросил его: «для де чего ты едешь к Ракоце по нашим городам, не прямою дорогою?.. Мы де чаем тем путем едешь не для Ракоцы: смечаешь де ты казачьева войска и досматриваешь городов, каковы наши городы крепки...» [2] Это прямое обвинение в шпионаже.

Если обычно отправка посольства происходила очень медленно, то в данном случае все делалось спешно: уже через две недели после отправки Желябужский был в Чаусах у И. Нечая [3]. Про белорусскую часть задания Желябужского мы будем говорить в следующей главе.

Общаясь («разговаривая»), видимо не без «подарков», с мещанами, войтами и торговыми людьми, Желябужский выведывал их настроения. И, в частности, обратил внимание на недовольство горожан гетманской администрацией. Так, стародубский войт заявил ему: «А целовали де мы крест государю, а владеет нами гетман, а ныне мы от их владенья в конец погибаем, а ожидаем де мы милости от государя воевод. А толко государевой милости к нам не будет и воевод не пришлет, и мы де от гетманского владенья в конец погибли, да и ему де, государю, добра от него не будет» [4].

---

[1] Отметим, что абсолютная уникальность фигуры Желябужского никогда не отмечалась в историографии.

[2] Рус. ист. библ. Т. 8. Ст. 1240.

[3] Там же. Ст. 1237.

[4] Там же. Ст. 1240.

Далее, узнав о намерении гетмана отправить с Юрием Хмельницким войско к Ракочи, Желябужский поехал прямо в Капустину Долину, где стояли полки, собранные в поход. Именно там в его присутствии и, видимо, не без его участия 22 июля с. с. происходит бунт, казаки расходятся по домам, отказавшись «без государева указу» идти на войну [1].

Обстоятельства бунта не являются предметом нашего исследования. Тут для нас важны те заявления казаков, которые были с удовольствием отмечены и зафиксированы Желябужским: «крест мы целовали государю, а по се де число служим на вас, а вы де нашими головами себе корысть получаете, а ныне де хотим служить государю, кому крест целовали; а вашу мы правду ко государю розсмотрели: как де вам было от ляхов тесно, в те поры вы приклонились к государю; а как де за государевою обороною увидели себе простор и многое владенье и обогатились, так де хотите самовласными панами быть и обираете корола невернова...» [2]. «...Ныне де идете в Полшу воевать для своей корысти, а не по государеву указу; вы де корысти доходите, а наши головы гинут за вашу корысть, а не за государя» [3]. В первый раз со времени присоединения к России казаки начинают жаловаться на своих старшин представителю царского правительства: «казаки многие люди» говорили: «едешь де ты к царскому величеству; извести де наши все нужи государю, как мы от старшин своих терпим» [4].

Еще более интересно заявление казаков, сделанное есаулам: «Ожидали де мы государевых воевод да не дождались; а ныне де мы сами идем к государю, чтоб государь нам велел служить с воеводами по своему государевому указу» [5]. Откуда казаки могли знать о введении воеводского правления, вопрос о котором поднимался только на закрытых переговорах с московскими послами? Наверняка такая информация шла от Желябужского. И именно к нему приходят с просьбой: «А толко де ты государю вестно не учинишь, и мы де сами к нему, государю, как-нибудь челобитчиков пришлем,

---

[1] Рус. ист. библ. Т. 8. Ст. 1255.
[2] Там же. Ст. 1256–1257.
[3] Там же. Ст. 1289.
[4] Там же. Ст. 1257.
[5] Там же. Ст. 1289.

и станем милости просить, чтоб государь велел нам у воевод быть в полкех; а от наших де старшин правды нет к нему, государю» [1].

Желябужскому впервые удалось использовать в целях укрепления царской власти в Украинском гетманстве наметившийся раскол между старшиной, «государственниками» и «показачившимися» [2], о котором, кстати, в свое время Б. Хмельницкий сам рассказал русским. Именно этот страшный рычаг будет активно использоваться московскими властями уже несколько месяцев спустя, в гетманство И. Выговского. Схема «разделяй и властвуй» показалась в Москве крайне привлекательной и действенной. Тогда еще никто не предполагал, какого джина они выпускают из бутылки.

Между тем, еще до начала бунтов 10/20 июля 1657 г. Б. Хмельницкий отправляет в Москву посольство [3]. Такая спешка была вызвана наступлением польских и татарских отрядов («имеючи давней умысл ни во что Украину обратить»), и посланцы должны были говорить именно о военной помощи. Но разговор пошел совсем о другом.

Интересно, что в состав посольства входили П. Тетеря (уже ездивший в Москву в 1654 г.), а также Федор Выговский (двоюродный брат будущего гетмана) и Яков Пекулицкий. Первые два в недалеком будущем сыграют ключевую роль в договоренности с Речью Посполитой. Если они и не были главными лицами «государственной группировки», то уж к «анархистам» точно не принадлежали.

Посланцы ехали четыре недели, и 4/14 августа состоялись их первые переговоры с думными дьяками А. Ивановым и Е. Юрьевым. Разговор в этот день касался исключительно военных и внешнеполитических дел [4]. На следующий день к переговорам подключился Федор Ртищев, и, видимо, уже обсудив просьбы старшины о военной помощи, им

---

[1] Рус. ист. библ. Т. 8. Ст. 1290.

[2] Ф. Шевченко писал, что именно с этого момента в наказах русским посольствам появляются прямые задания «вести агитацию за воевод на Украине». *Шевченко Ф. П.* Русские воеводы на Украине. С. 155.

[3] Док. БХ. № 464–467. С. 606–611. Следует отметить, что в июне 1657 г. в Чигирине побывал с посольством еще А. Матвеев. Хотя материалы этого посольства почти не сохранились, но можно практически с уверенностью говорить, что оно касалось исключительно внешней политики, т. к. никаких ссылок на эти переговоры в вопросах внутриполитических мы не встречаем.

[4] Акты ЮЗР. Т. XI. № 2. С. 711.

задали каверзный вопрос: «в статьях же написано... ратных людей 3000 человек», а все знают, что «в Киеве есть с 3000 человек, толко и те живут царского величества жалованьем, а от гетмана и от всего Войска Запорожского никакие живности им нет; да не токмо, что им чем поживитца, но и под дворы места им не отведено». Т. е. снова возвращаются к вопросу, поднятому два месяца назад Ф. Бутурлиным – о содержании находившихся при киевском воеводе стрельцов. Посланцы не смогли сказать ничего иного, как то, чтобы царь написал об этом гетману [1].

Третий раунд переговоров опять со Ртищевым, Ивановым и Юрьевым происходил 7/17 августа, и тон резко меняется. Именно в этот день в Кремле была получена отписка Желябужского о бунтах в казацком войске – «государю чтена и бояром» [2].

Разговор начинается с того же: вы просите военную помощь, а кто будет их кормить («тем ратным людем запасов с собою не навезтися»)? Посланцы уже подготовились к этому вопросу и уверенно отвечают: «нужи никакие не будет: хлеб у них родился и стацею с крестьян собрать мочно». Поэтому просят срочно направить из Белгорода Г. Г. Ромодановского [3].

Тогда поднимается вопрос о Мартовских статьях («чтоб им помнить, что в тех статьях написано...»): относительно сборов налогов и выплаты из них жалования 60 000 казаков. Старшине опять ставят на вид, что «тех поборов в ц. в. казну и по се время ничего не имывано». Посланцев допытывают – собирает ли гетман налоги и выплачивает ли жалование казакам? [4]

Весьма примечательна следующая фраза: «А указал ц. в. про те поборы их посланников допросити не для того, что те поборы надобны были в его ц. в. казну, но для того: ведомо в. г. учинилося, что *на гетмана и на полковников казаки бунтуют*, будто они те поборы сбирают на себя, а им заплаты никакие не чинят». В первый раз произнесено слово «бунты».

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XI. № 2. С. 724.

[2] Рус. ист. библ. Т. 8. Ст. 1292. При издании отписка была неверно датирована 7 августа с. с., в то время как это дата получения.

[3] Акты ЮЗР. Т. XI. № 2. С. 741–742.

[4] «гетман те поборы сбирает ли, и из тех поборов против тех статей... жалованья дают ли?»

При этом подчеркивается, что царю доходы с Украины не нужны – он заботится исключительно о благополучии своих подданных и о спокойствии.

Трудно сказать, дошли до Тетери и его коллег слухи о бунтах в войске или нет. Скорее всего – да. Но, в любом случае, их реакция весьма неожиданная. Они заявляют, что про царский «милостивой указ о жалованье» знают, «толко де тех уставных поборов по се время не сбирывано и заплаты началным людем и казаком... не давывано». И далее высказывают предположение, что если бы «всем началным людем и казаком заплата, по указу, была, а тогда б де и служба их радетелна и всякой бы служил не леностью. *А как де ныне заплаты им никакие не дают, и они де и служат обленчиво:* кто пойдет на службу, и он столко не бьетца, сколко смотрит назад; а нарядить им началным людем не уметь, потому что молвить им нечего и укорить им нечим; а как бы им государское жалованье давано, по указу, всегда, и им бы де против того говорить было нечего, и служили б в неволю, и с службы б никто не побежал» [1] (это похоже на отсылку на ситуацию в войске Ю. Хмельницкого).

Почему П. Тетеря и Ф. Выговский высказываются за ограничение реестра (что было обязательным условием выплаты жалования)? Скорее всего, они прекрасно видели угрозу со стороны «показаченных масс» и искали компромисс.

Заявление Тетери, что никакие налоги в Украинском гетманстве не сбираются, не вполне соответствовало действительности. И в дальнейших расспросах это вышло наружу. Русские бояре пытались уточнить, хватит ли доходов для выплаты зарплаты войску. Посланники уверяли, что хватит «и слишком»; при этом аренды «все учнут сбиратца в государеву казну». В устах Тетери «сбор» планировалось ввести «со всякого крестьянского двора по золотому полскому или по два». Причем он утверждал, что сам проводил подобные сборы в Киевском воеводстве (Тетеря был полковником переяславским), и набиралось «120 000 золотых полских, а русских числом 20 000 рублев». Причем, по подсчетам

[1] Акты ЮЗР. Т. XI. № 2. С. 743–744. М. Грушевский, хотя и цитирует этот документ, не обращает внимания на безусловную заинтересованность П. Тетери и Ф. Выговского в ограничении реестра.

Тетери, эту цифру можно было увеличить до «50 000 золотых червонных».

И далее – уже «наезд» в адрес левобережного полковника В. Золотаренко. Посланники рассказали, что в Нежинском полку «и в иных повете» полковники собирают по 2–3 злотых со двора, «сказывают, что на гетмана, а гетману де хотя что и дадут, и то не все, а корыстуютца тем полковники». И вот «*от того де у них чинитца смута и бунтовство*; а толко б де все то, по государеву указу, сбирали и давали войску, и смуты б никакие не было». Собственно, Тетеря намекает на то, что бунты могут возникнуть в левобережных полках – именно там, где они и будут.

Если верить документам Посольского приказа (а в данном случае мы склонны им доверять), посланцы попросили: «чтоб де великий государь... *изволил после нынешнего времяни, как война престанет*, послать к гетману и ко всему войску своих ц. в. послов, и, приехав к гетману, велеть ему собрать полковников и ясаулов и всех началных людей и учинить рада, и чтоб при всех людех та ц. в. милость объявить и статьи вычесть». При этом Тетеря допускал, что это «гетману... будет и нелюбо», но зато «войску всему то будет годно, и ц. в. ту милость учнут выславлять»[1].

Т. е. Тетеря предложил прислать русских послов и провести раду – с целью введения жалования войску (и заодно решения вопросов о реестре и сборе налогов). Правда, посланцы откладывали это на время, когда закончится война. Возникает вопрос: уезжая из Чигирина, Тетеря не мог не знать о серьезной болезни гетмана. Были ли его слова искренни? Ведь через неделю он скажет совсем иное.

27 июля с. с. умирает Б. Хмельницкий. Когда именно об этом стало известно в Москве, мы не знаем, но 10/20 августа эту новость объявили посланникам. Также им заявили, что в Гетманстве начались бунты и якобы убили двух полковников – миргородского и нежинского. Тетеря бросает замечание: «на тех полковников еще и при гетмане у войска была нелюбовь». Посланцы снова повторяют просьбу о военной помощи. Но в ответ им объявляют, что царь приказал «послати в Войско Запорожское с своим государевым милости-

[1] Акты ЮЗР. Т. XI. № 2. С. 745.

вым словом» боярина А. Н. Трубецкого, а с военной помощью – Г. Г. Ромодановского. Т. е. царское правительство решает сделать то, о чем и просил Тетеря – прислать русских послов и провести раду. Но если тот предполагал приезд русских послов через какое-то неопределенное время, то в Москве решают воспользоваться смертью гетмана и послать Трубецкого для решения основных назревших вопросов. Посланники на это ничего не ответили и лишь попросили разрешения отослать одного из них в Украину с известием об откомандировании боярина [1].

А еще через четыре дня, 14/24 августа, Тетеря сам приходит в Посольский приказ и сообщает о получении вестовых писем от И. Выговского и его отца. Он рассказывает об отступлении татар, поражении Ракочи, тяжелом положении польского короля и в связи с этим просит повременить с отправкой Трубецкого («А что изволил ц. в. послать в Войско Запорожское ближнего боярина и наместника казанского князя Алексея Никитича Трубетцкого с товарыщи, с ратными людми, и ныне де та боярская посылка вскоре надобь ли, или нет, о том полагаютца на рассуждение ц. в., потому что у них ныне в Войске Запорожском от неприятелей опасенья нет...»).

Впервые из уст Тетери звучит и мысль, что приезд Трубецкого может быть расценен как немилость или попытка урезать «вольности»: «да и потому, что в Войске Запорожском много и неразумных людей, которые начнут мыслить то, что те ц. в. ближние боярин с товарыщи люди великие, идут с войском на то, чтоб Войско Запорожское тем потеснить» [2].

Однако в царском окружении уже принято решение. И Тетере жестко возражают: Трубецкого «не послати нелзе, потому что, волею Божиею, гетмана Богдана Хмелнитцкого не стало, а в Войске Запорожском учало быть меж себя нестроенье, и, чтоб их обнадежить ц. в. милостью», надо собрать раду и зачитать статьи Тетери–Богданова «о числе Войска Запрожского и на войско о заплате и о иных делех объявить» [3]. Тетеря пытался возражать: «войска запорожского

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XI. № 2. С. 760.
[2] Там же. С. 762–763.
[3] Там же. С. 763.

старшины все при гетманове сыне Юрье Хмелнитцком; ино де у них в войске смирно, *а мятежу никакова нет*».

О прекращении бунтов Тетеря, видимо, знал из писем Выговских. Остальные его аргументы (известные нам в пересказе посольских дьяков) были весьма смутные и спутанные («...как послышат, что ц. в. пошлет своих ц. в. ближнего товарыщи великих людей и про раду сведают, что при них быть раде, и при нем де гетманове чыне есть такие многие люди, которые ему дружны, а с полковники не в совете, и учнут де ему говорить, чтоб он, гетманов сын, рады не сбирал, для того, чтоб ему своего владенья не убавить, так же, как и отец его, рады не сбирал, а владел всем один, что роскажет, то всем войском и делают»). Их можно трактовать как боязнь проводить раду из-за возможной борьбы старшины за власть. Важно, что от Тетери звучит опасение, чтобы часть старшины не захотела прямого правления царя («А толко де рада ему собрать, и на раде де без бунту не пробудут: у всякого будет своя мысль, иной де похочет в гетманы его, гетманова сына, а иной иного, а иной де похочет того, чтоб владел всем царское величество; а хотя и гетман кто будет, и владенье де гетманово перед прежним будет не таково силно» [1]).

Это принципиальный вопрос: действительно ли кое-кто из старшины хотел воеводского правления, надеясь обменять такую уступку на личные привилегии и награды, а может быть, и булаву от царя? Или Тетеря на самом деле ничего такого не говорил?

В любом случае доводы Тетери были проигнорированы, хотя некоторые сомнения оставались. После срочного совещания, состоявшегося лично у царя в тот же день (!) [2], Тетерю снова вызывают в Посольский приказ (все в тот же день!). Ему говорят, что по тем «его разговорным речем» царь Трубецкого «посылать не изволил». Но от Тетери требуют подписать его заявления. Тетеря наотрез отказывается, заявив, что, если из-за его слов Трубецкого не пошлют, «и ему де от войска будет худо». Поэтому «о том о всем, что боярина посылать или нет, полагаетца он на волю ц. в.» [3].

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XI. № 2. С. 763–764.
[2] На эту удивительную подробность обратил внимание еще М. Грушевский.
[3] Акты ЮЗР. Т. XI. № 2. С. 770–771.

Очень интересно, что согласно составленному «сценарию» «отпуска» Тетери с товарищами (который произошел 21 августа с. с.) им должны были заявить: «волею Божиею гетмана Богдана Хмелнитцкого не стало, а казаки сыну его, Юрью Хмелницкому, и полковником учали быть непослушны, и из обозу многие розошлись, а неприятели, послыша то нестроение, безвестно бы на вас не наступили». Поэтому-де царь велит послать «в Войско Запорожское с нашим ц. в. милостивым словом и о наших государских великих делех, которые годны всему Войску Запорожскому», А. Н. Трубецкого, Б. М. Хитрово и думного дьяка Лариона Лопухина [1]. Но речь эта произнесена не была. Также сначала было решено отправить во все полки с этим известием дворянина Ивана Акинфова, но следует помета: «Иван от той посылки отставлен» [2].

В Жалованной грамоте от 13/23 августа, отправленной с Тетерей, формулировки были более уклончивые: говорилось только про смерть Б. Хмельницкого, про бунты не вспоминали и сообщали о военной помощи и о посылке «для наших государских великих дел» А. Н. Трубецкого [3].

Изменение содержания объявления о посылке А. Н. Трубецкого в Украину

Черновик «отпуска» П. Тетери	Жалованная грамота, посланная с П. Тетерей
«волею Божиею гетмана Богдана Хмелнитцкого не стало, а казаки сыну его, Юрью Хмелницкому, и полковником учали быть непослушны, и из обозу многие розошлись, а неприятели, послыша то нестроение, безвестно бы на вас не наступили. И мы, в. г., посылаем в Войско Запорожское с нашим ц. в. милостивым словом и о наших государских великих делех, которые годны всему Войску Запорожскому», А. Н. Трубецкого, Б. М. Хитрово и думного дьяка Лариона Лопухина	«волею Божиею гетмана Богдана Хмелницкого не стало; и мы, в. г., наше царское величество, посылаем Малыя Росии в Войско Запорожское с нашим государским милостивым словом и для наших государских великих делех» А. Н. Трубецкого, Б. М. Хитрово и думного дьяка Лариона Лопухина

Очевидно, что в новой редакции акцент был сделан на милостивом слове, а «великим делам» придавалось уже не

[1] Акты ЮЗР. Т. XI. № 2. С. 773.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 776.

такое значение. Трудно сказать, какие интересы и группировки столкнулись в Москве. Мы точно знаем, что следующие за знаковым 14/24 августа дни Алексей Михайлович провел с патриархом Никоном: 15 августа он у него ел, а 16 августа с. с., наоборот, патриарх обедал у царя [1]. Мы полагаем, что именно Никон настоял на том, чтобы было принято компромиссное решение.

В Москве очень хотели использовать смену власти в Украинском гетманстве для имплементации Мартовских договоренностей и прежде всего для введения воеводского правления. Но, видимо, были силы, которые опасались резких действий и предпочитали сделать паузу, чтобы лучше разобраться в новой обстановке. В этот конкретный момент они одержали верх.

[1] Дополнение к тому III Дворцовых разрядов. СПб., 1854. С. 105–106.

Часть 2
1657–1658 гг.

Отправка Василия Кикина

Историки, даже непосредственно занимавшиеся вопросом введения воеводского правления в Украине (например, Ф. Шевченко), приступая к рассмотрению гетманства И. Выговского, сосредотачиваются на вопросах борьбы за власть между старшиной, начавшихся бунтов черни, а также роли русских властей в этих событиях. На этом фоне трудно акцентировать на продолжении политики московских властей в вопросе воевод, настойчиво добивавшихся укрепления своих административных полномочий в Украинском гетманстве. Теряется и логика развития событий. Поэтому мы оставляем восстание Пушкаря-Барабаша за скобками и останавливаемся исключительно на этапах противостояния гетманского окружения и царского правительства в административном вопросе.

Еще за десять дней до отпуска Тетери из Москвы в Украину отправляется В. Кикин. Наказ ему был составлен 11/21 августа 1657 г., т. е. на следующий день после того, как в Москве стало известно о смерти Хмельницкого. В отличие от большинства случаев,

когда русская бюрократическая машина долго раскачивалась, Кикин был выслан крайне оперативно, и уже 17/27 августа находился в Севске [1].

Задачи, поставленные перед Кикиным, были секретными и очень важными. Ему предписывалось «в статейный список писати имянно и тайно, чтоб у него про то никто не сведал» [2].

Кикин должен был обещать новому руководству Украинского гетманства военную помощь в виде Г. Г. Ромодановского и В. Б. Шереметева и сообщить, что царь посылает к Войску Запорожскому с «милостивым словом и для своих ц. в. великих дел» Трубецкого, Хитрово и Лопухина. В наказе также излагался план, объявленный еще Тетере, что как только Трубецкой выедет из Москвы – «и им бы войску Запорожскому послати от себя полковников, и сотников, и рядовых казаков, сколких человек доведетца, чтоб они к приезду» Трубецкого «съехались все в Киев на раду и ц. в. милость к себе выслушали» [3].

Но это была не главная цель поездки. Кикину было поручено изучить обстановку, складывающуюся в Гетманстве после смерти Б. Хмельницкого. Видимо, отъезд Трубецкого был отложен именно до момента получения сведений от Кикина.

Он должен был расспрашивать про поход А. Ждановича к Ракочи – а именно казакам «*заплата давана ли и по чему им давано*? Или они служили без заплаты?» Если скажут, что не давали, Кикину было поручено напомнить, что, когда «били челом... в подданство», был указ царя про 60-тысячный реестр, «а государева жалованья началным людем давати было им в то время, как они на службу пойдут, сбирая Малые Росии с городов и с поветов; и гетман те поборы сбирал ли? И буде сбирал, и за чем из тех поборов заплаты не давал?» Кикину следовало открыто заявлять, что царь «о всем о том велел рассмотреть и указ учинить...» Трубецкому, когда тот прибудет в Украину [4].

Повторяя уже испробованный Желябужским прием, Кикин должен был в Нежине и других городах «поговорить с

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XI. № 3. С. 793.
[2] Там же. С. 789.
[3] Там же. С. 785–786.
[4] Там же. С. 787.

войтами, и бурмистрами, и с мещаны наодине», что царь послал Трубецкого «для осмотренья своего ц. в. войска запорожского... и они б ничем ныне не оскорблялись». В Москве рассчитывали, что мещане сами поднимут вопрос о введении воеводского правления, а если не поднимут, следовало им о том намекнуть: «А будут учнут говорить: добро б де и то было, чтоб в. г. для всяких неприятельских приходов и росправных дел изволил быть у них в городех своим ц. в. воеводам. И Василью им сказать, что те все дела положены на боярина и на думных людей: как они у них будут... тогда всем тем статьям и указ учинят. А буде про воевод не взочнут, и Василью и самому о том всчать и говорить, чтоб государевым воеводам быти в черкаских знатных городех для того, чтоб им тутошним жилцам от полковников и иных людей обид и налог не было» [1].

Интересно, что в Жалованной грамоте, посланной с В. Кикиным, в отличие от той, которая была отправлена с Тетерей тремя днями позже, приказывалось «Войску Запорожскому» сразу по отправлению Трубецкого «послати от себя полковников, и сотников, и рядовых казаков, сколких человек доведетца, чтоб они к приезду... Трубецкого с товарыщи съехались все в Киев на раду и нашу государскую к себе милость выслушали в Киеве» [2].

Кикин попал в гущу событий. Еще в пути он узнал о готовящейся раде для избрания нового гетмана и поспешил в Чигирин.

По дороге он следовал методам Желябужского и старался разведать настроения различных слоев населения. В частности, в Ромнах, Лохвице, Лубнах он «говорил с войтами, и с мещаны, и с рядовыми казаками о том, чтоб у них в черкаских знатных городех быть государевым воеводам для того, чтобы им от началных их людей, от полковников и от сотников обид и налоги никакой не было». Кикин пришел к выводу, что в украинском обществе имелся серьезный раскол. Как записано в его статейном списке, *«знатно, что убогим людем то годно, чтоб были у них по городам ц. в. воеводы, а иные того и не хотят»* [3].

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XI. № 3. С. 787–788.
[2] Там же. С. 794.
[3] Там же. С. 805.

Пока старшина, И. Выговский и Ю. Хмельницкий были в Субботове на похоронах, Кикин не терял времени и разводил «смутные речи». Так, 24 августа с. с. к нему в Чигирине приходили сотники: «И столник Василей Кикин, по многих розговорех, говорил с ними от себя: лутчи бы то было, чтобы у них в войску запорожском были в знатных городах царского величества воеводы для того, чтобы о том слыша неприятели, были страшны, да и промежу бы их в войску никакого дурна и бунтов не было». Сотники отреагировали на это очень резко: «волно де в том ц. в., как он, государь, изволит; а что де промеж нас в войску и начинаютца какия бунты от злых людей, и у нас де тем людем, от кого начинаютца розрухи и бунты, бывает карность». И Кикин в своем статейном списке делает вывод: «по тем словам знатно, *что они, началные люди, того не похотят*, чтобы быти у них в городех царского величества воеводам» [1].

Когда, наконец, вся старшина приехала в Чигирин, она собралась на дворе у Ю. Хмельницкого, и Кикин там объявил царскую грамоту. На известие о скором приезде Трубецкого старшины «премного возрадовались» и обещали, что перед приездом Трубецкого, «выбрав из войска знатных людей к их приезду в Киев, для государевых великих дел, на раду пришлют» [2]. Зато про воеводское правление все помалкивали, и Кикину пришлось самому поднимать об этом разговор («А о том, чтоб у них в черкаских городех быть государевым воеводам, ничего не говорили и не всчинали... говорил с ними от себя»).

Он приводил аргументы, что присутствие воевод испугает неприятелей и предотвратит возникновение бунтов (чтобы «все неприятели, слыша о том, были страшны, да и промеж бы их в войску от злых людей никаких розрухов и бунтов не было»). Но старшина отмалчивалась, а про бунтовщиков сказала, что с такими в Войске быстрая расправа («И они все *против тех речей ответу никакого не дали*, а толко и говорили: от которых де от злых людей у нас в войску начинаютца какия розрухи, и у нас де тем людем бывает карность; и ныне де у нас в войску в обозе почали быть от некоторых злых лю-

[1] Акты ЮЗР. Т. XI. № 3. С. 796–797.
[2] Там же. С. 798.

дей недобрые дела, бунты и забойство, и тех де злых людей, по войсковому приговору, многих карано смертью, а иным уши и носы резаны») [1].

Примечательно, что старшина заявила Ю. Хмельницкому и И. Выговскому, «чтоб они показали всему войску те статьи все», о чем договаривались в марте 1654 г., т. к. «...мы де всем войском того, чем нас против нашего войскового челобитья великий государь наш... пожаловал, и до сего часу ничего не ведаем» [2]. Речь шла о Мартовских статьях.

На следующий день, 26 августа с. с., старшина снова собралась на раду во дворе Ю. Хмельницкого, и там зачитали Мартовские статьи. Нам остается гадать, какой из вариантов статей был представлен – видимо, оригинал, хранившийся в гетманской канцелярии, но насколько он совпадал с сохранившимися до наших дней черновиками Посольского приказа, сказать невозможно.

Как передает Кикин, старшина, выслушав статьи «царского величества милости и своим волностям обрадовались, что великий государь... их войсковых волностей, наданых от прежних великих князей руских и от королей полских, ни в чем не уменшил, но еще и умножил свою государскую к ним, Войску Запорожскому, милость». На той же раде, в присутствии Кикина, новым гетманом был избран – вопреки воле покойного Богдана – генеральный писарь И. Выговский. Новоизбранный гетман подчеркивал свою лояльность царю и уверил Кикина, что как только получит известие об отправке Трубецкого, сразу «...с полковниками и с иными началными людми, для его царского величества великих дел, на раду приехать в Киев готов» [3].

Одними из основных вопросов, которые волновали Москву и которые было поручено разведать Кикину, были выплата/невыплата жалования казакам, а также возможность разжечь недовольство рядовых казаков и принудить старшину платить налоги в царскую казну. Напомним, что вопрос о жаловании казакам как вариант разрешения социальной напряженности поднимал в Москве летом 1657 г. П. Тетеря.

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XI. № 3. С. 798–799.
[2] Там же. С. 799.
[3] Там же. С. 802–803.

Ответы рядовых казаков в Чигирине озадачили Кикина. Он спрашивал, платил ли полковник А. Жданович во время похода в Польшу и Литву? «И они сказали, что заплаты им от гетмана никакой не было, потому что гетман велел им с Онтоном Ждановым итить охотником, кто похочет, и добывали б сами на себя». Кикин пытался рассказать, что есть указ царя о 60-тысячном реестре и о выдачи жалования, «сбирая Малой Росии с городов и с поветов». Рядовые казаки весьма равнодушно заявили, что про такой царской указ «они не ведают... а нас де, казаков, в войску запорожском и ныне есть с триста тысеч» [1].

Кикин был отпущен в Москву И. Выговским 3/13 сентября 1657 года [2]. Гетман дал с ним грамоту, в которой, среди прочего, повторял обещание собрать раду в Киеве, как только приедет Трубецкой [3].

Но, видимо, доклад Кикина произвел в Москве смешанное впечатление. С радикальной реформой руками Трубецкого решили повременить – точнее, взяли паузу почти на месяц, когда от этого плана окончательно отказались. Но в Украинском гетманстве начались такие события, которые изменили планы как Москвы, так и казацкой старшины.

В те же самые дни начала сентября с. с., когда уезжал В. Кикин, в Чигирин приехал А. Матвеев. Он выговаривал Выговскому за то, что к царю сразу не послали извещение о смерти Б. Хмельницкого [4]. Выговский оправдывался старшинскими интригами. Матвеев сообщил о грядущем приезде А. Н. Трубецкого. Выговский обещал подготовить подводы и корма и встретить Трубецкого со старшиной в Киеве для рады [5]. В сохранившихся фрагментах статейного списка Матвеева ничего про воевод нет. Но в более поздних материалах (наказах отправлявшихся впоследствии русских посланцев) сохранилась ссылка, что Матвеев «говорил ему, гетману, что указал в. г. быти в черкаских городех: в Чернигове, в Переясловле, в Нежине, в Белой Церкви, в Корсуне, в Прилуках, своим ц. в. воеводам с ратными людми для того, чтоб

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XI. № 3. С. 806.
[2] Там же. С. 812.
[3] Там же. С. 814.
[4] Акты ЮЗР. Т. IV. № 15. С. 21–22.
[5] Там же. С. 23.

те люди на оборону черкаских городов были всегда готовы». Матвеев также напомнил Выговскому, что «поборов в царского величества казну ничего не имывано» [1]. Упоминание о воеводах было практически повторением заявлений Ф. Бутурлина, и нам представляется совершенно несостоятельной версия А. Яковлева, что именно А. Матвеев привез некие «пункты», о которых будет говориться ниже.

«Разговоры» Желябужского и Кикина, а также слухи о приезде Трубецкого на фоне спорного, вопреки воле покойного Богдана, избрания Ивана Выговского гетманом породили в головах многих старшин честолюбивые планы добиться власти благодаря поддержке из Москвы. Зашевелилась и грозная масса «показаченных» [2]. Изданный сразу после избрания указ Выговского, разрешавший «казакам» держать аренды вместо жалования [3], не решил проблему с «показаченными», ведь большая их часть, как мы знаем, была давно выбита из социального уклада и совершенно не собиралась заниматься хозяйственной деятельностью. В октябре 1657 г. вспыхнул первый бунт на Запорожье, отказавшемся признавать выборы нового гетмана. Впервые на слуху появляется имя кошевого Якова Барабаша.

Одним из карьеристов, лишенных моральных принципов, но не обойденных талантами, был, безусловно, нежинский протопоп Максим Филимонович. О его диаметрально противоположных высказываниях речь пойдет в главе о Белоруссии.

2/12 октября 1657 г. он писал царскому дворецкому Ф. Ржищеву и путивльскому воеводе Никите Зюзину, прямо излагая такой план: «Изволь, ваша милость, мой милостивой пан, советовать царю его милости, чтоб однолично, не откладывая, обнял здешние края и городы Черкаские на себя и *своих воевод поставил*». Протопоп уверял, что «того подлинно все желают и во всем чернь вседушно ради, чтоб ужь имели одного подлинного государя». Он, правда, отмечал, что имеются

---

[1] Акты ЮЗР. Т. VII. № 79. С. 233.

[2] Совершенно не соответствует фактам утверждение И. Андреева, что московские власти «ошибочно» сделали свой расчет на Выговского («зашоренные московские политики»). *Андреев И.* Алексей Михайлович. С. 493. Наоборот, используя бунты и слабость Выговского, они смогли добиться от него огромных уступок. А конечная неудача была вызвана совершенно иными сторонними факторами.

[3] Акты ЮЗР. Т. IV. № 26. С. 35.

опасения, как бы ни началось переселение в Москву «и чтоб звычаев здешних, как церковных, так и мирских, не переменено», но заверял, что «мы их в том обнадеживаем, что царь его милость того не желает». По словам Максима Филимоновича, воеводского правления «не я один, но все желаем, как духовной, так и мирской чин» и лишь несколько «старших противлютца», «залюбивши властвованья». Протопоп также писал, что слухи о приезде бояр (Трубецкого) вызвали радость черни [1]. Интересная деталь: протопоп уверял, что понятие «войсковая казна» являлось лишь фикцией, т. к. «войско о том не ведает, только един или два, а войску из того ни корму, ни заплаты нет...» [2].

Среди старшины грядущий приезд Трубецкого вызвал совершенно противоположную реакцию. Особенно остро были встречены некие «статьи», которые были якобы присланы от царя и происхождение которых порождает серьезную полемику [3].

Мы попытаемся для начала определить время и источник возникновения слухов о «статьях». Первые сведения о бурной реакции на них относятся к началу октября 1657 г. с. с. Тут надо вспомнить, что отпуск Тетери из Москвы состоялся 21 августа с. с., т. е. в Чигирин он должен был приехать примерно в начале сентября с. с., уже после Чигиринской рады. Таким образом, именно приезд Тетери с товарищами и вызвал столь бурную реакцию. Жалованные грамоты – как присланная с Тетерей, так и с Кикиным – подобной реакции породить не могли. Как мы видели, Выговский спокойно и даже подчеркнуто верноподданнически отреагировал на новость о прибытии Трубецкого. Вопрос: были ли присланы с Тетерей помимо Жалованной грамоты еще какие-либо «статьи»? Или бурю вызвали его пересказы сути разговоров в Посольском приказе?

Другим человеком, который наряду с П. Тетерей мог соответственным образом преподнести переговоры в Москве,

---

[1] Акты ЮЗР. Т. IV. № 22. С. 31–33.

[2] Там же. С. 32.

[3] С. Соловьев по этому поводу писал: «Уже и Богдану, привыкшему, во время борьбы с Польшею, распоряжаться произвольно, тяжело было подчинение Московскому государству». Он считал: Выговский опасался, что его, в отличие от Богдана, не будут «щадить» в Москве, «и давно уже устремлял свои взоры на запад...» (*Соловьев С. М.* История России. Т. 11. С. 13). Это последнее утверждение мы не разделяем.

был Федор Выговский. Стоит отметить, что в 1659 г. именно Федор получил от польского короля Яна Казимира в Корсунском старостве «местечко Стеблов с придатками: Склемнице, Сидоровка, Щербашинце, Скирыпчинце, Лебединец, Лунцевосело и Тонопикву» – за то, что для своего брата служил «причиной и здоровыми советами способствовал возвращению к Нам, своему пану, и успокоению Речи Посполитой» [1].

Как развивались события? Выговский собрал старшин, и, если верить Г. Лесницкому, «после рады полковники писали в свои полки». Особенно остро якобы выступали «заднепрские козаки», заявившие: «в таких неволях быть не хотим: а будет вы у ц. в., по ево изволенью, учнете быть на нынешнем на новом договоре в неволях, и мы, сложась с татары, пойдем на вас войною». А левобережные «черкасы, и мещаня, и вся чернь стали в сумненье и писали к полковником своим: как небожщик гетман Богдан Хмельницкой царскому величеству с Войском Запорожским и со всею чернью присягли, так мы и ныне на том стоим» [2]. Г. Лесницкий это комментировал так: «и против прежнего договору царское величество к нам не устоял, и гетман Иван Выговской и мы, старшина, царскому величеству воль своих не уступим и воевод его ц. в. не хотим, и хочем от его ц. в. отступить...»

Бунт Григория Лесницкого

В данной ситуации особенно активно решил действовать миргородский полковник Г. Лесницкий (кстати, присутствовавший в войске, когда под влиянием «разговоров» И. Желябужского начались бунты). Он рассылает своим сотникам письма, призывая проводить рады с казаками, на которых обсуждать грядущий приезд А. Н. Трубецкого и «статьи», присланные от царя – что «хочет царское величество у нас воли наши подломать и привесть нас по своему изволенью» [3]. На радах казаков «допрашивали: хотите ли де приклонитьца куда к иному? И они де, выслушев у них, да

---

[1] Institut Ossoliniani. № 334. Выражаем благодарность В. Яценко за предоставление этого документа.

[2] Акты ЮЗР. Т. IV. № 29. С. 38–39.

[3] Там же. № 25. С. 39.

крикнули: мы де поддались и подклонились и крест целовали великому государю, что ему, государю, служить верою и правдою и за нево помереть; а полковник де наш и сотники хотели израдить, а как де мы на их волю здались, и у них де было здумано, что де Войску нашему рушетца тотчас. А ныне де мы полковника и сотников своих не послушаем, без государева указу никуда не пойдем...» [1] Лохвицкие казаки говорили: «была де рада в Миргородке у полковника у Грицка, а на раде были ево полку всех городов и из местечков сотники, и отаманы, и есаулы, и козаки, человек по пяти из города и из местечков... и полковник де им чел пунты... И козаки де узнали, что те пунты неправые...» [2] Посланцы Миргородского полка писали к царю: как Лесницкий приехал из Чигирина, «по смерти небощика Богдана Хмелницкого собрал раду во дворе своем, сотников и отаманов», и говорил им, что царь присылает «к нам воеводу Трубецкого, чтоб было Войска Запорожского толко 10 000», и предлагал поддаться крымскому хану [3]. Источники того времени напрямую говорили, что причина всего мероприятия Лесницкого, «потому что он хотел на гетманство» [4].

Первые известия о присылке писем от Лесницкого в местечки его полка относятся к 4/14 октября 1657 г.

У нас есть несколько источников, свидетельствующих о том, что было в этих таинственных «статьях», якобы присланных от царя. Первый – это написанное по свежим следам письмо путивльским воеводам путивльца Федора Черепова, который 5/15 октября ездил в Костянтинов «к сотнику к Оленику, и он, сотник, те листы мне казал» [5]. Второй – отписка путивльского воеводы Н. Зюзина от 13/23 октября, к которому приходил мещанин селитреный миргородский и тайно пересказал свой разговор с «миргородцким полковником Григорей Лесницкой», который изложил «писание царя» [6].

Наоборот, содержание письма И. Выговского к Г. Лесницкому нам известно из списка, представленного весной

---

[1] Акты ЮЗР. Т. IV. № 44. С. 62.
[2] Там же. С. 71.
[3] Акты ЮЗР. Т. XV. № 2. С. 45–46.
[4] Акты ЮЗР. Т. IV. № 40. С. 55.
[5] Там же. № 25. С. 33–34.
[6] Там же. № 29. С. 38–39.

1658 г. новым миргородским полковником Степаном Довгалем [1]. И, наконец, есть пересказ содержания статей в письме Максима Филимоновича, отражающий те слухи, которые ходили по Украинскому гетманству [2].

Как видно из таблицы, слухи о «статьях» представляют собой странную смесь правды и вымысла. Вопрос о предоставлении подвод и кормов приезжающему для военной помощи Г. Г. Ромодановскому действительно обсуждался и протестов у украинской стороны не вызывал. Идея о сборе налогов в царскую казну была поднята в Москве самим П. Тетерей, а вопрос о воеводах, хотя вроде в тот раз и не обсуждался, зато активно дебатировался еще во время посольства Ф. Бутурлина (тогда речь шла о Киеве, Чернигове, Переяславле, Нежине). В вариантах «статей» Нежин заменяется на Белую Церковь, а Умань – на города правобережные. Передачи Быхова русская сторона действительно добивалась – об этом речь пойдет в следующей главе. О выплате жалования казакам из украинских доходов вопрос возникал, а вот о сокращении их до 10 тысяч – никогда. Единственное, что приходит на ум, – идея, озвученная еще в 1654 г. А. Матвеевым о создании 10 тыс. полка солдатского строя. Именно об этом говорит Максим Филимонович: казаков «по городам чтоб не было, разве салдатцкую службу служили под капитаном».

Да, мы знаем, что все эти пункты – о воеводах, о жаловании и сборе налогов – были постоянным предметом спора старшины с царскими властями, начиная с января 1654 г. Слухи о запрете ношения сапог и кафтанов, равно как и возможном вывозе населения в Москву и Сибирь, были порождены реалиями управления русских воевод в Белой Руси (в этом мы убедимся ниже). Но вот сокращение реестра до 10 тыс. – это был, скорее всего, вымысел, рассчитанный на взрыв недовольства.

Лесницкий, столкнувшись с негативным отношением к своей идее со стороны казаков, сразу пошел на попятную и писал, «отводя чернь от шатости, чтоб против прежнего листа не тревожились», видимо, особенно испугавшись

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XV. № 2. С. 87–88.
[2] Там же. Т. IV. № 33. С. 41.

Содержание «статей Лесницкого» по разным источникам

	Путивлец Ф. Черепов (сотник Оленик)	Миргородский мещанин (Г. Лесницкий)	Дмитрий Рогозин (казак из Ромно)	Статьи И. Выговского (С. Довгаль)	Письмо Максима Филимоновича	Переговоры в Посольском приказе
Корма	Трубецкому и Ромодановскому «давать... кормы и всякую живность беззаборонно»			«Чтоб для князя Алексея Никитича Трубетцкого всюды, куда будет ехать, были кормы и подводы»; «как придет с войском князь Григорей Григорьевич Ромодановской, чтоб всюда станы по городам даны»		Да
Воеводы	«по черкаским де городом хотят учинить царского величества воевод: в Киеве, в Чернигове, в Переясловли, в Умани и по иным начальным городом»			«Воеводы чтоб не толко в Нежине, в Чернигове, в Переяславле, в Белой Церкви, но и в иных городех пребывали и там всегда были, и чтоб в тех городах делали, из волостей тех же живность имеет идти на воевод и на их войско»		

	Путивлец Ф. Черепов (сотник Оленик)	Миргородский мещанин (Г. Лесницкий)	Дмитрий Рогозин (казак из Ромно)	Статьи И. Выговского (С. Довгаль)	Письмо Максима Филимоновича	Переговоры в Посольском приказе
Налоги	«которыя подати имали на короля и на панов со всяких их нажитков и с быдла, и те бы подати брать на государя»	«хочет с нас подати всякие имать, что сходитца с аранд и с мельниц на Войско Запорожское»	«с них же имать со всево десятина, и рандом быть на великого государя»	«Аранды и всякие пожитки с доходов податейных, подати денежные с десятины также и с животины, стацея выбирать, то все до казны е. ц. в. чтоб отдано было»		Да
Стрельцы				«О стрелцах, которые в Киеве, чтоб им отведено покуды есть на лавку, на пашню и самим на житье»		Да
Число реестра	«Запорожскому де Войску быть в Запорогах всего десяти тысечем»; «больши де десяти тысечь войску не быть, а быть мещаном и холопи»; «хто не хочет быть мещанином, и тем быть в драгунех»	«быть Войску Запорожскому только десетмя тысечам»; «а что за тем черкас в остатке будет, и тем черкасом быть в мещанех»; «а будет в мещанех быть не похотят, и им велит ц. в. быть в драгунех и в салдатех»	«быть де только в Запорогех запорожским козаком десяти тысечам, а достальных де в дрогуны и в солдаты»	«На Запорожье чтоб волных казаков было 10 000, а так таким, которые наймитами и холопями нашими были, которыми из своих городов жалованье и живность на срок давать должны; а то, что было постановили войско нашего на 50 000, то уже то некак инако обратити хотят».	«козаков только б 10 000 было, и то на Запорожье, а по городам чтоб не было, разве салдатцкую службу служили под капитаном»	Нет

	Путивлец Ф. Черепов (сотник Оленик)	Миргородский мещанин (Г. Лесницкий)	Дмитрий Рогозин (казак из Ромно)	Статьи И. Выговского (С. Довгаль)	Письмо Максима Филимоновича	Переговоры в Посольском приказе
Киевский митрополит				«Митрополита киевского, кого оберут, чтоб его там вскоре до святейшаго патриарха послано на посвящение»	«чтоб митрополит московский в Киеве был»	
Быхов	«Быхов здался полковнику Нечаю, и чтобы был под его ц. в. высокою рукою»			«Быхов, которой поддался войску запорожскому, чтоб вскоре присягу учинил е. ц. в. и залогу ц. в. велено пустить»		Да
Граница с поляками				«С ляхами докуды рубеж имеет вскоре е. ц. в. чтоб ведомость»		
Сапоги					«невольно будет крестьяном в сапогах и в суконных кафтанах ходить, и в Сибирь или на Москву будут загнаны»	

намерения казаков переслать его письма «ко государю для подлинной ведомости» [1].

Между тем, новый гетман И. Выговский был не на шутку встревожен. Думается, он боялся не так усиления царской администрации, как недовольства старшины. Он решает действовать «демократично», собирая в Корсуни раду. Киевские воеводы докладывали в Москву 9/19 октября: «у гетмана и у всех полковников в Корсуне будет рада о пунктах, которые ныне от тебя, в. г., присланы к ним; а те де пункты гетман разослал по всем полком, и к епископу, и по монастырем...» [2].

На раде Выговский по казацкому обычаю положил булаву и заявил, что не хочет быть гетманом из-за присланных царем пунктов («и как де полковники съехались на раду, и гетман де Иван Выговской булаву им, полковником, отдал и говорил, что он гетманом у них быть не хочет для того: которые де пункты от тебя, в. г., присланы к ним, и в тех де пунктах написано, что прежние их вольности отнять; и он де, гетман, в неволе быть не хочет»). Но судья С. Богданов и полковники вернули ему булаву, обещав, что «о вольностях де как у них наперед сего было повольно, так бы и ныне, и за то учнут стоять все вместе заодно, чтоб ничего у них не отнять». При этом капитан Андреан Чернышов, присутствовавший на раде, отмечал, что «непристойных речей на раде у них было много...» [3]. Другой осведомитель сообщал русским воеводам, что на раде наметился раскол между левобережными и правобережными полковниками. Если первые заявили, что «мы царского величества никогда, по присяге своей, неотступны, да и по сю сторону Днепра начальные и всяких чинов люди и чернь от ц. в. неотступны», то вторые высказывали опасения: «быть нам у ц. в. нельзя потому: хотя он, государь, к нам и милостив, только начальные ево люди к нам не добры и наговорят государя на том, что привесть нас во всякую неволю и пожитки наши у нас отнять» [4].

Прямо с рады 9/19 октября было решено направить к царю посланников с письмом, в котором напоминали, что

---

[1] Акты ЮЗР. Т. IV. № 25. С. 34.
[2] Там же. № 26. С. 35.
[3] Там же. С. 35–36.
[4] Акты ЮЗР. Т. IV. № 35. С. 44.

когда «все, как старшина, так и чернь, под высокую и крепкую... руку поддавалися», то получили обещание, «что... все права, привилия и стародавные вольности, Войску Запорожскому от блаженные памяти князей российских, и королей польских, и великих князей литовских наданые», будут подтверждены. В письме извещали, что по своим правам они выбрали гетманом Выговского, «о том деле в Корсуне все единомышленно учиня раду», и, клянясь в верности, просили, чтобы царь, «видя такову прямую службу нашу, милостиви будете и при милосердии своем царском и при вольностях стародавных нас сохраните». Просили они также «гетмана нашего, згодне старшиною и чернью обраного, подкрепить и утвердить» [1]. Отметим, что документ сохранился только в переводе, поэтому мы не знаем, какие именно термины использовала старшина. Со слов Выговского, они послали посланцев своих «...просить о прежних своих вольностях...», чтобы «их пожаловал, прежних вольностей их отнять не велел» [2]. В Москву были направлены есаул корсунского полка Юрий Миневский и сотник Ефим Коробка [3].

Нам представляется, что И. Выговский был убежден в подлинности «пунктов». Время для него было невеселое. Казалось бы, сбылась заветная мечта стать гетманом. Но вот бунты и смуты следовали один за другим. К тому же умерла его сестра – жена П. Тетери. Киевский воевода А. Бутурлин общался с ним сразу после похорон 17/27 октября, когда в Братском монастыре епископ Черниговский и Новгород-Северский Лазарь Баранович благословлял булаву, саблю и бунчук новоизбранного гетмана. После этого Выговский звал воеводу на обед. Там «гетман, и судья Самойло, и иные начальные люди говорили: как де они под твою, в. г., высокую руку поддались, и твоя де государская милость к ним была, что вольностей их не отнять; *а ныне де по тем пунктам, которые по твоему, в. г., указу к ним присланы, вольностей своих им отбыть*; а они де как были и под королевским владеньем, и у них де король вольностей их не отымал», а, мол, конфликт с поляками был только из-за веры. Бутурлин уверял,

[1] Акты ЮЗР. Т. IV. № 28. С. 37–38.
[2] Там же. № 36. С. 46–47.
[3] Там же. № 41. С. 59.

что гнева на Выговского и на Войско Запорожское нет. Правда, про «пункты» не сказал ни слова [1].

Зато путивльский воевода Н. Зюзин уверял миргородского мещанина, что «неволь от ц. в. никаких к ним не бывало». Удивленный мещанин советовал, «чтоб в Войске Запорожском шатости всякие укротить... прислать ближнего своего боярина и с ним отписать, что таких пунктов не бывало» [2].

Самым интересным источником о «пунктах» является царская грамота от 30 октября с. с., к сожалению, сохранившаяся не полностью. Крайне интересно, что грамоту (согласно помете) зачитывал сам царь (!) – А. Н. Трубецкому и Ф. Ртищеву. В ней говорилось, что «статьи» были в свое время (в 1654 г.) «даны на писме» Тетере и Богданову. А во время посольства П. Тетери в 1657 г. с ним только обсуждался вопрос – выплачивается ли жалованье 60 тыс. казаков (это так, мы это знаем доподлинно). «А сверх прежних статей, каковы даны по челобитью гетмана Богдана Хмельницкого и всего Войска Запорожского, посланным вашим войсковому судье Самойлу Богданову да Павлу Тетере к нынешней присылке Павлы Тетере не говорено, и к вам в войско ни о чем не приказывано, и новых никаких статей не всчинывано и с ним не посылывано». Далее царь убеждал, что вопреки заявлениям «мятежников» воеводы никаких «неволь» людям чинить и «прав и вольностей» ломать не будут. И весьма характерно проводилась параллель с ложными пунктами Виленского перемирия, которые «недавного времяни давные наши неприятели ляхи подослали было» [3].

Характерно, что царь не отрицал своего намерения ввести воеводское правление – собственно, которое предусматривали Мартовские статьи (хотя только в двух городах). Изучение материалов посольства П. Тетери 1657 г. позволяет практически на 100 % утверждать, что никаких «пунктов» из Москвы не посылалось. Соответственно, они были плодом удачной фальсификации.

А. Яковлев высказывал гипотезу, что якобы «пункты» были привезены А. Матвеевым. Нам она представляется

---

[1] Акты ЮЗР. Т. IV. № 36. С. 46–47.
[2] Там же. № 29. С. 38–39.
[3] Акты ЮЗР. Т. VII. № 70. С. 190–191.

несостоятельной и лишь демонстрирует плохое знание системы московской документации. И вот почему:

1. «Статьи» составлялись в ответ на просьбы («челобитные») и таким образом по сути представляли собой договор двух сторон. Т. е. статьи могли быть составлены во время приезда в Москву казацких посланцев (например, П. Тетери), но не могли быть составлены без участия казацкой стороны.

2. Хотя статейный список действительно сохранился не полностью, но статьи, если бы они были отправлены с Матвеевым, находились бы не в статейном списке, а в наказе.

3. В более поздних наказах должны были бы попадаться ссылки на эти статьи как отправной пункт какой-то договоренности (например, в наказе Б. Хитрово). Ничего подобного мы не наблюдаем [1].

Слухи о нововведениях не утихали и после Корсунской рады. Так, протопоп Максим Филимонович писал 19/29 октября окольничему Ф. Ртищеву: «чтоб царская власть меж нами была, *да владеет царь над нами*: многие того желают, но и паче ж на нашем Севере». Под «Севером» имеются в виду Северские земли. У него происходит уже известное нам противопоставление: старшина, мол, заботится только о своей власти, и страшат «поспольство» возможными притеснениями со стороны царя. И протопоп попрежнему надеялся на приезд Трубецкого: «То слышим, что имеет быть князь Трубецкой, чтоб шол со всем, *как бы скорее конец был с панами нашими начальными*» [2].

Отмена миссии Алексея Трубецкого

И тут в Москве принимают неожиданное решение: отменяют поездку А. Н. Трубецкого. В царской грамоте от 18/28 октября (еще до приезда посланцев гетмана И. Выговского, отправленных с Корсунской рады) излагалась официальная русская версия событий: в Москве стало известно о смерти Б. Хмельницкого, «а в Войске Запорожском учала быть шатость и непослушанье и из обозу ра-

[1] *Яковлів А.* Українсько-московські договори в XVII–XVIII в. Варшава, 1939. С. 54–55.

[2] Акты ЮЗР. Т. IV. № 33. С. 41.

зошлися самовольно врознь»; тогда решили послать «к вам Войску Запорожскому с нашим государским милостивым словом и с нашими великими делы» Трубецкого, Хитрово и Л. Лопухина; но с В. Кикиным и А. Матвеевым было послано известие об избрании нового гетмана – и, «видя меж вами, подданными нашими, ныне совет и любовь и против неприятелей твердое соузное острожство», Трубецкому «идти не указали». Причем главный предлог отмены поездки Трубецкого был смехотворный: «чтоб нашим ц. в. подданным, Малыя Росии жителем, от того походу в подводах и в кормех болших убытков не учинить» [1].

Эта грамота была отправлена со стряпчим Дмитрием Рогозиным, посланным с благовидной миссией – известить о рождении царевны Софьи Алексеевны, и ее копия хранится в деле об его отпуске [2]. В Москве брали паузу, желая оценить стабильность положения нового гетмана, опасность бунтов, в том числе и на Запорожье. Материалы этого очередного тайного посольства были изданы Н. Костомаровым – но без наказа, что не давало возможности оценить поставленные перед ним задачи.

Между тем, в наказе от 18/28 октября Д. Рогозину предписывалось откровенно лгать. Так, на вопросы Выговского, «зачем ныне в. г. ... Трубецкого с товарыщи в Войско Запорозкое прислати не изволил», он должен был «отговариватца за неведеньем, потому что он был на государевых службах, а иное побыл у себя в поместье, а к Москве приехал недавно и жил на Москве немногое время. А послан вскоре, и про то слышеть ему не учинилось» [3]. Неправдоподобность этих отговорок, конечно, была очевидна и в Москве, поэтому на крайний случай заготовили другую версию (тоже неубедительную): «чает он... г[осударь] ... Трубецкого с товарыщи не послати в Войско Запорозское не изволил любо для того, что ныне путь осенней, а сверх того нечто и для того что таким великим людем малолюдством идти не пригоже. А толко послати их нынешним осенним путем з болшими людми и ц. в. подданым Войска Запорозкого жителем в

[1] Акты ЮЗР. Т. IV. № 30. С. 40.
[2] РГАДА. Ф. 124: Малороссийские дела. Оп. 1. 1657. № 16. Л. 3–7.
[3] Там же. Л. 20–21.

таком в нынешнем осеннем пути от того походу в подводах и в корме чает он, что будет убыток болший» [1].

Главной целью, которая ставилась перед Рогозиным, было разведать обстановку («А покаместа он, Дмитреи, у гетмана побудет и ему, Дмитрею, будучи у гетмана и едучи дорогою в черкаских городех, порозведати подлинно»): военную (существовала ли угроза наступления поляков, татар, шведов) и политическую (послал ли Выговский к шведам по просьбе Матвеева «и буде послал, и кого имянем, и сколко давно»... «И полской посланник Биневской еще у гетмана задержан и зачем ево держат» и др. послы и посланники есть ли) [2]. И, наконец, самое важное: «Да и того розведать тайным обычаем, каков нынешний гетман Иван Выговской к Войску Запорозкому: владетелен ли, и войском ево любят ли, и все ли чины любят или одни полковники? и к в. г. службы и правды от него чаять ли? и нет ли в полковниках или в черни какие шатости? И присылки от полского короля или от сенаторей с прелестными листами в Войско Запорозкое не бывало ли? И что гетман и полковники о том говорят, что... Трубецкой с товарыщи в Войску Запорозкому по прежним государевым грамотам не посланы?» Должен был Рогозин также узнать, кого намереваются избрать новым Киевским митрополитом: «и к в. г. святейшему патриарху об нем бити челом пришлось ли? и от кого тому митрополиту благословение на митрополию примать и ставитися в митрополиты?» [3]

Следуя этим наставлениям, Рогозин расспрашивал про «бунт Лесницкого», «статьи» и пытался оценить сложившуюся в Украинском гетманстве обстановку. Причем пробыл он в Украине почти месяц.

Продолжая успешно заложенную И. Желябужским традицию, Рогозин «вел разговоры» с мещанами. Были новости и о последних бунтах. В Бужине (на правом берегу) Рогозину 16/26 ноября рассказали, что «из Запорог де пошли к в. г. посланцы без гетманского ведома, а в Запорогах де многие голяки востали и худыя людишка полковников, и сотников, и есаулов не слушают и говорят де: мы де их побьем и животы их поберем». Другой бужинский мещанин сообщил схо-

[1] РГАДА. Ф. 124: Малороссийские дела. Оп. 1. 1657. № 16. Л. 21.
[2] Там же. Л. 29–30.
[3] Там же. Л. 30–31.

жие сведения: «в Запорогах де козаки шатаютца, и бунтуют, и не слушают начальных людей, и без гетманского ведома послали к в. г. посланцев» [1]. Это был второй случай за время присоединения Украинского гетманства к России, когда казаки направляли к царю своих посланцев без ведома гетмана. Первый, как мы помним, был при жизни Б. Хмельницкого, когда за разрешение сулимовцам проехать к Москве воеводы получили выговор. Теперь все будет по-другому.

В Чигирине Рогозина ждали гораздо более тревожные новости: там находился польский посол. Хотя речь шла только о перемирии (что, в принципе, соответствовало положениям Виленского перемирия [2]), но Москву такие независимые от центрального правительства дипломатические переговоры не могли не беспокоить.

Выговский был встревожен посольством запорожцев и просил Рогозина, чтобы царь выдал ему этих людей – «чтоб впредь ссоры не было». Предпринял гетман и более эффективные меры: поставил заставы «по всем дорогам», чтобы перехватить запорожцев, когда те будут возвращаться из Москвы, и запретил пропускать в Запорожье «торговых людей». Такие действия в тот момент не потребовались: прямо при Рогозине приехали запорожцы с письмом к Выговскому «и били челом ему, чтоб он в Запороги не ходил с козаками на них и никово б не посылал: которые де были воры, заводчики, бунтовщики, и они де все розбежались» [3].

14/24 ноября 1657 г. Яков Барабаш написал Выговскому, что бунтовщики «увязаны», и обещал прислать их роспись [4]. 1 декабря 1657 г. н. с. Выговский в письме к царю сообщал: «...уже самовольцы Запорожские... разошлись...» [5].

Но, видимо, прекращение бунта в Запорожье не входило в московские планы. И на обратном пути Рогозин активизировал свои «разговоры с мещанами». От войта и бурмистра Лубен Петра Котляра он услышал: «мы де все были ради, как нам сказали, что царьского величества будут бояре и воеводы с ратными людми; да и нынеча де государевым бояром,

---

[1] Акты ЮЗР. Т. IV. № 44. С. 64.

[2] *Яковлева (Таїрова) Т.* Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII століття. Причини і початок Руїни. С. 252–255.

[3] Акты ЮЗР. Т. IV. № 44. С. 68.

[4] Там же. № 41. С. 60.

[5] Там же. № 45. С. 73.

и воеводам, и ратным людем мы ради» [1]. Показательно, что Котляр приходил к Рогозину ночью и сказал: «ныне де будет ярмонка об Николине дни, и мы де станем советывать с своею братьею, чтоб нам послать к в. г. ... бить челом о воеводех, чтоб у нас были ц. в. воеводы» [2].

В то самое время, как Д. Рогозин подогревал в Украине смуту, посланец Выговского Ю. Миневский и его товарищи пытались добиться в Москве утверждения гетмана и отказа от планов введения прямой администрации. Они были отправлены прямо с Корсунской рады 9/19 октября, но то ли в пути были задержаны, то ли приняты не сразу. Вероятно, в царском окружении собирали информацию о ситуации в Гетманстве и определялись с решением. По крайней мере, первые переговоры состоялись с ними только через месяц, 8/18 ноября (!). Правда, расспрашивал их сам думный дьяк Алмаз Иванов.

Главный вопрос, волновавший московские власти, был о бунте в войске. Посланники уверяли, что у них «в Войске... и во всех черкаских городех меж служилыми людьми и чернью... все тихо». Они все валили на Г. Лесницкого и обещали, что когда царь «пожалует, прежние привилия изволит подтвердить, и он де, гетман, того полковника Грицку в то время переменит» [3]. Характерно, что дьяки, в свою очередь, открещивались от «статей» и уверяли: «Такие ссорные слова, будто от великого государя, от его ц. в., бояря присланы будут в Войско Запорожского для ломнья прав и волностей их, некто вмещал враг Божий, а царского величества неприятель, хотя в их Войске Запорожском учинить сумненье; а у великого государя, у его царского величества, и в мысли не бывало...» [4]

30 ноября с. с. Ю. Миневскому была вручена царская грамота, в которой говорилось, что Выговского в качестве гетмана «изволили... подкрепить и утвердить нашею ц. в. жаловальною грамотою». А для подтверждения «новообранного гетмана» и принесения присяги направлялся ближний окольничий, оружейничий и наместник ржевский Б. Хитрово [5].

---

[1] Акты ЮЗР. Т. IV. № 44. С. 70.
[2] Там же. С. 70.
[3] Акты ЮЗР. Т. IV. № 40. С. 53.
[4] Там же. С. 53–54.
[5] Акты ЮЗР. Т. IV. № 48. С. 79.

Миссия Богдана Хитрово

Посланцев задержали в Москве надолго. Видимо, принималось генеральное решение, как реагировать на избрание гетманом И. Выговского и на бунты. Дело в том, что одновременно с Ю. Миневским в Москве находились посланцы Запорожской Сечи. Наконец гетманских послов допустили «к руке» царя и официально отпустили 27 ноября с. с. [1]. Но уехали они еще несколькими днями позже, т. к. с ними отправили царскую грамоту от 30 ноября с. с., в которой извещалось, что в Украину посылают Б. Хитрово для утверждения гетмана [2].

В одном из сохранившихся черновиков царской грамоты говорилось, что Алексей Михайлович, «чтоб меж вами был совет да любовь, а междоусобье успокоить», посылает Б. Хитрово «вскоре», и приказывалось всем съехаться на раду в Переяславль [3]. В Дворцовых разрядах сказано, что «послал государь в Войско Запорожское к гетману Ивану Выговскому и ко всему Войску Запорожскому для своих государевых дел» окольничего и оружейничего Б. Хитрово 29 ноября [4]. Скорее всего, это дата указа.

Переяславль, видимо, был выбран не случайно. Именно в нем стоял пришедший в Украину для защиты от внешних врагов Г. Г. Ромодановский [5].

Пока ехал Хитрово, ситуация снова усложнилась. Начался новый бунт. В конце декабря 1657 г. начинается восстание Полтавского полка [6].

В обстановке продолжавшихся бунтов и шаткого положения гетманской власти Выговский 18/28 января 1658 г. встречается с путивльским воеводой Н. Зюзиным. Сохранилась неопубликованная отписка Зюзина, содержащая подробный пересказ состоявшегося разговора. Некоторые интереснейшие подробности добавляет летопись С. Величко. Можно только гадать, откуда он черпал информацию –

---

[1] Акты ЮЗР. Т. IV. № 40. С. 59.
[2] Там же. № 48. С. 78–79.
[3] Акты ЮЗР. Т. VII. № 71. С. 194.
[4] Дополнение к тому III Дворцовых разрядов. С. 113.
[5] Акты ЮЗР. Т. IV. № 38. С. 48.
[6] Акты ЮЗР. Т. IV. № 49. С. 80.

польские источники здесь исключаются. Величко сообщает: «Между святи Рождества Господня писал Виговскій до воеводи путивлского, Алексѣя Никитича Зюзина, желаючи з ним видѣтися и посовѣтовати о настоящихъ тогда дѣлеъ, и по согласіи том з воеводою оним путивлским зъехалися въ Константиновѣ, въ неделю по Крещеніи Господнем» [1]. Хотя Величко путает имя воеводы, но во всем остальном информация точна. Отписка Зюзина подтверждает, что встреча состоялась по инициативе гетмана, т. к. именно он «приехал» и «виделся» с воеводой. Кроме того, совпадают дата и место встречи [2].

На этом разговоре присутствовали миргородский полковник Г. Лесницкий и брацлавский полковник И. Богун [3] (факт, чрезвычайно важный для понимания дальнейших событий). Выговский был очень напуган предстоящим визитом Б. Хитрово и отпуском из Москвы запорожских посланцев Михаила Стрынжи с товарищами. Запорожцы распускали слух, что им «гетмана и полковников велено переменити иных, и околничеи и оруженичеи Богдан Матвеевич идет с тем от государя, а с ним бутто десять тысеч всяких служилых людеи», а самого Выговского якобы собираются «сослать в Сибир» [4]. Выговский прямо заявил (насколько возможно понять стиль русской отписки), что он для того и приехал к Н. Зюзину (которого давно знал), чтобы получить его совет и чтобы тот все точно доложил царю и (!) патриарху Никону [5]. Последнее заявление было не случайно – Н. Зюзин являлся одним из ближайших друзей патриарха.

Выговский клялся в своей верности («ему государю своему ей во всем верен по присяге своей» [6]), уверял, что ничего не желает, кроме царской милости («я ни чему желатель: ни

---

[1] *Величко С.* Летопись. Т. 1. С. 324.

[2] РГАДА. Ф. 210: Разрядный приказ. Оп. 12. Ч. 2. № 602. Л. 1. В отписке уцелело только «тинов», что легко расшифровывается как «Константинов», отписка датирована 18/28 января 1658 г. Сам Хитрово в отписке писал о «съезде с боярином с Микитою Алексеевичем Зузиным» в Константинове. Акты ЮЗР. Т. IV. № 58. С. 101.

[3] РГАДА. Ф. 210: Разрядный приказ. Оп. 12. Ч. 2. № 602. Л. 10.

[4] Там же. Л. 6, 18.

[5] «...на то на все дай мне, приятель мой, свою мысль право как мне уверится во всем ко гдрю; для тово я с тобою и приехал видеть, а его же издавна (знаю), чтоб через тебя все верно донесено было до гдря цря и святейшего гдря патриарха Никона московского и всея Великия, и Малыя, и Белыя Росии». РГАДА. Ф. 210: Разрядный приказ. Оп. 12. Ч. 2. № 602. Л. 9–10.

[6] РГАДА. Ф. 210: Разрядный приказ. Оп. 12. Ч. 2. № 602. Л. 9.

чести, ни богатству, толко желатель гдрской милости») [1]. Под милостью гетман подразумевал прекращение пролития крови православных христиан и вражды (т. е. бунтов).

Выговскому было что предложить в обмен на усмирение бунтов. Он обещал при личном свидании с царем и патриархом доложить «о ево государевых и войсковых делех», а также «втайне» объявить, «как им, государем, удержать Войско Запорожское по их государской воле» [2]. Самое важное, что гетман обещал «исполнять все как Богу угодно будет и им, государем» в таких ключевых моментах, как внешние сношения и подчинение Киевского митрополита (!) («о постановлении митрополита киевского и о ратех с неприятели с кем война вести, с кем мир учинить» [3]). Такие заявления Выговского были не случайны: через Зюзина он апеллирует не только к Алексею Михайловичу, но и к Никону. А для последнего подчинение Киевской митрополии имело ключевое значение [4]. Для успокоения и объединения Войска Запорожского и «духовных» Выговский советовал царю и патриарху приехать в Киев – тогда все увидят их милость и исчезнет повод к бунтам [5].

Зюзин предпринял все возможное, чтобы укрепить гетмана в его намерениях. Он сообщил, что запорожские посланцы были отпущены с приказом «жить в миру и в соединении» (воевода лично читал царскую грамоту, данную посланцам, когда те возвращались через Путивль). Зюзин советовал Выговскому поскорее ехать в Москву. Кроме того, рекомендовал положиться на Б. Хитрово («а он государю верен и человек ближнеи и разумнои и донесет твою службу ко гдрю верно»), обещал ему написать («а он мне приятнои друг и о том мне говорил, чтоб тебя утвердить в дружбе с ним»). Выговский, который, как мы отмечали, очень тревожился из-за предстоящего приезда Хитрово, подчеркивал, что очень хочет с ним сблизиться («присвои меня к нему

---

[1] РГАДА. Ф. 210: Разрядный приказ. Оп. 12. Ч. 2. № 602. Л. 11.
[2] Там же. Л. 11, 13–14.
[3] Там же. Л. 11–12.
[4] Тут очевидна ошибочность мнения В. Эйнгорна, что московское правительство не могло надеяться добиться «подчинения киевского митрополита Никону, опираясь» на Выговского. *Эйнгорн В.* Сношения малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. С. 105.
[5] РГАДА. Ф. 210: Разрядный приказ. Оп. 12. Ч. 2. № 602. Л. 14.

в дружбу») [1]. Зюзин к Хитрово «о всем писал тотчас», а Выговский обещал сразу же после отпуска Хитрово самому ехать в Москву. С собой он собирался взять «пятсот члвек началных людей и черни», оставив на управление в Чигирине Д. Выговского [2]. Величко добавляет яркую деталь о переговорах Выговского с Зюзиным: «доволно зъ собою переговоривши и погулявши».

Приезд Хитрово был, таким образом, хорошо подготовлен. Окольничий знал, что гетман готов на уступки, а Выговский был готов к тайному откровенному разговору.

К этому добавились еще некоторые обстоятельства. Из Константинова Выговский с Лесницким и Богуном уехали в Миргород, откуда гетман послал Богуна вместе с Романом Сербиным «под Плотаву на залоги». А полтавский полковник М. Пушкарь напал на них и разбил [3]. Это стало первым военным столкновением войск Выговского с восставшими. Необходимость поддержки со стороны царя для Выговского теперь возрастала. А он и так был готов на серьезные уступки. Мы упоминали, что в разговоре с Н. Зюзиным Выговский касался избрания нового Киевского митрополита. Оно состоялось сразу после переговоров в Константинове, и Зюзин вдогонку писал гетману, чтобы тот уговорил нового митрополита Дионисия Балабана не обращаться за посвящением к Константинопольскому патриарху, пока Выговский лично не поговорит об этом с патриархом Никоном. Выговский обещал «брату своему» (Н. Зюзину) написать Дионисию Балабану, «чтоб он покамест до Константинопольского патриарха не слал по благословение, как святейший Никон, патриарх Московский, с ним, патриархом Константинопольским, о том листами сошлются» [4].

Следует отметить, что переговоры Выговского с Зюзиным и Хитрово представляются ключевыми для понимания русско-украинских отношений и политики Выговского (неслучайно потом гетман будет упоминать о них в своем обращении к «европейским народам»). Если о разговоре с Н. Зюзиным писал только М. Грушевский, то подробно миссию

---

[1] РГАДА. Ф. 210: Разрядный приказ. Оп. 12. Ч. 2. № 602. Л. 16.
[2] Там же. Л. 17.
[3] Акты ЮЗР. Т. IV. № 55. С. 91.
[4] Акты ЮЗР. Т. IV. № 53. С. 89.

Хитрово рассматривал еще Виталий Эйнгорн. Оба историка привнесли множество любопытнейших подробностей, базированных на анализе совершенно различных источников. При этом они друг друга не дополняли, писали совершенно параллельно, а последующие историки вообще не касались этого ключевого момента.

Наказ Б. Хитрово сохранился лишь в отрывках, равно как и его статейный список. При этом он был очень неудачно издан Н. Костомаровым. Тем не менее, мы можем судить о том, что миссия Хитрово рассматривалась в Москве как важнейший этап в отношениях с Украинским гетманством. Предполагалось избрание нового гетмана на условиях его согласия на определенные статьи. Особый смысл событиям придавал тот факт, что в Москве окончательно потеряли надежду на выполнение поляками положений Виленского перемирия и приняли решение весной 1658 г. начать военные действия против Речи Посполитой («И в. г., е. ц. в., Яна Казимера, короля польского, и панов рад неправдам их терпети не учнет, а хочет на весну послать на корунные городы своих ц. в. бояр, и воевод, и ратных людей») [1].

Из обрывков наказа можно понять, что предполагалось претворение в жизнь Московских статей с небольшими их изменениями. Очень странно обосновывалась необходимость введения воевод: говорилось, что в Малой России ранее не было крепостей («в градех ваших крепостей никаких не имеючих»). Для этого, мол, царь послал воеводу в Киев и велел построить там крепость – «И вы, Войско Запорожское... сами то выславляете». Утверждение о том, что в Украине не имелось крепостей, мягко говоря, некорректно. Тем не менее, именно на основании этого было заявлено: «И великий государь, его ц. в., жалея по християнстве, чтоб были все Войско Запорожское во осторожности от неприятельских и безвестных приходов в безстрашии, изволил Малые Росии в знатных городех: *в Чернигове, в Нежине, в Переяславле и в иных, где пристойно, так же как и в Киеве*, быти от неприятельских приходов и для вас, Войска Запорожского, обороны своим ц. в. воеводам и ратным людем, и, будучи им

[1] Акты ЮЗР. Т. IV. № 58. С. 95.

в городех, те городы крепить» [1]. Далее цитировались Мартовские статьи, но не дословно, а даже более выигрышно для Войска Запорожского: так, доходы теперь предполагалось собирать не в царскую, но в войсковую казну, а оттуда уже брать средства на содержание реестровых казаков и царских ратных людей [2].

Соотношение наказа Б. Хитрово и Мартовских статей

Наказ Хитрово	Мартовские статьи
«А гетман и полковники учнут ведать козаков и розправу меж вами по войсковому праву чинить; а в городех мещан по их правам войты и бурмистры; а ц. в. воеводы в городех учнут ведать осадных людей, а судить и росправу чинить по вашим правам»	«своими правами суживалися, и волности свои имели в добрах и в судах; чтоб ни воевода, ни боярин, ни столник в суды войсковые не вступался, но от старших своих чтоб товарищство сужены были»; «А быти б урядником в городех войтам, бурмистром, райцам, лавником»
«А которые поборы бывали наперед сего подымные и с аранд, и те поборы збирати б в тех городех *в войсковую казну и давать на войско Запорожское*, как на службу пойдут, и осадным ратным людем, которые при царского величества воеводех будут, и на войсковые росходы» [3]	«и доходы денежные, и хлебные, и всякие на государя сбирати и отдавать *в государеву казну* тем людем, которых государь пришлет, и тем людем, кого для тое сборные казны государь пришлет над теми сборщиками смотрить, чтоб делали правду»

Кроме того, решался вопрос о выплате жалования: «Войску, в то время, как пойдут против неприятелей, будет заплата, и войску при войне нужи никакие не будет, и служить вам будет охотно» [4]. В наказе поднимался вопрос о Белоруссии и Быхове (об этом ниже), о войне с Речью Посполитой [5].

Н. Костомаров, издавший наказ Хитрово, назвал «ответами на предыдущие статьи наказа» уникальный документ с

---

[1] Акты ЮЗР. Т. IV. № 58. С. 94.
[2] Там же. С. 97–98.
[3] Там же. С. 94.
[4] Там же. С. 95.
[5] А. Яковлев совершенно неправомерно называет наказ Хитрово «вторым проектом договора» (*Яковлів А.* Українсько-московські договори в XVII–XVIII віках. Варшава, 1939. С. 56–57). Это обычное рутинное перечисление вопросов, которых следовало касаться при переговорах с гетманом. Тем более, что они шли в русле прежних договоренностей. Кстати, А. Яковлев не заметил и различия в редакции Мартовских статей, которую привез с собой Б. Хитрово. «Договором» называлось тайное подписание ряда положений Выговским. Но и в этом случае данный документ не является «договором» в современном понимании этого слова.

личной подписью И. Выговского. Собственно, это то, что сам Хитрово позже именовал «договором» («Гетман с нами, царского величества с ближним окольничим, и оружейничим, и наместником ржевским с Богданом Матвеевичем с товарыщи учинил договор») [1].

Этот «договор», т. е. обязательство Выговского выполнять требования царского правительства, был, безусловно, подписан до рады и был платой за власть. Восстановить некоторые детали этого важнейшего события дает возможность наказ Г. Г. Ромодановскому от июня 1658 г., где вспоминается поездка Хитрово. М. Грушевский, которому не был известен данный документ, ошибочно полагал, что Хитрово долго ждал гетмана в Переяславле, и что «договор» был подписан уже после Переяславской рады [2].

На самом деле все было наоборот. Первая встреча гетмана с окольничим произошла в Киеве «втайне»; во время нее Выговский присягнул «перед образом Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа» в верности царю [3]. Тогда же «для уверения под отпискою околничего и оружейничего Богдана Матвеивича Хитрово с товарищи он, гетман, приписал своею рукою: что ему, Ивану, царского величества повелении во всем быть послушну и покорну и на веки неотступну» [4].

Оригинал документа (столь неудачно изданного Н. Костомаровым) сохранился. Это положения, написанные рукой Выговского (каждое на отдельном узком листке) и скрепленные подписью гетмана. Причем сделал это Выговский как «скрепу», видимо, по принятой в войсковой канцелярии традиции – одно слово подписи на каждой странице, в результате чего получается вся подпись: «Его царского // величества // Войска // Запорозкого // гетман // Выговский // рукою // власною // писал» [5]. Точно так же подписывал страницы книг из своей библиотеки другой

---

[1] Акты ЮЗР. Т. IV. № 58. С. 99. В. Герасимчук хотя и писал об уступках гетмана, но не отмечал, какую интереснейшую форму они имели (*Герасимчук В.* Виговщина і Гадяцький трактат // ЗНТШ. Т. LXXXVIII. 1909. С. 41). Не обратил на это внимания и Ф. Шевченко (*Шевченко Ф. П.* Русские воеводы на Украине. С. 170).

[2] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. X. С. 13, 1458.

[3] РГАДА. Ф. 210: Разрядный приказ. Оп. 12. Ч. 2. № 602. Л. 70.

[4] Там же. Л. 73.

[5] РГАДА. Ф. 124: Малороссийские дела. Оп. 1. 1657. № 19. Л. 19–27.

канцелярист Войска Запорожского – Самойло Величко [1]. Именно этот факт (других таких примеров мы не прослеживали) дает основание предположить, что Выговский действовал по принятой у писарей системе.

Его скрепа позволяет утверждать, что перед нами все страницы «договора» с Хитрово (а не их часть, как думал М. Грушевский), сложенные в строгом порядке, за исключением одной, переставленной Костомаровым при публикации. При этом стройная логика в договоре отсутствует. Но, впрочем, нет ее и в Мартовских статьях, и в Зборовском договоре.

Из этого документа следует, что И. Выговский согласился с рядом принципиальных вопросов, в том числе по Белоруссии и воеводам. «Говорилисмо з ближним вашего царского величества окольничым, и оруженичым, и намесником ржевским Богданом Матвеевичем Хитровым з товарысчы и *постановилисмо быть воеводам в городах вашего царского величества Малое России*». Причем список городов, в которых следовало вводить воеводское правление, должен был объявить сам И. Выговский во время личного свидания с царем («А в которых бы городах мели в. ц. в. быть воеводы, як пресветлые в. ц. в. дасть Бог буду оглядать очы, доложу и вас в. г., вашего ц. в.») [2]. Имеется еще устное подтверждение Хитрово, что Выговский просил перенести столицу в Переяславль и быть «в знатных городех своим ц. в. воеводам» [3].

Кроме того, Выговский повторял обещание лично рассказать царю сведения «ку славе в. ц. в. и ку розшыреню господарства в. ц. в.» [4].

Переговоры с Хитрово, очевидно, держали настолько в тайне, что о них не знала даже влиятельная старшина. Например, автор летописи Самовидца объяснял поддержку, оказанную Хитрово Выговскому, тем, что тот якобы ублажил его «словами лестивими, яко и подарунками» [5]. О подарках, преподнесенных гетманом окольничему в Переяславле, писал и другой летописец, С. Величко, автор поздний, но очень осведомленный, о чем мы говорили выше («знаменитими

---

[1] Подробнее об этом: *Таирова-Яковлева Т. Г.* О библиотеке С. Величко (в печати).
[2] РГАДА. Ф. 124: Малороссийские дела. Оп. 1. 1657. № 19. Л. 23.
[3] Акты ЮЗР. Т. IV. № 67. С. 110.
[4] РГАДА. Ф. 124: Малороссийские дела. Оп. 1. 1657. № 19. Л. 24.
[5] Літопис Самовидця. С. 77.

уконтентовавши его подарунками» [1]). Даже если подарки и были, то уже после рады, и, таким образом, они просто знаменовали взаимное согласие.

После тайной встречи в Киеве состоялась рада в Переяславле. О событиях в Переяславле мы знаем из статейного списка Хитрово, различных царских грамот и показаний полковника Р. Сербина. По прибытии Хитрово всем казакам было велено, «приехав в Переяславль для наших в. г. дел и для гетманского обранья, учинить рада. И февраля в 7 день съехалися с ним в Переяславль на раду гетман Иван Выговской, и обозной, и судьи, и полковники, и сотники, и атаманы, и ясаулы, и казаки, и чернь многие люди». Грамоты были посланы также М. Пушкарю, причем Хитрово писал ему лично. Но мятежный полковник не приехал. Тогда «со всей рады единогласно обрали на гетманский уряд его ж, Ивана Выговского» [2] и «в соборной церкви при новообранном митрополите и при всем освещенном соборе веру учинили» [3]. «И на раде гетман Иван Выговской, и судья, и полковники, и все Войско Запорожское говорили, а нам в. г. били челом, чтоб нам в. г. вас пожаловать, велеть в наших черкаских городех быть воеводам» [4]. Там же, на раде, Хитрово говорил гетману, чтобы тот ехал к царю в Москву «и видел ево великого государя пресветлые очи» [5]. Это, как мы видим, прямое продолжение тех договоренностей, которые были достигнуты с Н. Зюзиным.

Хитрово также продолжил начатые с Зюзиным переговоры о принятии Киевским митрополитом благословения от Московского патриарха. Дионисий Балабан сказал Хитрово («наодине»), что без позволения Константинопольского патриарха он «не смеет» посвятиться от Никона – «дабы Константинопольский на него и на всех духовных Малой Росии не розгневался» [6]. Поэтому он обещал Хитрово, «поговоря с

---

[1] *Величко С.* Летопись. Т. 1. С. 317. Величко к тому же путает местами события, и приезд Хитрово стоит у него раньше разговора с Зюзиным.

[2] Акты ЮЗР. Т. VII. № 74. С. 199.

[3] Там же. Т. XV. № 2. С. 15–17; РГАДА. Ф. 210: Разрядный приказ. Оп. 12. Ч. 2. № 602. Л. 71.

[4] Акты ЮЗР. Т. XV. № 3. С. 159.

[5] Там же. № 6. С. 270–271.

[6] Дионисий был абсолютно прав. Следует вспомнить, что в 1686 г., когда Гедеон Четвертинский принял благословение от Московского патриарха, Константинопольский предал его, духовенство и гетмана анафеме.

гетманом и с духовенством, в первую неделю Великого Поста послать к государю (Никону. – *Т. Т.*) с просьбой об утверждении его и о испрошении от себя у Константинопольского патриарха позволения посвятиться от патриарха Московского Никона» [1].

Следует отметить, что поездка Хитрово рассматривалась в Москве как крайне успешная. Показательно, что 5/15 марта Алексей Михайлович приказал «сказать на встречу... Хитрово с товарищи, как шел из Черкас, с своим государевым жалованьем, с милостивым словом и о здоровье спрашивать» [2]. В переводе с бюрократического языка это означало великую честь.

По дороге от Выговского Хитрово встретился с Пушкарем в Лубнах, и тот учинил там присягу «быти у нас великого государя в вечном послушании, а бунтов никаких не всчинать» [3]. Там же Пушкарь «бил челом» о воеводах [4].

Отправка в Москву Максима Филимоновича

Пока Хитрово был у Пушкаря, в начале марта вместо себя Выговский посылает в Москву Максима Филимоновича [5]. Почему гетман не поехал? Ведь после рады Выговский действительно собирался ехать в Москву и даже «велел всем полковником с своих полков собрать по дватцати человек с полку самых лутчих людей», которые должны

---

[1] *(Болховитинов) Евгений.* Описание Киево-Софийского собора. К., 1825. С. 186. В. Эйнгорн совершенно справедливо считал достоверной приведенную митрополитом Евгением выписку, которая впоследствии не сохранилась (*Эйнгорн В.* Сношения малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. С. 113–114). Г. Карпов видел уже урезанный вариант этой выписки, к тому же очень небрежно ее транслитерировал (*Карпов Г.* Дионисий Балабан, митрополит Киевский // Православное обозрение. 1874. С. 127). То, что разговор Хитрово с Дионисием «наодине» действительно имел место, подтверждает официальная «выписка о избраниях и посвящениях киевских митрополитов» (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1654. № 32. Л. 2–2 об.).

[2] Дополнение к тому III Дворцовых разрядов. С. 122–123.

[3] Акты ЮЗР. Т. VII. № 74. С. 199.

[4] Акты ЮЗР. Т. XV. № 3. С. 159. Степень искренности Пушкаря вызывает серьезные сомнения. Дионисию Балабану, уже в статусе Киевского митрополита, Пушкарь писал, что, несмотря на раду в присутствии Б. Хитрово, Выговского «вся чернь войско Запорозское не пріймують и не хотят имѣти». Акты ЮЗР. Т. V. № 52. С. 101.

[5] Еще раньше, видимо сразу после отъезда Хитрово, Выговский послал в Москву Ф. Горкушу с сообщением о бунте Пушкаря. Акты ЮЗР. Т. XV. № 2. С. 19; ПКК. 2-е изд. Т. III. № 63. С. 285.

были отправиться вместе с ним к царю [1]. Что же произошло? Персона выбранного им посланника и данный ему наказ позволяют утверждать, что Выговский в тот момент еще не собирался отказываться от подданства царю. Но лично ехать в Москву он побоялся. И дело не только в разгоравшемся бунте (в марте к Полтавскому присоединился Миргородский полк, а в Запорожье снова избрали кошевым Барабаша).

Одной из возможных причин стала неожиданная опала путивльского воеводы Н. Зюзина, человека, с которым, как мы видели, у И. Выговского были доверительные отношения и который был одним из ближайших друзей Никона [2]. Вспомним, что решение поехать лично в Москву Выговский принял под влиянием разговора с Н. Зюзиным («еду я ко государю, отложа все, уверясь на твою душу во всем; и будет мне что случитися, какое дурно, и в том ты дашь ответ на страшном суде Христовове» [3]). Разумеется, после опалы своего гаранта гетман был сильно напуган. К тому же прервались доверительные контакты, установленные Н. Зюзиным. Так, Зюзин обменивался устными тайными сообщениями с Выговским через Марка Антонова, а новый путивльский воевода его задержал [4].

М. Грушевский ошибочно писал, что опала Зюзина была вызвана его тайными переговорами с Выговским [5]. Не видя связи между опалой Зюзина и событиями в Москве, он сводил все это к украинским внутренним смутам.

На самом деле Выговский совершенно невольно оказывается замешанным в сложнейшую интригу, разворачивавшуюся при дворе Алексея Михайловича и ставившую своей целью смещение Московского патриарха. Не будучи знакомым с этими событиями, Выговский пишет просьбу о помиловании Зюзина, адресовав ее самому Никону. Он уверял, что переговоры воеводы были направлены на благо царя

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XV. № 6. С. 270.

[2] *Лобачев С. В.* Патриарх Никон. С. 192. В свое время, при написании кандидатской диссертации, мы уже отмечали, что опала Зюзина имела ключевое значение в действиях Выговского. Но тогда мы ошибочно считали, что опала была вызвана действиями Никона. На самом деле все обстояло иначе.

[3] РГАДА. Ф. 210: Разрядный приказ. Оп. 12. Ч. 2. № 602. Л. 15.

[4] Акты ЮЗР. Т. IV. С. 89–91.

[5] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. X. С. 135.

(«А что говорил с нами, и он говорил о добром е. ц. в.») [1]. Не остановившись на этом, Выговский шлет «поручную запись» Никону (30 марта с. с.) [2]. Некоторые слова из этой «поручной записи» свидетельствуют, что опалу воеводы он принимал на свой счет.

Если то, что М. Грушевский, занимаясь исключительно украинским сюжетом, не сопоставил события с опалой Никона, более-менее логично, то В. Эйнгорн изучал как раз церковную историю, и его игнорирование событий опалы патриарха вызывает искреннее удивление. Ведь очевидно, что опала Никона стала причиной провала переговоров о получении Киевским митрополитом благословения Московского патриарха.

Зюзин серьезно пострадает за дружбу с Никоном. Впоследствии он был подвергнут пытке и сослан. Никакого отношения к Выговскому это не имело, но гетман расценил это по-другому и сам в Москву не поехал.

Хотелось бы заметить, что в этот период у гетманской администрации еще не была налажена система внутренней информации в Москве (в отличие от Варшавы или турецкого двора, где действовала серьезная сеть осведомителей). Б. Хмельницкий и И. Выговский практически не разбирались в расстановке сил при дворе Алексея Михайловича и имели лишь отдельные личностные контакты. То, что гетман не будет знать об опале Никона вплоть до осени 1658 г. (а Никон имел огромное влияние на события в Украине), это очень ярко демонстрирует. В дальнейшем гетманы учтут эту ошибку, и, например, И. Мазепа будет тратить большие средства для того, чтобы иметь «друзей» в Москве на самом различном уровне – от переводчика до фельдмаршала.

Итак, Выговский отряжает Максима Филимоновича. Интересно, что перед этим неугомонный протопоп успел съездить к Пушкарю по поручению Дионисия Балабана [3], но, как мы видели выше, безуспешно. Фирс Байбаков, подьячий Посольского приказа, отправленный к Пушкарю

---

[1] Малороссийская переписка, хранящаяся в Оружейной палате // ЧОИДР. М., 1848. № 8. С. 70.

[2] РГАДА. Ф. 196: Рукописное собрание Ф. Ф. Мазурина. Оп. 3. № 225. Л. 1–2.

[3] РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. № 81. Л. 1.

(выехал из Москвы 7/17 марта 1658 г.), по дороге встретил «гетмановых посланцов, протопопа нежинского с товарыщи... и их роспрашивали про околничего и оружейничего про Богдана Матвеевича Хитрово, и про гетмана их, и про полковника (Пушкаря. – *Т. Т.*). И протопоп сказал, что... Хитрово в Лубнах, а гетман в городе Каневе, а полковник де пошол в Полтаву» [1].

С собой Максим Филимонович вез грамоту Выговского к царю, в которой наряду с жалобами на Пушкаренко гетман объяснял, что хотя мечтал увидеть царя («я любо мыслил был вскоре пресветлые в. ц. в. очи оглядать и мое подданство под ноги в. ц. в. поддать»), но не может поехать из-за бунтов. В своей грамоте гетман рекомендовал Максима Филимоновича, который должен был обо всем уведомить царя, и просил «ему во всем дать веру, што колвек учнет сказывать, бо все истинно в. ц. в. приказалисмо говорить» [2].

Приехав в Москву, Максим Филимонович «по его гетманскому веленью царского величества думным людям подал статьи...». В них было «написано о воеводах, чтоб быти в знатных городех царского величества воеводам, в которых великий государь е. ц. в. изволит». На это, «по его гетманскому прошенью, своим ц. в. воеводам изволил быть Малые Росии Войска Запорожского в знатных городех: в Нежине, в Чернигове, в Переясловле, в Белой Церкви, в Корсуне, в Плотаве». Воеводам приписывалось ведать «городовые крепости, и осады, и осадных людей, и оберегать от неприятелских приходов» [3].

М. Грушевский в своем изложении терял нить событий и не видел, что договор с Хитрово – посольство Максима Филимоновича – миссия Лесницкого–Богуна были звеньями одной цепи, в которой И. Выговский пытался купить поддержку Москвы против внутренних бунтов ценой различных уступок.

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XV. № 2. С. 23. Г. Карпов: «Дела, содержащего в себе отдельно бумаги сейчас помянутого посольства к государю протопопа Максима Филимоновича, нам не встретилось в архивах» – только то, что ниже. С. 23–24.

[2] Оригинал грамоты (с замечательно сохранившейся печатью): РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. № 81. Л. 1. Опубликовано по копии: ПКК. 2-е изд. Т. III. № LXIII. С. 285–287.

[3] Акты ЮЗР. Т. VII. № 79. С. 226–228.

Новая попытка введения воеводского правления

Именно в ответ на прошение Выговского (!) 3/13 апреля был отдан царский указ «быти на своей государеве службе в черкаских городех воеводам»: в Белой Церкви – Г. П. Софонову, в Корсуни – О. Ф. Болтину, в Нежине – С. Б. Бутикову, в Полтаве – А. П. Чирикову, в Чернигове – А. Я. Дашкову, в Миргороде – М. А. Поленову [1]. Правда, из-за проволочки часть воевод отправили только 23 мая с. с. («а воевод в черкаские городы отослать мая 23 безо всякого переводу» [2]).

Следует отметить, что как раз в это время в Москве происходят очень серьезные события, безусловно оказавшие влияние на Украину: попадает в опалу Никон. Через несколько дней после Пасхи (1 апреля с. с.) его имя исчезает из Дворцовых разрядов и не будет упоминаться вплоть до знаменитого оставления патриаршества (10 июля 1658 г. с. с.). Интересное совпадение дат: в начале апреля (с. с.) Никон попадает в опалу, 21 апреля высылают в Украину воевод, а 23 апреля царь жалует в думные дворяне Афанасия Ордина-Нащокина [3].

Если бы Выговский лучше разбирался в дворцовых интригах, то он бы знал, что падение Никона (несмотря на все дружественные и уважительные чувства, которые связывали с ним многих украинских церковных деятелей и старшину) совершенно не было направлено против Украинского гетманства. И напротив, Б. Хитрово, с которым у Выговского сложился такой близкий тайный союз, был одним из главных виновников опалы Никона [4]. Т. е., невзирая на опалу Зюзина и Никона, украинский гетман мог быть спокоен относительно достигнутых договоренностей. Но он этого не знал и был в панике.

О метаниях гетмана в этот период красноречиво свидетельствует его письмо отцу от 18/28 марта: «У нас пан окольничий (Хитрово. – *Т. Т.*) его царского величества отъехал,

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XV. № 3. С. 149. В Дворцовых разрядах стоит дата 21 апреля с. с. Дополнение к тому III Дворцовых разрядов. С. 128.

[2] Акты ЮЗР. Т. XV. № 3. С. 161–162.

[3] Дополнение к тому III Дворцовых разрядов. С. 128.

[4] *Лобачев С. В.* Патриарх Никон. С. 199.

однако ж свояволя и распря не уставает, в чом и Пушкарь, и иные на многих местех отзываються; для ради того езда моя на Москву замедлити мусить, и хотя до мене окольничей его царского величества часто пишет, я, оглядаючисе на все стороны, в розмысле зостаю...» Просит, «штоб ты мне, отец и добродій, порадил» [1].

И. Богуну он писал: «На кручину то старшинство мне осталось... Ах, Боже наш! Тем бесчинником веровать, а нам, вижу, и слова не дадут доброго за наши услуги верные! Да судит Творец всем!» [2] Положение Выговского, скорее всего, действительно было в этот момент очень шатким. В апреле поляки сообщали, что «Выговский разжалован, что на его место поставлен Хмельниченко, что казаки строго присматривают за Выговским» [3].

Вскоре после отъезда Хитрово командовавший «гультяями» Иван Донец приходил под Чигиринский полк. Выговский созвал в Чигирине раду, в очередной раз сложил булаву, его опять уговорили остаться гетманом, и прямо с рады он послал в Москву Г. Лесницкого [4], а вдогонку – Прокопа Бережицкого и Ивана Богуна. «И полковники де, которые были з гетманом в Чигирине, хотели на того Донца идти войною, чтоб ево совсем разорить. И гетман де у них то отговорил на великую силу и учинил раду, и на той раде, видя в войске запорожском такое нестроение и междоусобие, хотел гетманство оставить и булаву отдать», и полковники его насилу уговорили [5]. Интересно, что Выговский посылает в Москву именно Г. Лесницкого и И. Богуна – тех, кто присутствовал с ним на тайных переговорах с Н. Зюзиным. Можно предположить, что они были сторонниками решения проблемы с бунтом показаченных путем компромисса с Москвой.

Лесницкий встретился с дьяком Ефимом Юрьевым уже 20/30 апреля, т. е. всего тремя днями позже М. Филимоновича.

Разумеется, его заботил вопрос о восстании Пушкаря, поэтому он от имени гетмана просил, чтобы послать к

---

[1] Акты ЮЗР. Т. IV. № 59. С. 105.
[2] Там же.
[3] ПКК. Т. III. № LVII. С. 246–247.
[4] Акты ЮЗР. Т. VII. № 76. С. 206.
[5] РГАДА. Ф. 229: Малороссийский приказ. Оп. 1. № 29. Л. 104.

мятежному полковнику, дабы тот «от своеволства отстал». Но далее следовал вопрос о создании реестра казаков. Как мы помним, именно об этом просил еще П. Тетеря, приезжая в Москву при жизни Б. Хмельницкого летом 1657 г. Теперь Лесницкий просил, чтобы царь послал «с ним, Григорьем, вместе своих ц. в. комисаров знатных людей и велел в войске Запорожском *учинить казаком розбор, и написать бы список казаков 60 000 человек*, и переписать полковников и сотников, чтоб было про все царскому величеству ведомо; и впредь бы гултяем в казаки писатца было не вольно». Эту просьбу Лесницкий объяснял тем, что «ныне де от тех гултяев болшой и мятеж учинился, потому что всяк называетца казаком».

Вопрос о составлении реестра казаков тесно переплетался с вопросом о выплате им жалования и, соответственно, – сборе доходов в царскую казну. Лесницкий просил «мещан и мелницы, и аренды переписать все; а что с того было наперед сего каких доходов, и то покладывают на волю царского величества; толко б пожаловал ц. в., велел реестровым казаком давать свое государево жалованье по указным статьям, *как написано в статьях Павлу Тетере с товарыщи*» [1] (имеются в виду Мартовские статьи 1654 г.).

И. Выговский понимал, что составление реестра может привести к бунтам со стороны тех, кто в него не попал. Поэтому 10 статья наказа Лесницкому гласила: «чтоб е. ц. в., послав с своей стороны, учинити роспись велел, чтоб, не будучи в росписи, не уступились в непотребные волности, и с тех мер естьли б их о том усмирять хотели старшие, бунтов не вчиняли». Для осуществления такого сложного дела просили прислать «разсуднаго человека» [2].

Любые сомнения в том, что И. Выговский действительно хотел составить реестр в 60 тысяч, определив механизм выплаты жалования и отрезав остальных «показаченных» от «казацких вольностей», снимают переговоры с Бережицким и Богуном, которые состоялись на следующий день, 21/31 апреля. Встречались они с В. Б. Шереметевым, Б. Хитрово, думными дьяками А. Ивановым и Е. Юрьевым.

---

[1] Акты ЮЗР. Т. VII. № 76. С. 206–207.
[2] Там же. С. 212.

Снова было подтверждено, что «велел де гетман... бити челом, чтоб великий государь изволил послать в Войско Запорожское комисаров и велел учинить войско списковое 60,000 человек». Посланцев переспрашивали: «Впрям ли де им о том говорить велели гетман и все Войско?» Бояр волновал вопрос, чтобы во время составления реестра не было «в Войску какова бунту, потому что всякой похочет писатца в список». Посланцы уверяли, что настоящих казаков больше 60 тысяч не наберется, а остальные «гультяи и не прямые козаки» – чего, мол, им бунтовать? Но при этом просили прислать «людей мочных» (т. е. важных бояр. – *Т. Т.*), а с ними – еще и «служилых людей», чтобы «в Войску было страшно и бунтов бы никто всчинать не дерзал и не смел» [1].

Хитрово заявил, что гетман просил назначить воеводское правление – и царь на это «указал своим ц. в. воеводам быти во шти городех: у Белые Церкви, в Корсуни, в Нежине, в Плотаве, в Чернигове, в Миргородке» [2]. Тут можно вспомнить, что Выговский собирался лично назвать города, в которые назначить воевод. И посланцы говорили: «на той де ц. в. премногой милости гетман и все войско в. г. челом бьют, потому что тем в войску бунты усмирятца... и у них бы де в Войску и гораздо было лутче и смирнее» [3].

22 апреля с. с. бояре снова встречались с Лесницким. Царское правительство очень беспокоил вопрос, действительно ли И. Выговский просил «учинить бы число войска списковое 60,000 человек». Сомнение вызывало то, что в «инструкцыи, какову они подали, гетманские и полковничих рук не приписано». Посланники говорили, что «они ц. в. бьют челом о том по гетманскому и всего Войска Запорожского росказанью», и приложили свои руки [4].

Тогда еще через десять дней, 3/13 мая, посланникам было объявлено о направлении И. Выговскому грамоты об откомандировании «знатных комисарах, чтоб тем комисаром в реистр козаков переписать 60,000 человек». С этой целью посылали В. Б. Шереметева, «и буде ныне то мошно учинить, в реистр козаков написать», причем начать следовало

---

[1] Акты ЮЗР. Т. IV. № 67. С. 108–109.
[2] Там же. С. 110.
[3] Там же.
[4] Акты ЮЗР. Т. VII. № 76. С. 212–213.

с тех полков, «которые к польской и к литовским городам, к Слуцку близки» [1].

С этим Лесницкий и уехал. Но остановился в Путивле (через две недели) и писал к царю с просьбой, чтобы приехал В. Б. Шереметев, т. к. «мне, слузе и подданому в. ц. в., самому без Василья Борисовича Шереметева нельзя прямо к гетману ехать, понеже и писму и посланником в. ц. в. не верят» [2].

Отправка Василия Шереметева в Киев

С отправкой В. Б. Шереметева есть ряд вопросов. Во-первых, его наказ датируется 6/16 апреля 1658 г. Наказ был опубликован в XV томе «Актов Юго-Западной России», примечания к которому писал, скорее всего, Геннадий Карпов (хотя к моменту выхода тома он уже умер). Карпов считал, что датировка наказа ошибочная, в апреле состоялось назначение воеводой, а наказ составлен позже [3]. Но этого не может быть, т. к. в наказе имеются ссылки на посольство Г. Лесницкого, которое, как мы видели, состоялось в конце апреля (с. с.). Согласно Дворцовым разрядам Шереметев был послан в Киев 5/15 мая [4].

В наказе в очередной раз вспоминалась история вопроса о создании реестра в 60 тысяч с выплатой им соответственного жалования – ссылались на то, что об этом говорилось еще в статьях Богданова–Тетери. И тогда, мол, царь «велел учинить число войска Запорожского 60 тысяч, и свое государево жалованье давать им велел, сбирая войска Запорожского Малые Росии с городов со всяких доходов... И с тех мест и по ся места Войску Запорожскому розбору и числа списковым казаком не учинено за неприятелскими помешками». Теперь Лесницкий попросил, «чтоб великий государь изволил послать в Войско Запорожское комисаров знатных людей и велел учинить войско списковое 60 тысяч человек». «Также бы и мещан, и мелницы, и аренды переписать все: а что с того было наперед сего каких доходов, и то поклады-вают на волю царского величества; толко б пожаловал цар-

---

[1] Акты ЮЗР. Т. IV. № 67. С. 111.
[2] Там же. С. 121.
[3] Акты ЮЗР. Т. XV. С. 205–206.
[4] Дополнение к тому III Дворцовых разрядов. С. 130.

ское величество, велел реестровым казакам давать свое государево жалованье по указанным статьям...» [1] Следует отметить, что положения наказа точно передавали переговоры Г. Лесницкого в Москве.

На основании всего вышесказанного Шереметеву по приезде в Киев предписывалось: «буде в войске Запрожском всякие бунты и ссоры утишатся и неприятелского наступленья никакова не будет» – посылать к И. Выговскому и говорить о просьбе Лесницкого. «И поговоря с гетманом и с полковники, велеть полковником и с ними, кому приговорят, козаков розобрать вскоре и список учинить... гетману говорить: из каких доходов на списковых казаков, как служба будет, заплата давать?» [2]

Т. е., согласно наказу, введение воевод предусматривалось только в случае прекращения бунтов.

Остальные вопросы, которые следовало уточнить Шереметеву, лишний раз показывают, что в Москве по прошествии 4 лет с момента присоединения Украины полностью отсутствовало представление о системе и характере экономических механизмов Гетманства.

Это подтверждает и наказ полтавскому воеводе А. П. Чирикову, которому предписывалось собрать детальную информацию о бывших при короле и ныне действовавших

---

[1] Акты ЮЗР. Т. VII. № 75. С. 200–201.

[2] «И много ль в Малой Росии тех городов и мест, с которых поборы сбираны на полских королей? И сколько сенаторских, и шляхтецких, и кляшторных маятностей, и аранды, и сколко с королевских, и с сенаторских, и с шляхетцких, и кляшторных маетностей с аранд со всех сберетца доходов на год порознь? И буде лучитца сбирать подымное, и сколко Малые Росии с котрого полку порознь сберетца подымного. Также и с аранд со всяких сколко сберетца? И чтоб тому всему дал он, гетман, роспись...», если гетман скажет, что «у него доходов росписей нет, – и боярину Василью Борисовичю с товарыщи, поговоря с гетманом с Иваном Выговским и с полковники, послать вместе с ними от себя во все полки дворян, а гетман бы от себя послал, выбрав, козаков...» Спрашивать: «королевские ли, или панские, или пляшторные бывали?.. (в городах), сколко каких ранд, и за кем на откупу, и за кем ранды... сколко с них на короля или на панов рад каких доходов сбиралось и сборные книги всяким податем на ратуше у них есть ли?.. и взяв доходом роспись, переписати, сколко у них на откупу мелниц или иных каких угодей, и по сколку с которого откупу денег, и за кем те откупы на откупу, и котрым откупом сроки прошли и которым не прошли... сколко к которому уезду и в уезде крестьянских дворов. И что с них на короля и на панов рад каких доходов денежных и хлебных сбиралось, или где на пана пахали пашни, и сколко где пахали... а переписав угодья и доходы всякие подлинно, приказати в... городех, и местех, и в уездех доходы всякие сбирати тех мест городов и мест и уездов войтам, и бурмистром, и райцами лавником, и отдавать в казну сполна тем людем, которые для той казны по совету всех выбраны будут». Акты ЮЗР. Т. VII. № 75. С. 200–203.

налогах в Полтаве. Про все это надлежало написать и послать в Москву [1].

Наказ Шереметеву позволяет предположить, что весной 1658 г. уже планировалось не просто присутствие воевод в Украине, а создание определенной системы воеводского управления, в котором В. Б. Шереметеву, как киевскому воеводе, была отведена особая роль. Так, «гетман и полковники» отныне должны были писать «о всяких делех» не к царю, но к Шереметеву «и что тот отпишет из Киева... так он о том деле и учинит» [2].

Лесницкий, видимо, придерживался мнения, что приезд Шереметева необходим, чтобы начать реформы с «показаченными», поэтому всячески торопил воеводу. Он затягивал свое возвращение в Украину (ожидая воеводу) и писал Шереметеву 15/25 мая из Путивля: «разширился злых людей, бунтовников и своеволников всюду огонь, которого естли скорым прибытием тебя, господина моего, в тую Росию не утолим, тогда иныи окрестные неприятели, как ляхи, татаровя, изменя, впадут на тое нестроение и в конец землю... разорят...» [3] Сам Шереметев извещал царя, что писал к нему «из Путивля миргородцкой полковник Григорей Лесницкой, что... мне б, холопу твоему, поспешить идти в Киев. И мы, холопи твои, идем, не мешкая» [4]. Шереметев также получил тайные письма от Б. Хитрово (человека, наиболее посвященного в реалии Украины), но они, к сожалению, как и предписывалось, были сожжены [5].

---

[1] «проведать тайным обычаем, чтоб того никто не ведал, кто у них ныне в Плотаве со всяких товаров собирает всякую пошлину, и с арендов, и с мелниц, и с иных со всяких промыслов откупные денги, и на кого збирают: на гетмана ль, или на полковника, или на какие войсковые росходы, или бурмистры и войты корыстуютца сами, и сколко чаять тех всяких поборов в Плотаве и в городех Плотавского полку зберетца в год, и много ль тех будет городов, которые в Плотавском полку, и как те городы имянуютца, и как наперед сего, как они были за королем, у них суды отправлялись, каким правом, и как у них были королевские уряды, какими росправными делы они их ведали, и с чего какие денежные и хлебные поборы на короля збираны ль, и по чему у них на короля всяких денежных и хлебных запасов збиралось в год, и с кем те поборы к королю отсылались, и про иные про всякие вести и извычаи, как у них делалось при короле, и которые дела были им любы или нелюбы, и какими обычаи они ныне живут, по-прежнему ль, или у них полковники какие дела и извычаи ввели вновь и будет что ввели вновь, и то им любо ль или не любо, и что не любо». Акты ЮЗР. Т. XV. № 3. С. 158.

[2] Акты ЮЗР. Т. IV. № 79. С. 157.

[3] Акты ЮЗР. Т. XV. № 4. С. 171–173.

[4] Там же. С. 171.

[5] РГАДА. Ф. 229: Малороссийский приказ. Оп. 1. № 29. Л. 171–172.

Посланцы Выговского были еще в Москве, когда к гетману отрядили посольство стольника Ивана Опухтина. Оно тоже имело тайно-разведывательный характер. В наказе говорилось, что согласно просьбам гетмана И. Выговского, переданным с М. Филимоновичем, «царь назначил воевод в Нежине, в Чернигове, в Переясловле, в Белой Церкви, в Корсуне, в Плотаве». Воеводам поручалось «ведать» городские крепости, осадных людей и оберегать города от неприятельских приходов. Опухтин должен был сообщить, что воеводы «будут... вскоре» [1], и подготовить почву к их приезду. Видимо, в Москве имелись некоторые сомнения в том, что их примут с распростертыми объятиями, поэтому Опухтину также поручалось разведывать о статьях Лесницкого (это через 8 месяцев после события!) [2]. Аргументы в пользу воевод в Москве выдвигали традиционные – мол, воеводы давно уже в Киеве, «и они тамошним никаким людем неволи никакие не чинят, и прав и волностей их ни в чем не ломают» [3].

Встретившись с И. Выговским 1/11 мая, Опухтин сообщил: «И по вашему гетманскому прошенью, каково подал нежинской протопоп Максим, указал в. г. в черкаских городех быть воеводам и с ними ратным людем». Выговский не ответил [4].

Пребывание Опухтина в Украине затянулось. Это было связано с разгаром бунта Пушкаря–Барабаша. Именно этим Выговский объяснял и откладывавшуюся его поездку в Москву [5]. Отправлен Опухтин был только 23 июня 1658 г. с. с.

К этому времени в Украине появился новый киевский воевода В. Б. Шереметев, приезда которого так жаждал Г. Лесницкий. И. Выговский в связи с этим писал царю: «пришла к нам весть из Киева, что боярин в. ц. в. и воеводы Василей Борисович Шереметев, приехав в Киев, и с нами не посоветовав, но и не видевся, многие новые дела всчинает: казны неведомо какой спрашивает и воевод без совету с нами по городом насылает, на что, не ведаем, есть ли указ от в. ц. в. для того?» [6]

---

[1] Акты ЮЗР. Т. VII. № 79. С. 226–228.
[2] Там же. С. 228–230.
[3] Там же. С. 232–233.
[4] Там же. С. 234.
[5] Там же. С. 244.
[6] Акты ЮЗР. Т. VII. № 71. С. 194.

Надо сказать, что В. Б. Шереметев оказался очень неудачной кандидатурой для введения воеводского правления. Прежде всего, ему, в отличие от Б. Хитрово, не удалось найти общий язык с Выговским (равно как и со старшиной). В перехваченной отписке В. Б. Шереметева от августа гетман именовался «изменником Ивашкой Выговским» [1]. Выговский, разумеется, расценил это как «бесчестье». Как известно, подобное обращение было допустимо только после царского указа. А в данном случае Шереметев поступил самовольно, что само по себе факт редчайший, тем более, что в эти же дни к гетману отряжали Портомоина и Кикина с «милостивым словом».

Отправка воевод

Как мы помним из наказа Шереметеву, введение воевод предусматривалось только на случай прекращения бунтов. Но кто-то в Москве поспешил (или наказ ко времени отправки Шереметева устарел), и теперь воеводы были уже на подъезде. 23 мая с. с. А. Бутурлин (еще предыдущий киевский воевода) писал, что ему прислан указ направить в Белую Церковь воеводой своего товарища Григория Софонова. И он ему все собрал, но «на твою государскую службу к Белой Церкви выслать ево, Григорья, ныне не смею, потому что у гетмана Ивана Выговского с черкасы учинилось межусобство: многие полковники и козаки, видя Пушкарево против ево супротивленье, ему, гетману, учинились непослушны. И посылать в Белую Церковь и ослаблять Киев до ухода татар нельзя» [2].

2/12 июня Андрей Яковлевич Дашков сообщал, что его послали воеводой в Чернигов. Он приехал в Белгород, чтобы получить «начальных людей салдатского строя», но там думный дьяк Семен Заборовский сказал, что их у него нет и он ему не даст. «И мне, холопу твоему, из Белагорода на твою в. г. службу в Чернигов итить не с кем» [3]. Микифор Алексеевич Поленов, назначенный воеводой в Миргород, сообщал об аналогичной ситуации (3/13 июня) [4].

---

[1] Акты ЮЗР. Т. IV. № 79. С. 160.
[2] Там же. Т. XV. № 3. С. 141–144.
[3] Там же. С. 147.
[4] Акты ЮЗР. Т. XV. № 4. С. 141–144.

Шереметев еще питал иллюзии и 8/18 июня писал в отписке, что по дороге в городах Глухове, Королевце, Батурине «твоей в. г. милости добре ради... люди встречали ж с великою честью... говорили, чтоб ты, в. г., пожаловал их велел послати своих государевых воеводи к ним в городы, чтоб им по твоей государской милости от гултяйства и самоволных воров жить было безстрашно». Правда, в тот же день он получил письмо от Лесницкого, что «приходил де на гетмана Ивана Выговского полковник Пушкарь, и Пушкаря де на бою убили и полку его побили многих людей с пятнатцать тысеч» [1]. Т. е. Шереметев еще не доехал до Киева (он приехал в Киев 17/27 июня [2]), когда с Пушкарем было покончено.

Шереметев сразу же столкнулся с изменившейся обстановкой и невозможностью вводить воеводское правление. Так, он писал: по указу царя «велено быть на твоей в. г. службе в Корсуне воеводою Оверкею Болтину; и Оверкей Болтин приехал в Киев до моего приезду, холопа твоего, и в Корсунь он не отпущон»; указ о нем писан «в Корсунь к полковнику Тимоше Аникеенку, и полковника Тимошу гетман Иван Выговский велел ростреляти... А в которых черкаских городех указал ты, в. г., быть воеводам, и они доехали ль и что в тех городех делаетца» – не знает [3].

Если Опухтину Выговский еще не высказывал прямого недовольства в связи с воеводами, то иначе обстояли дела с П. Скуратовым, появившимся у Выговского в разгар похода на Пушкаря 14/24 мая 1658 г. Наказ Скуратову сохранился не полностью, речь в нем шла в основном об «успокоении меж вами, нашего ц. в. подданными православными христианами» [4], в частности, о посылке на Запорожье царской грамоты «с великим запрещеньем, чтоб они самоволства отстали и бунтовати и вновь... рокошу никакова не заводили, а были у тебя, гетмана, в послушанье, как и прочие их братья полковники» [5].

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XV. № 4. С. 176.
[2] Там же. № 5. С. 206.
[3] Акты ЮЗР. Т. VII. № 82. С. 249.
[4] РГАДА. Ф. 124: Малороссийские дела. Оп. 1. 1657. № 22. Л. 2.
[5] Там же. Л. 3.

В обстановке открытой гражданской войны со стороны окружения гетмана звучал резкий негатив в отношении идеи присылки воевод. Самойло Выговский сказал: «Пушкарь де говорит, что у них во всем Войске быть государевым воеводам... Было де то и при королях польских, что были ляцкие полковники, а с ними ляхов человек по десяти: за то де и межьусобье стало, полковников де и ляхов побили» [1]. В этих условиях Выговский уже не мог настаивать на введении воевод и составлении реестра, о чем он еще недавно просил царя через М. Филимоновича и Г. Лесницкого.

И Скуратов делает известный нам вывод: «А которые твои, государевы, черкаские городы по сю сторону Днепра, которыми я, холоп твой, ехал, те все желают, чтоб быть в тех городех твоим, государевым, воеводам; а заднепрские козаки говорят в розговорех: *Пушкарь хочет тово, чтоб быть государевым воеводам, а у нас де тово николи не будет*» [2].

Скуратов тоже задержался в Украине и передавал настроение гетмана уже после похода на Пушкаря. 21 июня с. с. по дороге из Полтавы в Чигирин Выговский получил письмо от белоцерковского полковника «и почал сердитовать и говорил: воеводы де приехали, опять бунтов заводить! Пишет де ко мне белоцерковской полковник, что писал к нему окольничей Андрей Васильевич Бутурлин, что приехал воевода к Белой Церкви, а ныне в Киеве. Да говорил: пиши де, Андрей Васильевич, да сам берегись!» Скуратов говорил: «он, гетман, сердитует не за дело: сам он о том к тебе, великому государю, писал, чтоб быть в твоих государевых черкаских городех воеводам». Гетман отвечал уклончиво: «писал... чтоб ему изволил ты, в. г., прислать тысечю человек драгунов да тысечю человек солдат, а прислал своих государевых воевод и ратных людей, чтоб бунтовщиков смирить: и что де к тебе, великому государю, он, гетман, пишет, и на Москве, государь, тому ево писму бутто смеютца... *А что... к Белой Церкви воеводе быть, про то к тебе, великому государю, он не писал...*» [3] Это была неправда. Как мы видели, уже в послании с М. Филимоновичем Выговский согласился на введение воеводы в Белой Церкви. Но столкнувшись с рез-

[1] Акты ЮЗР. Т. IV. № 69. С. 126.
[2] Там же. С. 127.
[3] Там же. С. 128.

ко отрицательной позицией правобережных полковников, гетман берет свои слова назад. Ведь в условиях бунтов он зависит от них.

П. Скуратов совершенно справедливо возражал Выговскому: «а про твоих государевых воевод как ему, гетману, не ведомо? Со мною, холопом твоим, к нему, гетману, твоя великого государя грамота о воеводах прислана, чтоб он отписал от себя в твои государевы черкаские городы, чтоб их, воевод, приняли чесно и дворы им и твоим государевым ратным людем давали, и всякое споможенье им чинили: ты, великий государь, своих царского величества воевод, а с ними ратных людей в городы посылаешь, из Москвы они отпущены будут вскоре. Тое твою государеву грамоту он, гетман, у меня, холопа твоего, принял и ее чол, а про воевод в те поры ничево не говорил; а ныне, как приехали твои государевы воеводы, и он говорит, что воеводы не надобны». Выговский оправдывался опасением, что «...от воевод бутто бунты взочнутца...». И тут происходит знаменитый эпизод, когда резко против воевод высказывается Иван Богун [1]. Выговский тоже припомнил ссоры с киевскими воеводами: «а в Киеве де твои государевы люди и не первой год, а по сю пору с черкасы безпрестани *киями бьютца... бутто твои государевы воеводы бунты зачнут...* вам де надобно такой гетман, чтоб взяв за хохол да водить» [2].

Общественное мнение было крайне негативно настроено против воевод. Например, игумен Мгарского монастыря Виктор Загоровский писал к ближним боярам и патриарху, перечисляя обиды, ему нанесенные, и подчеркивал: Шереметев «не толко мещан, се ест посадских людей, в Киеве будто в вязнех держит; но и козаков и духовных собыжает, жесток является, и маетности церковные отимати похваляется, чего всего всячески и описать невозможно... гетманом называется, а его ни во что почитает» [3]. Игумен надеялся на

---

[1] «А как я, холоп твой, с гетманом говорил, и, едучи за гетманом, чигиринец Ивашка Богун кричал и говорил: нам де воеводы ненадобны; жон де да детей наших переписывать приехали? И мне, холопу твоему, грозил и говорил: ты де к нам в Чигирин воеводою едешь? Нездоров де от нас выедешь! И я, холоп твой, гетману говорил, чтоб ево, Ивашка, велел унять. И гетман ему велел перестать и говорил: не та теперешнея речь!» Акты ЮЗР. Т. IV. № 69. С. 129–130.

[2] Акты ЮЗР. Т. IV. № 69. С. 128.

[3] Там же. № 74. С. 137.

вмешательство патриарха: «то все вскоре е. ц. в. донесеш и усмыриш», а Выговский обещается быть «верным и желательным» слугой [1]. Но патриарха уже к этому времени в Москве не было.

В этих условиях, вернувшись из похода на Полтаву, Выговский, как сообщал П. Скуратов, «по се число в городы о твоих государевых воеводах не писывал» [2]. Из Москвы шли указы не обострять обстановку. Например, в очередном наказе Шереметеву от 21 июля 1658 г. с. с. повелевалось, чтобы государевы люди «жили смирно и задоров никаких с черкасы и с мещаны не чинили и ни в чом не ссорились», если будет челобитье на казака, «посылать им, с кем пригож, к полковником; а буде хто учнет бить челом на мещан, и тех посылать к бурмистром и войтом на ратушу» [3].

Воеводы просидели в Белгороде все лето и обратились к царю с челобитьем: «ныне те воеводы в Белгород и в иные места приехали, а в черкаские городы до ево, государева, указу ехати им не велено. А черкаской город Плотава ныне разорен и сожжен без остатка». Воеводы спрашивали, что им делать [4]. Рукой дьяка 28 августа с. с. был дан указ: «А которые воеводы посланы в черкаские городы, и тем указал государь из Белгорода быть к Москве» [5].

Скорее всего, в Москве были в растерянности. Такого развития событий, как отказ принять воевод и военная развязка ситуации в Полтавском полку, никто не ожидал. Косвенным свидетельством степени неготовности принимать решение в таких обстоятельствах является отправка очередного посольства во главе с В. Кикиным. Наказ был составлен 11/21 мая 1658 г., и, судя по нему, в Москве еще искали компромисс. В частности, декларировалось, что царь хочет, чтоб вам «меж собою иметь дружбу, и любовь, и соединение; а для успокоения межеусобия и для его государских великих и войска запорожского потребных и годных дел послал в Киев» Шереметева «и по иным городом своих государевых воевод. И указал... полтавскому полковнику Мартыну Пушка-

---

[1] Акты ЮЗР. Т. IV. № 74. С. 138.
[2] Там же. № 69. С. 129–130.
[3] Акты ЮЗР. Т. XV. № 4. С. 195, 200.
[4] Там же. С. 181.
[5] Там же. С. 182.

рю, и всем полковником, и старшине, и всему войску запорожскому быть у тебя, гетмана, в послушании», а он бы, Выговский, войной не ходил и татар отпустил [1]. В наказе даже объявлялось наказание воеводе за самовольство в Украинском гетманстве: «А что без указу ц. в. путивльской воевода Григорий Зузин в Миргород послал путивльцов служилых людей; и за то великий государь велел его переменить, и положил на него свою ц. в. опалу» [2].

Но Кикин доехал к Выговскому только 31 августа с. с. («в полдень») [3]. Возможно, задержка была вызвана причинами очень далекими от Украины: 10 июля с. с. в Успенском соборе Москвы Никон отрекся от своего патриаршеского звания. Между прочим, за несколько дней до этого Б. Хитрово (заключивший, как мы помним, «договор» с И. Выговским) избил «патриаршего человека» Дмитрия Мещерского, что послужило поводом к окончательному разрыву патриарха с царем [4]. До Украины эти новости еще не дошли. 23 июня с. с. Выговский с горечью говорил Опухтину, что Хитрово обещал ему «милость» от патриарха Никона – благословенную грамоту на гетманство, да он так ее и не получил. Ответ Опухтина явно лукавый: патриарх, мол, ждал его в Москве «быти у благословения» [5]. Опухтин не мог не знать про опалу патриарха. А вот то, что об этом не знали в Украине, – удивительный факт, подтверждающий отсутствие должных осведомителей при царском дворе.

К моменту приезда Кикина все изменилось: и воевод уже вернули, и Пушкаря в живых не было... Ситуация была крайне тяжелая, и, надо отдать должное, Кикин проявил себя талантливым дипломатом, умеющим искать компромисс, в отличие от подьячего Я. Портомоина.

Портомоин приехал в Чигирин 9/19 августа. Согласно наказу ему следовало объявить Выговскому милость и «милостиво похвалить» за его «службу». Отметим, что наказ был составлен 26 июля с. с., когда в Москве было уже известно о призыве татар и захвате Выговским Полтавы. Но никаких

---

[1] Синбирский сборник. № 21. С. 63.
[2] Там же. С. 64.
[3] Акты ЮЗР. Т. IV. № 79. С. 146; *Kubala L.* Wojny duńskie i pokój oliwski 1657–1660 // Szkice historyczne. T. 6. Lwów, 1922. Dodatek XXI. S. 547.
[4] *Лобачев С. В.* Патриарх Никон. С. 199.
[5] Акты ЮЗР. Т. VII. № 79. С. 244.

выговоров! В Москве продолжали политику компромисса. На этом официальная миссия Портомоина должна была завершиться. Более того, ему было приказано не отвечать гетману и полковникам, если те будут спрашивать «о каких делех... и ему отговариватца, что ему про те дела слышать не лучилось, потому что он был у себя в поместье». При этом наказ был тайным, и подьячему следовало выучить его наизусть, а с собой не брать. В тайных статьях говорилось, что он должен был записывать разговоры с гетманом и полковниками, «а покаместа у гетмана побудет, и ему розсмотрити и розведати про всякие тамошние вести» и все это отослать к царю [1].

Вопреки инструкции, в первом же разговоре с гетманом, жаждавшим расправиться с восставшими, Портомоин обвинил Выговского в намерении «идти на государевы украинные городы войною» [2]. Не сумел Портомоин и найти аргументов, чтобы Выговский не посылал своего брата Данила под Киев. В результате 11/21 августа Портомоин был практически арестован (ему поставили стражу во дворе) [3]. Позже, 9 сентября н. с., подьячего и всех его людей «привели на тюремный двор и поковали всех в койданы, а платье и лошеди и служилую рухлядь все поимали к себе» [4].

В таких условиях к гетману прибывает Кикин. Претензий у украинской стороны к тому времени накопилось много. Например, 11 сентября (н. с.) Кикину зачитывают указ Г. Г. Ромодановского о назначении прилуцким полковником Якова Воронченко вместо Петра Дорошенко [5]. Если указ был подлинным, это непосредственно нарушало Мартовские статьи. Были проблемы и более серьезные, включая прямые военные столкновения под Киевом В. Б. Шереметева с Д. Выговским.

Кикин напоминал гетману, что царь, затратив кучу денег и пролив кровь своих ратных людей, «польских и литовских людей многих побил, и великое княжение Литовское, и Белую Росию, и многие городы и места к своим великим госу-

---

[1] Акты ЮЗР. Т. IV. № 33. С. 135–136.
[2] Там же. № 95. С. 190.
[3] Там же. С. 191.
[4] Там же. С. 192.
[5] Акты ЮЗР. Т. IV. № 79. С. 149.

дарствам Российского царствия присовокупил, и всех вас, православных християн, от неволи высвободил» [1].

В переговорах ярко проявились различия в подходах сторон. Так, Кикин открыто сказал И. Выговскому: «то не есть дело подданных... управлятись самим между собою и междусобную брань воздвигнути». На это полковник Г. Гуляницкий заявил: «Будучи они под властию королей польских и великих князей литовских, за права и вольности свои стояли и бились и из неволи высвободились» [2].

Ситуацию продолжали усложнять уже поверженные бунтовщики. Так, в те же дни (13–14 сентября н. с.) Барабаш сделал следующее заявление: у Ромодановского «ратных людей богато да... изготовлено сто тритцать (воевод), которым быти в городех Малые Росии». Как мы знаем, такие утверждения не имели под собой никаких оснований. Речь шла о посылке в Украину шести воевод. Кикин отвечал на это заявление, что «воевод ста тритцати человек в Белгороде нет и не бывало», и справедливо спрашивал: «Мочно то и простому человеку разсудить, какое добро говорить вору и изменнику и осуженнику на смерть?» [3]

Масла в огонь подливали и поляки, вступившие в активную фазу переговоров с частью старшины. 5 августа 1658 г. (н. с.) в царской грамоте к Выговскому говорилось, что поляки послали на Украину «многие прелестные листы, чтоб... учянить смута, вмещаючи... будто (Шереметев и Ромодановский. – *Т. Т.*) с нашими ратными людми посланы на тебя, гетмана, и на все Войско Запорожское» [4].

Второй эпизод – это столкновение с русскими войсками под Киевом. Мы подробно рассматривали этот эпизод в своих предыдущих работах и сейчас лишь повторим вывод, что столкновение было спровоцировано Д. Выговским, а сам гетман военного конфликта с В. Б. Шереметевым не хотел.

Изучение хода переговоров с поляками [5] подтверждает, что Выговский колебался до последнего. С этим нашим выводом согласны многие историки. Даже после подписания

---

[1] Акты ЮЗР. Т. IV. № 79. С. 149.
[2] Там же. С. 151, 154.
[3] Там же. С. 158.
[4] Там же. С. 157.
[5] Например, см.: *Яковлева (Таїрова) Т.* Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII століття. Причини і початок Руїни. К., 1998. С. 237–285.

с поляками Гадячского договора 6/16 сентября еще существовали пути отхода. На следующий день, вопреки настоянию части старшины [1], требовавшей задержать Кикина, Выговский отпускает его с грамотой к царю. В ней перечислялись «обиды» Войска Запорожского. На прощанье Выговский обещал Кикину, что «будет де он ожидати указу царского величества от сего дни четыре недели» [2].

Выговский действительно ждал. 10/20 сентября он писал путивльскому воеводе Григорию Долгорукову, предупреждая его готовившийся военный поход, что «от его царского величества наскорую ожидаем ведомость» [3]. 19/29 сентября Выговский снова пишет Долгорукову и просит сообщить о возвращении Кикина [4]. Даже в конце сентября с. с. (7 октября н. с.) посланцы Выговского говорили Долгорукову, что «ожидает де гетман от тебя, великого государя, к себе письма» [5]. Но письмо так и не пришло, приближалась военная стадия конфликта.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что уже в момент Переяславской рады и Мартовских соглашений у русской и украинской сторон было очень разное видение присоединения. По-разному стороны относились и к Мартовским статьям. По прошествии четырех лет (!) с момента формального присоединения Украинского гетманства к Московскому государству не был решен вопрос относительно воеводского правления, сбора налогов и формирования реестра казаков, которым выплачивали бы жалование. Старшина упорно отказывалась решать эти вопросы, опасаясь за свою власть и боясь нарушить социальный баланс в обществе.

Царское правительство настаивало на принятии формальных признаков подданства. Но в определенный момент этот вопрос отступил на второй план перед событиями в ВКЛ и геополитическими реалиями. Независимое поведение гетманов подтолкнуло царское правительство к практическому решению вопроса подданства. Внутренние смуты, с одной стороны, открывали для русских пути давления на

---

[1] Акты ЮЗР. Т. IV. № 79. С. 164.
[2] Там же. С. 165.
[3] Акты ЮЗР. Т. IV. № 81. С. 168.
[4] Там же. № 83. С. 170.
[5] Там же. № 86. С. 176.

Приезд русских посланцев в Украинское гетманство (1654–1658)

Дата	Кто был послан	Цель приезда	Результат
Февраль–март 1654 г.	Иван Полтев	Сообщить о рождении царевича	
29 мая 1654 г. с. с.	Михаил Лодыженский	Переписать владения	Отменили посольство
Июнь	Григорий Старков	Военно-политические вопросы	
Июль	Протасьев Петр	Попытка выдать жалование Войску Запорожскому	Отказали
Август	Иван Ржевский	Военно-политические вопросы	
Октябрь	Денис Тургенев и Яков Портомоин	Военно-политические вопросы	
Декабрь	Артамон Матвеев	1. Сделать Киев столицей. 2. Ввести полки солдатского строя. 3. Ввести воевод	Отказали, сославшись на военное время
Июнь 1655 г.	Василий Бутурлин	Военно-политические вопросы	
Август	Иван Гагарин	О взятии Вильно	
Март 1656 г.	Ларион Лопухин	1. Вопрос о «панованье». 2. Ввести воевод	1. Обсудили. 2. Не поднимали
Май	Василий Кикин	1. О «панованье». 2. Военно-политические вопросы	1. Не поднимали
Июнь 1657 г.	Федор Бутурлин	О воеводах, налогах, стрельцах	Отказал
Июнь	Артамон Матвеев	Военно-политические вопросы	
Июль	Иван Желябужский	Уговаривал по поводу воевод	
Август	Василий Кикин	О воеводах, о налогах	Согласились
Сентябрь	Артамон Матвеев	О введении воевод в Чернигове, Переяславле, Нежине, Белой Церкви, Корсуне, Прилуках	Согласились
Октябрь	Дмитрий Рогозин	Объявление об отмене приезда А. Н. Трубецкого	
Февраль 1658 г.	Богдан Хитрово	О воеводах	И. Выговский согласился, подписал «договор»
Май	Иван Опухтин	Сообщил о приезде воевод	
Май	Петр Скуратов	Об успокоении бунтов	
Август	Яков Портомоин	С «милостивым словом», разведывать обстановку	
Сентябрь	Василий Кикин	Об успокоении междоусобья	

гетмана, а с другой – заставляли старшину искать союзников для сдерживания восстаний. И. Выговский и часть его сторонников усматривали во введении воеводского правления и составлении реестра путь к решению проблем. Но другие старшины были против воевод, которых считали угрозой своей власти и личному благосостоянию. Слабость гетманской власти привела к тому, что внутренняя ситуация вышла из-под контроля и гетмана, и царя. Одновременно в Москве случилась опала Никона, бывшего вдохновителем присоединения Украины к России. К власти приходят «ястребы», и одновременно бюрократическая машина пробуксовывает в самый разгар бунтов, создавая угрозу власти Выговского, чем не замедлили воспользоваться сторонники Речи Посполитой.

Первая попытка присоединить Украину потерпела фиаско. Следующая состоялась годом позже, но в совершенно иных условиях. Не было религиозного романтизма у царя, появилась идея прямого подчинения Северщины. Но самое главное, стороны наконец начали понимать реалии подданства, его конкретные проявления, формы и возникающие на их фоне проблемы. А также – запаслись опытом, в том числе и крайне негативным. Влиятельным фактором были и популистские лозунги лидеров «показаченных», выступавших на словах за царя и воеводское правление. Реалии Руины показали, какие трагические опасности таили в себе эти силы для обеих сторон, задействованных в инкорпорации, которая под влиянием всех этих факторов затянулась более, чем на столетие.

Глава 4

Соперничество за Белоруссию

Часть 1
1654–1656 гг.

Различные аспекты русско-польской войны и событий на территории Белоруссии 1654–1659 гг. очень важны для понимания русско-украинских отношений после Переяславской рады. Хотя некоторые из них и затрагивались в ряде работ, но в целом не подвергались комплексному рассмотрению. Ни одному из авторов не удалось обобщить все накопившиеся в исторической науке знания, равно как и привлечь достаточно широкий комплекс источников – как изданных, так и хранящихся в архивах. Именно эти причины не позволяли историкам выделить основные этапы «белорусского вопроса», обозначить ключевые события и оценить политику сторон.

Русско-польская война (термин, принятый в советской и российской историографиях), или вторжение русско-украинских войск в Великое княжество Литовское (термин польско-литовской историографии), стала прямым следствием Переяславской рады, т. е. принятия Украиной подданства русскому царю. Россия разорвала Поляновский мирный договор с Речью Посполитой и начала с ней войну. Царь лично

возглавил армию, охваченный религиозным подъемом (под влиянием политики Никона), горя желанием возвратить Смоленск, а также другие православные территории Великого княжества Литовского. В данном случае мы не разделяем мнение Геннадия Сагановича, что поход носил сугубо прагматичный характер [1].

Неожиданно почти сразу после начала русско-польской войны «белорусский вопрос» становится одним из самых противоречивых в отношениях царского правительства с гетманской администрацией. На первый взгляд, все шло очень успешно. Русские войска и украинские казаки совместными усилиями разбили польско-литовскую армию в Белоруссии. Огромные территории оказались под их контролем. Правда, греко-католическое население не горело желанием немедленно переходить в православие, а местные православные шляхта и крестьяне подвергались грабежам, насилию или уводились в полон. После завоевания городов и воеводств Москва начала утверждать там власть русских воевод (коренным образом отличавшуюся от администрации Речи Посполитой). И тут выяснилось, что царь считал Белую Русь новым регионом своей страны, а Богдан Хмельницкий настаивал, что хотя бы часть белорусских земель должна стать административной единицей Украинского гетманства и лишь таким путем подчиниться Московскому государству.

«Белорусский вопрос» в нашем понимании состоит из ряда проблем. Прежде всего, речь опять идет о представлениях украинской элиты о форме и содержании своего присоединения к России и о характере отношений с царем (о чем уже говорилось выше). Не менее важен и вопрос о территориальных представлениях гетманской администрации, точнее о границах территорий, которые она считала зоной своего влияния. Как обе стороны намеревались действовать в случае победы в Белоруссии? И что об этом думали белорусские православная шляхта и крестьяне?

К тому же нам представляется ошибочным рассматривать «белорусский вопрос» исключительно как русско-украинское соперничество за эту территорию (что делают многие историки). Политика гетманов Богдана Хмельницкого и Ивана

---

[1] Г. Саганович называет русские войска «агрессором».

Выговского была тесно связана с геополитическими реалиями. Три суверена (польский король, русский царь и шведский король) боролись за титул Великого князя Литовского. Не стояли в стороне и литовские магнаты.

К истории «белорусского вопроса» обращались многие историки. Их работы рознятся в значимости и уровне использованных источников. Мы упомянем только главные работы, а на другие будем ссылаться по мере необходимой полемики [1].

---

[1] Начать следует с С. Соловьева, который в своем фундаментальном произведении касался русско-польской войны и различных аспектов «белорусского вопроса» (*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 10. М., 1990). Соловьев пользовался широким кругом архивных источников (из московских архивов), но позицию Украинского гетманства по отношению к Белоруссии он не рассматривал. Выдающийся украинский историк М. Грушевский в своей основной работе «История Украины-Руси» также опирался на колоссальный архивный материал и сделал ряд важнейших наблюдений касательно «белорусского вопроса» в русско-украинских отношениях. Но ввиду хронологического метода изложения событий «белорусский вопрос» оказался разбросанным по различным томам его «Истории», что не позволило создать цельную картину и провести глубокий анализ событий. В некоторых местах (например, при оценке деятельности И. Золотаренко и И. Нечая) Грушевский даже сам себе противоречит, о чем будет сказано ниже. В советский период, как известно, любые исследования, связанные с «воссоединением Украины с Россией», были крайне политизированы. Ярким примером этому служит работа Л. Абецедарского. Он утверждал, что украинская старшина стремилась получить имения в Белоруссии и закрепостить местных крестьян. Также, по его мнению, украинская элита не хотела допустить воссоединения Белоруссии с Россией (*Абецедарский Л. С.* Белоруссия и Россия в XVI–XVII вв. Минск, 1978). Совершенно иного уровня было исследование другого советского историка, ученика М. Тихомирова, А. Мальцева (*Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974). Он использовал огромный массив архивных документов (прежде всего из РГАДА). При этом главной целью его работы, которую он писал многие годы, но так и не завершил, было восстановление хода военных событий, а в политических аспектах, которые были для него вторичны, он не смог избежать советских схем. В противоположность ему ученик М. Грушевского О. Терлецкий рассматривал события в Белоруссии исключительно в аспекте противостояния Москвы и казаков (именно казаков, а не Украинского гетманства) (*Терлецький О.* Козаки на Білій Русі в р. 1654–1656 // ЗНТШ. Т. XIV. 1896. С. 1–29). Он опирался на очень узкий материал нескольких томов Актов ЮЗР и Актов Московского государства, не учитывал геополитические реалии событий, не задавался предысторией вопроса. Верно говоря о «принципиальной разнице взглядов царя и Золотаренко», он так и не смог ее показать. А классовый подход в сочетании с национализмом породил весьма спорную работу. Современный украинский историк В. Горобец пошел по пути Терлецкого, написав свои исследования тоже исключительно в аспекте русско-украинской борьбы за Белоруссию. При этом геополитические вопросы, роль Речи Посполитой и элиты Великого княжества Литовского не были затронуты (*Горобець В.* «Волимо царя східного...». Український Гетьманат та російська династія до і після Переяслава. К., 2007; *Він же.* Іван Нечай та українсько-російські суперечки за Білорусь (1654–1659) // УІЖ. 1998. № 1–2; *Він же.* Білорусь козацька. Полковник Іван Нечай та українські змагання за Південно-Східну Білорусь (1655–1659). К., 1998). Кроме того, Горобец практически не использовал архивных документов (даже привлеченных Грушевским), не полностью воспользовался находками А. Мальцева и был ограничен весьма узким кругом источников.

Что касается польских историков, то следует отметить Й. Можи, написавшего подробную историю войны за ВКЛ (*Morzy J.* Kryzys demograficzny na Litwie i Białoru-

Предыстория

Важнейший, на наш взгляд, вопрос – это истоки казацкого присутствия в Белой Руси. Почему Украинское гетманство стало претендовать на земли Белоруссии после начала русско-польской войны? На самом деле история экспансии украинского казачества в Белую Русь имела давние корни. Канадский исследователь Зенон Когут объясняет притязания украинских гетманов «правом меча» – они хотели получить контроль над завоеванной ими в ходе войны 1654–1656 гг. территорией [1]. Нам скорее ближе позиция другого современного историка Сергея Плохия, который писал, что казацкая старшина «считала восточнославянское население Великого княжества Литовского частью руського (Ruthenian) народа» [2]. В то же время представляется

---

si. Poznań, 1965). Хотя он пользовался узким кругом источников, ему удалось сделать очень интересные наблюдения над последствиями войны для белорусских земель.

Белорусский историк Г. Саганович предпринял попытку представить новый взгляд на события русско-польской войны. Его работа стала настоящей сенсацией, но даже не была переведена на русский язык. Многие интересные наблюдения Сагановича стали предметом жесточайшей критики со стороны консервативных коллег. При этом очевидная узость источниковой базы Сагановича сделала уязвимой его концепцию (*Сагановіч Г.* Невядомая вайна 1654–1667. Менск, 1995). Саганович изучал «белорусский вопрос» исключительно как результат военной агрессии русской армии в Белоруссию. Однако, несмотря на недостатки, и Саганович, и Горобец сделали существенный шаг вперед в рассмотрении «белорусского вопроса».

Российский историк Л. Заборовский написал несколько работ о литовской элите 50-х годов XVII века – времени русско-польской войны и шведского «потопа». Он использовал широкий круг архивных документов, многие из которых сумел также издать (*Заборовский Л. В.* Русско-литовские переговоры во второй половине 1655 г. // Славяне в эпоху феодализма: сб. к 100-летию акад. В. И. Пичеты. М., 1978. С. 206–214). При этом он никогда не писал о политике Украинского гетманства в отношении Великого княжества Литовского, поскольку этот вопрос выходил за круг его научных интересов.

Фундаментальное исследование, многократно упоминавшееся выше, было написано Б. Флорей о российской внешней политике 1655–1661 гг. Однако события в Белоруссии для него – лишь отзвук геополитических аспектов (*Флоря Б. Н.* Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М., 2010). Начиная свою работу с 1655 г., Флоря не имел возможности взглянуть на корни событий. Зато он привлек уникальный архивный материал по «белорусскому вопросу», правда, исключительно из фонда 79 РГАДА – «Польские дела».

И опять-таки, с совершенно иного ракурса был представлен еще один взгляд на события белорусско-шведским исследователем А. Котлярчуком, который написал работу об элите ВКЛ (*Kotljarczuk A.* In the Shadows of Poland and Russia. 2006). Он, в частности, пишет, что территориальные споры за белорусские районы ВКЛ «заложили основу русско-украинской конфронтации» (С. 237).

[1] *Когут З.* Кордони України: територіальні візії козаків від гетьмана Б. Хмельницького до гетьмана І. Самойловича // УЖ. 2011. № 3. С. 56.

[2] *Plokhy S.* The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine and Belarus. Cambridge, 2006. P. 238.

ошибочным мнение Виктора Горобца, что в «белорусском вопросе» Украинское гетманство действовало как приемник княжеской Киевской Руси [1]. И еще более спорными выглядят утверждения Омельяна Терлецкого, что казаки собирались создать «белорусскую Гетманщину», и Г. Сагановича, что в программу Б. Хмельницкого входило создание державы в рамках Киевской Руси [2]. И мы здесь повторим наше согласие с мнением, высказанным еще Михаилом Грушевским, который полагал, что украинская элита рассматривала «Малую Русь» как территорию, входящую в юрисдикцию Киевского митрополита [3].

Между прочим, уже в этом тезисе кроется внутренний конфликт, который не мог не возникнуть. Как известно, Киевский митрополит Сильвестр Косов после присоединения Украины к России совершенно не спешил принять власть Московского патриарха. Вряд ли Алексей Михайлович и Никон рассчитывали на такое развитие событий, настойчиво проводя идею принятия Украинского гетманства через Земский собор. Но уже к лету 1654 г. становится очевидным фактом, что ожидание перехода Киевского митрополита и подчиненных ему иерархов под власть Московского патриарха не оправдались. И теперь расширение православия в Белоруссии (т. е. создание/воссоздание новых епархий) в условиях вступления туда русско-украинских войск должно было поставить вопрос, сам по себе содержавший конфликт: кто займется воссозданием православной системы в Белой Руси – Московский патриарх или Киевский митрополит, которому эта территория формально подчинялась?

События в Белоруссии времен русско-польской войны нельзя понять, не обратившись к предыстории, к временам начала восстания Б. Хмельницкого 1648–1649 годов [4]. Не претендуя на глубокое исследование этого периода, мы все же обозначим наиболее важные, на наш взгляд, события и тенденции.

---

[1] *Горобець В.* «Волимо царя східного...». Український Гетьманат та російська династія до і після Переяслава. К., 2007. С. 97.

[2] *Терлецький О.* Козаки на Білій Русі в р. 1654–1656 // ЗНТШ. Т. XIV. 1896. С. 24.

[3] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. К., 1997. Т. IX-2. С. 1111–1113.

[4] В. Горобец, к примеру, обходится общими фразами: «Не маючи достатньо сил, аби переломити хід українсько-польської війни на свою користь, Богдан Хмельницький не може дієво допомогти білорусам у військовому плані». *Горобець В.* «Волимо царя східного...». С. 93.

Уже в мае 1648 г., сразу после начала восстания, первые казацкие отряды появились в Белоруссии и успешно действовали с местными крестьянами в районе Лоева и Гомеля. Жители этих городов охотно вливались в ряды казаков. Среди главных действующих лиц из числа казацкой старшины были выходцы из Черниговского полка (Мартын Небаба и др.). Филон Горкуша, выбранный полковником белорусским, жил в Старом Быхове и приходился родственником Б. Хмельницкого [1]. К августу 1648 г. территория от Василевичей до Мозыря (включая Мозырь, Гомель, Туров и Лоев) находилась под контролем казаков, большинство местных крестьян показачились и влились в их отряды [2]. Заняв практически весь юг Белоруссии, Хмельницкий и его войска были вынуждены двигаться дальше на север. Вскоре казаки захватили Слуцк и Бобруйск, жители которых сами открыли ворота, а в декабре – и Старый Быхов, мощный опорный пункт противника в юго-восточной части Белоруссии, открывавший казацко-крестьянским отрядам дорогу на Могилев, Оршу, Витебск [3]. Литовский гетман Януш Радзивилл, который организовывал сопротивление в ВКЛ, писал, что почти все районы были вовлечены в восстание [4]. Другим направлением украинской экспансии в Белоруссию был Пинск. В середине октября 1648 г., когда основная армия Б. Хмельницкого находилась под Львовом, в Пинске поднялось восстание местных жителей, контактирующих с казаками М. Небабы.

Я. Радзивилл предпринял военный поход против восставших в Белоруссии. В конце октября его полковник Григорий Мирский осадил Пинск. Город отказался сдаться и выдать казаков (там их называли защитниками религии). Пинск был захвачен, разграблен, а половина домов – сожжена [5]. «Лучше погибнем сами, чем выдадим тех, кто за веру нашу стоит» [6], – отвечали жители Пинска польским полководцам. И даже сам канцлер Альбрехт Радзивилл сето-

---

[1] Документы об освободительной борьбе украинского народа 1648–1654 гг. К., 1965. № 59. С. 105.

[2] Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648–1658 рр. Т. 1. К., 2012. С. 47.

[3] *Мицик Ю.* Студії з історії Білорусі. С. 192.

[4] Там же. С. 173.

[5] Исторический памятник о Пинске // ЧОИДР. 1847. № 5. С. 35.

[6] *Абецедарский Л. С.* Белоруссия и Россия... С. 108.

вал на гетмана, что из шести тысяч домов города сгорело больше половины [1].

Похожие события имели место в январе 1649 г., когда войска Я. Радзивилла захватили Туров и убили всех жителей. В феврале Радзивилл осадил Мозырь и через два дня взял город, разорил и сжег. Казацкие старшины были посажены на кол. После этого Бобруйск сдался войскам Радзивилла, который казнил 49 казаков, а еще 270 приказал отрубить правую руку.

Тем не менее, к весне 1649 г. казаки контролировали южную часть Великого княжества Литовского по меньшей мере до линии Брест – Слоним – Новогрудок – Минск – Березино. Города открывали им свои ворота, а крестьяне продолжали вливаться в ряды казацких полков [2]. В апреле 1649 г. казацкий полковник М. Небаба захватил Гомель [3]. 13 апреля Я. Радзивилл писал гетману Великого княжества Янушу Кишке: «Даже в тех самых местах, где стоит войско, крестьяне, возбуждаемые казаками на дерзкие поступки, начинают восставать и скопляться по лесам...» [4] К июню восстание охватило Мстиславский район, западную часть Смоленского и Оршанского воеводств [5]. Хмельницкий направил в Белоруссию 6-тысячный Черниговский полк, приказав захватить район впадения Соши в Днепр (напротив Лоева). Необходимость остановить литовскую армию заставила Хмельницкого послать в конце июня Киевский, Чернобыльский и Овручский полки под общей командой Михаила Кричевского, киевского полковника, происходившего из древнего украинско-белорусского шляхетского рода [6]. В битве под Лоевом в июле 1649 г. казаки были разбиты войсками Радзивилла, а раненный Кричевский попал в плен и там умер.

Прерванная Зборовским договором (август 1649 г.) борьба за Белоруссию была продолжена в 1651 г., но неудачно. Тем не менее, Стародуб стал частью Нежинского полка и

---

[1] *Radziwiłł Al. St.* Pamiętnik o dziejach w Polsce. Warszawa, 1980.

[2] Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы в трех томах. Т. 2. М., 1953. С. 71.

[3] Документы об освободительной борьбе украинского народа 1648–1654 гг. К., 1965. № 78. С. 210.

[4] *Kotłubaj E.* Życie Janusza Radziwiłła. Wilno, 1859. S. 117.

[5] *Мицик Ю.* Студії з історії Білорусі. К., 2009. С. 150–157.

[6] Табірний щоденник князя Януша Радзивілла // *Мицик Ю.* Студії з історії Білорусі. К., 2009. С. 151.

даже имел наказного полковника с начала 1654 г. (Афанасий Еремеенко, а затем Тимофей Оникиенко), включая в свою территорию Бобровицы, Погар, Почеп, Мглин, Дроков, Топаль и Шептаков [1].

Таким образом, можно констатировать, что Б. Хмельницкий и его окружение с первых дней восстания претендовали на территории Белоруссии, прежде всего ее южный регион вплоть до Старого Быхова и Пинска. С литовской армией Я. Радзивилла у гетмана были давние старые счеты, а население этих районов весьма активно поддерживало восставших, видя в них «освободителей религии».

Несмотря на заключение Белоцерковского мира и отзыв казацких отрядов обратно в Украину, в 1652–1653 гг. в Белоруссии действовали отряды так называемых лесунов, которые состояли в основном из крестьян.

Начало русско-польской войны

Принятие Украинским гетманством подданства русскому царю крайне встревожило Я. Радзивилла. Он уже в феврале 1654 г. начал активные действия, направив в Стародубщину «некоторые хоругви» и приказав им забирать корма «из имений его королевской милости, в тамошнем уезде будучим» [2]. Это вынудило нежинского полковника Ивана Золотаренко прибегнуть к ответным мерам.

Как мы видели выше, Нежинский полк и Северщина давно принимали активное участие в борьбе за Белоруссию. И. Золотаренко был родным братом третьей жены Б. Хмельницкого и одновременно – зажиточным мещанином из Корсуня [3]. Он прилагает активные усилия для расширения и упрочнения казацких позиций в регионе. Следует отметить, что к 1654 г. Черниговский полк находился в катастрофическом положении после литовского разорения и смерти полковника М. Небабы. Значительная часть этого полка

---

[1] *Лазаревский А.* Описание старой Малороссии. Т. I: Полк Стародубский. К., 1888. С. 12; *Gajecki G.* The Cossack Administration of the Hetmanate. Cambridge, 1978. Vol. 1. P. 15–16.

[2] Акты ЮЗР. Т. X. № 6. С. 329.

[3] В этом смысле смешным представляется утверждение О. Терлецкого, что казаки Золотаренко ненавидели мещан. *Терлецький О.* Козаки на Білій Русі в р. 1654–1656 // ЗНТШ. Т. XIV. 1896. С. 26.

(Борзна, Батурин, Конотоп, Сосница, Ивангород и одноименные сотни) [1] была присоединена к Нежинскому полку, куда вошла и Стародубщина (с наказным полковником, двоюродным братом Золотаренко). Так что И. Золотаренко не случайно писался «полковником нежинским и всего Севера» [2], а позднее – наказным гетманом северским.

Действия Золотаренко совпали с волей царя, который уже 13/23 марта 1654 г. на переговорах с Павлом Тетерей и Самойлом Богдановым объявил: «указал государь быть с собою в походе 2-м полковникам, нежинскому Ивану Золотаренко да ему Павлу Тетере; а скольким человекам с ними быть казаком, и о том государев указ будет впредь» [3]. Б. Хмельницкий, правда, принял несколько иное решение, сообщив 16/26 мая 1654 г. царю, что посылает Золотаренко с 18 тысячами, а Тетерю с полком не посылает «для того, что слышим о неприятелях наших ляхах» [4]. На следующий день гетман написал уже об отправке Золотаренко. При этом он просил царя: если «какие городы добровольно под высокую руку» поддадутся, чтобы он велел «их жаловать и никакие не чинить обиды» [5].

Окружение Хмельницкого было настроено оптимистично в отношении похода. В мае 1654 г. дьяк Томила Перфильев говорил с И. Выговским, и тот сказал: «Могилев город болшой, а близок к Смоленску; и толко де великий государь... изволит к Могилеву послать своих воевод и ратных людей, и могилевцы де тотчас учинятца под его государевою царского величества высокою рукою» [6].

Как сообщала Летопись Самовидца, автором которой был нежинский сотник Роман Ракушка-Романовский [7],

---

[1] Присяжні книги 1654 р. Білоцерківський та Ніжинський полки. К., 2003. С. 17.

[2] *Лазаревский А.* Описание старой Малороссии. Т. I: Полк Стародубский. С. 11–12.

[3] Акты ЮЗР. Т. X. № 8. С. 476.

[4] Там же. № 15. С. 676; Док. БХ. № 246. С. 304.

[5] Док. БХ. № 247. С. 345–346. Дословно: «до боку в. ц. в. идти». Беспочвенным представляется утверждение О. Терлецкого, что Золотаренко в этом походе был «безпосередньо залежним від царських указів». *Терлецький О.* Козаки на Білій Русі в р. 1654–1656 // ЗНТШ. Т. XIV. 1896. С. 3. Также ошибочно пишет А. Мальцев, что Золотаренко «должен был подчиняться верховному русскому командованию». *Мальцев А.Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. С. 37.

[6] Акты ЮЗР. Т. X. № 12. С. 598–599.

[7] Не все историки разделяют эту концепцию, но нам она представляется наиболее аргументированной.

Хмельницкий послал «своего войска полк Ніжинскій, Черніговскій, при котрих и охочих много козаков и инних полков пошло немало, с котрих осм полков стало, бо Івану Золотаренкові наказное гетьманство вручил, давши ему булаву и бунчук, и армат узяли з собою немало, которій просто ишол на Гомель...» [1]

Золотаренко должен был действовать совместно с русскими войсками. Так, в наказе Василию Кикину 20/30 августа 1654 г. сообщалось, что царь велел И. Золотаренко «с полком быти на своей государевой службе в полку у них боярина...», Василию Петровичу Шереметеву и Кикину туда же ехать. Боярам приписывалось в дороге следить, чтобы казаки «не грабили и не воевали, и полону не имали» [2]. Это совпадало и с инструкциями Б. Хмельницкого, чтобы «никакие людем не чинил обиды» [3].

И вот тут очень важно подчеркнуть, что с самого начала похода царское правительство делает Золотаренко далеко не единственным своим союзником в походе на Белоруссию. Ключевой фигурой здесь, разумеется, был Константин Поклонский [4].

Первые сведения о нем относятся еще к январю 1654 г. И. Выговский сказал тогда Василию Васильевичу Бутурлину, что «слух де до него доходит, что в литовских городех в Могилеве и в иных городех всякие люди благочестивые веры желают быти под высокою рукою в. г.». Бутурлин просил, чтобы Выговский царю верно служил и «в Могилев и в иные городы, где ему надежно, писал». Выговский сразу же отметил, что «есть де сему в Могилеве повинной благочестивые веры шляхтич Поклонской, и он де станет к нему о том писать нарочно» [5].

Через полгода, 5/15 июня 1654 г., в разгар похода о Поклонском сообщил находившийся при Хмельницком стряпчий Тимофей Спасителев: «переехал на твое государево...

---

[1] Літопис Самовидця. К.: Наук. думка, 1971. С. 67, 69.
[2] Синбирский сборник. Т. I. № 13. С. 40–41.
[3] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 7. С. 165–168.
[4] На наш взгляд, в корне ошибочно считать Поклонского представителем «московского войска», как это делал О. Терлецкий. Это была совершенно самостоятельная сила, которую царь часто противопоставлял И. Золотаренко. Также нельзя согласиться с предположением Г. Сагановича, что К. Поклонский был католиком.
[5] Акты ЮЗР. Т. X. № 4. С. 245.

имя из литовския земли, из города Могилева, шляхтич Костянтин Поклонской, а с ним четырнатцать человек... И говорил я холоп твой полковнику Ивану Золотаренку, чтобы того шляхтича послать к тебе государю». Золотаренко отнесся к Поклонскому скептически, заявив, что «как де мы пойдем к твоему ц. в... будут такие шляхтичи и иныя», и послал его к Хмельницкому «для ведомости» [1].

Гетман, в свою очередь, сообщил о Поклонском царю (22 июня 1654 г. с. с.): «Пришол к нам в войско шляхтич Костянтин Юрьевич Поклонский из Литвы, из повету Могилевского, нашие веры православные, за которую и он много пострадал от супостат наших». Хмельницкий информировал, что Поклонский имел известия от «Могилева и от иных городов литовских и от многих шляхетцких особ из Литвы», которые «готовы суть поддатися тебе, в. г. нашему... и прямо и верне служить и всякого добра хотеть». Гетман отправлял Поклонского к царю, чтобы тот лично известил о своих сведениях [2]. Тут можно согласиться с М. Грушевским, что Золотаренко (и, вероятно, Хмельницкий!) ожидал, что Поклонский и в дальнейшем будет находиться в тесном контакте с казаками и приводить белорусские города под власть гетманской администрации [3]. Реалии оказались совсем иными.

Поклонский появился в лагере Алексея Михайловича с тремя человеками шляхты, слугами и мещанами. В тот же день он был у государя на дворе и «видел его очи» [4].

Царь принял его необыкновенно радушно, пожаловал 29 июня с. с. «его полковничеством», шляхте подтвердил «маетности, кто чем владел наперед сего», а мещанам велел «во всяких податех дать многую лготу» [5]. К тому же Поклонскому было разрешено «шляхту и всяких служилых людей прибирать к себе в полк... А в началные люди выбирать ему, Костянтину, кто в какой чин достоен» [6]. Сам факт, что человеку, имевшему лишь нескольких слуг, даровали звание полковника, не может не наводить на определенные размышле-

---

[1] Акты ЮЗР. Т. X. № 15. С. 681–682.
[2] Там же. Т. VIII. № 45. С. 384; Док. БХ. № 261. С. 361–362.
[3] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. IX. Ч. 2. С. 933.
[4] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 8. С. 185. Интересно, что в Дворцовых разрядах сведений об этом нет.
[5] Там же. С. 188–190.
[6] Там же. С. 191.

ния. Во-первых, налицо отчаянное желание царя (и Никона) привлечь на свою сторону местную православную шляхту, чтобы подтвердить религиозный характер войны. Во-вторых, русские, вероятно, осознанно хотели найти альтернативных украинским казакам союзников в Белой Руси.

На следующий день Поклонский вместе с Михаилом Воейковым был направлен со стрельцами и юртовскими татарами под Могилев «наговаривать на государево... имя» [1]. Видимо, уже тогда Поклонский сошелся с Воейковым, найдя в этом союзе много взаимной личной выгоды.

Первые их действия были весьма успешными. 11/21 августа 1654 г. М. Воейков сообщал о добровольной сдаче Чаус: он с Поклонским ездил в город и приводил жителей «к вере» [2]. А 24 августа с. с. Воейкову и Поклонскому поддался Могилев, жители которого были приведены к присяге [3].

Совершенно обособленно от Поклонского действовал Золотаренко. Причем с самого начала похода «гетман северский» занял весьма независимую позицию. Например, 15/25 июля 1654 г. он писал царю, что, несмотря на полученный от него указ идти под Смоленск, не может покинуть осаду Гомеля. Наказной гетман объяснял свое неповиновение опасением оставить в тылу «врагов наших» [4]. Прошел месяц (!), а Золотаренко все еще не спешил к царю, заверяя, что «того сердечно душею» желает, и прося: «не изволь ваше царское величество разумети за непослушного или неохочего на услугу вашего царского величества» [5]. К сожалению, у нас есть только плохой русский перевод, но, если верить ему, Золотаренко аргументировал свою позицию тем, что не может бросить казаков и «черкаских мест» на расправу литовских войск. К тому же этот шаг, по его мнению, привел бы к «неславе моей и всего войска запорожского в. ц. в.» [6]. Такое заявление, немыслимое для русского боярина или воеводы, должно было бы стоить Золотаренко головы, но в тот период царь предпочитал проявлять лояльность к своим новым подданным.

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 8. С. 192–194.
[2] Там же. С. 211.
[3] Там же. С. 233–236.
[4] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 5. С. 135–138.
[5] Там же. С. 142.
[6] Там же. С. 141–142.

М. Грушевский писал, что Золотаренко не давал ослепить себе глаза московским золотом и вместе со своей командой отстаивал стратегические интересы Северщины, лишь в исключительных случаях участвуя в основных действиях русско-польской войны, стараясь себя не ослаблять [1]. Но, во-первых, Золотаренко брал золото, к тому же просил царя о пожалованиях. А во-вторых, он предпочитал участвовать в таких боевых действиях, которые были для казаков наиболее выгодными и удобными.

Наконец 13/23 августа Гомель сдался и Золотаренко выступил под Чечерск [2], а 25 августа с. с. взял и его [3]. Победоносный поход продолжался, был захвачен еще Пропойск [4], и уже 29 августа с. с. И. Золотаренко сообщал царю, что «Новый Быхов с своею волостью в. ц. в. поклонился», а его жители присягнули перед Т. Спасителевым, «дворянином в. ц. в.». В трех милях находился Старый Быхов, важный город, в котором «шляхты немало служилых людей, и волощане, до того же места належачие, заперлися». Золотаренко уверял царя, что прямо из-под Чечерска хотел спешить к нему, но «тот народ, которые веру в. ц. в. учинили, меня молили, чтобы их на смерть, не взяв Быхова Старого, не оставлял» [5]. Заметим, что казакам потребуется еще полтора года, чтобы взять Старый Быхов, а сам И. Золотаренко до этого не доживет.

Следует внимательно посмотреть на карту. Тогда можно увидеть, что направления движения Золотаренко ставили целью установить контроль за Днепром: именно Могилев и Старый Быхов были ключевыми городами на Днепре, равно как и Гомель на Сожи.

Здесь мы не можем согласиться с В. Горобцом, который писал, что Золотаренко считал Украинское гетманство приемником Киевской Руси и поэтому хотел получить под свою власть земли, расположенные на север от Припяти. Ученый

---

[1] «твердо мали перед очима стратегічні інтереси своєї Сіверщини і передусім пильнували забезпечити і поширити тут свою козацьку територію. Тільки в необхідності – коли не можна було ніяк ухилитися від посилки війська на північно-білоруський театр війни, вони робили се – стараючися по можности якнайменше себе ослабити». *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. IX. Ч. 2. С. 930.

[2] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 5. С. 143–144.

[3] Там же. С. 145–146.

[4] Дворцовые разряды. Т. III. С. 446.

[5] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 6. С. 147–148.

также убежден, что распространение казацкой власти в Белоруссии открывало большие возможности, в частности – выходы на западноевропейские рынки [1]. Мы полагаем, что Золотаренко действовал в том же направлении, как и его предшественники в 1648–1649 гг., преследуя прежде всего военно-стратегические цели: захват ключевых городов, что обеспечивало бы безопасность северо-западных границ Украинского гетманства от литовской армии. Как нам кажется, в тот момент ни Золотаренко, ни Хмельницкий еще не задумывались о возможном конфликте с московской администрацией, а просто действовали в привычной манере, обеспечивая собственные военно-политические интересы. Что касается экономических причин, то, как мы увидим дальше, они существовали, но в условиях войны были вторичны.

Под ударами русских и украинских войск литовское войско находилось в крайне затруднительном положении. Я. Радзивилл предпринимал отчаянные попытки улучшить ситуацию путем дипломатических переговоров. Некоторые литовские магнаты понимали, что главная проблема Речи Посполитой крылась в «казацком вопросе» и что только с его решением была возможна успешная борьба с Русским государством. К осени 1654 г. относятся знаменитые «Размышления о теперешней обороне ВКЛ в 1654 г.», исходившие из круга Я. Радзивилла [2]. В этой работе главной причиной всех несчастий Речи Посполитой объявлялась «казацкая проблема» и решать ее предлагалось путем переговоров и уступок казачеству. Действуя в этом русле, Я. Радзивилл в августе 1654 г. писал к И. Выговскому, «чтоб гетман (Богдан Хмельницкий. – *Т. Т.*) с Войском Запорожским на корунное и на литовское войско войною не ходил». За это Радзивилл обещал Выговского «учинить... великим сенаторем» и киевским воеводой [3]. Для переговоров с казацким руководством был направлен плененный поляками киевский полковник Антин Жданович [4]. Попытки оказались тщетными. В августе 1654 г.

---

[1] *Горобець В.* «Волимо царя східного...». С. 97.

[2] *Заборовский Л. В.* Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655–1656 гг.). С. 139.

[3] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 1. С. 42–43.

[4] Там же. С. 42.

Радзивилл терпит поражения под Оршею, Копысью, Шкловым и бежит к Борисову [1]. В конце августа И. Выговский в письме к В. В. Бутурлину выражал надежду, что «не только Радзивилл, но и все иноверные под ноги его царскому величеству» поклонятся [2].

В условиях военных успехов царь пока не обращал внимания на своевольное поведение Золотаренко. В частности, он весьма благосклонно принимает его брата. 15/25 августа 1654 г. под Смоленском на Девичьей горе в день Успения Богородицы «у стола ж пожаловал государь, велел быть Войска Запорожского черкасам, Василью Золотаренко с товарищи» [3].

Но уже в начале августа возникает серьезный конфликт между Золотаренко и Поклонским [4]. 5/15 августа Поклонский писал В. В. Бутурлину, что его люди «не дождався сроку, от меня назначенного, вси во свояси пошли». В этом он обвинял Золотаренко, жаловался, что «ныне с трудностью великою имею промышлять о людех», и просил людей, пороха, оружия [5].

Начались и прямые столкновения. 11/21 августа М. Воейков жаловался царю, что взятого Поклонским в плен шляхтича Юрия Путяту «полковник Василей Золотаренко и судья отняли насилством и повели с собою под Смоленск, а идучи, государь, под Смоленск, могилевцов и чаусовцов и радомцов крестьян и козаков, которые поддались под твою государеву высокую руку, пограбили, лошади и коровы и всякую животину поимали» [6].

И вот тут встает вопрос о характере военных действий, которые осуществляли русские войска на территории Белоруссии. Среди взятых Поклонским языков мы видим «Андрюшку Янковского, шляхтича православные християнские веры», захваченного «в маетности ево в деревне Войнилы», крестьянина «белорусца Могилевского уезду села Периги» и т. д. [7] Словом, религиозная и этническая принадлежность совершенно не служила защитой.

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 1. С. 52.
[2] Там же. С. 54.
[3] Дворцовые разряды. Т. III. С. 442.
[4] Отметим, что А. Мальцев, довольно подробно излагавший ход военной кампании И. Золотаренко и К. Поклонского, ни слова не говорит об их конфликтах.
[5] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 8. С. 198–200.
[6] Там же. С. 215–217.
[7] Там же. С. 217–218.

При этом самого Поклонского не устраивали поступки русских воевод. Так, в том же августе 1654 г. он жаловался царю, что «ратные люди полку бояр наших и воевод, князя Алексея Никитича Трубецкого с товарыщи, Могилевской уезд и Чеусово повоевали и полон поимали» [1].

Реалии войны и противоречивость политики царя

Для понимания дальнейших событий необходимо коснуться вопроса о том, как вели себя царские войска в Белоруссии и какие были дальнейшие планы по ее включению в состав России. Именно эти вопросы смогут объяснить отношения местного православного населения и шляхты к украинским казакам, а позднее – к шведам. Заметим, что шляхта в ВКЛ составляла почти 10–11 % населения [2] и являлась определяющей силой наряду с магнатами.

Достаточно четкое представление о чаяниях сдававшихся городов дают челобитные различных социальных слоев Белоруссии, направленные к царю. Так, шляхта Могилева просила, «чтоб волности наши шляхетские... дати изволил и нас при маетностях лежачих соблюв». Они также хотели бы получить «правителя», который бы «по указу и по повелению в. ц. в. нас судил и правду розсматривал». Среди просьб присутствовал и религиозный момент: «Римляне, чтоб при вере своей пребываючи, костел и службу свою имети могли» [3]. Мещане Могилева просили разрешить беспошлинную торговлю, при этом ссылаясь на то, что «в Киеве и в иных черкаских городах с торгов их пошлин имать не велел» [4]. То есть мещане Могилева были хорошо осведомлены об условиях присоединения Украинского гетманства и рассчитывали получить такие же привилегии.

Однако царь не собирался поступать в Белой Руси таким же образом. Кое в чем он пошел навстречу. Например, в отношении Могилева была дана резолюция: «в своем городе торговать безпошлинно; а в другие города учнут ездить с торги, и пошлины имать с купцы и с продавца» [5]. Судебная

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 8. С. 230.
[2] *Kotljarczuk A.* In the Shadows of Poland and Russia. P. 31.
[3] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 9. С. 247–252.
[4] Там же. С. 259.
[5] Там же. С. 262.

система и право были сохранены в прежнем виде [1], хотя реалии, как мы увидим ниже, зачастую отличались. Также были разрешены привычные прически и одежда («Оберегая же того, чтоб для уничижения хохлов и платья обыкновенного полского чтоб не возбраняли». – «Быть так» [2]).

По отношению к Белоруссии видна непоследовательность и непродуманность политики русских властей. Налицо противоречивость, а зачастую – и путаница в терминах и в местных реалиях. Как справедливо отмечал Тадеуш Василевский, «царские власти разрешили использовать названия должностей, как общелитовских, так и поветовых, но не жаловали кому-либо этих должностей за несколькими исключениями... При этом одному лицу зачастую жаловалась одна и та же должность в нескольких поветах». Польский историк подчеркивал, что такие действия поднимают много вопросов, «касающихся русской политики на занятых русскими войсками территориях» [3].

Путаница в терминах весьма показательна на примере жалобы могилевцев на Поклонского (которому они, кстати, сдались). В своей челобитной жители Могилева просили, «чтоб казаки» в городе «не жили, но в ином каком месте, от в. ц. в. указанном». Из контекста видно, что речь идет о казаках Поклонского. Резолюция бояр была весьма расплывчатая и впоследствии создала прецедент для разногласий: «Бояре приговорили казакам, окроме службы, не жить в городе» [4]. Могилевская шляхта также просила создать «земянскую поветовую хоруховь», которая бы подчинялась «пану воеводе, назначенному от в. ц. в.», находясь «под его толко строеньем», а «до строения пана полковника (Поклонского. – *Т. Т.*) не належали и он до нас» [5]. Из этой просьбы видно, что местная шляхта воспринимала воеводу в рамках административных обязанностей ВКЛ, а вовсе не Московской Руси.

---

[1] «Суды всякие чтоб по тому ж праву и конституции давным извычаем литовским чрез уряд земской и градцкий». – «Той статье быть». Акты ЮЗР. Т. XIV. № 9. С. 289.

[2] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 8. С. 292.

[3] *Василевский Т.* Вступление // Крестоприводная книга шляхты Великого княжества Литовского 1655 г. «Памятники истории Восточной Европы». Т. IV. Москва; Варшава, 1999. С. 22–23.

[4] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 9. С. 265–266.

[5] Там же. С. 249–250.

Т. Василевский задавался очень важным вопросом «о мотивах, которыми руководствовался Алексей Михайлович, признавая за литовской шляхтой права значительно более широкие, чем те, которыми пользовались его московские подданые...». Этот польский историк отмечал, что царь так действовал, начиная со Смоленска, но если тот мог рассматриваться как возвращенная древняя «вотчина», то та же ситуация повторялась с продвижением московских войск вглубь Литвы. По мнению Т. Василевского, «далеко идущей целью всех этих действий могла быть только надежда на занятие польского трона и овладение всей Речью Посполитой» [1].

Мы видим, что русские власти стремятся привлечь на свою сторону местную шляхту, сохраняют ее имения и судебную систему. При этом шляхте отказывали в религиозной толерантности. Католической религии никаких уступок не сделано. Резолюция царя была однозначной: «Отказать, костелу не быть, а петь у себя в домех». Униатскую церковь вообще уничтожали: «Унеятом не быть» [2]. Между тем, шляхта большинства городов (например, Кричева) просила сохранить «римскую» и даже еврейскую религии [3].

Вспомним, что на территории Великого княжества Литовского были распространены католическая, кальвинистская и униатская церкви, и когда в 1655 г. туда вступит Карл X Густав, он гарантирует права всех религий. Интересно, что преимущества политики шведов в ВКЛ отмечал еще Б. Хмельницкий в августе 1655 г. под Гусятиным. Он говорил: «хотя б под ц. в. высокую руку поддалися не токмо поляки и татаровя или жиды, и тех для чево не принять? И теснить их ни в чем не годится... и в привод приводил Свейского короля, чтоб он тех, которые поддалися, ни в чем не ожесточил же» [4].

Надеясь на лояльность местной элиты и населения (прежде всего – православного), царь, тем не менее, вводит воеводское правление, а его полководцы считают нормальным

---

[1] *Кулецкий М.* Комментарии // Крестоприводная книга шляхты Великого княжества Литовского 1655 г. «Памятники истории Восточной Европы». Т. IV. Москва; Варшава, 1999. С. 40.

[2] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 9. С. 289–290.

[3] Там же. № 11. С. 407–412.

[4] Акты ЮЗР. Т. III. № 369. С. 577.

забирать из белорусских земель огромный полон, причем в большинстве своем состоявший из православных крестьян. Александр Мальцев пишет о том, что шляхта и мещане взятых русскими войсками городов «выводились в русские земли». Он объясняет это «назиданьем другим белорусским городам», но признает, что тем самым «удовлетворялись интересы русских служилых людей, разрешая им брать крестьян и мещан в плен» [1]. Как мы увидим ниже, брали в полон далеко не только жителей «сопротивлявшихся городов», а уж на религию «полоняников» никто вообще не смотрел. А. Мальцев отмечал, что «о большом количестве захватываемых в плен свидетельствует низкая цена на полоняников» [2].

Йозеф Можи приводит страшные данные о сокращении «дымов» и домов в белорусских воеводствах после русско-польской войны. К примеру, в воеводстве Минском оставалось к 1667 г. только 52 % дымов (по сравнению с 1640 г.), в Витебске сокращение достигало 76,8 %, а в повете – 50 % [3].

Новый титул царя

Противоречивость политики царских властей ясно проступает и в политике применения титула. Даже после завоевания значительной части Белоруссии и ВКЛ Алексей Михайлович вплоть до 20 августа 1655 г. с. с. использует титул «Всея Великая и Малая России», принятый с марта 1654 г. И только под влиянием Кейданской унии он добавляет к титулу «Белую Русь» [4], а двумя неделями позже, 3/13 сентября 1655 г., следует царский указ о прибавлении к титулу «Великий князь Литовский и Белыя России» еще «Волынский и Подольский» [5]. В декабре 1656 г. создается Приказ Великого княжества Литовского (Литовский приказ) [6], что придает территории автономный характер (для сравнения, Малороссийский приказ будет создан только в декабре

---

[1] *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. С. 49.

[2] Там же. С. 185.

[3] *Morzy J.* Kryzys demograficzny na Litwie i Białorusi. S. 182–184. Г. Саганович в своей книге просто повторяет эти подсчеты.

[4] ПИЗРИ. Т. I. № 136. С. 350.

[5] Акты Моск. гос. Т. II. № 707. С. 432.

[6] *Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 93. Котлярчук ошибочно пишет, что приказ ВКЛ был создан в декабре 1654 г. *Kotljarczuk A.* In the Shadows of Poland and Russia. P. 198.

1662 г., когда Москва уже фактически потеряет Правобережье). Такие действия можно объяснить только тем, что, принимая титул «Малая России» по совету своих украинских духовных экспертов на фоне религиозной эйфории Никона, Алексей Михайлович вкладывал в это именно церковный смысл, т. е. подразумевал Киевскую митрополию. А когда все пошло не так, белорусское население не стало массово переходить в православие, митрополит Киевский не пожелал признавать верховенство Московского патриарха, а Карл X Густав провозгласил себя Великим князем Литовским, возникла необходимость скорректировать титул, четко обозначив свои притязания.

Политика Ивана Золотаренко

Недовольство поведением русских войск, условиями присоединения и действиями Поклонского создает плодотворную почву, чтобы на новоподчиненные земли высказал свои претензии гетман сиверский И. Золотаренко. Скорее всего, ни Алексею Михайловичу, ни боярам, ни военачальникам похода в голову не приходило договариваться с Хмельницким или Золотаренко о том, кто получит контроль над завоеванными землями. Для них было очевидно, что новые подданные сражаются для расширения территорий, подвластных царю. Но, как мы говорили выше, у казацкой элиты было собственное представление о подданстве, о границах своей территории. Мы совершенно не согласны с О. Терлецким, заявлявшем, что казаки намеревались создать «литовскую» или «белорусскую» Гетманщину [1]. Нельзя, по нашему мнению, сводить это все и к простой «ссоре шляхтича с казаком», как это делал Сергей Соловьев [2]. Золотаренко, как мы помним, вовсе не был просто казаком, а Б. Хмельницкий вообще был шляхтичем. Речь шла о расширении границ гетманской администрации, включении туда новых, «православных» территорий, освободить которые казаки пытались с самого начала восстания. А. Мальцев совершенно справедливо писал, что «казацкая старшина считала эти области относящимися

---

[1] *Терлецький О.* Козаки на Білій Русі в р. 1654–1656 // ЗНТШ. Т. XIV. 1896. С. 14.

[2] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 10. С. 608.

к Украине» [1]. Поклонский – авантюрист, преследовавший собственные корыстные цели, и не следует его отождествлять с московскими властями (как это делал О. Терлецкий). Но уже в сентябре 1654 г. возникает прецедент противостояния за первенство в Могилевском уезде между царской и гетманской администрациями.

Поклонский передал царю письмо нежинского протопопа Максима Филимоновича, адресованное им к «бурмистром и райцом города е. ц. в. Могилева». В послании протопоп высказывал удивление, почему те не спешат встретиться с «паном гетманом» (т. е. Золотаренко). Филимонович предлагал выступить на этих переговорах посредником «по милости твоей и приятству духовному», ссылался на поручение от Киевского митрополита и советовал, «чтоб ваша милость у пана гетмана поискали жалованья, такоже и до войска запорожского приклонялися и случатися под обороною гетманов запорожских и всего войска запорожского». Протопоп предупреждал, что без защиты украинских казаков может так случиться «чтоб, сохрани Боже, Москва не хотела по своем нраве и право поставити совершенно в вашем городе». А под защитой пана гетмана Могилев будет «теми статьями и правами» радоваться, «какие его царское величество изволил и дал Украйне нашей с паном гетманом» [2].

Следует сказать пару слов о М. Филимоновиче, которому суждено было сыграть очень яркую роль в истории Украинского гетманства. В тот момент он был нежинским протопопом, духовником И. Золотаренко и участником похода. Нежинского протопопа направил к Золотаренко Киевский митрополит, «чтоб еси остерегал веры его и тщался бы о таком деле, которое бы было годно християнской должности» [3].

Поклонский был не на шутку встревожен действиями Филимоновича. Он писал думному дьяку Лариону Лопухину, что «мещане же велми в сполохе». К тому же, по словам Поклонского, «Золотаренко все добра уезду Могилевского на... все пожитки насилством отобрал», оставив его и М. Воейко-

---

[1] *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. С. 155.

[2] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 6. С. 152. Отметим, что С. М. Соловьев про эти действия Максима Филимоновича не писал. Умалчивал об этом обстоятельстве и Г. Карпов, автор специальной работы о Максиме Филимоновиче.

[3] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 17. С. 548–549.

ва без кормов, и «жестоко приказал всему уезду Могилевскому, чтоб нас не слушали». В результате могилевцы с удовольствием «отринулися от нас и не слушают» [1].

Из письма Поклонского к царю от 5/15 сентября видно, что он очень хорошо понимал истинные намерения Золотаренко, не сводя их к простой конкуренции за добычу и провиант. Поклонский просил царя написать к Золотаренко, чтобы тот «не вступался в уряд Могилевский и в Чауский, уже бо то не украинские (Sic!), но вашей ц. м. подданные, до Нежина не належат и его не должны слушать, толко меня» [2].

Между тем, царь упорно пытался свести конфликт к обычной ревности и соперничеству двух командиров. Чтобы не сталкивать «гетмана северского» лишний раз с Поклонским, в царской грамоте от 7/17 сентября к Золотаренко речь шла исключительно о жалобах воеводы М. Воейкова. Тот якобы приводил челобитья крестьян Могилевского уезда и Чаус, что казаки Золотаренко «грабят и разоряют и животину, и лошади у них отгоняют». Царь напоминал, что Могилевский уезд присягнул ему добровольно и туда «для збору наших ратных людей послан полковник наш Костянтин Поклонский». Поэтому царь советовал Золотаренко, чтобы тот лучше шел под Старый Быхов [3]. Заметим, никаких строгих выговоров, равно как и напоминаний о заслугах Поклонского. Более жесткие выражения использовались в наказе к стольнику Михаилу Дмитриеву, посланному под Старый Быхов к Золотаренко 12/22 сентября 1654 г. Из наказа становится ясно, что у царя были известия о намерении Золотаренко «идти в Могилев или прислати казаков». Дмитриев должен был добиться, чтобы наказной гетман никого не посылал, самовольников наказал, награбленное вернул, а сам бы осаждал Старый Быхов. «А Золотаренку и полковником говорить всякими мерами накрепко, чтоб он, гетман, и полковники однолично в Могилев и в Могилевский уезд и в иные уезды сами не ходили и ратных людей казаков не посылали». Если

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 6. С. 154.

[2] Там же. № 9. С. 293–294. Это «список с белоруского писма». Видимо, дьяк оставил полонизм Поклонского, т. к. речь идет не об «украинных», а именно об «украинских» городах.

[3] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 6. С. 153–154.

же Золотаренко скажет, что его оговорил Поклонский, стольник должен был убеждать, что Поклонский был награжден царем за добровольное присоединение («за выезд») «и послан в Могилев для збору ратных людей, чтоб ему прибрати к себе в полк волных охочих людей». В наказе сохранилась зачеркнутая фраза: «а зависти у него ни на ково ни в чем нет и завидовать никому ни в чем не надобно, потому что всякой царского величества жалованьем поискан будет по своей службе». Т. е. царь все-таки надеялся, что за соперничеством стояла простая ревность. Но тут же следует жесткая постановка вопроса: *«а Могилев и Могилевский уезд до Войска Запорожского ничем не належит»* [1].

Ситуация была сложная и запутанная. К царю писал М. Воейков, что «гетмана нашего наказного Иванова полку Золотаренка казаки, приезжая к ним в Чаусы и в Могилевский уезд, их грабят и разоряют» [2]. Поклонский жаловался, что Золотаренко в письмах к нему «пишет с великими угрозами *и хочет де его убить»* [3]. Интересно, что ни тот, ни другой не прикладывали в виде доказательств копии челобитных с жалобами или писем Золотаренко с угрозами. Некоторые жалобы Поклонского были вообще безосновательны. Например, он писал, что «посылал де он в Старой Быхов шляхтича Станислава Мидвидя, и тот де Станислав Мидведь до Быхова не доехал, воротился и едва ушол от запорожских козаков; и в то де, государь, время подступили под Быхов запорожские казаки, северской наказной гетман Иван Золотаренко» [4]. Но, как мы знаем, Быхов Золотаренко осаждал по царскому указу [5].

Царь приказывал Т. Спасителеву писать к Золотаренко, «чтоб он в Чаусы и в Могилевской уезд в загоны казаков не посылал и полковником и казаком заказ о том учинил крепкой, под смертною казнью» [6]. А. Н. Трубецкому тогда же давался наказ послать московских стрельцов для защиты Поклонского [7].

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 6. С. 159–162.
[2] Там же. № 9. С. 297–298.
[3] Там же. С. 299.
[4] Там же. С. 329.
[5] Там же. № 6. С. 163–164.
[6] Там же. № 9. С. 297–298.
[7] Там же. С. 299–300.

Поклонский был далеко не ангелом, к тому же уже начал проявлять недовольство русскими властями и имел мало авторитета среди казаков и шляхты. М. Воейков доносил царю, что Поклонский писал отписки «не по образцу», поверх его головы. Полковник сделал и следующее заявление воеводе (13/23 сентября): «я де буду писать к е. ц. в. подданным его, а холопом де писатца не буду». Воейков полагал, что «без твоих государевых ратных пеших московских людей в Могилеве быть немочно, много стало своеволных людей и ево полковника не слушают» [1].

В утверждении Воейкова было много правды. Некий Василий Засужский писал к Поклонскому, что получил от него приказ казнить тех, кто начнет присоединяться к украинским казакам. И продолжал: «Я рад бы и давно, чтоб так, но... те мятежники сказали с тем словом: не порывайся, чтоб еси не посетил реки; мы хочем пана гетмана себе за полковника имети, нежели на всяко время умирати от наезду татарского и московского; мы тамо воюем, а зде наши жены и дети емлют; мы обороны от пана полковника никаковы не имеем...» Поэтому Засужский не смел «ничего делать, чтоб гетмана на себя и на вашу милость не разгневить» [2].

Речь идет о действиях русских войск, грабивших и уводивших в полон жен и детей тех, кто в то же самое время находился на царской службе в наемных войсках Поклонского или Золотаренко. Таких случаев имеется огромное множество. Например, у казака «запорожского войска Богдана Хмельницкого Мишка Жаркевский» под Мстиславлем боярин Иван Свищов взял в полон его сестру Ульянку с ребенком, а братьев увел князь Федор Федорович Волконский и держал в тюрьме в Брянске [3]. Оршанские крестьяне писали царю, что встречали его хлебом и солью, а теперь их «женишка и детишка все без вести роспропали, потому что побрали твои государевы ратные люди» [4]. Б. Хмельницкий просил царя за казака Тимофея Стопского из Нежинского полка, у которого семья, пока он был на службе, «князь Трубецкой

---

[1] Там же. С. 330–331.
[2] Там же. С. 335–336.
[3] Там же. № 3. С. 79–80.
[4] Там же. № 9. С. 331–332.

в полон в городе Мстиславе взяты... и бретаются в Белевском уезде у князя Семена Горчакова» [1].

Недовольство поведением православных русских войск начинает уже давать о себе знать осенью 1654 г. Впоследствии эти настроения будут только усиливаться.

Теперь вернемся к жалобам на Золотаренко. Были ли они оправданными? Сохранившиеся документы свидетельствуют, что грабили (точнее, добывали себе продовольствие и фураж) и казаки Золотаренко, и отряды Поклонского. Да и сам воевода М. Воейков не стоял в стороне.

Например, воевода Петр Шереметев сообщал, что к нему приходили могилевцы и жаловались, «что Михайло Воейков, для своей большие корысти, выпускал ляхов и жидов» [2]. Поклонский жаловался на Золотаренко, что «уезд Могилевский своими залогами весь хлеб, до Могилева належачей, отобрал, пруды поиспущал и всякой хлеб запродал». Впрочем, жалобы Поклонского объясняет следующая его фраза: «все мои казаки... отступили, и никто со мною уже не хочет быти, но все к нему передалися» [3]. В ответ на жалобы М. Воейкова, что «запорожския казаки, и их де крестьян бьют и мучат, и денег, государь, на них правят, и хлеб у них отъимают и продают... и Могилевской, государь, уезд те казаки, приехав насилством, пустошат», царь «указал отписать к гетману Золотаренку, чтоб заказ учинил, Могилевского уезда грабить и денег править не велел, и хлеб панской, которой отписан на государя, возить не велел и никакова насилства чинить не велел, оприч кормов своих конских» [4]. В том, что казаки не церемонились можно не сомневаться. Тесно связанный с Нежином автор казацкой летописи Самовидца Роман Ракушка-Романовский писал: «козаки... зостаючіе з Золотаренком, а барзо здобіч великую взяли» [5].

Царское окружение, видимо, догадывалось о реалиях, но по-прежнему предпочитало награждать обе спорящие сто-

---

[1] Акты ЮЗР. Т. III. № 355. С. 541–542. Любопытная царская резолюция на это прошение: «послать в деревню Горчаковых, привесть козачью жену, дочь и своячницу, расспросить их, и если оне не вышли замуж, то отдать их Стопскому, с уплатою Горчаковым из Белевских доходов за жену и дочь по 20 рублей, а за своячницу 15, в противном случае – велеть им быть у Горчаковых по-прежнему». С. 543.

[2] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 10. С. 374.

[3] Там же. С. 379–380.

[4] Там же. № 11. С. 407–408.

[5] Літопис Самовидця. К.: Наук. думка, 1971. С. 70.

роны. Так, царь дает Поклонскому 15/25 сентября жалованную грамоту на двор в городе Могилеве и на местечко Чаусы с деревнями [1] и одновременно приказывает, чтобы казаки Поклонского вернули награбленное [2].

Однако жалобы М. Воейкова рисуют картину не просто грабежей, чинимых казаками Золотаренко. За докладами воеводы проступают первые шаги, которые Золотаренко предпринимал для управления краем. Так, Воейков в середине сентября 1654 г. писал, что казаки возят хлеб в Быхов, «мелницы почали отдавать в оброк и в откуп, денежныя оброки с крестьян выбирают, пруды, которые с рыбою, шляхетцкие и откупные, роспродали» [3].

Тем не менее, Золотаренко удается снять все назревшие проблемы в отношениях с русскими, приехав к царю. Наказной гетман подарил Алексею Михайловичу «жеребец аргамачей, бур, под седлом, пара пистолей» [4]. Алексей Михайлович жаловал наказного гетмана, велел быть у стола [5], дал ему и его брату Василию похвальную грамоту [6].

Переговоры Золотаренко, проходившие во время его пребывания в царском стане, дают некоторое представление о взглядах и желаниях наказного гетмана. Правда, «статьи Золотаренко» (равно как и указы на них) написаны рукой дьяка. Таким образом, мы имеем лишь русский пересказ их содержания. Гетман сиверский жаловался на Поклонского: посланцев Золотаренко к царю не ставит, кормов и лошадей не дает, «его самово и войско его царского величества запорожское непригожими словами безчестит» [7]. Особенно Золотаренко задело обвинение Поклонского в разорении церквей и монастырей. На это он заявлял, что, напротив, является создателем и строителем церквей [8].

Обвинения, изложенные в первых пунктах «статей Золотаренко», носят характер соперничества с другим военачальником, получившим возможность кормиться практиче-

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 9. С. 361–364.
[2] Там же. С. 367–368.
[3] Там же. С. 238–239.
[4] Там же. № 7. С. 166.
[5] Дворцовые разряды. Т. III. С. 451.
[6] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 7. С. 171–172.
[7] Там же. С. 167.
[8] «детели есмы и строители, церкви Божии строили». Акты ЮЗР. Т. XIV. № 7. С. 169.

ски на одних и тех же территориях. А вот следующие пункты уже ставят вопрос гораздо серьезнее. Золотаренко заявлял, что Поклонский на те «местечка, села», которые просили защиты Войска Запорожского «наехав... казаков е. ц. в. запорожских одних убито, мужиков казнил, а иных повыгонял». Кроме того, Поклонский якобы запрещал могилевским мещанам ездить в войско Золотаренко под страхом смертной казни [1]. Поэтому Золотаренко просил разрешить жителям Могилева и Могилевской волости присоединяться к Войску Запорожскому («которые до войска е. ц. в. клонятца, чтоб то им волно было»). И замечательная постановка вопроса: «Которые ни есть назвалися казаками войска е. ц. в. запорожскими в Белорусии». Т. е. речь фактически идет уже о формировании отдельного казацкого полка в Белоруссии. При этом Золотаренко не возражал и против того, чтобы желающим быть с Поклонским «дабы то на воли их было».

Но в резолюции на эту статью просьба Золотаренко отвергается: «Могилева и Могилевского уезда *козаков не приимать*, потому что Могилев и с уездом государю добил челом». Т. е. это территория, подвластная царю, напрямую, без гетмана. Единственный компромисс – разрешение Золотаренко «кормы имать в Могилевском уезде» [2]. Отсюда следует и царский указ о зимовье украинских казаков: «быть в Быховских и Могилевском уездех» [3].

Какова же была на самом деле политика Ивана Золотаренко? Собирался ли он создать Белорусский полк, включив его в регион своей власти «гетмана сиверского»? Действовал он в этом направлении совместно с Б. Хмельницким и по его воле или это были самостоятельные шаги Золотаренко?

Несмотря на некоторую самостоятельность, если не сказать самовольство, Золотаренко, мы все же склонны считать, что его планы были согласованы с Хмельницким. Сохранился пересказ Поклонским письма Б. Хмельницкого к Золотаренко (списанный «от его слуг, а моих верных прия-

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 7. С. 169.

[2] Там же. С. 170.

[3] Там же. С. 172. М. С. Грушевский писал в контексте встречи царя с Золотаренко, что московское правительство «не відважилось різко виступати проти Золотаренка». Но даже он не делал выводов о конкретных итогах этих переговоров. *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. IX. Ч. 2. С. 936. Нет их и в более поздних исследованиях.

телей»): «понеже тот Поклончик не отзываетца запорожским казаком и до твоего полку не хочет случиться, чтоб о нем промышлял, хотя ко мне отошли, или там ево как ни есть изведи...» [1] Скорее всего, Хмельницкий тоже выступал за установление на данных территориях власти гетманской администрации – более поздние (от 1656 г.) его документы это подтверждают.

Что касается Золотаренко, то он, с одной стороны, добивается от царя права «показачивать» местное население и таким путем получать контроль над новой территорией. Когда царь не соглашается, он все равно поступает по-своему [2]. С другой стороны, Золотаренко признает подданство царю и видит в нем своего суверена. Доказательством этого служат просьбы наказного гетмана к царю пожаловать ему Батурин, Борзны, Глухов и Мену [3]. Его двоюродный брат Т. Оникиенко просит Сосницу. Причем царь такие жалованные грамоты дает. Правда, Золотаренко никогда не сможет/не попытается этим своим правом воспользоваться. Как мы видели выше, вся старшина прятала царские пожалования и не пробовала вступать в свои права.

Так что же это? Двойная игра? Или желание подстраховаться (на случай, если что-то пойдет не так)? Остальные просьбы Золотаренко вполне вписываются в рамки военного союза: он «бьет челом» об одежде для слуг, пушкарей и прочего обслуживающего персонала; просит пороха и знамя [4].

Самой спорной остается следующая просьба Золотаренко к царю: «Гетман же государю бьет челом, чтоб государь пожаловал свою государеву грамоту ко всему войску запорожскому, наказываючи их жестоко, чтоб ему гетману были послушны и своей бы воли никакой не чинили». Царь такую грамоту дал.

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 13. С. 511–514.

[2] С корректировкой на «классовый подход» сложно не согласиться с А. Мальцевым, что «царское правительство не могло сочувствовать развертыванию на освобожденной территории антифеодального крестьянского движения» (имеется в виду Белая Русь). При этом именно показачивание белорусского населения «явилось одним из важнейших условий успешных действий русских войск». *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. С. 33, 64.

[3] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 4. С. 88; Акты ЮЗР. Т. XIV. № 35. С. 783–786. Факт получения старшиной имений от царя настолько не вписывался в его теорию, что О. Терлецкий об этом просто умалчивает.

[4] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 7. С. 171–174.

М. Грушевский писал, что этой просьбой Золотаренко снижал авторитет и престиж своей власти [1]. Но дело в том, что перед нами опять-таки не оригинал документа, а только русский пересказ анонимных дьяков. Между тем, контекст просьбы в данном случае крайне важен. Кому адресована царская грамота, данная в ответ на эту просьбу? Дословно: «полковники, и ясаулы, и сотники, и все наше ц. в. войско запорожское, которые ныне с ним наказным гетманом с Иваном и которые ныне из войска выехав, раненые и здоровые, живут в домех своих». Им повелевается: «и были б есте во всем послушны нашему ц. в. наказному гетману Ивану Золотаренку; *и учинили б есте в войске о том заказ под смертною казнью, чтоб однолично нихто никакова дурна нигде не чинил*». То есть речь идет не просто о том, чтобы «быть послушным», а о том, чтобы исполнять указ Золотаренко «дурна не чинить». При этом в случае неповиновения, если кто «учинит какое в уезде насилство, или грабеж, или смертное убийство, или гетману нашему учнет, хто быти непослушен, и учнет своеволничать, и мы в. г., наше ц. в. тех людей, за их злыя дела и за самоволство, велели гетману нашему наказному безо всякие пощады казнити смертью, чтоб, на то смотря, и иным неповадно было того делать и на добрых и рыцерских людей безчестье износити» [2]. Ссылка на «рыцерских людей», столь не свойственная русскому канцелярскому языку, наводит на мысль, что грамоту составляли у Золотаренко (такую мысль высказывал еще М. Грушевский). И тогда возникает вопрос: не хотел ли он таким путем получить полный контроль над территорией и, например, расправляться с людьми Поклонского под предлогом грабежей?

Подводя итог, нам представляется очень важным оценить данный документ не как согласие ограничивать свою власть (т. е. просить царя приказать казакам быть ему послушным, как счел М. Грушевский [3]), а, наоборот, как попытку получить неограниченные полномочия.

---

[1] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. IX. Ч. 2. С. 963. Следом за М. Грушевским пошел и Б. Н. Флоря, который также посчитал эту грамоту знаком ограничения власти Золотаренко. *Флоря Б. Н.* Переяславская рада 1654 г. и ее место в истории Украины // Белоруссия и Украина. Ежегодник 2004. М., 2005. С. 25.

[2] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 7. С. 180–182.

[3] Грушевский пошел даже дальше в критике действий Золотаренко, говоря, что они создавали «дуже неприємні з становища української державності і військової автономії прецеденти царського мішання до внутрішніх справ». *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. IX. Ч. 2. С. 964.

Во время пребывания у царя Золотаренко не забыл позаботиться и о родном Нежине, точнее – об интересах нежинских мещан, к которым он принадлежал сам. Он добился от царя жалованной грамоты (наподобие данной Переяславлю), подтверждавшей их права согласно королевскому привилею, а также освобождения от подвод [1].

Там же Золотаренко было вручено жалованье. Дворянин Петр Протасьев был отправлен царем 13/23 июня [2] и прибыл к Хмельницкому 14/24 июля. Он привез золотые гетману и старшине, а также 42 тысячам рядовых казаков. «А на 18 000 атаманов и рядовых казаков, которые пошли ко государю в поход (т. е. участвовали в русско-польской войне. – *Т. Т.*), государево жалованье золотые посланы к нему государю в поход» [3]. Деньги были посланы с подьячим Максимом Венюковым [4].

Сентября 27 с. с. «по помете на выписке думного дьяка Л. Лопухина» было выдано И. Золотаренко «золотой в пять золотых», войсковому судье Силуяну Мужиловскому – «золотой в три золотых». Кроме того, было послано «полковника Стефановой жене Подобайла на вечнои поминок, чтобы было довелось дать мужу ее золотой в три золотых... для того, что муж ее убит на государеве службе на приступе под Старым Быховом». Остальным приезжавшим к царю казакам Золотаренко было выдано: «гетманскому писарю, сотником, шляхтичом, ясаулом трем человеком, да казаком выборным людем, которые у государя у руки з гетманом вместе семи человеком, всего семнатцати человеком по золотому червонному человеку дано, рядовым казаком, которые приезжали ко государю з гетманом же, сту штидесят шести человеком по золотому меншому человеку». На следующий день было «послано государева жалованья войско запорожское в полк гетмана наказного Ивана Золотаренка с столником с Михайлом Дмитриевым Нежинского и Черниговского полку началным людем и рядовым казаком сто пятдесят золотых червонных послано, осемнатцать тысеч менших золотых послано» [5].

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 7. С. 181.
[2] РГАДА. Ф. 124: Малороссийские дела. Оп. 1. 1654. № 39. Л. 5.
[3] Там же. Л. 74.
[4] Там же. № 13. Л. 3.
[5] Там же. Л. 6–7.

Сам факт принятия жалованья дает пищу для размышления. Ведь, как мы видели, Хмельницкий и другие полковники принимать и раздавать жалованье категорически отказались. Т. е. Золотаренко рассматривал свои действия в Белоруссии частично как военную услугу царю, за которую тому следовало платить. Частично потому, что, помогая царю расширить территорию его государства, он одновременно расширял и территорию Украинского гетманства.

Реестр, согласно которому было роздано жалованье, дает нам уникальную возможность судить о составе войска «гетмана сиверского» [1]. Причем мы можем не предполагать или рассуждать, а имеем совершенно точные данные. В этом смысле особенно странными служат утверждения О. Терлецкого, что Золотаренко привел с собой 20 000 казаков (мы точно знаем, что 18 000), и эту цифру он доводит до 40 000 и даже 100 000 [2]. Среди старшин следует отметить нежинского наказного полковника В. Золотаренко (в будущем претендента на гетманскую булаву), «гетмана Богдана Хмельницкого пасынка Данилу» [3] и «гетмана Богдана Хмельницкого зятя Павла Киндеенко» [4].

М. Дмитриев (интересно, что именно он приводил Нежинский полк к присяге весной 1654 г. [5]) раздал жалование по «смете» (хотя, как увидим ниже, на самом деле жалование было отдано позже [6]). «Смета» включала: двоюродного брата, стародубского полковника Т. Оникиенко; Стародубского полка есаула («гетманского шурина»); шесть человек полковников (нежинский, нежинский пехотный, стародубский, черниговский, борзненский, янжиловский); войскового писаря и хорунжего; трех войсковых есаулов; войскового су-

---

[1] Про этот реестр упоминал М. С. Грушевский, хотя и не приводил подробностей. Удивительно, что в другом месте, сам себе противореча, он писал: «роздати можна було без реєстру, згідно з фактичним станом... як зробив кінець кінцем Золотаренко». *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. IX. Ч. 2. С. 927.

[2] *Терлецький О.* Козаки на Білій Русі в р. 1654–1656 // ЗНТШ. Т. XIV. 1896. С. 12.

[3] Пасынок Данило встречается в источниках и раньше в Нежинском полку. Акты ЮЗР. Т. X. № 4. С. 275.

[4] РГАДА. Ф. 124: Малороссийские дела. Оп. 1. 1654. № 13. Л. 5–6. Данных об этом человеке мы не встречали. Не упоминает его и И. Крипякевич, описывая семью Б. Хмельницкого.

[5] Акты ЮЗР. Т. X. № 4. С. 251.

[6] М. С. Грушевский вообще считал, что золото Золотаренко было роздано одновременно с приездом Протасьева. *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. IX. Ч. 2. С. 924.

дью; войскового обозного; пятьдесят сотников; немецкого строя капитана (Ганус Фурнура) и гайдуцкого поручика (Кирила Зражевской) [1].

Мы еще раз убеждаемся, что Золотаренко имел реальный контроль над «северскими землями» (особенно в условиях ослабления Черниговского полка). Кроме того, его войско было сформировано по принципу всего Войска Запорожского: имело войскового писаря и хорунжего. В этом видны уже претензии, выходившие за полномочия наказного гетмана. Пышность и значимость «двора» Золотаренко дополняли собственные гайдуки и, что не менее любопытно, немецкие наемники [2] (как известно, Б. Хмельницкому не удалось создать такие части, несмотря на предпринятые усилия [3]).

Соотношение реестра, поданного И. Золотаренко в 1654 г., с присяжными книгами того же года

Реестр раздачи жалования 1654 г.	Присяжные книги 1654 г.
Нежинский полковник наказной Иван Косинский	
Сотня Девицы Волотковой (Федор Шкода)	
Сотник носовской (Иван Тимофеев)	
Сотня Кабымская (Степан Шавляга)	
Сотник мринской (Федор Завацкий)	
Сотня Олшевская (Андрей)	
Сотня Девица Салтыкова (Иван Сухина)	
Сотня Березанская (Семен Подгайной)	Колченская сотня (Семен Подгайній)
Сотня Ивангороцкая (Алексей)	
Сотня Сидоломская (Игнат Назаров)	
Сотня Оленовская (Василей Манулов)	
Нежинского полку пехотной полковник Григорей Кобылецкий	
Сотник Федор Емченко	
Сотник пехотной Иван Третьяк	
Сотня Роменская (Иван Дорофеив)	

[1] РГАДА. Ф. 124. 1654. № 27. Л. 1–153.

[2] До сих пор в историографии официально считалось, что в украинском войске немецких наемников не было. См.: *Сокирко О.* Лицарі другого сорту. Наймане військо Лівобережної Гетьманщини 1669–1726 рр. К., 2006. С. 54–59.

[3] *Мыцык Ю. А.* Об участии немцев в освободительной войне украинского народа середины XVII в. // Вопросы германской истории и их труды. Днепропетровск, 1996. С. 151.

Реестр раздачи жалования 1654 г.	Присяжные книги 1654 г.
Сотня Опушинская (Матвей)	
Сотня Костянтиновская (Иван Лазоренко)	
Сотня Брусиловская (Григорей Безпалчик)	
Янжиловский полк	
Сотня Янжилского полку (Иван Борсук)	
Сотня полку Нежинского (Афонасей)	
Сотня полку Нежинского (Макар Сидоров)	
Сотня Глуховская (Марко Кинбирев)	Сотник глуховской Филипп Умонцов
Сотня Конотопская (Семен Михайлов)	Сотня Бахмачская (Семен Михайлов) Сотня Конотопская (Василий Михайлов)
Сотня Кодомлинская (Лаврен Усенко)	
Сотня Подлипенская (Василей Хаилов сын Ревох)	
Сотня Кролевецкая (Федор Попович)	Сотня Кролевецкая (Федор Иванов, сын попов)
Полк Стародубский	
Сотня Стародубская (Гаврила Еремеев)	Стародубская сотня (Гаврила Еремиев)
Сотня Погарская (Фонасей Еремеев)	

Попытки сравнить состав Нежинского полка образца присяги царя с данными тетрадей раздачи жалования наводят на разные размышления. В обоих случаях (!) отчеты составлял М. Дмитриев. Но если во втором случае он приводит точные данные по структуре, подчиненности и составу полков/сотен, то в первом у него отсутствовало какое-либо понятие об административном делении Нежинского полка (поэтому местечки и сотни перепутаны). Как видно из таблицы, совпадений почти нет. Частично это связано с тем, что и данные о присяге Нежинского полка сохранились только об одной сотне, и тем, что «тетради М. Дмитриева» тоже дошли до нас с серьезными изъянами. В любом случае можно с уверенностью говорить, что, несмотря на присутствие «присяжных книг», у царского правительства не имелось списков реестровых казаков.

Подводя итог политики Золотаренко по отношению к царю, можно сказать, что она была весьма неоднозначна и явно не ограничивалась рамками Мартовских статей. Про-

тиворечивая и порой двоякая политика украинских деятелей ярко видна на примере М. Филимоновича [1].

Мы видели, как он склонял Могилев к подчинению украинскому гетману, объясняя все преимущества перед «подданством Москве». Всего месяц спустя он произнес знаменательную речь перед царем во время отпуска Золотаренко. Это удивительный образец украинского бароккового текста, в котором красивые напыщенные фразы ни в коем случае не должны восприниматься буквально (как теперь порой поступают некоторые «наивные» российские историки) [2]. Нежинский протопоп говорил о заслугах Алексея Михайловича, который «расточенных сынов русских злохитрием лятцким воедино собрал, разделенных составов воедино тело русского великого княжения совокупил, разсеянных, яко кокош птенца, своя под крыла в. ц. в. восприял, дабы преславное имя русское в Малороссии уничтоженно и гноищем насилствования лятцкого погребленное воскресил и к первое достояние привел» [3].

Между прочим, еще под Могилевом М. Филимонович выступал как агент Киевского митрополита [4]. К сожалению, нам не известно, как он отнесся к шагам царя, ограничивавшим власть С. Косова. А ведь всего за неделю до прибытия Золотаренко (15/25 сентября) царь «указал могилевским епископу и впредь будущим епископам поставлятися в богоспасаемом нашем царствующем граде Москве... от отца нашего и богомолца, великого государя святейшего Никона, патриарха Московского и всеа Русии... и быти могилевским

---

[1] Приходится только удивляться О. Терлецкому, который на основании письма М. Филимоновича Могилеву делает далеко идущую конструкцию: Филимонович призывал жителей Белоруссии воевать с Москвой, а так как он был духовником Золотаренко, то и гетман сиверский придерживался такого мнения, а раз так думали руководители, то это мнение было распространено и среди казаков. А как же сладкие речи Филимоновича царю? А просьбы Золотаренко к царю пожаловать его маетностями? Конечно, ни в 1654 г., ни в 1655 г. казацкие лидеры не собирались воевать с царем. Они искали пути использования своего подданства в наиболее выгодном виде. *Терлецький О.* Козаки на Білій Русі в р. 1654–1656 // ЗНТШ. Т. XIV. 1896. С. 18 и др.

[2] Речь протопопа Максима Филимоновича, сказанная на отпуске И. Золотаренко 27.09 с. с. (указано, что списков много, в том числе Малороссийские дела. № 9, тетр. 23).

[3] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 7. С 175–178. «На Малую Русь, истинную землю Рускую, *восточное дедичство в. ц. в.*, яко изгибшую драхму, подобает в. ц. в. взыскати, яко заблудшее овча от зубов жестоких зверей вырвати... Нанизший нежинской и черниговский протопоп Максим Филимонов рукою бренною».

[4] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 17. С. 548.

епископом и всему освященному собору могилевския епископии под благословением святейших патриархов московских и всеа Руси» [1]. Могилевским наместником Никон назначил буйницкого игумена Мефодия [2]. Указ разрушал единое пространство Малой России в церковном понимании этого термина и создавал серьезный прецедент. Можно согласиться с А. Мальцевым, что такой шаг должен был препятствовать возможной оппозиции высшего белорусского духовенства, к тому же Московская патриархия получала крупную и богатую епископию. Но следует напомнить, что до восстания Б. Хмельницкого на территории Белой Руси существовала только одна православная епископия (Могилевско/Мстиславская), да и та стала результатом десятилетий борьбы против главенства унии. И хотя «белое» духовенство играло активную роль при сдаче многих городов Белой Руси (Могилева, Орши, Дубровны, Чаус) [3], мы неоднократно обращали внимание на религиозный характер войны с Речью Посполитой и роль Никона в присоединении Украины. В поход было взято «14 книг приводных к вере», а по городам и монастырям рассылались грамоты и «каноны печатные» с предписанием молить Бога, чтобы он «святую Восточную Апостольскую церковь от иноязычных и поганых еретик свободил и совокупил воедино, тако ж и повсюду христианский народ собрал воедино... и возвысил бы державу церкви» [4]. В обращении к «греческого закона православным архиереям, иереям и всего священного и иноческого чина и всем православным христианам всякого чина, и возраста, и достояния» Польского королевства и Литовского княжества объявлялась цель – освобождение восточной церкви от гонения [5].

Уже в апреле 1654 г., когда Никон напутствовал русские войска, А. Н. Трубецкой в ответной речи именовал его «па-

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XIV. С. 354. А. Мальцев ошибочно писал, что это произошло в 1655 г. *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. С. 159.

[2] *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. I. С. 170.

[3] Это отмечал еще В. Эйнгорн: Очерки из истории Малороссии в XVII в. Сношения малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М.,1899. С. 58.

[4] *Лобачев С. В.* Патриарх Никон. С. 142–143.

[5] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 10. С. 601. Удивительно, что такой важнейший документ так и не был опубликован.

триархом всея великия и малыя Росии» [1]. 13 марта 1656 г. в своей грамоте архиепископу Каллисту Никон именует себя «всея Великия, и Малыя, и Белыя Росии» [2].

Почему-то в специальных исследованиях о «белорусском вопросе» не считают ключевым посольство украинского духовенства во главе с Иннокентием Гизелем к царю в июле–августе 1654 г. Между тем, в «статьях, излагающих права духовенства», подписанных Киевским митрополитом С. Косовым, содержалась просьба «не отдалять» от послушества Константинопольскому патриарху (п. 2); чтобы «духовных московских» в Малую Россию не присылали (п. 3); чтобы православные Литвы и Волыни оставались под властью митрополита Киевского (п. 5) [3]. Зато на это обратил внимание еще Константин Харлампович [4]. Как он верно отмечал, первое требование должно было оскорбить Никона, а последнее – не могло быть принято московским правительством, поскольку там уже был отдан указ о подчинении белорусских епархий.

После взятия Смоленска (сентябрь 1654 г.) одноименная епархия изымается из ведома Киевского митрополита и передается в управление Тверскому митрополиту Лаврентию, а в 1656 г. сюда назначается епископ Филарет из Суздаля [5]. После взятия Полоцка Никон назначил (13/23 марта 1656 г.) наместником полоцким и витебским Каллиста (игумена Витебского монастыря). А 8/18 марта 1657 г. Никон возвел его в полоцкие епископы с подчинением ему Могилева и уезда [6]. До этого Полоцкое епископство было униатским (Г. Саганович ошибочно пишет, что оно было православным). Каллист получил 13-пунктную инструкцию от Никона касательно

---

[1] *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. I. Казань, 1914. С. 164.

[2] Древняя российская вивлиофика. Изд. 2. Ч. 3. М., 1788. № 6. С. 300–301. П. Алеппский писал: 6/16 января 1656 г., получив известие о взятии Вильно, Никон именовал Алексея Михайловича «великим царем Великой, Малой и Белой России», а тот в ответ именовал Никона «патриархом Великой, Малой и Белой России». Но известию этому можно не вполне верить. *Алеппский П.* Путешествие антиохского патриарха Макария в Россию. М., 1898. С. 118–119. А. Миронович ошибочно пишет, что титул использовался Никоном с мая 1656 г. *Mironowicz A.* Diecezja białoruska w XVII i XVIII wieku. Białostok, 2008. S. 189.

[3] Акты ЮЗР. Т. X. № 16. С. 741–742.

[4] *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. I. С. 167–168.

[5] Там же. С. 170.

[6] Там же. С. 171.

того, как поступать с униатским духовенством и как избавить униатов от «болезни римской и латинской» [1]. Смоленская и Полоцкая епископии стали частью Московского патриарха [2]. Разумеется, сделано это было без согласования с Константинопольским патриархом, которому подчинялся Киевский митрополит. Антоний Миронович пишет, что эти назначения вызвали протест С. Косова [3].

Соединение московского православия с белорусским не происходило гладко. Вместе с воеводами в белорусские города присылались русские священники (например, летом 1655 г. в Шклов приехали из Москвы 23 священника) [4]. Большинство из них оказались неспособными осуществлять планы Никона по распространению своей власти на западных территориях. Как будет позже вспоминать М. Филимонович, епископ Филарет «права и волности все у духовного чину отнял, а духовный чин, и шляхту, и мещан всех называет иноверцами» [5]. Хотя лично к Никону украинское духовенство было расположено очень благосклонно [6], действия других русских духовных лиц не способствовали объединению Киевской митрополии и ее отдельных частей с Московским патриархатом. Несмотря на реформы, проводимые Никоном в духе политики Петра Могилы, среди русского духовенства еще не получила распространения тяга к образованию и просвещению, столь свойственная украинскому православию, вынужденному десятилетиями противостоять в богословских спорах высокообразованным иезуитским и грекокатолическим авторам.

Разумеется, на православных верующих произвела впечатление и страшная эпидемия чумы, охватившая Москву, из-за которой царь не мог вернуться в столицу, а оставленные им там управлять бояре умерли. Я. Радзивилл 24 марта 1655 г. прямо писал М. Филимоновичу, что царя уже Бог покарал – «страшная казнь поветрия морового, вящщая поло-

---

[1] Древняя российская вивлиофика. Изд. 2. Ч. 3. С. 303–306.

[2] *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. I. Казань, 1914. С. 170.

[3] *Mironovicz A.* Kościól prawosławny w dziejach dawnej Rzeczypospolitej. Białystok, 2001. S. 154.

[4] *Маслов А. Н.* Россия и Белоруссия. С. 158.

[5] Акты ЮЗР. Т. VI. № 29. С. 79.

[6] *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. I–II. Казань, 1914. С. 165.

вина земли его выметена» [1]. И причины такой кары тоже были понятны очевидцам событий в Белой Руси. Так, К. Поклонский писал весной 1655 г. нежинскому протопопу: «а что вящще, духовных наших в каком почитанье имеют, насмотрелися есми над кутеинскими отцы, как над ними чинили, в церкви престолы сами одирали и все украшение церковное до столицы отослали, а самих черньцов в неволю загнали, где с кручины святый отец игумен Иоиль умер» [2].

Согласимся с Харламповичем, что политика московских властей по отношению к православным в Белоруссии сильно оттолкнула от них и Украину [3]. Никон, потерпев поражение в своих самых возвышенных религиозных чувствах и столкнувшись с жесточайшей домашней оппозицией, в конечном счете махнул рукой на Киевскую митрополию и даже не стал вмешиваться в выборы Киевского митрополита в 1657 г.

Зимняя кампания 1654–1655 гг.

Военные действия приобретают иной характер. Быстрые победы сменяются затяжными осадами и контрнаступлениями литовской армии. И. Золотаренко писал 12/22 октября царю, что жители Старого Быхова отвергли предложение сдаться. Наоборот, приходят сведения о готовившемся наступлении Радзивилла, в связи с чем Золотаренко просил отпустить своего брата из-под Витебска, где он был с русскими войсками [4]. Не исключено, что наказной гетман просто не хотел, чтобы его силы были разобщены перед лицом надвигавшейся опасности. Вскоре Василий вернулся к брату [5].

В наметившейся передышке серьезное значение приобретали вопросы администрирования завоеванных/освобожденных территорий. В этом смысле все наши попытки оценить принятые в окружении Алексея Михайловича решения носят весьма условный характер. Ведь главная проблема заключалась в том, что стороны конфликта и – прежде всего И. Золотаренко – не собирались выполнять

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 17. С. 548–549.
[2] Там же. С. 550.
[3] *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. I. С. 172.
[4] Акты Моск. гос. Т. II. № 612. С. 384–385.
[5] Там же. С. 386.

достигнутые договоренности. Да и в отношении других игроков дело обстояло не лучше.

Царская грамота от 10/20 октября предписывала, чтобы Золотаренко брал хлеб только «в войтовстве Горебовицком, Уляновском и Плещицком», т. е. она коренным образом меняла достигнутый компромисс [1]. А несколькими днями раньше другая царская грамота изгоняла Поклонского из Могилевского уезда, повелевая ему «идти к Борисову и к Минску» [2]. Правда, Поклонского, видимо, предпочитали сохранять как альтернативу или противовес Золотаренко и тогда же, в октябре, ему подчинили шляхту Кричева [3].

Золотаренко по-своему воспринял царский указ получать корма в Могилевском уезде. Он не только начал заготавливать там пропитание, но и «писал в Могилевский уезд, чтоб из Могилевского уезду из сел и из деревень крестьяне *никакова хлеба и сена не возили в Могилев*, а возили бы до войска запорожского». Причем, как писал воевода М. Воейков, казаки Золотаренко «твоих государевых стрелцов из сел и из деревень выбили, и что молоченого хлеба было, и то у них отняли и крестьяном не велели возить в Могилев ничего» [4].

Позиция Воейкова была крайне непоследовательной. С одной стороны, он описывал катастрофическую картину: «со мною, холопом твоим, в Могилеве твоих государевых ратных людей нет никово; а... войты и бурмистры мне, холопу твоему, непослушны» [5]. К тому же мещане (если верить Воейкову) высказывали панические настроения: «и мы де то видим и знаем, что государь нас хочет выдать ляхом в руки, а на казаков де нам на Золотаренка не надежа, запустошив де Могилевской уезд все розбегутца» [6]. Сам воевода тоже писал, что казаки Золотаренко, «набрав в Могилевском уезде лошадей и всякой животины, у крестьян досталные животы пограбив, пошли многие в свои городы» [7].

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 11. С. 415–416.
[2] Там же. С. 415.
[3] «и во всем их ведати указали мы в. г. ... полковнику нашему Костянтину Поклонскому». Акты ЮЗР. Т. XIV. № 11. С. 418.
[4] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 12. С. 427.
[5] Там же. С. 428.
[6] Там же. С. 429.
[7] Там же. С. 427.

В ситуации с могилевским воеводой нельзя недооценивать и личностный фактор, в частности – характер воеводы. М. Воейков постоянно жаловался на нехватку солдат. К нему был прислан стрелецкий голова Яков Ефимьев со стрельцами. Но Воейков тут же с Я. Ефимьевым разругался (забрал одного стрельца для писания отписок), написал на него донос и добился, чтобы его били батогами перед ним. После этого стрелецкий голова должен был продолжить службу в Могилеве (можно себе представить, с каким настроением) [1].

19/29 октября Поклонскому была направлена царская грамота, что в Могилев посылают из-под Дубровны окольничего Ивана Олферьева, «а с ним салдацкого строю полковника с полком, да голов стрелецких... а Михайлу Воейкову, по нашему указу, велено из Могилева ехать к Москве» [2].

Но после замены воеводы на окольничего И. Олферьева ситуация коренным образом не изменилась. В середине ноября 1654 г. он тоже жаловался на Золотаренко, что его казаки якобы хлеб и животину забирают (напомним, кормиться зимой в Могилевском уезде ему разрешил царь!). Олферьев писал: «И я холоп твой из города Могилева Золотаренкова полку казаков велел вон выслать, которые делают обиды», но «Золотаренкова, государь, полку казаки не слушают, из Могилевского уезду не едут». Новый воевода писал об этом и к самому наказному гетману: «И он, гетман Иван Золотаренко, и по се число казаков из Могилевскова уезду выслать вон не велел» [3].

И. Олферьев отправил к Золотаренко три (!) отписки, и тот наконец «казаков велел вон выслать». Но вот незадача: как сообщал могилевский воевода 1/11 декабря, как только Золотаренковы казаки «вышли, и в Могилеве, государь, и в Могилевском уезде почели обиды чинить болшие Поклонского полку казаки, лошади и животину отнимают, и платье грабят, и твоих государевых стрелцов и солдатов в уезде и в городе на карауле по воротам бьют» [4]. Поклонский посылал своих людей даже в Смоленский, Горский, Шкловский и

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 10. С. 381–386.
[2] Там же. № 12. С. 425–426.
[3] Там же. С. 435–436.
[4] Там же. С. 439–440.

Мстиславский уезды: «крестьян жеребьев велит имать и ставитца в казаки, покиня свои жеребья, и, став в казаки, крестьян разоряют, бьют, и грабят, и животы отнимают, и деревни жгут, и податей никаких не платят» [1].

Изгнание украинских казаков из Могилевского уезда прошло для последних безболезненно. 5/15 декабря 1654 г. Золотаренко писал царю, что «для тяжкости зимы и безодежных казаков, от Старого Быхова, не взяв его... отступили есмя с войском в. ц. в. запорожским до Нового Быхова». Именно тогда он раздает своему войску жалованье, привезенное стольником М. Дмитриевым еще в сентябре [2]. Интересно, что Золотаренко задержал выплату царского жалованья на три (!) месяца, сделав это только перед самой зимой, когда большая часть войска расходилась по домам. С одной стороны, это очень разумный ход военного лидера, с другой – явно самовольное поведение по отношению к царским указам. Традиционно казаки расходились на зимние квартиры – чаще всего уезжая домой. Так что Золотаренко действовал обычным путем, которого придерживался и Хмельницкий.

Между тем, первая зима в Белоруссии не обещала стать простой. На фоне катастрофического наступления поляков на Брацлавщину оживилось и литовское войско. Поклонский постоянно передавал известия от языков про намерение «ляхов дерзати ехать к нам под Могилев и Шклов», просил пороха, свинца и несколько тысяч людей [3].

Настроение сдавшихся и не сдавшихся царю было угрюмое. Быховчане (со слов Поклонского) заявляли, что Золотаренко не сдадутся: «сдались де из воли Золотаренку гомляне, и он де их всех приневолил и учинил вязнями и отвез к государю под Смоленск...» Думали сдаться Поклонскому, на имя царя, но тут пришла весть, что «которые городы и сдались, а имянно Шклов, Копысь, Дубровна и иные городы, и тех городов всяких жилетцких людей неволят, грабят и в полом емлют, и до Москвы отвозят, и те де все городы ныне

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 12. С. 453.

[2] Там же. С. 441, 443. «Жалованье, червонные золотые, от вашего ц. в. столник в. ц. в. Михайло Михайлович всему войску, при мне будучем, роздал, которых казаков и роспись учиня, в. ц. в. не умедлили отослать».

[3] Там же. С. 421–422.

разорены и опустошены». И тогда жители Быхова и решили русским войскам тоже не сдаваться [1].

Надо сказать, что в преддверии зимы и с остановкой военных действий пришло серьезное осмысление происшедших событий. Местное население (причем как крестьяне, так мещане и шляхта) было сильно разочаровано. Крестьянам русские воеводы не позволяли показачиваться и присоединяться к войскам Золотаренко, а мещане и шляхта считали убытки и оплакивали потери. Как писал впоследствии К. Поклонский, «золотые слова на листах шляхте и местом подавано... а самой шляхте и мещаном железные волности на ногах надавали, жен и девиц их мучителски тиранско с ними поступя, на вечную неволю отдали, что не чинитца от поган... право Смоленску надавали, а ныне всех на голову в неволю загнали; и с иными местами такое ж действо соделали...» [2]

Жалобы царю Алексею Михайловичу

Кто	О чем
Жители Могилева	Просили вернуть украденное, полон, казнить «мучителей, которые нестерпимое мучителство, топленье шляхты и шляхтянок учинили» [3]
Шляхта Оршанского повета	Жаловалась о разорении ратными людьми [4]
Бурмистр и посадские Орши	Писали, что сдались на государево имя, «а дворы де их разорены и позжены и животы пограблены без остатку» [5]
Челобитная крестьян Могилевского уезда царю	«Полку боярина и воеводы князя Якова Куденетовича Черкасского с товарыщи ратные люди поимали женишек наших и детишек в полон». *Резолюция:* «велел свести, а как сведут, и их роздать, а впред не воевать» [6]
Заявление земянина Григория Войны-Ясенецкого	О разорении в октябре 1654 г. «именя Высоцка Пинского повета»; «кривды, мародерство, убийства, маетности, коней и скот забирали, подданных мучили, гумна жгли и т. д. [7]

[1] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 12. С. 446.
[2] Там же. № 17. С. 550.
[3] Там же. № 9. С. 247–252.
[4] Там же. № 8. С. 204–206.
[5] Там же. С. 206.
[6] Там же. № 9. С. 239–240.
[7] Акты Виленской комиссии. Т. 34. № 23. С. 22–24.

Кто	О чем
Заявление пинского чашника Арнольфа Гедройца (Теребежово Пинского повета)	То же самое [1]
Жители Пинска	Об убытках во время взятия города русскими войсками в октябре 1655 г.: захватили, мещан и детей мучили, несколько дней стояли и грабили [2]
Челобитная от епископа православного мстиславского	«И как, государь, пришли подо Мстиславль твои государевы воеводы с ратными людми, и в приступное время город зажгли, и что, государь, было в городе церквей, все погорели без остатку» [3]
Челобитная дорогобужанина Лазарева	Об отдаче ему родных, увезенных князем Андреем Михайловичем Мещерским [4]
Челобитная шляхтича Щелканова	Об отобрании его жены и детей, увезенных в Вологодский уезд Иваном Дмитриевичем Лазаревым [5]
Челобитная Станислава Жарина из Гор	О розыске его жены, детей и родственников, уведенных в полон рязанцем из полка Я. К. Черкасского и увезенных в его имение [6]

Эти жалобы (мы приводим только малую их часть, поскольку не ставили перед собой задачу показать обратную сторону русско-польской войны) поступали в стан царя, который не мог вернуться в Москву из-за морового поветрия, т. е. чумы. Обиженным давали соболей и денег, но общего настроения это изменить не могло.

Если шляхта и крестьяне только жаловались, то казаки Золотаренко и он сам не стеснялись вступать с русскими в прямые конфликты. Так, когда из Киева в Москву ехали люди боярина князя Ф. Ф. Волконского и стрелецкого головы Алексея Мещеринова, те по своему обычаю, «едучи дорогою в его государевых в новых черкаских городех, имали черкаских мужиков и робят и хотели с собою повезть к Москве». Но показалось мало, и в Нежине они захватили еще несколько человек, а затем приехали в Борзну, где стоял И. Золотаренко. Наказной гетман «прислал к ним на двор и тех мужи-

[1] Акты Виленской комиссии. Т. 34. № 24. С. 24–25.
[2] Там же. № 60. С. 66–69.
[3] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 8. С. 225.
[4] Акты Моск. гос. Т. II. № 616. С. 387.
[5] Там же. № 626. С. 392.
[6] Там же. № 774. С. 470.

ков и робят... велел взять к себе». Золотаренко был крайне зол и «шумел» на русских: «Для чего они государевых людей крадут?» Одного из пойманных русских Золотаренко послал за город и велел повесить «и, не доведчи до висилицы, велел воротить и приковать на рынку к столбу и держал его у столба прикована с третьего часа дни до другова часа ночи». Когда за него «бил челом» Золотаренко второй русский (Сенка), «полковник де на него, Сенку, шумел и ударил его саблею плазом» [1]. Показательно, что царь в данном случае принял сторону казаков, велел русских-похитителей «бить кнутом на козле и в проводку по торгом» [2].

Следует сказать, что в преддверии нового похода пришлось изменить политику. Как писал С. Соловьев, «надобно было предупредить повторение зла, сделанного в прошлогодний поход, когда ратные люди свирепствовали в Смоленском и других покорившихся уездах. Насиловали женщин. Убивали мужчин» [3].

В июле 1655 г. царь запрещал воеводе Я. Черкасскому жечь строения («наши ратные всяких чинов люди вашего полку в загонах села и деревни жгут и пашенных мужиков побивают») [4]. Указ 3/13 сентября приказывал ратным людям, чтобы «полону они не имали и не продавали, не секли, и сел и деревень не жгли» [5]. 30 июля с. с. дается указ, запрещающий вывозить крестьянских жен и детей из Бельского, Дорогобужского и Смоленского уездов в Москву [6]. Вероятно, в царском окружении опасались негативного отношения шляхты. К тому же отсутствие массового принятия православия тоже должно было озадачить Алексея Михайловича и Никона.

Военные реалии тоже вносили свои коррективы. Воспользовавшись затишьем, Я. Радзивилл предпринимает зимнюю контратаку. 18/28 декабря Золотаренко сообщал, что «пришел де из Бобруйска в Быхов старший Оскирка, а с ним де пришло конных и пеших людей тысечи с четыре, а в Бобруйску остался Гонсевский, да Шалевский...» [7] В этих

---

[1] Акты ЮЗР. Т. X. № 8. С. 506–508.
[2] Там же. С. 510–512.
[3] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 10. С. 617.
[4] Акты Моск. гос. Т. II. № 686. С. 420.
[5] Там же. № 708. С. 432.
[6] ПСЗРИ. Т. I. СПб., 1830. № 135. С. 349.
[7] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 12. С. 467.

условиях Поклонский в конце декабря (с. с.) возвращается в Могилев «и стал в полумиле от Могилева в Буйницком монастыре; а с ним казаков в сборе с 4 000...» Несмотря на тревожную ситуацию, он не посылал за помощью к Золотаренко и, наоборот, продолжал сообщать царю всякие слухи о нем [1]. К тому же он уверял, что «с Золотаренком де и ныне сказываю войска всего тысячь с 8 или мало болши, потому что розошлись многие, не любя Золотаренка».

Царское командование решает мобилизовать все силы для недопущения захвата Могилева как важного стратегического пункта на Днепре. В город возвращают воеводой М. Воейкова, о котором просил Поклонский, а ему в подкрепление высылают стольника и воеводу Григория Григорьевича Ромодановского (29 декабря 1654 г. с. с.) [2]. Об этом царь пишет и к Золотаренко («указали послати нашего ц. в. столника и воеводу князя Юрья Ивановича Рамадановского с товарыщи со многими нашими конными и пешими людми и велели им идти наскоро») и просит наказного гетмана «сойтися с тем нашим столником и воеводы, и города Могилева и иных мест оберегать...» [3] Т. е., изгнав украинских казаков из Могилевского уезда, русские теперь просят их туда вернуться, не имея возможности самостоятельно противостоять польско-литовским войскам.

Аналогичная грамота об объединении с Ромодановским была послана и к Поклонскому [4]. Последний проявляет себя во всей красе и, чувствуя серьезность военного положения, начинает требовать у царя всевозможные награды. 6/16 января он пишет жалобы к В. В. Бутурлину, что его войску не прислали жалования, а тех, за кого он хлопотал, не произвели в шляхту [5]. Через 12 дней Бутурлин отвечает, что благодаря его хлопотам искомое шляхетство дали [6]. Действительно, 18/28 января были даны 10 жалованных грамот шляхти-

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 12. С. 469. «Золотаренка де казаки не любят, а говорят меж себя, что будто Золотаренко от Быхова отступил, по совету с Быховцы, для того, что обещали многую казну, да и за то де Золотаренка не любят, что недавно напився пьян, убил до смерти судью войскового Силуяна Мужиловского...»

[2] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 12. С. 473–474.

[3] Там же. С. 471–474.

[4] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 13. С. 489–490.

[5] Там же. С. 491–493.

[6] Там же. С. 493.

чам, казакам полка К. Поклонского [1]. И в тот же день была послана жалованная грамота царя самому Поклонскому (из Вязьмы) – полковника пожаловали местечком Чаусы и деревнями [2].

Это не мешает Поклонскому спокойно сообщать В. В. Бутурлину 10/20 января 1655 г., что поляки осадили И. Золотаренко в Новом Быхове и собираются их «приступити и добывати». Но идти на помощь он не может: «и города Могилева оставити и нам идти с малыми людми на отсечь нельзя...» С нескрываемым злорадством Поклонский продолжал: «Украинские казаки, награбився, на Украйну уехали, а Золотаренко с малыми людми остался, едва устоят против силы ляцкой» [3]. При этом Поклонский был в панике от польско-литовского наступления и, видимо, не зная, что Воейков уже послан в Могилев, просил за него, «чтоб мне был советником и чтоб при мне жил» [4].

11/21 января Поклонский снова информирует Алексея Михайловича о «великой силе ляховской», достигающей 10 тысяч человек, и сообщает: «Сказывают языки все, что король назад идет, полегку, с людми; а гетманов вперед послал, чтоб шли в Москву» [5]. Несколькими днями позже Поклонский пишет В. В. Бутурлину, пересылая «прелестные» письма Я. Радзивилла, ему адресованные, и заверяя, что изменять не собирается, но при этом жалуется на недостаток людей. Причем в своей тяжелой ситуации он винит всех вокруг: М. Воейкова (которого только что просил прислать в помощники), «покойного пана воеводу могилевского» (Ивана Алферьева [6]) и воеводу радомльского, якобы запретивших людям «до моего полку сбиратися; а которые хотели и были, тех сажали в тюрму и кнутом били, яко то в Радомлю» [7].

В то время как Поклонский паниковал, просил помощи и заверял в своей верности, казаки Золотаренко спокойно готовились к зимней кампании. Как мы видели, они успели

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 13. С. 505–506.
[2] Там же. С. 500–501.
[3] Там же. С. 496.
[4] Акты ЮЗР. Т. VIII. № 45. С. 184–385. В актах этот документ ошибочно датирован 1654 г.
[5] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 12. С. 487–488.
[6] Дворцовые разряды. Т. III. СПб., 1852. С. 490.
[7] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 13. С. 507–509.

припасти провиант (несмотря ни на что), поэтому известие о приближении литовских сил не застает их врасплох. 2/12 января 1655 г. И. Золотаренко писал царю из-под Нового Быхова, что ходил на разведку: у Радзивилла 24 000 человек [1].

В таких условиях 19/29 января Ю. И. Ромодановский получает приказ соединяться с «наказным полковником Васильем Золотаренко» [2]. К этому времени И. Золотаренко уже разгромил отряд «князя Несвижского» «и весь люд его погромил, что едва толко сам оный Несвижский утек». Василий Золотаренко, собрав те свои войска, «которые по домом жили», стоял в Стародубе в ожидании русских войск [3].

Этот успех приостанавливает атака литовских войск. Наступает затишье. В конце февраля И. Золотаренко сообщал царю, что посылал своего двоюродного брата Т. Оникиенко, полковника стародубского, с несколькими тысячами «под самый Могилев ради взятия подлинной ведомости». А вот оказать помощь осажденным он не мог: «нам помешкою снеги великие есть, из которых конем человек не может выбресть» [4]. Золотаренко, скорее всего, лукавил, т. к. «великие снега» не мешали ему в других операциях [5]. Так, в середине марта он посылал подъезд под Бобруйск и Королевскую слободу и там «всех, что было служилого люду, поляков и немец, под меч пустили, а городы обадва без остатку попалили» [6]. Полагаем, что Золотаренко не хотел вмешиваться в события в Могилеве именно из-за собственных притязаний на эти территории [7]. По мере затягивания осады Могилева литовскими войсками и удачных действий украинских казаков роль северского гетмана в Белоруссии возрастала, и он не мог это не чувствовать.

С «прелестными листами» обращается к нему Я. Радзивилл (прислан 1/11 апреля). Литовский гетман клялся, что

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 14. С. 515–516.

[2] Там же. № 13. С. 503–504.

[3] Там же. № 14. С. 520–524.

[4] Там же. № 16. С. 529–530.

[5] А. Мальцев не упоминает о затягивании Золотаренко предоставления военной помощи Могилеву. А С. М. Соловьев, наоборот, отмечает, что снега не мешали другим операциям И. Золотаренко. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 10. С. 614.

[6] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 16. С. 533–534.

[7] О. Терлецкий ошибочно пишет, что И. Золотаренко был осажден в Новом Быхове. *Терлецький О.* Козаки на Білій Русі в р. 1654–1656 // ЗНТШ. Т. XIV. 1896. С. 7.

«все то, что имеешь от царя себе даного держати, за утверждением короля е. м., будешь, и не толко сам, но и старшины все, что при в. м., держати будут...» [1]. Золотаренко пересылает письма Радзивилла к царю [2].

Центральным событием, конечно, становится измена Поклонского, который в разгар осады Могилева перешел на сторону Я. Радзивилла. Как писал воевода М. Воейков, «февраля против пятого числа, за два часа до света, полковник Поклонской государю... изменил с могилевскою и иных городов шляхтою и с казаки, которые у него в полку были, и гетманов Радзивила и Гонсевского с полским войском в болшой земляной вал впустил» [3]. Сам Поклонский заявлял в «прощальном» письме к М. Воейкову о намерении уехать в Киев и стать монахом. Он подчеркивал, что «жалованье царское, соболи, денги... все там оставил есмь... и о одном коне на ночь за Днепр выехал». Поступок он свой не объяснял, но продолжал жаловаться на Золотаренко [4].

Более подробно объясняется Поклонский в письме к Золотаренко (24 марта 1655 г. с. с.), которое известно нам в переводе с польского: «Ведаю я, что ваша милость похощешь меня пред Москвою изменником крови именовать». Сам Поклонский себя изменником не считал. По его словам, он пошел на войну потому, что «та война имела быти на освобождение утисненной Руси», и полагался на «государя християнского». Но вместо этого они получили «такое ж лупление домов Божих, что и от татар бывало: християн наших, которые в повседневном гонении от униятов пребывали, ныне их в вечную неволю забрали, а иных помучили... не толко мирских, но и духовных наших забрали в неволю». И Поклонский делал вывод: «в лутчей волности прежде за ляхами пребывали есми, нежели ныне живут наши» [5].

Те же мотивы звучали и в письме Поклонского, адресованном к его казакам: «С Москвою нам не навеки жить. Ведаете убо, какие мерзости выстрояла, не силу годны, чтоб нам служили, а неже мы им подданство отдавали. Добре уж

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 17. С. 535–536.
[2] Там же. С. 535–540.
[3] Там же. № 20. С. 568–569.
[4] Там же. № 13. С. 512.
[5] Там же. № 17. С. 541–542.

на Украине учинили, что уж болшая часть полковников от них отлучились...» [1]. Золотаренко снова переслал «прелестные письма» Радзивилла и Поклонского царю, за что его посланцев наградили [2].

Интересно, что А. Мальцев в своей книге не объясняет причин измены Поклонского, ни словом не упоминает о недовольстве местной шляхты политикой русских властей, но ссылается на ее опасения, «что антифеодальное движение может распространиться в Белоруссии с такой же силой, как и на Украине» [3].

Вместе с тем С. Соловьев пишет: «Любопытно, что Никон почему-то отказался проклясть Поклонского...» [4] По нашему мнению, Никон опасался, что такие радикальные меры еще больше отвратят православную шляхту от Московского патриархата (тут можно вспомнить отлучение от церкви Ивана Мазепы по приказу Петра I за нарушение присяги).

Пересылая царю «прелестные письма» и таким образом доказывая свою преданность, Золотаренко не спешил помогать Могилеву, довольствуясь лишь отправлением небольших отрядов, в задачу которых не входило сражение с основными силами литовцев. В конце апреля русские воеводы сообщали, что в Новый Быхов пришли люди от М. Воейкова с просьбой о помощи. Золотаренко заявил им, что посылает «рекою Днепром, стругами, двух полковников с ратными людми; брата своего родного Василья Золотаренка да брата ж своего двоюродного Тимофея Оникеева». Сам же он «хочет идти под Могилев со всеми ратными людми после братьи своей вскоре...» [5]

Апреля 29 с. с. царь повелевал стольнику М. Дмитриеву, посланному к Золотаренко, чтобы тот уговаривал его идти под Могилев [6]. Наказной гетман в ответ засыпал воевод (А. Н. Трубецкого и Л. Лопухина) письмами, объясняя, что давно бы дал помощь Могилеву, «толко что время не такое было» [7].

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 17. С. 543.
[2] Там же. С. 551–552.
[3] *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. С. 71.
[4] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 10. С. 612.
[5] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 18. С. 553–554.
[6] Там же. С. 555–556.
[7] Там же. № 20. С. 568; № 21. С. 593–595.

Приступы литовских войск к Могилеву продолжались весь апрель, и только 1/11 мая после очередного штурма Радзивилл отступил. При этом, по донесению М. Воейкова, И. Золотаренко оставался в Новом Быхове и прислал от себя только полковника Ефима Коробку (3/13 мая) всего с 2 тысячами казаков [1]. Правда, слова Воейкова вызывают сомнения на фоне донесения М. Дмитриева, что еще 24 апреля с. с. «наказной гетман Иван Золотаренко послал к Могилеву на выручку... пехотного полковника Юрья Коробку с полком; и тот полковник пришел в Могилев, и стоит в Могилеве. А сам наказной гетман Иван Золотаренко и я ходили к Могилеву со всеми ратными людьми по другой стороне Днепра... И гетманы, Родивил и Гонсевской, прослышав про наказного гетмана... от Могилева пошли прочь за Борисов». Золотаренко послал туда своего брата вместе с сыном Дмитриева. Они разбили литовские отряды и захватили пленных [2]. Т. е. украинские казаки были весьма эффективны под Могилевым.

Такие рейдерские действия были весьма привычны и удобны для казаков. Они получали добычу и сохраняли за собой контроль нужной им территории. Посылая Л. Лопухину в середине апреля среди пленных сторонника Поклонского А. Илянецкого, И. Золотаренко язвительно писал: «пусть в Сибири соболи пасет; но горшие те изменники на нас православных, нежели ляхи» [3].

Своеволие Золотаренко, действовавшего не как ему повелевали, а как ему было удобно, не могло не раздражать и воевод, и царя. Однако казаки Золотаренко были в тот момент очень нужны, и ему 13/23 мая 1655 г. посылается похвальная царская грамота. В ней нет ни слова упреков – ни за своеволие, ни за проволочки [4].

Примерно в это время (т. е. почти через пять месяцев после изначальной просьбы!) Золотаренко наконец выступает из-под Нового Быхова («рушились по обе стороны Днепра, также и чолнами по Днепру»). По его словам, как только литовцы «услышали» про его поход, тотчас «без всякого

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 21. С. 589–590.
[2] Акты Моск. гос. Т. II. № 663. С. 409.
[3] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 22. С. 598.
[4] Там же. № 21. С. 597–600.

медленья всеми войсками своими возвратили назад к Березыне». Казаки напали на заставу Радзивилла, состоявшую из двух полковников и 2000 людей («там же их самих полковников и всех людей их под меч пустили»). С языками и трофеями Золотаренко отправил своего брата Василия, «полковника менского» Пашка и обозного войскового Ивана. Обращает на себя внимание то, что в структуре войска И. Золотаренко появляется минский полковник и войсковой обозный.

Кстати, гетман северский был весьма доволен присылкой к нему стольников Михаила Дмитриева и Ивана Телепнева, а также их действиями в бою. Дмитриева Золотаренко называл «рыцарским человеком» и отмечал, что под тем уже «несколко коней... побито от врагов» [1].

Расстановка сил и взаимные притязания летом 1655 г.

Продолжая пользоваться своей «необходимостью», Золотаренко и его брат рассчитывают на новые милости и уступки. Так, В. Золотаренко просит пожаловать ему Новые Млины с деревнями [2].

13/23 мая И. Золотаренко просит царя оказать милость жителям Нового Быхова – дать охранную грамоту, «чтоб имели чем сохранятися от войска в. ц. в. ратного и в неволю чтоб не могли попасть» [3]. Через десять дней такую грамоту ему дают: «Нового Быхова всех мещан и уездных людей пожаловали, велели их в Новом Быхове и в уезде оберегати ото всяких обид и насилий *тебе, гетману н. ц. в.*». При этом Золотаренко поручалось оберегать Новый Быхов, «Быховской уезд в местечка, и в слободы, и в села, и в деревни» [4]. Это совершенно беспрецедентный случай: казацкому наказному гетману поручают оберегать белорусский район от погромов, чинимых русскими войсками!

Усиление позиций Золотаренко проходит на фоне недовольства белорусских жителей уже не только поведением русских войск, но и воеводским правлением. Могилевские

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 23. С. 602–604.
[2] Там же. С. 605–606.
[3] Там же. С. 607–608.
[4] Там же. С. 609–610.

мещане, несмотря на измену Поклонского выдержавшие осады литовского войска, в конце мая просят царя указать воеводе, «чтоб убавки никакой правом меским, издавна будучим... не чинил, мещан к суду своему неналоженом не приволокал и стрелцом и салдатом своеволно чинити не попущал». Такая просьба свидетельствует, что подобные нарушения со стороны воеводы уже случались. Царь не только приказывает могилевскому воеводе, чтобы он «мимо жалованной грамоты ни в какие дела не вступался», но и повелевает казакам Поклонского, которые не изменили и остались с русскими, «ехать на службу к Золотаренку» [1] (!). Таким образом, сфера влияния северского гетмана распространяется и на Могилевский уезд, в который, как мы помним, еще в сентябре 1654 г. царь запрещал вступать.

А притязания Золотаренко идут дальше. 12/22 мая он направляет царю просьбу оказать милость жителям Чауского, Черняковского, Мстиславского, Кричевского поветов, разоренных войной [2]. Царский ответ на это был компромиссным: «И мы, великий государь, указали Кричев и Кричевский уезд ведати тебе и послати от себя кого пригож, для ведомости и для обереганья; а Чаусы и Черяхов наперед сего были Могилевского уезду, и ныне указали ведать и оберегать из Могилева стольнику нашему и воеводам Юрью Ивановичу Ромодановскому с товарыщи; а Мстиславский уезд оберегать из Мстиславска» [3].

Разумеется, такие притязания Золотаренко не могли не вести к конфликту с русскими воеводами. В мае 1655 г. шкловский воевода Василий Яковлев жаловался на полковника Золотаренко, казаки которого «приезжают к ним в деревни, и их крестьян жгут и пекут, и жон и детей их насилствуют, и коне, и коровы, и всякую скотину отганивают, и под город Шклов подъезжают, стада коней и коров у мещан, у твоих государевых ратных людей, отганивают». Резолюция царя выглядит опять компромиссной: «отписать к Золотаренку, чтоб, лошадей государевых сыскав, велел отдать в Шклов, и у уездных людей, опричь запасов, казаком ничего имать не

---

[1] Там же. № 24. С. 627–628.
[2] Там же. № 25. С. 637–638.
[3] Там же. С. 640.

велел» [1]. Ни наказаний, ни расправ, наоборот – подтверждение права собирать «запасы».

Не обращали внимания казаки и на «пожалования», сделанные царем. Так, войт Могилева Николай Кгелда, получивший от царя Вербейский уезд, сетовал, что Золотаренко поставил там свою залогу и приказал «крестьянам, чтоб не мне, но ему послушенство чинили». К тому же большинство крестьян показачились и ничего не засевали. Резолюция царя очень показательна: «как гетман пойдет, велети залогу свесть и крестьяном послушенство по-прежнему» [2]. Т. е. царская власть ведет такую же двойную игру: на время военных действий, пока есть необходимость в украинских казаках, идет им на уступки и компромиссы, прекрасно отдавая себе отчет, что, как только война закончится, все изменится.

А пока Золотаренко одерживал очередные мелкие и не очень победы. 29 мая с. с. он писал царю, что его стародубский полковник Т. Оникиенко разбил войска от Радзивилла, посланные на помощь Старому Быхову [3]. В ответной грамоте Алексей Михайлович хвалил Золотаренко за успехи и приказывал «ехать к нам в. г. в Копысь и видеть наши государские пресветлые очи» [4]. Это была уже вторая поездка Золотаренко к царю. Напомним, что Б. Хмельницкий с ним лично так никогда и не встретился.

8/18 июня 1655 г. в Шклове «были у государя, в шатрах, наказной гетман Иван Золотаренко, да с ним брат его, полковник Василей Золотаренко, и иные полковники Войска Запорожского у руки» [5]. Там же был и М. Филимонович. Всех их наградили соболями [6].

Во время второй встречи с царем Золотаренко смог добиться еще больших полномочий и закрепить свое положение в Белоруссии. К сожалению, документ, на основании которого мы должны делать выводы о состоявшихся в Копыси переговорах (подчеркиваю – по содержанию, а не по форме), – это «статьи И. Золотаренко», сохранившиеся не полностью и в очень плохом переводе. На просьбу Золота-

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 25. С. 641–642.
[2] Там же. № 27. С. 671–672.
[3] Там же. № 28. С. 679–680.
[4] Там же. С. 682.
[5] Дворцовые разряды. Т. III. С. 480.
[6] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 29. С. 687–692.

ренко «жебы товариству нашему волно из всех городов белоруских, так Могилева яко и инших» присоединяться к его войскам, а войты чтобы этому не препятствовали, следует резолюция: «Государь указал идти всем, потом послать в городы свои государевы грамоты... в Могилев и в Киричев и в иные городы» [1]. Это выглядит как настоящая победа Золотаренко, которая была поддержана царской грамотой (13/23 июня) к могилевскому воеводе М. Воейкову (бывшему приятелю Поклонского и постоянному оппоненту Золотаренко): «и ты б велел сказать в Могилеве и в Могилевском уезде по местечкам, и по селам, и по слободам послал тотчас, чтоб всякие служилые люди из Могилева и из Могилевского уезду ехали к гетману нашему наказному к Ивану Золотаренку на нашу службу и с гетманом шли безо всякого мотчанья». Очень любопытна и показательна следующая фраза грамоты, свидетельствующая о том, что ее составители предугадывали реакцию воеводы: «А одинолично б тебе в оплошку себе тово не поставить». Воейкову даже приказывалось посылать глашатых (биричей) «кликать по многие дни, чтоб всякие люди на нашу службу шли к наказному нашему гетману к Ивану Золотаренку и писались у гетмана» [2]. Можно только догадываться, с каким настроением воевода выполнял это приказание. Тем не менее, согласно его отписке от 14/24 июня он велел в Могилеве и Могилевском уезде кричать, чтобы шли к Золотаренко. Интересно, что «сказывали» это и в Чаусах [3].

Что касается позиции Б. Хмельницкого, то он с конца мая 1655 г. призывает Золотаренко не задерживаться под Курниками («так как прошлого году»), но идти вперед, оставив под Быховым отборную пехоту («промышляй ваша милость над головою, а с хвостом бы уж удобей, коли б Господь Бог помогл») [4]. Об этом к нему пишет и генеральный писарь И. Выговский. Письма руководства Украинского гетманства были подкреплены решением Корсунской рады [5].

---

[1] Там же. С. 694–696.
[2] Там же. № 30. С. 706–708.
[3] Там же. С. 707–708.
[4] Там же. С. 698–699.
[5] Там же. С. 700–703. В этом смысле совершенно надуманными выглядят предположения О. Терлецкого, что русские воеводы нарочно отослали И. Золотаренко от Старого Быхова, чтобы самостоятельно завладеть этим городом.

В данном случае эти приказы совпадали и с царским указом (13/23 июня), согласно которому Золотаренко, «укрепя осаду под Старым Быховом», должен был со всем войском «идти к Минску и над полскими и литовскими людми промышлять» [1]. Получив распоряжения с «двух сторон», И. Золотаренко вынужден был повиноваться, но все-таки стремился повернуть это с выгодой для себя. 16/26 июня он посылает к царю своего писаря Романа Григорьевича с вопросами. Он сообщал, что «имеем при себе болных товарыщьства немало», и спрашивал: их «в тутошних краях при котором городе оставити или по домом пустити»? Золотаренко не устраивал царский указ «часть войска оставити под Старым Быховом». Он объяснял, что, оставив войско «по сей стороне Быхова от Могилева», это принесло бы большой ущерб «городом, как Быхову Новому, Чечерску, Пропойску, Рогачеву, Гешину, Злобину и иным городам и волостям». К тому же в этом случае и послы от царя к Б. Хмельницкому не смогут проехать, «также и товарыщству тому, которые приходити имут з городов украинных, до нас волнеший проход будет». Золотаренко сообщает, что с ним 20 000, «а болных 6000» [2].

В его словах было много правды. 26 июля с. с. из-под Старого Быхова по указу царя отходят русские полки А. Н. Трубецкого (после неудачных уговоров города сдаться и попытки штурма). Трубецкой оставил в помощь казакам солдатского строя полковника Якова Ронорта с полком, но его люди убежали следом за Золотаренко. И оставшийся полк Самойла Курбацкого просто не мог защитить уезд и православные монастыри, одновременно осаждая Быхов (чего хотел Трубецкой) [3].

18/28 июня Золотаренко посылает вперед для соединения с русскими войсками своих братьев – нежинского полковника Василия и стародубского полковника Т. Оникиенко «с частью войска, с обозом и с нарядом». Вместе с ними пошел сын стольника Василия Михайловича Дмитриева. Сам

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 30. С. 705–706.

[2] Там же. № 31. С. 709–712.

[3] Акты Моск. гос. Т. II. № 696. С. 425–426. О. Терлецкий ошибочно полагал, что Трубецкой пытался взять Новый Быхов в отсутствие казаков. Кроме того, он ошибочно писал, что отступление Трубецкого было связано с походом на Вильно. На самом же деле его войска просто разбежались.

Золотаренко готовился выступать к Минску [1]. По царскому указу от 26 июня с. с. В. Золотаренко и Т. Оникиенко должны были сходиться с Богданом Хитрово и «идти в Менск» [2].

25 июня с. с. И. Золотаренко с основными войсками перешел Березину [3]. Ему опять сопутствовала удача. Уже 28 июня с. с. стольник М. Дмитриев сообщал, что передовой отряд сотника Филиппа Уманца разбил польских и литовских людей за рекой Березиной [4]. 2/12 июля войска И. Золотаренко захватили «место Свислоч знатное, в котором было немало неприятелей». Он был уже в девяти милях от Минска, ожидая подхода Хитрово [5]. Через десять дней Золотаренко писал из-под Минска, что посылал разъезд под Вильно и «целую роту до основания побили» [6]. Успех сопутствовал Золотаренко и под Ошмянами, где его разъезд встретил «7000 врагов», вступил с ними в бой, «в конец разорили и многих мечю предали» [7]. В середине июля Я. Черкасскому и И. Золотаренко дается указ идти под Вильно, а В. Золотаренко – за реку Неман [8].

25 июля с. с. И. Золотаренко пошел к Вильно «со всеми полками», оставив «при больных и раненых» черниговского полковника Ивана Поповича [9]. Любопытна царская резолюция на это письмо наказного гетмана: «чтобы не жгли и не побивали» [10].

Вообще даже на этом этапе, даже в разгар военных действий, возникают конфликты между украинскими казаками и царскими войсками. Так, царь был вынужден издать в конце июня грамоту, запрещающую казакам Золотаренко «ездить в государевы войска с вином и табаком». Это очень любопытный момент. В Украинском гетманстве производство и торговля горилкой и табаком были одними из основных статей дохода. В России табакокурение было запрещено под страхом смертной казни. Русские власти, как мы видели

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 31. С. 711–712, 718.
[2] Там же. С. 715–718.
[3] Там же. С. 725–726.
[4] Там же. С. 724.
[5] Там же. № 33. С. 745–746.
[6] Там же. С. 749–750.
[7] Там же. С. 755–756.
[8] Там же. С. 747–748.
[9] Там же. С. 900.
[10] Там же. С. 901–902.

выше, предпринимали попытки ввести запрет на торговлю табаком даже в Киеве. Но такие попытки провалились. Белоруссия была спорной территорией, на которой царь стремился распространить общерусские законы, но и ссориться с украинскими казаками во время войны не хотел. Потому, когда в русских войсках в Белоруссии поймали «семнатцать человек с заповедным товаром», русских били кнутом, а казакам «жалуя тебя, гетмана нашего», наказанья «учинить не велели и указали их отослать к тебе» [1].

Были к казакам Золотаренко и претензии другого рода. Так, в царской грамоте от 17/27 июля говорилось: «Ведомо нам... учинилось, что твоего полку казаки места, и села, и деревни жгут, и женской пол и девиц и малых робят секут и побивают до смерти». Золотаренко предписывалось «казаком учинить заказ крепкой, под смертною казнью» [2].

В том, что украинские казаки грабили захваченные города, сомневаться не приходится. Сам Золотаренко в одном из своих посланий к царю сообщал: «место взяв, через меч и немало в ней неприятелей будучих всех под меч пустили, а самое место и замок огнем без остатку сожгли» [3]. Это было нормой ведения войны эпохи раннего Нового времени. Так поступали украинские казаки, поляки, литовцы, русские и татары. Жалобы русских воевод на «зверства» казаков имели только один подтекст: речь шла о борьбе за власть на захваченной территории. И противную сторону следовало дискредитировать в глазах царя. Тем более что в тылу военных действий уже разгоралось настоящее противостояние между воеводами и гетманской администрацией, которую там насадил Золотаренко.

Борьба за административную власть после «потопа»

Как докладывал новый могилевский воевода Василий Унковский, его уезд состоял из двенадцати войтовств (русские пока сохраняли административное деление Великого княжества Литовского). Из них в двух лучших находились гарнизоны Золотаренко («и в двух, государь, войтовствах лутчих залоги

[1] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 31. С. 711–714.
[2] Там же. № 33. С. 753–754.
[3] Там же. С. 745–746.

стоят казачьи»), причем состоявшие из «тутошних же крестьян дети и братья» (sic!). А в Чаусах (которые прежде были пожалованы царем Поклонскому) стоял назначенный от Золотаренко наказной полковник Матфей Старинский. Воевода жаловался, что казаки «теми войтовствы владеют и не дают мне, холопу твоему, крестьян в город». Одновременно он писал о жалобах крестьян, что «разоряют де их в корень». В последнем можно было усомниться, ведь «залоги», как мы видим, состояли из тех же местных крестьян. Резолюция царя не давала воеводе свободы действий. Унковскому повелевалось писать «к полковнику Матфею Старинскому, что по нашему указу велено им с тех двух войтовств имать себе кормы, а иных никаких налог крестьяном чинить не велено» [1]. Очень важно отметить, что назначение от Золотаренко чаусовского полковника не вызывает возмущения царя.

В середине августа, продолжая свой поход к Неману, И. Золотаренко снова просит царя дать грамоту, разрешающую ему собирать войска на территории Белоруссии. Он объяснял это тем, что «товарышство наше... пошли давно по домом от нас как в Могилевщину, так и в Быховщину и в иные городы и волости». Но в большинстве случаев речь шла о показаченном местном населении. Поэтому Золотаренко хотел получить указ, «чтоб воевода могилевский никаковому охочему итти не возбронял до нас». Царь дал резолюцию, разрешающую набор войск, «а до Могилева отписать, велеть казаков высылать, как гетман пришлет» [2].

Хотя у нас нет реестров войска Золотаренко образца лета–осени 1655 г., некоторое представление о нем дают отдельные дошедшие до нас документы. Например, сотником у Золотаренко служил могилевский шляхтич Егуп Мартюшкович, а из его «поместья служат от нас в полку наказного гетмана Ивана Микифоровича Золотаренка десять человек, да под Быховом в полкех стоят семь человек». Мартюшкович содержал этих людей на собственные средства, к тому же они служили «на наших конях, и платье, и оружие наше» [3]. Другой офицер Золотаренко был «нововыезжей иноземец, новокрещен шляхтич Ондрюшка Яковинский», который

[1] Там же. № 34. С. 761–763.
[2] Там же. № 35. С. 787–788.
[3] Там же. № 37. С. 817–818.

приехал откуда-то из Европы, крестился по-православному [1]. Т. е. еще при И. Золотаренко состав «Войска Запорожского» в Белоруссии начинает заметно меняться. Наряду с казаками из реестровых «украинских полков» появляются местные шляхта и крестьяне, а также иноземные наемники.

Что касается местного населения, то его грабили все. Так, могилевские мещане жаловались, что посыльные от царя «всякий день лошадей и подвод, також и харчов даяния требуют» [2]. Но, в отличие от русских, казаки не возвращали крестьян к прежним владельцам, а, наоборот, предлагали «показачиваться», что в условиях войны выглядело очень заманчиво.

Между тем, военные действия достигают своего апогея. 30 июля с. с. Золотаренко сообщал, что соединился с Я. Черкасским, «за прибытием нашим с бояры и воеводы... город Вилню взяли». С победным докладом он послал к царю М. Филимоновича. Наказной гетман очень хвалил М. Дмитриева и В. Кикина, которые «вкупе с нами нещадно головы свои покладают на всяком месте рыцерском за достоинство и за расширение государств в. ц. в.» [3]. За этот успех Золотаренко получает от царя похвальную грамоту [4].

Интересно, что грамоту о взятии Вильно Алексей Михайлович направляет в Могилев и в Старый Быхов. В обоих случаях говорится об успехе воеводы Я. Черкасского. Других имен, в том числе и украинских казаков И. Золотаренко, не упомянуто [5]. Что это означало? Наличие конфликта?

19/29 августа царь, торжественно вступивший в Вильно, посылает Золотаренко грамоту, приказывая идти за Неман, к Бресту [6]. Но этот приказ исполнять уже не пришлось. Ситуация в корне изменилась.

Еще 21 июля 1655 г. (н. с.) началась польско-шведская война («потоп»), менее всего ожидаемая русским царем и вожделенная Б. Хмельницким. А 17 августа н. с. принимается декларация ВКЛ, которую подписывают десятки ведущих политических и военных деятелей. Согласно этой деклара-

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 39. С. 847–850.
[2] Там же. № 34. С. 765–766.
[3] Там же. № 35. С. 769–771.
[4] Там же. С. 771–772.
[5] Там же. № 34. С. 767–768, 773–776.
[6] Там же. № 35. С. 789–790.

ции, ВКЛ признавало шведский протекторат, а Карл Густав объявлялся Великим князем Литовским. А это уже было очень неприятной новостью для царя, своевременно не позаботившегося о соответствующем титуле.

Интересно, что современный исследователь Андрей Котлярчук полагает: только союз со шведами предотвратил инкорпорацию ВКЛ с Московским государством [1]. 20 октября н. с. была подписана Кейданская уния, точнее два документа: Акт государственного союза со Швецией и декларация к европейским государствам, объяснявшая позицию Литвы.

Одно из положений Кейданского мира предусматривало обязательство шведов вести войну с Московским государством с целью возвращения утраченных территорий Великого княжества Литовского [2]. Разумеется, Кейданский договор отражал интересы не всех слоев шляхты ВКЛ, а прежде всего – протестантской. Католики рассматривали этот союз со шведами как временную необходимость. Среди православных, подписавших унию, был и К. Поклонский [3].

Следует согласиться со Львом Заборовским, что после Кейданской унии русские власти поняли: отказ вести диалог с лидерами ВКЛ был ошибкой. Воевода Василий Лихарев немедленно посылается в литовскую армию с предложениями к ее лидерам [4], а царь, о чем мы говорили, начинает спешно менять свой титул. А. Котлярчук справедливо отмечает, что, признавая право царя на Белую Русь, дворянство ВКЛ категорически отказывало ему в титуле Великого князя Литовского [5], т. к. для этого требовалась определенная «демократическая» процедура избрания.

Практически сразу после начала «потопа» к И. Золотаренко обращаются литовские магнаты с просьбой быть посредником на переговорах с русскими воеводами («Прошу в. м.: будь и сам заступник перед воеводами ево ц. в., чтоб лутчи помиритца»). В частности, к нему пишет епископ виленский Юрий Тышкевич. Среди любопытных деталей

---

[1] *Kotljarczuk A.* In the Shadows of Poland and Russia. P. 139.

[2] Приходится только удивляться, что О. Терлецкий вообще не придавал никакого значения Кейданскому миру и позиции литовской шляхты.

[3] *Kotljarczuk A.* In the Shadows of Poland and Russia. P. 107, 110.

[4] *Заборовский Л. В.* Русско-литовские переговоры во вт. пол. 1655 г. // Славяне в эпоху феодализма: сб. к 100-летию акад. В. И. Пичеты. М., 1978. С. 209–210.

[5] *Kotljarczuk A.* In the Shadows of Poland and Russia. P. 188.

этого письма – обращение «гетман сиверский войска запорожского», а также заявление: «Дивно нам непомалу, что т. м., будучи с нами одной крови, а кровь нашу проливаешь» [1].

На фоне новых реалий в конце октября из-под Старого Быхова разбегаются русские войска. Как доносил А. Н. Трубецкой, сначала ушли донские казаки, сославшись на тяжелые лишения, а затем и солдаты из полка Даниила Краферта [2]. Трубецкой в конце октября 1655 г. отступает в Могилев и дает указ И. Золотаренко уйти в Новый Быхов [3]. Приказ, как мы увидим, выполнен не был.

Осенью 1655 г. начинается серьезное обострение в борьбе за власть в Могилевском уезде. В сентябре могилевский воевода В. Унковский получил царский приказ описать маетности Чаусы и другие города, пожалованные в свое время К. Поклонскому и прочим «изменникам», и отписать их «на тебя, государя». Но чауский полковник М. Старинский «отписать не дал, а сказал: без гетманского де я ведома Ивана Золотаренка отписывать того места Чеус, и сел, и деревень, и всяких угодей дать не смею». Аналогичная ситуация наблюдалась в местечке Черепове, где был «свой полковник Григорей Данилов» [4]. Т. е. мы видим, что к середине 1655 г. в этом регионе И. Золотаренко имел уже собственную административную систему.

Помимо М. Старинского и Г. Данилова, мы встречаем некоего «Косинского, полковника войска ц. в. черкаского, под Быховом стоячего» (по реестру он проходит наказным нежинским полковником). Он, в свою очередь, назначил в Могилев атаманом Иосифа Бушака «и началство не весть кое им дал». Воевода, разумеется, просил царя дать указ, «чтоб казаки в городе Могилеве не строилися и атамана никакова не имели, понеже есть воевода, есть кому без атаманов всякие обиды судить». И Алексей Михайлович дал однозначную резолюцию: «Атаману в городе не быть и отослать его в полк» [5]. 22 ноября с. с. царь также дает указ могилевскому

---

[1] *Заборовский Л. В.* Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655–1656 гг.) // Документы, исследования. М., 1994. № 3. С. 11–12.

[2] Акты Моск. гос. Т. II. № 732. С. 446–447.

[3] Там же. № 736. С. 449.

[4] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 36. С. 801–802.

[5] Там же. № 37. С. 807–809.

воеводе: «которые Золотаренкова полку черкасы в Могилевском уезде в селех и в деревнях на приставстве, и тех всех велеть из Могилевского уезду выслать в Быховский уезд» [1]. Для того, чтобы ускорить высылку черкас, царь в конце декабря приказывает, чтобы в случае жалоб на грабежи «черкас», «которые учнут приезжать из Быхова Нового, и тех высылать из Быхова, и большие их вины отписывать в Новой Быхов к полковнику; а которые живут в Могилеве, и тем за воровство их учинить, смотря по вине и по службе» [2]. Т. е. казаков, отказывающихся уезжать из Могилева, лишали подсудности полковнику и отдавали на расправу воеводе. Это уже был настоящий произвол и шантаж.

Тогда же, в конце декабря с. с., Иван Репнин посылал в Малые и Большие Горы «высылать черкас» в Новый Быхов. Казаки выезжали из городов, но оставались «в уездах». «И собрався сотник черкаский, прозвищем Козловский, с мужиками с ворами, которые были с черкасы, по селам и по деревням ездят, и крестьян бьют и грабят» [3]. Т. е. на самом деле местные крестьяне присоединялись к казакам.

Казаки, кровью защитившие Могилевский уезд, уходить оттуда не собирались. И, судя по жалобам мещан во главе с войтом, не только занимали оставленные поляками дворы, но и норовили вмешаться в управление городом. Царь «казакам в городе Могилеве жити не велел» и, кроме того, «после ляхов и жидов земель казаком давать не велел» [4]. Впрочем, окончательный вывод о реальной ситуации в Могилеве по жалобам «войта и мещан» мы делать не можем, т. к. там вскрылся внутренний конфликт мещанства.

На самом деле все в Могилеве было непросто. В августе могилевский войт в смятении сообщал, что горожане скинули прежнего войта и избрали новый состав ратуши [5]. Указ царя повелевал оставить прежних, но уже через пять дней, получив обращение новоизбранных войта и ратуши, царь

---

[1] Акты Моск. гос. Т. II. № 744. С. 455.

[2] Там же. № 765. С. 466.

[3] Там же. № 768. С. 468.

[4] «казаки мещаном города Могилева, в место приезжаючи, великия обиды чинят, старших и менших словами непристойными безчестят, на дворы находят, окна высекают и бьют, торговлю чинячим в доходах кабацких помешку чинят... себе належачие дворы и места занимают, а из чюжих уступати не хотят и не уступают». Акты ЮЗР. Т. XIV. № 37. С. 805–806.

[5] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 38. С. 827–829.

приказал назначить новых [1]. В середине октября Алексей Михайлович лично прибыл в Могилев [2]. Примерно в это же время бывший войт Могилева Н. Кгелда просил, чтобы его во всех делах подчинили воеводе вместо ратуши, и получил соответствующую резолюцию царя [3]. Отношения нового могилевского воеводы с мещанами были не лучшими. Новоназначенный царем И. Репнин сообщал в начале ноября, что «посылали в ратушу к войту о целовалниках», чтобы тех дал, а тот отказывает и не дает. Царская резолюция от 14/24 ноября – «велеть столника и воеводу князя Ивана Репнина с товарыщи во всем слушать» – вряд ли могла изменить ситуацию [4].

Между тем, И. Золотаренко вступает в активные контакты со шведами, что было совершенно естественно, учитывая украино-шведские переговоры Б. Хмельницкого, которые тот вел с Карлом Густавом. Именно к нему обращается и шведский король (14 ноября 1655 н. с.): «благодарному нам, искренно возлюбленному господину Золотаренку, старшине воинства козацкого в пределах литовских» [5].

Золотаренко посылает к Карлу Густаву сотника Ивана Петровича, и 15/25 сентября он дает ему проезжий лист, «кому о том ведати належит, всему войску верность как в козатстве, так и в московском войску е. ц. в.», сообщая, что посылает Ивана Петровича, «товарыща нашего, в нужных делах наших на места розныя» [6]. Данило Грек, известный дипломат на службе у Б. Хмельницкого, который вел его переговоры со Швецией, писал 17 декабря 1655 г. к И. Золотаренко, выражая надежду, что тот еще послужит шведскому королю: «И пил король свейской за здоровье е. м. п. гетмана и за ваше здоровье и всего войска запорожского... Похваляю вашей милости пана сотника, посла вашего, что есть человек мудрой и честной, сердца доброго, имел посолство у короля е. м. свейского, добре его принял и добре отпустил» [7].

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 38. С. 829–833.

[2] Там же. № 39. С. 845–846.

[3] «меня во всяких своих государевых делех и в истцовых искех ведать своему государеву воеводе, а в ратуше меня, холопа своего, в истцовых искех и ни в каких делех, по моему шляхетству, и для того, что я, холоп твой, был у них войтом, ведать не вели». Акты ЮЗР. Т. XIV. № 39. С. 863–866.

[4] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 39. С. 873–874.

[5] Там же. № 41. С. 895–896.

[6] Там же. С. 889.

[7] Там же. С. 894.

Послание Д. Грека до адресата не дошло. Во время мелких боевых столкновений под Старым Быховом Золотаренко тяжело ранили: «пострелено в ногу з мушкета, от которой ноги и помер под Быховом». Автор Летописи Самовидца не называет дату, но сообщает, что тело оставалось весь Филиппов пост в церкви в Нежине, а на последней неделе было отправлено в Корсунь [1]. Филиппов пост начинается с 14 ноября с. с. Русские источники сообщали: «наказного гетмана Ивана Золотаренка не стало октября в 7 день» [2]. Это известие привез в Москву «октября 11 в четверг послан стацкой конюх Ивашко Еремеев» (в обоих случаях – старый стиль). К сожалению, мы не знаем, кто послал данное известие, откуда, равно как и то, долго ли Золотаренко болел от полученной раны.

Смена власти над казаками, располагавшимися в Белоруссии, не прошла гладко. Об этом мы еще будем подробнее говорить ниже. Смерть Золотаренко совпала и с началом нового этапа соперничества за Белоруссию между царской и гетманской администрациями. Этапа, в котором геополитика играла еще более важную роль, чем раньше.

---

[1] «тіло зоставало през увесь пост Филипов в Нежіне в церкві, и на остатном тижню попроважено оное до Корсуня». Літопис Самовидця. К.: Наук. думка, 1971. С. 71.

[2] РГАДА. Ф. 27: Приказ тайных дел. Оп. 1. № 95. Л. 8 об. М. С. Грушевский писал, что дата смерти И. Золотаренко неизвестна (Історія України-Руси. Т. IX. Ч. 2. С. 1156). В. Горобец приводил дату 7 октября без всяких ссылок. Видимо, он пользовался публикацией Маслова, который впервые указал эту дату, ссылаясь на Приказ тайных дел (*Маслов А. Н.* Россия и Белоруссия. С. 98–99). Но Маслов не привел цитаты из документа. Соответственно, было невозможно оценить достоверность источника.

Часть 2
1657–1658 гг.

Личности казацких лидеров имеют большое значение для понимания многих событий. И. Золотаренко – шурин Б. Хмельницкого, родной брат его третьей жены, «гетман сиверский» – играл очень важную роль в Украинском гетманстве. Историки даже имеют основания рассуждать о том, насколько безоговорочно Золотаренко подчинялся самому Хмельницкому.

Наследником его дела в Белоруссии становится Иван Нечай, брат погибшего в 1651 г. знаменитого и пользовавшегося огромной популярностью среди казаков брацлавского полковника Данила Нечая. Иван был, видимо, значительно младше. С его собственных слов в пересказе русских воевод мы знаем, что в августе 1654 г. он «пришол из Крыму... а сказывал, был де он в Крыму 4 года, а отдал де было его в Крым для наученья крымского языка и переводу бряславской полковник Нечай; и сведали де то татаровя, что Нечая полковника убили и его бусурманили, и хотели его у себя в Крыму задержать вечно, и ныне де он из Крыму ушол» [1].

Ярослав Дашкевич почему-то считал, что Нечай женился

[1] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 1. С. 39.

на дочери Б. Хмельницкого Степаниде в 1650 году [1]. У Дашкевича ссылок на источники нет, равно как и у В. Горобца, который повторяет за ним эту дату. Иван Крипякевич, авторитетный исследователь семьи Хмельницких, дату свадьбы вообще не называл [2]. Представляется маловероятным, чтобы Б. Хмельницкий отослал в Крым своего зятя сразу после женитьбы. Скорее всего, этот брак стал жестом Хмельницкого по отношению к памяти покойного Данила и стремлением заручиться поддержкой правобережной старшины (к тому же – шляхетной), далеко не все из которой были за союз с Москвой [3]. И, таким образом, свадьба состоялась где-то в промежутке осени 1654 г. – осени 1655 г. Благодаря этому браку Иван Нечай становится зятем Хмельницкому и свояком Данилу Выговскому (родному брату генерального писаря), женатому на Елене Хмельницкой, другой дочери Богдана. Это вводит Ивана Нечая в первый, самый привилегированный круг казацкой элиты.

Впервые в Белоруссии Нечай появляется в мае 1655 г., когда И. Золотаренко посылает к царю языков «с Тимофеем Аникеенко, с Филиппом, сотником глуховским, и *Иваном Нечаем, сотником*» [4].

Именно И. Нечая Хмельницкий назначает преемником Золотаренко своим универсалом от 29 января с. с. В нем сказано, что гетман «зсилает» И. Нечая «на полковництво в Бѣлую Русь до Могилева, Чаусов, Ново-Бихова и Гомля и инших мест, и мястечек, и сел, там се знаидуючих». Нечаю, которого сам Хмельницкий называет в универсале «полковником нашим белорусским», давались широкие полномочия, в частности «кождого з козаков, там зостаючих, добром миловати, а злом карати» [5].

---

[1] *Дашкевич Я.* Клан Хмельницького – легенда чи дійсність? // Постаті. Нариси про діячів історії, політики, культури. Львів, 2006. С. 98.

[2] *Крип'якевич І.* Богдан Хмельницький. Львів: Світ, 1990. С. 58.

[3] Тогда все складывается: И. Нечай получает хорошее образование (в КМА или в другом месте), в 1649 г. он в полку у брата (Реєстр Війська Запорозького 1649 року. К., 1995. С. 235), в 1650 г. тот отсылает его в Крым «для наученья крымского языка и переводу», в августе 1654 г. он возвращается и весной 1655 г. направляется в Белую Русь, а в январе 1656 г. становится полковником белорусским.

[4] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 28. С. 679–680. Утверждение В. Горобца, что И. Нечай отправился в Белую Русь в конце 1654 г. – в начале 1655 г., документальных подтверждений не имеет, и в реестре И. Золотаренко 1654 г. он не числится.

[5] Док. БХ. № II. С. 28–29; Док. БХ. № 352. С. 470–471; Універсали БХ. № 112. С. 179.

В. Горобец считает, что назначение Нечая именно полковником, а не наказным гетманом говорит про «административный характер его полномочий» [1]. Мы полагаем, что такое назначение свидетельствует о намерении Хмельницкого включить «белорусский полк» в административную систему Украинского гетманства, причем без всякого автономного статуса (о чем ошибочно пишет О. Терлецкий).

Попытаемся восстановить ход событий после окончания активной фазы русско-польской войны. Осенью 1655 г. И. Золотаренко назначает в Чаусы полковником М. Старинского и посылает атаманом в Могилев Косинского. При этом еще в сентябре царь приказывает казакам в Могилеве не жить, а в ноябре посылает туда нового воеводу И. Репнина. Именно этот человек вступит в яростное противостояние с казаками.

Видимо, примерно в ноябре-декабре, после смерти И. Золотаренко, Алексей Михайлович повторил указ «из Могилевского уезду... черкас свесть» [2]. Тогда же он велел «наказному полковнику В. Золотаренко оставить в Новом Быхове для бережения города и уезду и кого пригоже». В. Золотаренко назначил старшим в Новом Быхове Ивана Дорошенко. Но, как говорилось в царском документе, Дорошенко «неизвестно по какой причине» («неведомо для каких мер»), не имея никаких вестей от неприятеля и не дав знать могилевскому воеводе, покинул Новый Быхов и стал в Чаусах. Русские расценили это как измену. К тому же теперь они считали, что «Чаусы Могилевского ж уезду» и записаны к царским дворцовым селам [3], хотя еще осенью спокойно оставляли их под властью И. Золотаренко.

Позже, во время следствия, И. Дорошенко спрашивали: «для чего з Быхова Нового со всеми людьми пошол, никого не оставив там, и запасу всякого имел немало – покинул: войско ли взбунтовалось или сам не похотел там быти?». Дорошенко объяснял, что был приказ «от пана Василья Золотаренка, на той час полковника нежинского, который, *будучи полковником на месте по смерти покойного брата своего*, присы-

---

[1] «адміністративний характер його повноважень». *Горобець В.* «Волимо царя східного...». С. 100.

[2] РГАДА. Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. № 1467. Л. 27.

[3] Там же. Л. 27–29.

лал Михайла Бердичовского, сотника с Нежина, для того, чтоб вышел и выступил из Нового Быхова». М. Бердичовский все подтвердил, присутствовавшие при приказе Петр Забела, Григорий Кобылецкий и Пашко тоже подтвердили «слово в слово» [1].

Отступление Дорошенко и уход В. Золотаренко из Белоруссии [2] несколько подробнее объясняет Летопись Самовидца. В ней написано, что после смерти И. Золотаренко, «как тело отправлено в Нежин, в скором времени взбунтовалось казачество, чернь восстала было на своих старшин, хотя старшину побить; но старшина, соединившись, многих из черни порубила, т. к. чернь, напав на купеческие возы с горилкой, их захватив, напились, и, напав на них, старшина их порубила, а вожаков повесила. И так уже, не имея возможности из-за непослушания больше осаждать Быхов и не имея возможности его взять, отступили назад в Украину, оставив там полковника Нечая с войском, которое там и около тамошнего повета Могилевского, и около других городов, аж по самый Гомель, стояли, т. к. только один Быхов ляхам поклонился» [3]. Не следует преувеличивать значение этих волнений [4], которые можно расценивать как обычный бунт «черни» после смерти сильного лидера и стремление определенной части пограбить возы.

Интересно, что почти месяц спустя после назначения И. Нечая русские не знают о его полномочиях и по-прежнему в январе 1656 г. обращаются с жалобами к В. Золотаренко. С чем это связано? Они не признают назначения, которое не было «согласовано» с царем? Они не в курсе реалий? Или это уже демарш?

---

[1] Акты ЮЗР. Т. III. С. 351.

[2] В. Золотаренко никогда более не будет участвовать в белорусских событиях.

[3] «як тіло попроважено до Ніжина, в скорім часі забунтувалося козацтво – на своїх старших чернь повстала була, хотячи старшину побити; але старшина, скупившися, многих с черні выстинали: бо чернь, напавши на возы купецкіе з горілками, оных грабуючи, позапивалися, на которых напавши, старшина выстинала, а приводцов повішали. И так юже не могучи за непослушенством болше держати Быхов в облеженю и оній узяти не могучи, отступили назад на Україну, зоставивши там полковника Нечая з войском, котре там и коло тамошнего повіту Могилевского, і коло інных городов, аж по самій Гомель, стояли, бо тилко один Быхов ляхом голдовал». Літопис Самовидця. К.: Наук. думка, 1971. С. 71.

[4] Как это делает, например, А. Мальцев, расценивая их как «резкое обострение классовой борьбы». *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. С. 220.

Между тем, оставшиеся в Белоруссии казаки начинают серьезное противостояние русским воеводам. Репнин писал, что, войдя в Чаусы, Дорошенко со своими казаками докучал шляхте и всякого чину людям в Мстиславском повете [1]. Не ясно, когда в Чаусах появляется Нечай, но в той же жалобе воеводы уже говорится, что казаки из Кричева и Чаус «по присылке полковника Ивана Нечая» приезжают до Мстиславского, Борисовского, Оршанского и других поветов, грабят и побивают, и многие места от того разоренья запустели. Также грабят крестьян, «а иные мужики пристают для воровства к ним, и они их приимают» [2].

Разобраться, кто именно и по чьему указу действовал в каждом отдельном случае, практически невозможно. Например, в январе–феврале 1656 г. имели место нападения на Копыский уезд и даже осада Копыся «казаками из Чаус». Их спрашивали, «какие они люди» – «литовские или запорожские черкасы». Они «*сказались Лисовского полку*», подполковник Федор Константинов с товарищами, и дали бой царскому войску. А когда распрашивали взятых в плен, то выяснилось, как уверял могилевский воевода, что это были «запорожские черкасы, а не лисовчики». Воевода заявлял, что «Лисовский полк» присяг царю, в нем подполковника Константинова «не бывало, видно, что з черкаского войска *только назвали себя лисовчиком*». Что на самом деле имелось в виду (показаченные жители Чаус, «литовские казаки» или «лисовчики» в том смысле, который этот термин имел в Украине, т. е. грабители), не понятно [3].

Помимо отдельных грабежей, воеводы в основном жалуются на массовый уход крестьян в подконтрольные казакам районы. Сохранился царский указ В. Золотаренко и белевскому воеводе Никите Зыбину от января 1656 г. (без числа), написанный на основании поступивших в октябре жалоб. Дворянин Патрекей Степанович Исупов писал, что от него в Могилеве бежали его люди, в «черкаские городы в Стародуб, в Почеп, в Новгородок, и в Гомль, и в Кричев». Именно так. Т. е. еще в январе 1656 г. в Москве соглашались с тем, что Гомель и Кричев остаются под властью украинских казаков.

---

[1] РГАДА. Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. № 1467. Л. 30.
[2] Там же. Л. 31–32.
[3] Там же. Л. 31–37.

У мещанина Давыда Захарьевича Протасова, находившегося на службе у Василия Борисовича Шереметева, его крестьяне бежали к нежинскому полковнику Григорию Гуляницкому. Причем бежали уже не только из белорусских имений, но и, что особенно злило русских воевод, из соседнего Брянского уезда [1]. Случаи бегства «с Москвы из службы» к казакам отмечались еще летом 1655 г. Беглецы «хотят ехать к гетману к Богдану Хмельницкому, а со своей братьи пишут, что будто сулят им черкасы маетности» [2]. В сентябре 1657 г. посланник литовских гетманов Степан Медекша, направлявшийся в Москву и сидевший из-за мора в Путивле, писал, что «много шляхты и холопов московских пограничных, полюбив казацкие вольности, с ними соединяться... начало, не нравится это Москве» [3].

В феврале 1656 г. воеводы жаловались, что мужики из уездов Гир и Гирок, «которые пристали вновь к черкасам... им дворы руйнуют сами, их бьют и мучают и проходу от них не стало и даже на торг от них никто не смеет ехать» [4].

На все давался указ – найти и выдать. Но, как известно, выдавать в Войске Запорожском не было принято...

Встречались конфликты и другого рода. Располагавшиеся в Новгород-Северском «поместные казаки» (т. е. русские служилые люди), когда ехали со службы из-под Дубровны по домам, везли с собой «*полону купленого* шесть мужиков да четыре девки». На них напали украинские казаки, «били и ограбили» и отняли полон. Русские воеводы требовали от Б. Хмельницкого полон сыскать, наказать и вернуть [5]. Мы уже отмечали выше, что славная традиция увода православных жителей в полон, т. е. в крепостные в дальние русские имения, не вызывала восторгов ни у местных жителей, ни у казаков.

Но все эти жалобы и инциденты были мелочью по сравнению с донесением Афанасия Борисовича Репнина от 5/15 февраля 1656 г. о приезде от Б. Хмельницкого «черкашенина с письмом», «чтоб им черкас из Могилевского уезда

---

[1] Акты ЮЗР. Т. III. № 348. С. 510–516.
[2] *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. С. 199.
[3] *Medeksza S. K.* Księga pamiętnicza. Kraków, 1875. S. 42.
[4] РГАДА. Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. № 1467. Л. 41.
[5] Акты ЮЗР. Т. III. № 347. С. 510–513.

не высылать». Воевода переслал и копию с письма Б. Хмельницкого к полковникам и сотникам (видимо, с универсала), «чтоб они к ним ц. в. столнику и воеводам под суд не давались». В том же гетманском документе была и «роспись, в которых городех черкасом жить». В универсале к «полковнику могилевскому» Хмельницкий «приписал Могилев к полку Нежинскому, да к тому ж полку Нежинскому приписан город Чечерск, и Кричев, и Радомль, и Рясна, и Горы, и Чорки, и Чересов, и Ново Быхов» [1]. Оригинала такого универсала Хмельницкого о присоединении этих территорий к Нежинскому полку не сохранилось [2]. А т. к. в универсале И. Нечаю речь шла как раз о Могилеве и Новом Быхове, то, скорее всего, воевода что-то перепутал или не так понял.

Миссия Лариона Лопухина

Как мы говорили, в январе–феврале русские власти еще не осознают новой роли Нечая как наследника дела И. Золотаренко. Тем не менее, донесение Репнина так возбудило царское окружение, что уже через день (!), 7/17 февраля, к Хмельницкому направляется посольство в составе думного дьяка Лариона Лопухина и дьяка Тимофея Кузьмина [3]. Это было чрезвычайное посольство, в наказе которому первым же пунктом (вслед за традиционным «здоровьем» [4]) значился конфликт в Белоруссии. Вообще, поспешность в отправке посольств была совершенно не свойственна русской бюрократической машине. Кроме того, еще будут посылаться новые и новые грамоты царя, дополнявшие и уточнявшие наказ. Дело неслыханное или, скажем так, крайне редкое. Что же так взволновало Алексея Михайловича?

Мы видели, что еще в январе в Москве примирились с фактом контроля украинскими казаками определенных белорусских территорий. Но тут речь шла об изменении адми-

---

[1] РГАДА. Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. № 1467. Л. 23–24.

[2] В. Горобец делает очень странный комментарий: «Смолій і Степанков стверджують, що наприкінці січня Іванові Нечаю з Чигирина надіслали ще один гетьманський універсал, зміст якого, на жаль, не можемо відновити». *Горобець В.* «Волимо царя східного...». С. 101. На самом деле этот универсал известен с копии воеводы.

[3] РГАДА. Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. № 1467. Л. 15.

[4] Там же. Л. 23.

нистративных границ, систем подчинения. И это было уже не своеволие полковника, а гетманский указ – серьезный документ.

В наказе, данном Лопухину, царь объявлял: ему «в великое подивленье», что гетман «без указу ц. в.» приписал указанные территории к Нежинскому полку и приказал «полковника имяновать могилевским полковником». Далее шла аргументация: «Самому ему, гетману, ведомо, что Могилев здался на имя царского величества и от неприятеля в осаде... ратные люди ц. в. московские, а не черкаского войска. Да хотя бы промыслом своим доступили Могилева... и без указу было ц. в. и в то время Могилева приписывать к Нежинскому полку не довелось» [1]. «А в Могилеве ныне ц. в. воеводы и ратные люди... и повет Могилевский роздан для прокормленья... воеводам, и ратным людем, и шляхте могилевский...», присягнувшей царю. Поэтому-то «из Могилевского уезду ц. в. указал черкас свесть» [2]. И чуть далее: «А Чаусы Могилевского ж уезду» и записаны к царским дворцовым селам [3].

Весьма любопытно следующее заявление, написанное в наказе: когда управлял «краем наказной гетман Иван Золотаренко и при нем такого воровства не бывало... а если возникала какая свара, то он сразу делал следство и управу, а ц. в. служил верно» [4]. Это лукавство. От начала до конца. Мы видели, что казаки Золотаренко постоянно претендовали на определенные территории и не выполняли царских приказов по отводу из них.

Следом шел приказ Б. Хмельницкому «из Могилевского уезду черкас велеть вывесть всех», потому что «Чечерск, и Кричев, и Радомыль, и Рясну, и Горы, и Горки, и Чересов указал ц. в. ведать своим ц. в. боярам и воеводам к Смоленску и к Могилеву» [5].

Кроме того, Лопухин должен был добиваться:

1. «За такую явную измену, что покинул город без указа, пусть Дорошенко скарают на смерть. В Новом Быхове царь велит быть своим ратным людям. Ивану Нечаю пусть

---

[1] РГАДА. Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. № 1467. Л. 24–25.
[2] Там же. Л. 26–27.
[3] Там же. Л. 28.
[4] Там же. Л. 37.
[5] Там же. Л. 39.

прикаже выйти с казаками из Могилевского повета, Чаус и всех городов... безо всякого ослушаня» [1].

2. За то, что Нечай «посылал людей на царские города для воровства, пусть гетман поступит с ним согласно войсковому праву, что ему за такое воровство полагается».

3. «Федора Константинова тоже пусть прикажет приехать к себе и учинит над ним следствие, накажет скарать на смерть без всякого милосердия, чтобы другие не решались так воровати и смути чинити» [2].

Жалобы Репнина в изложении наказа Лопухину свидетельствуют о том, что либо сам воевода совершенно не разбирался в структуре и персоналиях казацкой администрации в Белоруссии, либо его донесения были серьезно перевраны или неверно истолкованы. Создание Могилевского полка не могло происходить одновременно с объединением его с Нежинским [3]. Репнин сообщал, что на те села, где они поставили офицеров, наезжают черкасы, села грабят и селян рубят, а как воеводы посылали к черкасам, чтобы они уходили, черкасы их не послушали, из Могилевского уезда не пошли, а воеводских посыльщиков бьют, грабят, вяжут и сажают в «клети». Воеводы посылали в Чаусы к полковнику Драню Корнею, но тот черкас «не унимает» [4].

Лопухин не проехал и полдороги, как к нему вдогонку была послана еще одна царская грамота с новыми обвинениями и претензиями. Репнин получил письмо от Нечая, «а в том листу написано, что полковничество могилевское гетман Богдан Хмельницкой дал ему, Ивану, и велел ему над Белою Русью пановать и уряжать. Да он же пишетца полковником белорусским, могилевским, гомельским, чаушским». Царь рассчитывал, что грамота застанет Лопухина у Хмельницкого: «и вы б гетману говорили о том ево, Иванове, воровстве накрепко». Самый страшный гнев царя вызвало неверно истолкованное воеводой слово «панование», то, что Нечай «хочет Могилева пановать» – «а панованье руским языком именуетца государ-

---

[1] У Грушевского неверно переведено: «сопротивления». *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. IX. Ч. 2. С. 1202.

[2] РГАДА. Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. № 1467. Л. 40.

[3] М. С. Грушевский не обратил внимания на это противоречие, хотя подробно цитировал (в переводе на украинский) материалы приезда Лопухина. Многие другие историки просто повторяли ошибочный факт приписки могилевских земель к Нежинскому полку.

[4] РГАДА. Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. № 1467. Л. 42.

ствованье, и то он пишет воровски [1]. А ему было таким имянованьем писатись не годилось, потому что на всей Великой, и Малой, и Белой Росии по милости божей царствуем и пишемся государствуем мы, великий государь». Мы уже отмечали, что «панование» было переведено как в польском – «царствование, правление». В то время как в украинском оригинале подразумевалось панствование, т. е. управление.

В грамоте также говорилось: «А в Могилеве оставлены наши ц. в. столник, и воеводы, и ратные люди, а ему, Ивану, до Могилева и дела нет». Т. е. жестко отметались притязания гетманской администрации на Могилев.

При этом в Москве предпочитали пока не обвинять Хмельницкого, а сваливать всю вину на Нечая: «А что он в писме своем на ссору пишет, что ему будто он, гетман, учинил его могилевским полковником и пановать ему велел над Белой Русью, и мы, в. г., таким ево ссорам не верим, а почитаем его, гетмана, себе верным слугою». Активно использовались напоминания о том, как долго гетман добивался принятия под «руку царя», что он принес присягу, а царь все это предпринял исключительно ради «единоверных христиан», «не ищущи от них корысти» [2].

Декларируя свое доверие Б. Хмельницкому, царь одновременно требовал, чтобы гетман «велел тому полковнику Ивану Нечаю за такое его многое воровство *учинить наказанье жестокое*, чтоб, на то смотря, иным не повадно было такое самовольство чинить».

Кроме того, царь хотел, чтобы Хмельницкий «велел... его, Ивана, и иных полковников, и черкас из Могилевского уезду, и из Чаус, и из иных мест выслать всех в черкаские городы вскоре, и впредь бы ему, Ивану, за его воровство полковником ни в которых городех быть не велел». Здесь речь шла уже не только о Могилеве, но и о Чаусах и всем

---

[1] М. С. Грушевский не пишет об очевидном факте неверного перевода писем Нечая.

[2] «он нашие государские милости для веры християнской много лет искал, и учинился под нашей ц. в. высокою рукой в подданстве, и веру нам в. г. дал волне. А мы в. г. приняли их под нашу ц. в. высокую руку от гонения неприятельского на веру християнскую, и оборону им на гонителей веры християнские учинили нашей ц. в. персоною многими ратими, а не ищущи от них корысти. И впредь нашу ц. в. милость и жалованье и от неприятелей оборону яко единоверным благочестивым християном усердно тщемся имети и ни на какие ссоры слухи нашими не внимаем». РГАДА. Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. № 1467. Л. 84–86.

Могилевском уезде, без уточнения границ «иных мест». Нечаю выдвигалось и такое неожиданное обвинение: «Да про него ж, Ивана, ведомо учинилось, что он католик ремское веры, и такому иноверцу в том уряде быть не годитца, потому что от него, опричь ссоры, добра никакова не будет» [1]. Разумеется, инсинуации относительно конфессиональной принадлежности Нечая были совершенно ложными.

Лопухин должен был «и говорити о том гетману накрепко, чтоб однолично гетман для высылки черкаской из Чаус послал при них вскоре», и с теми гетманскими людьми стольник должен был послать стрелецкого сотника Никиту Сивцова [2].

Сохранившиеся документы – как воеводские, так и казацких полковников – рисуют яркую картину жесткого противостояния, развернувшегося в феврале–марте 1656 г. Репнин писал, что «черкасы приезжают в Могилев, воевод не слушают, в приказную избу приходят с великим шумом, с угрозами могилевских мещан бунтуют и приводят их в сумненье» [3]. Эти скупые строки дают понять, что по крайней мере часть мещан была на стороне казаков.

Еще больше сторонников казаки Нечая (как ранее Золотаренко) находили среди местных крестьян. Именно поэтому царь хотел добиться от Хмельницкого «заказ учинить», «чтоб черкасы деревенских мужиков к себе для воровства не принимали», а чтобы и соблазна у крестьян не возникало – выслать всех казаков «из Могилева и из уезду».

Из Чаус и из других городов в Могилевском, Оршанском, Горском, Колишском, Дубровенском и Мстиславском уездах приезжали казаки, «чтоб набрать мужиков и мещан». Воеводы уверяли, что в некоторых случаях наборы сопровождались грабежами, а у других крестьян якобы забирали силой. Не очень, правда, понятно, какой прок в силой набранных в казаки. Вряд ли такие могли быть полезны на войне. При этом казацкие полковники в ряде случаев заявляли, что казаки ездят без их ведома [4]. Истина, видимо, была где-то посере-

---

[1] РГАДА. Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. № 1467. Л. 86–87.

[2] Там же. Л. 69.

[3] Там же. Л. 43.

[4] «приехали 1 февраля из Чаус и из Горок два сотника черкаских, чтоб набрать мужиков и мещан, а приехав, торг в городе снесли, селян мучили и грабили. Те, что позаписывались в черкасы, вновь ездят по селам и селян мучат, шаблями бьют. Селян, что не хотят идти в казаки, забирают с собой силой». РГАДА. Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. № 1467. Л. 67–68.

дине. Так, пойманные в Горках казаки на расспросе в Смоленске сказали, что приезжали из Чаус, торг они не разбивали (в чем их обвинял воевода), селян по селам не грабили, но подтвердили, что казаки «берут с собой силой тех селян, какие не хотят идти». Русские после расспроса велели их пытать, и они «с пытки сказали те ж речи» [1].

Это был первый, насколько нам известно, прецедент в отношениях Украинского гетманства с Москвой. Русский воевода подверг казаков пытке! В грамоте к Лопухину было предусмотрено, что Хмельницкий может вспомнить это происшествие и начнет говорить, что «у них такой безчестной казни по их обычаю не бывает». Лопухин должен был в ответ уверять, что из Горок в Смоленск послали «воровских пашенных деревенских мужиков, а не прямых запорожского войска черкас». Да и вообще, «что им в Смоленске учинено, того не ведомо» [2].

После этого опасного для русско-украинских отношений происшествия Репнин довольствовался тем, что настоятельно требовал у Нечая, чтобы тот «вывел залоги из Мстиславского, и Оршанского, и в Горском, и в Дубровинском, и в Колишском уездах». Некоторых выслали «на службу в Новой Быхов, а иные черкасы твоему государеву указу учинились непослушны и живут в тех уездах по-прежнему... а иные, собрався, приезжают вновь» [3].

Нечай видел ситуацию совершенно иначе. В его письме было сказано: «пишет мне воевода, чтобы я выслал казаков из сел к Новому Быхову. Но мы Новый Быхов сруйновали и спалили... мне деться некуда, пить, есть нечего. Если казаки по селам стоят и у мужиков поживу берут, так мне, кроме того, кормиться нечем. Мы ни государева жалованья, ни месячного корма не имеем. А государевы люди с городов и сел казаков побивают, и с того казацкого войска убито с тысячу человек. В Могилеве Репнин моего войска казаков с дворов повыгонял» [4]. Нечай не только оправдывался, но и нападал. Он написал пространное донесение к Б. Хмельницкому, в котором жаловался «о всех своих шкодах к великоможному их

---

[1] РГАДА. Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. № 1467. Л. 81.
[2] Там же. Л. 70.
[3] Там же. Л. 89.
[4] Там же. Л. 92.

гетману» и заявлял, «что де ево из Чаус, и из городов, и из сел, и из деревень высылают в Новый Быхов и из залог *и к нему де о том государевы грамоты не бывало и от гетмана Богдана Хмельницкого приказу нет же*». А, мол, если получит об этом «государеву грамоту» и указ «от пана гетмана», тогда они готовы идти, «куды государь им укажет и гетман Богдан Хмельницкий» [1]. Это весьма показательно: Нечай не считает воеводу вправе давать себе указания. Он подчиняется только царю и гетману. Вместе или поодиночке и с каким приоритетом – не уточняется.

Ряд историков придерживались мнения, что обострение русско-украинского противостояния в Белоруссии связано с личностью Нечая. Так, Грушевский считал, что Нечай не имел способностей и таланта своего предшественника [2]. Вацлав Липинский был убежден, что именно Нечай начал антирусскую политику в Белоруссии [3]. В. Горобец его не сравнивает, но отмечает, что Нечай «действовал быстро и решительно» [4].

Разумеется, Нечай был моложе и имел меньше опыта, к тому же нередко позволял себе запальчивые выражения в письмах к воеводам, которые часто не слишком корректно переводили дьяки [5]. Тем не менее, мы скорее склонны согласиться с А. Мальцевым, что с весны 1656 г. царское правительство меняет свою политику (и вовсе не из-за Нечая): «царское правительство считало, что уже достигло поставленных целей в войне с Речью Посполитой; Смоленщина и другие западнорусские земли были возвращены, большая часть Белоруссии освобождена русскими войсками, угроза со стороны Речи Посполитой Украине ликвидирована. Русское правительство активно готовилось к войне со Швецией, вступление которой в войну с Речью Посполитой резко нарушало планы русского царизма и существенно затрагива-

---

[1] РГАДА. Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. № 1467. Л. 93.

[2] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. IX. Ч. 2. С. 1158 (при этом в другом месте он критиковал Золотаренко за действия, разрушавшие государственность Гетманщины).

[3] *Lipiński W.* Z dziejów Ukrainy Księga pamiątkowa. Kijow, 1912. S. 318.

[4] *Горобець В.* «Волимо царя східного...». С. 101.

[5] Например, такое: «Добро де огонь в ту пору тушить, покаместа поломя не распалаетца, а как де огонь распалаетца и в ту де пору тушить тяжело. А тому де мы могилевскому воеводе учиним первую шутку». РГАДА. Ф. 214: Малороссийские дела. Оп. 3. № 1467. Л. 93.

ло интересы России. В этих условиях дальнейшее пребывание казацкого войска в Белоруссии для русского царизма было не вполне желательным и обременительным» [1]. Вместе с тем А. Мальцев верно подмечал, что «к весне 1656 г. национальный состав украинского казацкого войска в Белоруссии претерпел очень существенные изменения» за счет привлечения местных крестьян [2]. Видение Мальцевым причин изменения ситуации, совпавшей с приходом к власти Нечая, представляется нам глубже, чем у Грушевского, который говорил только о перемирии и желании царя получить все ВКЛ путем переговоров [3].

На фоне таких непростых противостояний Лопухин уже наконец добрался до Чигирина, когда к нему снова вдогонку (28 марта с. с.) писал думный дьяк Алмаз Иванов с наставлениями на случай, если Б. Хмельницкий будет говорить «задорные речи... что им... чинятся обиды и смертные убойства и из городов их высылают». В ответ следовало напоминать клятвы и обещания казаков [4].

26 марта с. с. Лопухин прибыл в Чигирин [5], и на следующий день у него состоялась встреча с гетманом [6]. Как и было велено по наказу, отдав соболей и спросив о здоровье, Лопухин заговорил о посланном Хмельницким к полковникам универсале, чтобы не выводить казаков из Могилевского уезда [7].

Мы не можем сказать, готовился ли гетман к приезду воеводы и ожидал ли услышать заявленное, но в ответ он выдвинул серьезные аргументы. Хмельницкий напомнил, что царь отправлял свои «грамоты к Поклонскому и к Ивану Золотаренку», по которым было «велено в Могилеве, и в Чаусах, и в иных городех *казаков прибирать*, хто похочет». На основании этих грамот «в Могилеве де, и в Чаусах, и в иных городех писались в казаки охочеи люди». Теперь они «живут в тех городех домами своими и вывести их... в черкаские городы неуметь». А вот казаков Нежинского полка, что

---

[1] *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. С. 223.
[2] Там же. С. 224.
[3] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. IX. Ч. 2. С. 1159.
[4] РГАДА. Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. № 1467. Л. 105.
[5] Там же. Л. 120.
[6] Там же. Л. 121.
[7] Там же. Л. 123.

«оставлены на залогах или которые безсемейные, тех он велит вывесть» [1].

Это был очень сильный аргумент. Но русская сторона руководствовалась своей логикой. Она заявила: «Поклонскому и Ивану Золотаренко по государеву указу велено прибирать казаков для того, что в то *время был неприятель*, а ныне... неприятеля нигде нет, и в Могилеве и в иных городах... велено быть воеводам, а с ними ратным людем, и тех городов уезды розданы для прокормленя ратным людем и шляхте (которые служат царю. – *Т. Т.*), и казаков ныне в Могилеве, и в Чаусах, и в иных городех быть не для чего» [2].

Т. е. Лопухин спокойно объясняет: пока шла война, казаки были нужны, полковникам давали грамоты и позволяли набирать казаков. А когда опасность миновала, города отдали в управление воеводам и раздали местной шляхте (ничем, кроме присяги, этого не заслужившей). Проливавшие кровь казаки должны были покинуть Могилевский уезд, уступив его новым хозяевам.

Хмельницкий не соглашался с такой логикой. Относительно окончания войны он заявил, что польский король «стоит с войском во Львове, а с ним у в. г. договора нет» («о войне ничего не докончано»). К тому же «наступает другой неприятель, шведский король» [3].

Хмельницкий слишком хорошо знал казацкий менталитет. Он прямо сказал: «И только ныне тех казаков разорить з домами, и то ведомо будет во всем Войске Запорожском, и он, гетман, от казаков опасаетца всякой шатости, *потому что у них люди вольные...*» Гетман настоятельно просил, чтобы царь «пожаловал тех казаков... ныне их выводить не велел» [4]. А потом, *«как служба минет»*, *«мошно розобрать»* [5]. Это «потом» звучало как «когда рак на горе свистнет».

Мы уже отмечали, когда говорили в прошлых главах о посольстве Лопухина, что в словах Хмельницкого порой звучала некоторая угроза. Так, он напоминал о желании шведского короля соединиться с ним. И в очередной раз подчерки-

---

[1] РГАДА. Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. № 1467. Л. 133.
[2] Там же. Л. 135–136.
[3] Там же. Л. 136.
[4] Там же. Л. 136.
[5] Там же. Л. 137.

вал, что если начать в войну выводить казаков, которые *«живут домами, то в войске поднялось бы великое недовольство, болшая смута, и можно ожидать великой беды»* [1].

Лопухин отвечал, что смуты в войске бояться не с чего («в казаках смуты никакие не чает»). Аргументация у него была странная: смуты, мол, не будет, потому что в Могилеве, Чаусах и других городах казацкого войска никогда не бывало («николи черкаского войска не бывало»). «Здобыл те города в. г. своей собой, поддавались царю» [2]. Хмельницкий даже спорить не стал и просто попросил Лопухина передать его предостережения царю [3].

Не стал Хмельницкий и лгать относительно природы полковничества Нечая. Он прямо заявил, что «Ивану Нечаю тех казаков велел ведать и писатца ему могилевским полковником велел он, гетман, для того, что над теми казаки полковника никого не было». Наказывать Нечая без следствия он тоже отказался – мол, учинит ему «по его вине» [4].

Обещание провести расследование было практически единственное, чего добился Лопухин от гетмана. Относительно вывода казаков из Могилевского уезда Хмельницкий заявил, что обсудит этот вопрос на раде, равно как и запрет Нечаю быть полковником, на чем настаивали русские («и о полковнике о Иване Нечае, что его и казаков из Могилева, из Чаус вывесть и впред ему полковником не быть, и о том он поговорит с судьями, и полковники, и с ясаулы, и что о том приговорят и о том ему Лариону... ведомо учинит») [5].

Следствие Антина Ждановича

Начинается эпопея с расследованием. Через день после аудиенции, 28 марта с. с., Лопухин послал к гетману подьячего Якова Портомоина с требованием отправить кого-нибудь из старшин в Чаусы «для сыска» в компании со стрелецким сотником Н. Сивцовым. Лопухина ждало разочарование: генеральный писарь И. Выговский объявил ему, что Б. Хмельницкий уехал

---

[1] Там же. Л. 133.
[2] Там же. Л. 138.
[3] Там же. Л. 139.
[4] Там же. Л. 133–134.
[5] Там же. Л. 135.

в Субботов вплоть до 1 апреля [1]. Скорее всего, гетман решил взять паузу.

По крайней мере 1/11 апреля Хмельницкий прислал за Лопухиным и объявил ему уже готовое решение. В Белоруссию был отправлен А. Жданович с приказами И. Дорошенко казнить, над Нечаем и Корнеем Дранем провести следствие. Хмельницкий предложил компромисс: «И из Могилева и из Чаус тех полковников Ивана Нечая и Корнея выслать в городские черкаские городы, а казаков, которые в Могилеве, и в Чаусах, и в иных городех на залогах, и холостых выслать всех к нему, гетману, в войско и оперед им в тех городех не быть, а которые казаки живут домами, и ныне их вывесть неуметь, потому что в войске будет смута болшая и опасаетца он от казаков всякого дурна» [2]. По сути дела, гетман предлагал оставить казаками местных показаченных, живших «домами». Лопухин настаивал, чтобы всех вывести. На это Хмельницкий опять потребовал: «донесите мои слова е. ц. в., но женатых козаков теперь вывести нельзя, потому что от козаков в войску опасаюсь всякого дурна».

К сожалению, никаких источников о раде на Росаве у нас нет, и мы не знаем, поднимался ли там вопрос о Белоруссии, как обещал Хмельницкий [3].

В течение апреля–мая 1656 г. в белорусских полках Нечая проходят обыски и следствия, произведенные по гетманскому указу А. Ждановичем при участии Н. Сивцова. Однако результаты расследования оказываются вовсе не такие, на которые рассчитывали в Москве.

Как уже упоминалось выше, И. Дорошенко без труда смог доказать, что его отступление от Нового Быхова было выполнено по приказу В. Золотаренко, заместившего погибшего брата. Вместо царского приказа «казнить» следствие приходит к заключению, что Дорошенко «невинен» [4] (как выразился А. Жданович, «карать де мне безвинного не за что, человек он правой») [5].

---

[1] РГАДА. Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. № 1467. Л. 152–153.

[2] Там же. Л. 157–158.

[3] Рассуждения М. С. Грушевского на эту тему, которые использует ряд историков, например В. Горобец, в данном случае являются лишь домыслами. *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. IX. Ч. 2. С. 1217–1218.

[4] Акты ЮЗР. Т. III. № 351. С. 519.

[5] Там же. № 352. С. 527.

Так же легко оправдался и сам Нечай. На вопрос, почему он изгонял русских солдат из Могилевского уезда и ставил там казацкие гарнизоны, полковник отвечал очень просто: «имеет де он универсал его милости пана гетмана на то, чтоб там залоги ево были, *где прежде Золотаренкова была*, и он велел тех салдат, которые были присланы из Могилева на залогу, свести, а поставил свою залогу черкас». Этот универсал Хмельницкого Нечай представил проверяющим [1]. Н. Сивцов добавлял в своем отчете, что «в том универсале пишет гетман, чтоб также ево, Нечаева, залога была, где наперед того Золотаренкова бывала» [2].

Собственно, то, что Хмельницкий просто назначил Нечая на место Золотаренко с теми же полномочиями и на той же территории, хотя и под другим титулом, мы видели и из сохранившегося универсала.

Нечая спрашивали и по гораздо более серьезному вопросу: «велел ли ему его милость пан гетман над Белою Росиею пановать и... полковником писаться белоруским, могилевским, гомельским?». Нечай отвечал: «Так писался, как в универсале и в листах своих его милость пан гетман ко мне, слуги своего, пишучи, имянует полковником белоруским и пишет». Это была правда, как мы видели выше. Но на всякий случай Жданович запретил Нечаю «имяноватися полковником белоруским» [3]. Про «панования» никто больше не вспоминал. Может быть, разобрались с переводом.

Наконец, приступили к проблемам, имевшим место в действительности, – взаимным грабежам и нападениям. Жданович спрашивал Нечая, по его ли приказу казаки, «ездя в Могилевский, в Кричевский, во Мстиславский, в Оршанский, в Борисовский и в иные уезды, християн, шляхту и посланцов, которые ездят к е. ц. в. из Вильни, на смерть побивают, и шарпают, и обдирают... и поветных мужиков к себе наговаривают, а иные для воровства и сами приставают...». Нечай, разумеется, отвечал, что «он того не ведает и не знает» [4]. Доказать обратное не удавалось. Жданович спрашивал сотников, есаулов и пр., есть ли у них приказ обижать

---

[1] Там же. С. 522.
[2] Там же. С. 529.
[3] Там же. С. 522.
[4] Там же. С. 523.

московских людей. «И они все отвечали, *что они того не чинят... и приказу мы о том от пана полковника своего не имеем, но грозный наказ им есть*, чтоб есми того не дерзали чинить» [1].

Чтобы успокоить русских, Жданович приговорил к смерти двух старшин Нежинского полка, участвовавших в грабежах. И их, уже с веревкой на шее, снова спрашивали, приказывал ли им грабить Нечай. Даже в свой смертный час те отвечали, что, «собрався из поветов розных полку Нежинского, Миргородского и Полтавского и учиня меж себя старших, сами то чинили» [2].

Расследование явно заходило совсем не в то направление, на которое рассчитывал Лопухин. Нападки Репнина на Нечая не подтверждались фактами. Так, он требовал повесить казаков, которые якобы грабили в Могилеве, а когда началось следствие, мещане и солдаты заявили, что уже помирились с казаками. «И он, князь Иван Борисович Репнин, с товарыщи говорил тем солдатом: для чево де вы, блядины дети, ныне на полковника бьете челом, коли уже помирилися?» [3]

Жданович собрал всех казаков полка Нечая и заявил: «всем козаком украинным и залогам из Могилева и из Могилевского повету, также и с иных поветов и с Чаус Золотаренкова полку и Черниговского выйти там, где хто перед тем жил, толко тем, которые домами своими пред тем жили, и ныне чтоб жили по указу его милости пана гетмана» [4]. Это полностью совпадало с компромиссом, который предложил Хмельницкий в разговоре с Лопухиным и на который стольник не соглашался.

Там же, на раде, в присутствии Н. Сивцова Жданович спрашивал казаков: католической или православной веры Нечай? «О чем все козаки сказали единако, что он православной веры християнской» [5]. Тогда Жданович объявил, что Нечай «во всех делах справедливость учинил и во всем себя против кождой статьи очистил, и наказания ему никакова не учинил, и велел ему быть по-прежнему в Чеусах» [6].

---

[1] Акты ЮЗР. Т. III. С. 522.
[2] Там же. С. 523.
[3] Там же. С. 524.
[4] Там же. С. 524, 531.
[5] Там же. С. 524, 531.
[6] Там же. С. 531.

Однако на этом неприятности русских воевод не закончились. Жданович приказал съехаться всем, у кого есть обиды. И сотники стали рассказывать про «свои всякия разорения, от кого им чинится» [1]. Был составлен «список убытков, сделанных разным людям московскими войсками», который включал «роспись, как много шкод и разоренья бедных крестьян, также и козаков полку Ивана Нечая, от ратных людей е. ц. в., от салдат». Среди пострадавших встречались сотники, казаки, крестьяне и мещане. Постоянно упоминался воевода Репнин [2].

В челобитной сотников белорусских полков говорилось следующее: «великие и нестерпимые обиды, разорение и немилостивое смертное убийство всякого времени отвсюду от розных ратных людей начальных терпим и неисповедимые мучительства и муки от всяких розного строю под властию обретающихся его милости князя Ивана Борисовича Репнина, стольника и воеводы могилевского, также и под начальством будучих стольника и воеводы мстиславского Григорья Яковлевича Дашкова и от иных воевод и начальных служилых людей» [3]. Таким образом, расследование из мероприятия, организованного с целью покарать Нечая, превратилось в обвинительный орган для выявления беззакония русских воевод.

Челобитная также позволяет уточнить состав Чауского полка: сотни Чаусовская, Могилевская, Горская, Заболоцкая, Бординская, Акулинская, Городенская, Святозерская, Улановская, Рагозинская, Белявицкая, Черековская, Вербеская, Пропойская, Чечерская, Меженская и Смолянская [4]. А. Мальцев говорит о Белорусском полке из 22 сотен, но, к сожалению, не приводит ссылок [5].

Разумеется, такое положение вещей очень тревожило могилевского воеводу, и он продолжал бомбить Москву жалобами на Нечая. Когда Лопухин уже уехал от гетмана и был в Лубнах (4/14 апреля), его догнало царское послание с очередными жалобами Репнина. «Посылали де они из Могилева

---

[1] Там же. С. 522.
[2] Там же. № 353. С. 532–540.
[3] Там же. С. 540.
[4] Там же. С. 540–541.
[5] *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. С. 99.

для обереганья города и уезду в села и деревни на залогу салдат, и полковник де Иван Нечай из Могилевского уезду из сел и из деревень тех салдат выбил, а поставил свою залогу черкас и Могилевского повету крестьяном слушать воивод ни в чом не велел» [1]. Скорее всего, инцидент имел место еще до отправки Ждановича (хотя потом в Москве это будут представлять иначе). Но царь опять требовал учинить Нечаю «наказанье жестокое» и объявлял, что Нечаю в том «уряде быть не годитца, потому что от него, оприч ссоры, добра никакова не будет» [2]. Т. е. снова выказывалось настоятельное желание сместить Нечая.

Лопухин к Хмельницкому не вернулся, но послал к нему Портомоина, который уже через четыре дня выражал гетману недовольство Нечаем [3]. В ответ тот повторил, что «Ивану де Нечаю могилевским полковником писатца велел он, гетман, а что он пишет себя паном над Белою Русиею и государеву казну у мещан отнял и их бил, про то де ему, гетману, не ведомо». Во всем, мол, разберется А. Жданович [4]. Портомоину не повезло – прямо перед ним, 3/13 апреля, в Чигирин приехал от Нечая писарь с жалобами на могилевских воевод, что они казаков бьют и разгоняют, а в могилевской темнице держат 100 казаков. В этом тоже должен был разобраться Жданович [5].

Попытки русских сместить Нечая и взаимная глухота

Так как следствие тянулось долго (Н. Сивцов прибыл в Чаусы 9/19 мая, а выехал 29 мая с. с.), в Москве нервничали. В наказе В. Кикину от 28 мая 1656 г. снова приказывалось говорить с Хмельницким и генеральным писарем И. Выговским «про воровство Ивана Нечая... что он *пишет себя непристойным обычаем белоруским полковником и паном*; что будто ему велено пановать; и козаки государевых людей во многих местех побивают до смерти и грабят; а он, Иван, не токмо что от такова

[1] РГАДА. Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. № 1467. Л. 163–164.
[2] Там же. Л. 165–166.
[3] Там же. Л. 166.
[4] Там же. Л. 166–167.
[5] Там же. Л. 167.

дурна унимать, но и пуще на всякое воровство их научает». Нечая обвиняли и в том, что он «записал вновь в козаки» мужиков. А что рассудил А. Жданович, царь не знает [1]. Относительно встречных претензий Нечая и его людей в наказе Кикину говорилось: «послан в Могилев, для сыску того дела, стольник Павел Леонтьев; а велено ему про могилевских воевод сыскать» [2].

Данные статьи наказа Кикиным, видимо, использованы не были, ведь он доехал к гетману только к концу августа [3], а к тому времени геополитическая обстановка изменилась коренным образом. На повестке дня стояли русско-литовские переговоры [4]. В этих условиях вопрос о том, чья – гетманская или воеводская – администрация возьмет верх в Белоруссии, отходил на второй план.

Нечай активно писал царю, изображая из себя паймальчика. Так, 24 июня с. с. он сообщал, что весь хлеб, несмотря на голодное время, берет только в двух войтовствах, «а уряд Могилевский совсем от меня цел» [5]. Он также уверял, что «коло Минска, Борисова и иных мест и уездов жадных залог казацких не маш», а все казацкие гарнизоны снял А. Жданович и «украинных людей с собою побрал, а тут толко тии, которие давно поженилися, в своих домах зостают». А грабят лишь люди «полку Лисовского, полку наюдзилова и иных шляхты, новоприбылых безчинных людей», которых «я их и в очы не знаю» [6]. В письме к царю от 27 июня с. с. Нечай снова уверял, что верно служил и служит, «около Минска, Борисова и иных мест и уездов жадных застав козацких нет... но и близ Чаус всех сведшы пан Антон жадной Украины людей с собою побрал... а зде толко те, которые давно поженились, в своих домех живут, а я сам в несколких конех живу на своем хлебе» [7].

---

[1] Синбирский сборник. № 16. С. 45.
[2] Там же.
[3] Акты ЮЗР. Т. XI. № 3. С. 809.
[4] В. Горобец считает, что ситуация смягчилась во второй половине лета 1656 г. из-за военных приготовлений польской стороны. Нам такое мнение представляется в корне ошибочным. Именно стремление царя получить все ВКЛ и РП делало споры с казаками за власть в Белой Руси вторичными.
[5] Док. БХ. С. 65.
[6] Там же. С. 66.
[7] РГАДА. Ф. 229: Малороссийский приказ. Оп. 1. № 20. Л. 93–95.

Это был ответ на майские жалобы борисовского воеводы Автонома Еропкина, что «собрався воровские крестьяне, а с ними Нечаева полку казаки, небольшие люди, села и деревни разоряют». Воевода писал, что «Нечаева полку сотником и козаком говорить о том я посылал, чтоб они в Борисовском уезде сел и деревень не разоряли... и они чинятся непослушны» [1]. Видимо, Нечай действительно в это время предпринял серьезные шаги для прекращения самоуправств, т. к. сохранился его универсал от 14/24 июня 1656 г., в котором он извещал, что посылает «товарища моего на име Андрея Петровича Качаноского для зревидованя своеволных людей и для залог по розных селах будучих, од которых бы убогим хрестьяном крывда была, абы справедливость з них учынили» [2].

В этих условиях в Москве предпочли заменить Репнина, вступившего в столь открытое противостояние с казаками. Новым могилевским воеводой был назначен Иван Хованский. Нечаю он поначалу понравился. 13/23 июня 1656 г. он пишет к нему, обращаясь «приятелю моему милому», и выражает надежду на скорое свидание [3]. А через некоторое время посылает к нему своего брата Юрия («видит Бог, что даст, освободяся, честности твоей в скором времени поклон свой отдати готов буду») [4].

Возможно, Нечай несколько идеализировал своих оппонентов. Находясь с ним в любезной переписке, Хованский 18/28 июня доносил царю, что И. Нечай «в листах своих пишетца белоруским полковником, и я, холоп твой, те иво листы послал к тебе» [5]. Это интересный момент. Грушевский считал, что Нечай действительно продолжал использовать титул «полковника белорусского» и не обратил внимания, что именно Хованский донес на него [6]. На самом деле Хованский переслал два письма. Одно из них написано рукой писаря (от 16 июня), а на втором – собственноручная подпись Нечая, но стоит «июнь» без даты [7]. На универсале от этого

---

[1] Акты Моск. гос. Т. II. № 822. С. 501.
[2] Універсали БХ. Додаток II. № 17. С. 271.
[3] Док. БХ. С. 60.
[4] Там же. С. 62–63.
[5] РГАДА. Ф. 229: Малороссийский приказ. Оп. 1. № 20. Л. 14.
[6] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 9. Ч. 2. С. 1257.
[7] РГАДА. Ф. 229: Малороссийский приказ. Оп. 1. № 20. Л. 15–17.

же периода имеется подпись «Иван Нечай, полковник Войска его царского величества запорожского» [1].

У Нечая было превосходное настроение, он заявлял (17/27 июня), что царь им, «верным слугам», «ласку показал, иж повсюду козаком волно жить без жаднои помешки и налоги» [2]. Откуда у него было такое убеждение, не совсем ясно. Как мы видели, Лопухин добивался от Б. Хмельницкого совершенно иного – вывести казаков даже из Чаус, но гетман на это не согласился. Царское окружение такое положение дел не устраивало.

14/24 июня 1656 г. в Чаусы приехал дьяк Григорий Богданов, присланный из-под Смоленска [3]. В Чаусах Нечая он не застал, тот был в Могилеве [4]. Зато появился Иван Скоробогатко от Хмельницкого и расспрашивал Богданова о целях визита. Богданов объяснил: во время приезда Л. Лопухина Нечаю выдвигались обвинения, что, «живучи в Чаусех, прибрал к себе многих гультяев и иных мещан, и пашенных мужиков поимал, и пописал в казаки, и во многих городах, и в селах, и в деревнях положил казацкие залоги без повеленя ц. в., в которых городех быть казацким залогом не пристойно». К тому же писался «полковником непристойно белорусским и гомелским и иных городов». Поэтому ему велели, чтобы из всех «мест и тех городов из уездов залог казаков свел и которые мужики тех городов и уездов пописались в казаки для воровства, а не для службы, роспустил по домом и велел им жить по-прежнему на пашнях своих, а украинных казаков весть на Украину и полковником белорусским писатца не велел же и по указу» [5]. А. Жданович, мол, за это многих казнил, но после его отъезда Нечай снова «прибрал к себе... многих гультяев и пописал в казаки и розсылает по городам, и по селам, и по деревням, и по залогам и велит шляхту и мужиков писать в казаки силно, а которые в казаках быть не похотят, и тех велит бить и грабить, да и полковником себя белорусским называет и в писмах пишет» [6].

---

[1] Універсали БХ. Додаток II. № 17. С. 271. И там же припись: «подписал руку по его веленью Николай Козловский, писар полковника Нечая».

[2] Док. БХ. С. 61.

[3] В. Горобец про это важнейшее посольство не пишет.

[4] РГАДА. Ф. 229: Малороссийский приказ. Оп. 1. № 19. Л. 182.

[5] Там же. Л. 184–185.

[6] Там же. Л. 185–186.

В Чаусах местное мещанство явно было за Нечая, т. к. Богданов жаловался Скоробогатко, что «Нечай держит при себе в Чаусех бунтовщиков, которые ему во всяком деле потакают и по нем покрывают: войта Оменку Шаровару да райца Матюшку Мацка». Скоробогатко не стал вдаваться в дискуссию и просто обещал гетману все рассказать [1].

В тот же день приехал сам Нечай. Богданов повторил ему те же обвинения, добавив, что он «поступает не по-христиански». У Богданова имелись жалобы минского воеводы Федора Арсеньева, что казаки Нечая «побивают шляхту... села и деревни жгут» [2]. У Арсеньева развернулась настоящая война с местными крестьянами. Как он сообщал в своей отписке, «Менского уезда шляхетские похолики (слуги. – *Т. Т.*) и пашенные мужики, бегая от них, собрався воровали» [3]. Под воровством имелось в виду, что «крестьяне шляхетцкие показачились...» [4]. Арсеньев поймал 56 человек, а «20 человек за их воровство велел повесить» [5]. Разумеется, показачиванию способствовало соседство отрядов Нечая. Но считать «показачивание» партизанским движением, как это делает Г. Саганович, на наш взгляд, необоснованно.

К тому же Богданов обвинял Нечая, что тот продолжал писаться «белорусским и иных городов полковником» [6].

Нечай был уверен в силе своей позиции и заявил, что не нужно его стращать, ибо у него имеется указ царя, «что ис Чаусе ехать не велено», а полковником белорусским он, мол, со времени отъезда Ждановича не писался [7]. Богданов настаивал, чтобы Нечай предъявил ему грамоту, разрешающую оставаться в Чаусах. Нечай объяснял, что «ц. в. о том грамоты к нему нет, толко о том от ц. в. наказано столником с Павлом Леонтьевым», который де сказал ему царский указ, «чтоб он, Нечай, своего полку всех казаков переписал, где толко в котором городе, и месте, и в селех, и в деревнях казаков и

---

[1] РГАДА. Ф. 229: Малороссийский приказ. Оп. 1. № 19. Л. 186–188.
[2] Там же. Л. 189–195.
[3] Гісторыя Белорусі. № 61. С. 524.
[4] Там же. № 62. С. 525.
[5] Там же. № 61. С. 524.
[6] РГАДА. Ф. 229: Малороссийский приказ. Оп. 1. № 19. Л. 189–195.
[7] Там же. Л. 198. «что де ты меня вдруг застращал и велиш мне от селево ехать вскоре, толко де ты ведаеш ли, какой мне указ от царского величества... что ис Чаусе ехать не велено, что де ты говориш, что я пишусь белорусским полковником и то де нигде по отъезду полковника Антона на писме не покажетца».

кому какая обида от воивод и ото всяких государевых ратных людей учинена, и ту роспись велел подать себе» [1]. Как мы помним из наказа Кикину, П. Леонтьев был послан к Нечаю для разбора его жалоб. К сожалению, документов этой поездки не сохранилось.

Богданов настаивал, что П. Леонтьев не мог согласиться на показачивание крестьян, «про то он, Григорий, ведает подлинно, потому что такова от ц. в. указу не бывало... потому что в тутошных городех казакам не быть, а быть во всех тех городех воиводам, а с ними его ц. в. ратным людем рейтаром и салдатом» [2]. К довершению ко всему Богданов предъявил Нечаю его письма, где он именовал себя белорусским полковником. Нечай пытался уверить, «что те все писма писали без иво ведома писари иво, а он про то бутто не ведает». Богданов не верил: «коли б он про то не ведал, у тех бы писем приписи и печати иво не было». Он занимал очень жесткую позицию и требовал, чтобы Нечай «болши того в Чеусе не жил и ис Чаус ехал и досталных казаков всех свез с собою, потому что будут в Чаусах вскоре государевы ратные люди», обещая «большие опалы» со стороны царя, что он «велит о том иво непослушане отписать к гетману и ему то даром ни пройдет» [3].

Тогда Нечай сказал Богданову, что «послал брата своего к ц. в. с королевскими грамотами, которые везли в Быхов, а он их перенял». И, может, гнева царского не будет и из Чаус он не выгонит, а если брат привезет указ уезжать – уедет тотчас. Пытаясь найти компромисс, Нечай просил Богданова отдать письма, в которых писался белорусским полковником, и не доносить об этом царю. «И Григорей ему отказал, что ему тех писем отдать не мочно и он бы ту свою вину покрывал своею службою» [4].

Богданов уехал очень злым. Нечай его опередил на один ход, отослав брата с доказательствами верной службы. Скорее всего, Богданов догадывался, что этот шаг должен был произвести благоприятное впечатление на царя, жаждавшего взятия Старого Быхова. Согласно его отчету, Богданов,

---

[1] Там же. Л. 199.
[2] Там же. Л. 204–205.
[3] Там же. Л. 205–206.
[4] Там же. Л. 207–208.

уезжая, расспрашивал одного из казацких сотников, кто его поставил – тот сказал, что Нечай велел ему «быть на залоге», а также «по иво, Ничаиву, универсалу в сотню к себе казаков прибирать» [1]. Т. е. Богданов пытался изобличить Нечая во лжи.

Нечай, в свою очередь, поспешил написать 1/11 июля 1656 г. «челобитье» царю, в котором сообщал, что постановил с Богдановым ожидать указа от царя. Но, как писал царю Нечай, «от меня отъехав, дьяк думной в Горах, насилством набежав на черкас, верных слуг... взял, и мучил было, и обиды немалые поделал: кони и стрелбу служивую всякую отобрал». А казаки эти, по словам полковника, верно служили царю под Старым Быховом и Вильно. Поэтому он просил: «утоли кровоточные слезы невинных людей» [2].

Как мы знаем из отписки Хованского, Нечай приехал с копиями перехваченных писем в Могилев 23 июня с. с. и примерно тогда же отправил с оригиналами своего брата к царю, который находился в Витебске. Оригинала письма Нечая не сохранилось. В русском переводе подпись Нечая звучит следующим образом: «твоего царского величества верный холоп со всем полком войска черкаского запорожского Иван Нечай полковник твоего царского величества войска запорожского рукою власною» [3]. Возникает вопрос: это неверный перевод (по обычному шаблону) или Нечай действительно пошел на такой шаг, желая вымолить у царя прощение? Ведь, как известно, первым гетманом, назвавшим себя «холопом», был Иван Брюховецкий. Неужели Нечай его опередил в своем усердии? Или все-таки это ошибка дьяка-переводчика? Ведь в письме, посланном царю «вдогонку», 27 июня с. с., которое сохранилось в оригинале, Нечай подписывается так: «наинижный слуга и подножок Иван Нечай, наказный полковник войска вашего ц. в.» [4]. Мы все-таки придерживаемся версии неверного перевода.

У царя брат Нечая был 28 июня с. с. [5]. Царь дал ответ на следующий день – 29 июня с. с. В нем говорилось: «наказно-

---

[1] РГАДА. Ф. 229: Малороссийский приказ. Оп. 1. № 19. Л. 210–211.
[2] Док. БХ. С. 67–68.
[3] РГАДА. Ф. 229: Малороссийский приказ. Оп. 1. № 20. Л. 26.
[4] Там же. Л. 36, 40. В переводе: «нижайший слуга и подножие Иван Нечай, наказной полковник войска вашего царского величества».
[5] Там же. Л. 1–2.

му полковнику Ивану Нечаю» – за «тое твою службу жалуем милостиво, похваляем и которые *твои были* (зачеркнуто. – *Т. Т.)* перед нами в. г. вины твои были, и те вины пожаловал велел тебе отдал» [1]. Нечаю повелевалось, чтобы он «ныне и впредь полковником белоруским и иных нашего ц. в. городов прозвища отнюдь не писался и казаков свое полки ис Малих Горок, и ис Болших, и ис Мстиславля, и из иных нашего ц. в. городов... свесть». Но при этом разрешалось оставаться в Чаусах («чтоб, будучи в Чаусех и в тех войтовствах, крестьяном никакова разореня, и шкод, и обид не чинили» и «карал горлом») [2]. Таким образом, Нечай выиграл сражение и получил-таки разрешение царя остаться. Заметим, что М. Грушевский ошибочно приписал успех переговорам Р. Ракушки, о чем будет сказано ниже, а В. Горобец повторил вывод мэтра [3]. От Грушевского пошло в историографии и ложное утверждение, что якобы в этой грамоте старым казакам из числа местного населения разрешалось оставаться в полку Нечая [4].

К тому же началось расследование грабежей Г. Богданова, которое было поручено стольнику П. Леонтьеву – на челобитье Нечая о грабежах Г. Богданова в Горках. Богданов, которого расспросили, разумеется, все отрицал («что, будучи он в Горках, казаков не везал (т. е. арестовывал. – *Т. Т.*) и не мучил») и уверял, что просто «казакам говорил, чтоб они из Горок вышли вон» [5]. На это Нечай представил список пограбленного [6].

Разумеется, все это вызвало крайнее ожесточение воевод, которые поспешили с новыми доносами на Нечая царю. И. Репнин доложил в середине июля царю о бегстве 35 солдат, «которые, поимав наше многое жалование и учиня болшое воровство, с наши службы збежали и записались... в казаки» к Нечаю [7].

Нечай действовал уже по обкатанной схеме: в ответ на доносы воевод предоставлял царю вещественные доказательства

---

[1] Там же. Л. 33.

[2] Там же. Л. 34–35.

[3] *Горобець В.* Іван Нечай та українсько-російські суперечки за Білорусь (1654–1659) // УІЖ. 1998. № 1. С. 33.

[4] Скорее всего, это была ошибка кого-то, кто по поручению М. С. Грушевского смотрел документы Малороссийского приказа.

[5] РГАДА. Ф. 229: Малороссийский приказ. Оп. 1. № 20. Л. 52–53.

[6] Там же. Л. 56.

[7] Там же. Л. 92.

своей верной службы. 3/13 августа он написал Алексею Михайловичу об установлении им на дорогах стражи и недопущения сношений Старого Быхова с польскими войсками, а также о задержании на реке Березине судов с припасами, шедших в город (в середине июля). Он также сообщал, что стоит «под Старым Быховом, по сей стороне Днепра, с товарищи, табором» [1]. С письмом Нечай отправил своего сотника Михаила Крюковского вместе с присоединившимся к нему «поляком шляхтичем Юрьем Тихановичем, да племянником ево Хриштофом». Все они прибыли к царю 11/21 августа [2]. 15/25 августа Алексей Михайлович отправил грамоту Нечаю, что его «жалует и милостиво похваляет» [3], а на следующий день отпустил сотника М. Крюковского [4].

Гораздо более серьезные последствия мог иметь донос на Нечая шкловского воеводы В. Яковлева, «что говорил непристойные речи Иванова полку Нечая сотники Иван Котел да Филипп». Скорее всего, Яковлев был в сговоре с Хованским, т. к. арестовал обоих сотников (!) и отослал их к тому «тайным обычаем ночью водою и сухим путем» [5].

Согласно доносу русского полковника С. Тихоновецкого «сотник Котел наодине говорил Самойлу, чтоб он к нам, в. г., ехать отнюдь не мыслил, что будто мы, в. г., поворотились в нашу отчину... а полской король с свейским королем помирилися, и казаки будто при короле остаютца, потому что будто послы цесаря римского и иных королей с казаками короля помирили, а которые всяких чинов люди на наше государское имя и тех будто всех стинать... будто войско казатцкое и иных королей и короля полского придет на нас, в. г.». К тому же сотник Филипп «сказал ему, Самойлу, за иво хлеб и сол», что от Б. Хмельницкого в русское войско послан «казак Бобровка... не для посолства», а чтобы разведать, сколько войска с царем и где стоит [6]. Это очень серьезное обвинение, особенно на фоне внешней политики Б. Хмельницкого, с трудом вписывавшейся в рамки Мартовских статей. Ско-

---

[1] Док. БХ. С. 69–70.
[2] РГАДА. Ф. 229: Малороссийский приказ. Оп. 1. № 20. Л. 90.
[3] Там же. Л. 89.
[4] Там же. Л. 91.
[5] Там же. Л. 67.
[6] Там же. Л. 71–73.

рее всего, в близком окружении Нечая шли разговоры о таких процессах.

В связи с этим особенно интересно решение царя. Он приказал Хованскому «призвать к себе Ивана Нечая» и заявить ему, что Б. Хмельницкий и Войско Запорожское служат верой и правдой. Обвиненного сотника И. Котла Нечаю (не Хованскому!) следовало отослать к гетману («чтоб он тем сотником учинил наказанье по своим правам, чтоб иным не повадно было воровать» [1]), а также сыскать сотника Филиппа [2]. Т. е. царь подчеркнуто передает сотников на суд казацкой администрации.

Ни Хмельницкий, ни Нечай ссориться с царем не собирались. В конце октября Б. Хмельницкий прислал письмо к царю (к сожалению, оно сохранилось только в русском переводе) [3], в котором заверял: «мы со всем войском твоего царского величества запорожским и со всем православным народом российским, веру учиня единожда, тебе, великому государю твоему царскому величеству, единому православному на земле государю, верне служити и никогда от тебя, великого государя и твоего царского величества, крепкие руку отступити не мыслим и не хочем». Гетман просил не верить ложным доносам, «понеже есть таких много, которые такими толко напрасными словами и вестками всеподданчими хотят тебе, великому государю... прислужитися» (очень тонкое наблюдение. – *Т. Т.*). И. Котла Хмельницкий велел «жестоко казнить», но тот сам «в дороге в Гомле... по исповеди и по причастии божественных таин умер» [4]. Словом, все отделались удивительно легко.

Между тем, летом–осенью 1656 г. Нечай, как и ранее И. Золотаренко, косвенно вовлекается в шведский «потоп». Речь шла о Слуцке, городе литовского магната Богуслава Радзивилла, активного сторонника шведов и одного из авторов Кейданской унии. 6/16 августа Хмельницкий писал коменданту Слуцка Яну Гроссу, что давал городу оборонные универсалы. «А что некий Мурашко, сотник, нападения и

---

[1] Там же. Л. 74.
[2] Там же. Л. 68.
[3] Данного документа нет в «Документах БХ».
[4] РГАДА. Ф. 229: Малороссийский приказ. Оп. 1. № 20. Л. 111–112; Док. БХ. № 408. С. 536–537.

разные наезды с ущербом для людей делает, так мы этому Мурашко никакого указа не давали и о том человеке, если он в самом деле сотник и что за человек и находится ли в войске, не знаем. Однако писали мы п. Нечаю, полковнику нашему, чтобы таких своевольников, которые противятся универсалам нашим, карал» [1]. В тот же день Хмельницкий посылает Нечаю универсал, запрещающий «под место Слуцк... подбегати и людей здирати» [2]. Когда Слуцку грозила опасность от войск Павла Яна Сапеги (сторонников польского короля Яна Казимира), Хмельницкий 17/27 ноября 1656 г. издал универсал, что «берет под гетманскую оборону маетность Б. Радзивилла Слуцк» [3]. Другие радзивилловские имения, на которые претендовал минский воевода, тоже были под контролем Нечая. Минский воевода Ф. Арсеньев сообщал в сентябре 1656 г.: «Многими селами и деревнями владеют козаки, и залоги поставили свои; а Войска Запорожского полковник Иван Нечай прислал из-под Быхова хорунжего козацкого Леска в Менской повет и велел тому хорунжему и козаком ездить по селам и деревням и заказывать, чтоб крестьяне хлеба в твою государеву казну в Менск не давали, а готовили б хлеб и сено про них, козаков. А им де козаком в Менском повете зимовать, а в местечке Игуменье Мурашко полковник и двор себе велел строить крестьяном» [4]. Казаки Мурашко приходили в августе и в Борисовский уезд, были в Горках, где к ним пристали местные крестьяне [5]. Борисовский воевода Иван Андреевич Ржевский писал Нечаю, что крестьяне «пристают к черкасом», и жаловался на Мурашко. Резолюции царя последовали только в сентябре–октябре и были крайне либеральны. В грамоте Нечаю (14/24 сентября 1656 г.) приказывалось Мурашко «учинить наказане по своим правом» [6]. А в грамоте И. А. Ржевскому (7/17 октября) велелось пойманных мужиков выдать на поруки (!) [7]. Отметим, что гра-

---

[1] Заметим, это первое упоминание об известном в будущем сотнике И. Нечая – Мурашко. Док. БХ. № 399. С. 527.
[2] Універсали БХ. № 136. С. 205.
[3] Там само. № 148. С. 215.
[4] Акты Моск. гос. Т. II. № 921. С. 548.
[5] РГАДА. Ф. 229: Малороссийский приказ. Оп. 1. № 20. Л. 100–101.
[6] Там же. Л. 102.
[7] Там же. Л. 103.

мота к Нечаю была послана «с нежинским полковником Романом Ракушкиным» [1]. Именно ему Грушевский приписал успех посольств Нечая [2].

Лояльность царя была, видимо, вызвана серьезным изменением геополитической ситуации. Русская армия прекращает активные боевые действия, и весной 1656 г. начинаются официальные русско-польские переговоры. На этом фоне Нежинский полк Г. Гуляницкого и Переяславский П. Тетери в середине июля 1656 г. «в поход на нашу государскую службу и пришли в Гомль». Но их догнала царская грамота, в которой он «милостиво похвалял» их за службу, но повелевал: «И вам бы по нашему ц. в. указу к нам в. г. в поход не ходити, а побыти в Гомле и в иных тутошних городех до нашего ц. в. указу» [3].

А осенью начались проблемы с неприятием Хмельницким Виленского перемирия. 9/19 декабря 1656 г. Хмельницкий получил официальное известие от царя о заключении перемирия с поляками и согласии Речи Посполитой избрать Алексея Михайловича королем (после смерти короля Яна Казимира) [4].

В конце декабря к гетману срочно отправляют полковника и стрелецкого голову Авраама Лопухина (наказ от 18/28 декабря). Речь шла в основном о принятии казаками Виленского перемирия. Но среди способов улучшить настроение казаков был и «белорусский вопрос». Так, Лопухину приказывалось: если Хмельницкий заговорит «о Нечае полковнике, и Авраму говорить: Нечаю полковнику царское величество *указал быть с полком в Чеусах*, и они государским

---

[1] Там же. Л. 102. Считается, что он был тогда сотником. Возможно, исполнял обязанности наказного полковника.

[2] При этом М. Грушевский ошибочно посчитал, что Р. Ракушка пробыл долго в царском стане («сидів у царськім таборі під Ригою, мабуть, довгенько»). У Грушевского неверно указаны номера листов (99 вместо 102) про Р. Ракушку. И на грамоте Нечаю стоит четкая припись: «думного дьяка Лариона Лопухина послана с нежинским полковником Романом Ракушкиным того ж числа», т. е. 14 сентября с. с. Записи про приезд и отпуск казаков И. Нечая на грамоте борисовскому воеводе, о чем писал Грушевский, вообще нет. Отправлялась она 7/17 октября (у Грушевского – 7 сентября), т. е. через три недели после отъезда Р. Ракушки.

[3] РГАДА. Ф. 229: Малороссийский приказ. Оп. 1. № 20. Л. 58–59, 63.

[4] О. Терлецкий почему-то считал, что Виленское перемирие завершило «діяльність козаків на Литві, розпочату в спілці з Москвою». А. Мальцев, наоборот, приводил очень любопытную трактовку событий: «Украина не примкнула к Виленскому перемирию и продолжала вести войну против шляхетской Польши». *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. С. 117.

жалованьем всем покойны; а естли что надобно им будет, и о том бы он, Нечай, бил челом великому государю» [1]. Мы видим кардинальное изменение царской политики. Еще несколько месяцев назад царь категорически настаивал на выведении казаков из Чаус. И тут вдруг такой поворот, несмотря на все усилия и жалобы воевод. Это можно объяснить только тем, что в Москве всерьез думали о польской короне – заодно и с титулом Великого князя Литовского.

Осада и взятие Быхова

Вероятно, одна из причин того, что царь извинял все действия Нечая, заключалась в успешных усилиях полковника по осаде Старого Быхова. Этот город, который казакам удалось захватить еще в 1648 г., теперь стал неприступной крепостью. Именно под его стенами погиб И. Золотаренко. Мы уже ранее отмечали, что Старый Быхов был ключевым стратегическим пунктом на Днепре.

Попытки склонить Быхов к царю, видимо, предпринимались постоянно. 10/20 марта 1656 г. «шляхта и военные люди города Старого Быхова» направили царю грамоту, объясняющую, почему они не принимают его подданства. Они писали, что, если Речь Посполитая откажется от них, они согласны присягнуть, а так не хотят быть изменниками тому, кому крест целовали [2].

Возобновление осады Быхова осуществлялось силами Чауского полка Нечая и могилевского воеводы И. Хованского. Поляки пытались поддержать город, о чем свидетельствуют перехваченные письма Яна Казимира и виленского воеводы П. Сапеги и пересланные И. Нечаем царю в июне–сентябре 1656 года [3].

В середине июля Нечаю удалось перехватить шедшие на подмогу отряды у реки Березины, а из Быхова к нему перебежало 26 человек. 3/13 августа Нечай сообщал царю об установлении им на дорогах стражи и недопущения сношений Старого Быхова с польскими войсками, а также о задержании на реке Березине судов с припасами, шедших в город.

---

[1] Акты ЮЗР. Т. VIII. С. 388.
[2] Док. БХ. № V. С. 37–38.
[3] Док. БХ. № VIII. С. 54–59.

Сам он стоял «под Старым Быховом, по сей стороне Днепра, с товарищи, табором» [1].

Осада продлилась шесть недель и завершилась «за обчим советом» штурмом города. Казаки, наступавшие с одной стороны города, «впали есмя на валы Быховские, там же валы овладели есмя были и знамени два Быховские на валу взяли». А вот Хованский, по словам Нечая, вопреки договоренности «не только приступать, но и окрику с своей стороны учинити не хотел, и затем вся сила быховская, на полк в. ц. в. Чаусовский обратившися, от валов Быховских отбили, несколько сот товарищей полку моего побито от них, других раненных, а иных живьем побрано» [2]. Пойманный быховец Иван Махов на расспросе сказал, что «и к городу учал было приступать с полком своим Иван Нечай, и то оплошно» [3]. Это косвенно подтверждает, что Хованский по каким-то причинам в приступе участия не принял. По словам И. Махова, после неудачного штурма Нечай «отошол прочь». Хованский после этого простоял еще под Быховом 11 недель (это в зимние месяцы!), приступов не предпринимал, но «присылал к быховцам о сдаче говорить многижда, и они им в том отказывали» [4].

Сам Нечай 2/12 января 1657 г. объяснил свое отступление тем, что «запасов не стало мне и всему полку» [5]. Он жаловался Хмельницкому, что, когда люди Хованского отступали от Быхова, «они де продавали запасы свои быховцам» [6]. Об этом Нечай писал и царю. Кроме того, он сообщал, что из-за «нераденья» Хованского «купцы из Могилева запасы в Быхов возили». Нечай же, «по наказу его милости пана гетмана Войск Запорожских», ставил сильные залоги, чтобы не позволить «в Быхов никаких запасов возить» [7]. И. Махов тоже говорил, что после отхода Хованского «учали в Быхов запасы привозить из Могилева», но

---

[1] «по всех ныне уездах розставил прилежно есми дорогах около Старого Быхова весь полк, поданый мне от в. ц. в., людей воинских розставил есмь прилежно стеречь». Док. БХ. С. 69–70.

[2] Акты ЮЗР. Т. III. № 370. С. 589–590.

[3] Там же. С. 591.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 589–590.

[6] Акты ЮЗР. Т. VIII. № 46. С. 394.

[7] Акты ЮЗР. Т. III. № 370. С. 590.

он также упоминал Переясловль и Нежин [1]. Отметим, что сотник Нечая Петр Буткеевич и четыре казака, привезшие царю это письмо, были награждены («Сотнику 2 пары соболей, 3 рубли пара, казакам 2 пары по 2 рубли. Сотнику 4 рубля, казакам по 3 рубля») [2].

Следующий этап осады Быхова был связан с обращением горожан напрямую к Хмельницкому. Еще в середине ноября 1656 г. Андрей Васильевич Бутурлин получил известие из Чигирина от своего разведчика, что польский гарнизон Старого Быхова думал сдаться русским войскам и присягнуть царю, и тогда Хмельницкий написал, чтобы сдавались ему, и послал под город своих казаков» [3].

8/18 января на тайном разговоре И. Выговский сказал А. Лопухину, что в Старом Быхове ожидают прихода литовского полковника Оскирки. «И гетман де о том писал в Чеусы к Нечаю, и велел ему из Чеус идти с ратными людми ближе к Старому Быхову...» Кроме того, Хмельницкий «велел идти на помощь под Старый же Быхов черниговскому полковнику с полком» [4]. Выговский также говорил: «были де у нас из Старого Быхова мещаня и целовали де крест великому государю на том, что им... Старой Быхов сдать царскому величеству» [5]. Скорее всего, приезд мещан Быхова был связан с обращением к ним Хмельницкого.

И. Махов тоже сообщал: «быховские сидельцы писали к гетману к Богдану Хмельницкому, чтоб город Быхов принял он, гетман». Хмельницкий под предлогом наступления литовских войск снова посылает под Быхов Нечая – на этот раз для «приему города». Правда, сначала что-то пошло не так. Быховчане «ево со всем полком в город не пустили, а говорили, чтоб ехал в город в 50 или во 60 человекех. И он с малыми людми в город не поехал и воротился назад в Чаусы...» [6]

---

[1] Акты ЮЗР. Т. III. № 371. С. 591–592.

[2] РГАДА. Ф. 124: Малороссийские дела. Оп. 1. 1657. № 1. Л. 23.

[3] «А которые де полские люди и немцы сидят в Быхове в осаде, и они де хотели вину свою принести к государю, чтоб велел их государь принять; и гетман де, слыша то, посылал к ним в Быхов, чтоб они государевым людем не сдавались, а сдались бы ему, гетману. И ныне де он, гетман, послал в Быхов козаков своих». Акты ЮЗР. Т. III. № 364. С. 549.

[4] Акты ЮЗР. Т. VIII. № 46. С. 394.

[5] Там же.

[6] Акты ЮЗР. Т. III. № 371. С. 592.

Когда точно сдался Быхов, мы не знаем [1], но уже 13/23 марта 1657 г. Хмельницкий писал царю: «И то также в. ц. в. объявляем, что быховленя, видя великую нужу от войск в. ц. в. из полку Чауского, что запасного хлеба не имели, на имя в. ц. в. присягу учинили и поддалися, и ужь козаки там есть и вечне при Войску в. ц. в. Запорожском быть имеют» (список с белорусского письма) [2]. Т. е. Быхов Чауский полк взял без участия русских войск. Бросается в глаза и декларация, что город вечно будет при Войске Запорожском. Она повторяется и в универсале Хмельницкого к жителям Быхова, в котором говорится, что они поддались под власть и протекцию казаков и принесли им присягу; никому другому уже крепость не сдадут и вовек будут ее сохранять под Войском Запорожским [3]. 15/25 марта Хмельницкий издает и универсал жителям Быхова, так что, скорее всего, сдача произошла в начале марта.

Богдан Хмельницкий и «белорусский вопрос»

Несмотря на очень фрагментарный материал документов собственно гетманской канцелярии, мы можем говорить, что примерно с 1656 г. отчетливо видна осознанная политика Украинского гетманства по отношению к Белоруссии. Речь идет уже не просто о завоевании территорий и установлении там казацкой администрации. И даже не просто о включении в свои ряды показаченных крестьян или казацкой «займанщине», а о привлечении местной шляхты. Трудно сказать, когда эта мысль посетила Хмельницкого. Возможно, он никогда от нее не отказывался со времен Ивана Кричевского. М. Грушевский писал, что старшина желала объединить всю «Малую Русь» в широком смысле этого слова и уже опосредованно через свою администрацию привести ее под протекторат царя [4]. Нам думается, что все-таки речь шла об

---

[1] Следует отметить, что ни А. Мальцев, ни Й. Можи не описывают осаду Быхова.

[2] Акты ЮЗР. Т. III. С. 599.

[3] «цале и вірне поддалисе под владзу и протекцию нашу и присягу виконали нам, же нігди юж нікому іншому тоей фортеци не подадуть, але по вік при Войску Запорозком оную заховати мают». Док. БХ. № 438. С. 572; Універсали БХ. № 154. С. 220.

[4] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. IX. Ч. 2. С. 1113.

определенных районах Белоруссии, приграничных с Украинским гетманством.

Нечай оказался более способным воплощать в жизнь эту политику по сравнению с И. Золотаренко. Как и сам Б. Хмельницкий, И. Нечай был шляхтичем из Великого княжества Литовского. Он намного лучше понимал, как вести себя с местной шляхтой [1]. Да и та относилась к нему как к шляхтичу, а не просто как к восставшему казаку или как уже к совсем чуждому явлению – московскому воеводе. Даже князь Б. Радзивилл готов был разговаривать с Хмельницким и Нечаем, в то время как про Золотаренко его брат Януш писал: «ваша милость добрый юнак и добрый человек» [2] (странная характеристика для наказного гетмана!).

Ведь, как мы помним, любой шляхтич – ровня в менталитете ВКЛ. Следует отметить, что вопреки распространенному мнению Нечай был далеко не единственный исполнитель планов Хмельницкого в Белой Руси, а Могилев и Старый Быхов – не единственный район притязаний украинского гетмана. Активизация политики Хмельницкого по отношению к Белоруссии в конце 1656 – начале 1657 гг. была связана с геополитическим положением. Не последнюю роль играло серьезное разочарование в шведах (чему способствовали их военные неуспехи), которые вели себя в ВКЛ как в «завоеванной стране» [3]. На этом фоне в 1656–1657 гг. начинаются успехи политики украинских казаков в Белоруссии – сперва в Старом Быхове, затем в Новогрудке и Пинске.

На фоне сложной ситуации с подчинением Белоруссии Московскому патриарху, о которой мы говорили, Хмельницкий берет на себя роль защитника православных в Белоруссии. Причем не от кого-нибудь, а от войск виленского воеводы и великого литовского гетмана П. Сапеги, на то время союзника Москвы. Гетман пишет 17/27 января 1657 г. ему о жестоком обращении жолнеров с православными Белой Руси. И задает жесткий в условиях гражданской войны в Польше вопрос: таким способом вы собираетесь объединять

---

[1] Совершенно нелепым выглядит следующее утверждение О. Терлецкого: «Щодо шляхти, то не маємо жодних відомостей про відносини її до козацтва». *Терлецький О.* Козаки на Білій Русі в р. 1654–1656 // ЗНТШ. Т. XIV. 1896. С. 25.

[2] Акты ЮЗР. Т. XIV. № 17. С. 546–548.

[3] *Kotljarczuk A.* In the Shadows of Poland and Russia. P. 137.

тело Речи Посполитой? [1] 25 апреля 1657 г. с. с. Хмельницкий писал Сапеге про необходимость вернуть земли архимандриту Иосифу Тукальскому [2].

У казацких лидеров имелись далеко идущие стратегические планы, которые на фоне обострения отношений с Москвой были особенно важны. Яркий пример – политика Хмельницкого в отношении Быхова.

Впервые на этот эпизод обратил внимание еще И. Крипякевич. Он же издал универсал Б. Хмельницкого «шляхте, мещанам и всем обивателям Старого Быхова». В награду за «щирую вірность» Хмельницкий позволял данным универсалом купцам и мещанам Киева торговать с Быховом и другими городами, где стоят казацкие гарнизоны. Самое любопытное, что Хмельницкий писал о создании в Быхове порта («поневаж порт сотворилсе»). Копия данного универсала сохранилась в киевском городском магистрате, т. е. была важным документом именно для киевских мещан и купцов [3]. Крипякевич отмечал, что, взяв Старый Быхов, Хмельницкий получил под свой контроль почти все Мстиславское воеводство – аж до Чаус и Чирикова на севере. Белорусский (или Чаусовский) полк, примыкавший к Черниговскому и Нежинскому, получал водное сообщение с Киевом [4].

Борьба за союз с литовской шляхтой

Весной 1657 г. в значительной мере на события снова оказывала влияние геополитическая обстановка. Теперь, когда на фоне отказа Речи Посполитой от Виленских соглашений надежды на присоединение всего ВКЛ были утеряны, в Москве озаботились недовольством польско-литовской шляхты, присягнувшей царю в Белоруссии. Тут мы не можем согласиться с А. Мальцевым, который объяснял компромиссную политику русских властей по отношению к казакам в Белой Руси тем,

---

[1] Док. БХ. № 424. С. 554–555.

[2] Док. БХ. № 448. С. 587.

[3] «позволилисмо купцом и мещаном киевским (поневаж порт сотворилсе) вгору люб самім ити, люб своїх факторов посилать до Быхова и где-колвек залоги наші зщстают, з вшелякими лекгумінами и купецькими речами сухим путем и водою, як хто может». Док. БХ. № 438. С. 572; Універсали БХ. № 154. С. 220.

[4] *Крип'якевич І.* «Вольний порт» у Старім Бихові в 1657 р. // Науковий збірник за рік 1929. К., 1929. С. 94.

что «присутствие украинских казаков в Белоруссии давало в руки русских властей определенный козырь в дипломатической игре с польскими представителями» [1]. Это было верно вплоть до весны 1657 г. Но потом все изменилось.

Весьма ярко сложившуюся там ситуацию характеризует письмо Остафия Выговского, отца генерального писаря И. Выговского, Павлу Тетере: «Литва вся, хотя ц. в. присягала на подданство, а ныне все готовятца на войну, хотя и пану *гетману некоторые присягли*, и те бунтуютца, присяги не держа, хотят те краи воевать, а царского величества за государя не иметь» [2].

Другим интереснейшим свидетельством настроений литовской шляхты служит статейный список А. Лопухина, ездившего в августе 1657 г. к Викентию Гонсевскому. Он писал: «Многая шляхта великому государю присягала и за присягою их даны им маетности в Виленском и в Ошмянском поветах и в иных городах. А жены их и дети живут в их маетностях, в городех в. г. А сами шляхта многие служат при гетмане, приезжают в маетности свои к семьям, после чего снова уезжают в таборы к гетману Гонсевскому». Как мы видели раньше, шляхта ВКЛ считала себя свободной от присяги царю, данной под влиянием обстоятельств, хотя и пользовалась царскими пожалованиями. Нельзя не согласиться с выводом А. Мальцева, сделанным на основании этих фактов: «успехи, одержанные польскими войсками в борьбе с шведскими захватчиками, рост крестьянско-казацкого движения в Белоруссии и Литве, недовольство непоследовательной политикой царского правительства на присоединенной территории Белоруссии оказывали определенное влияние на позицию белорусской и литовской шляхты» [3].

Кроме того, 21 июля 1656 г. двадцать шляхтичей подали протест против своеволия воевод (в частности, шляхта просила запретить воеводе их судить, что было с русской стороны нарушением обещанных «вольностей») [4]. Среди протестовавшей шляхты были и православные.

---

[1] *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. С. 246.
[2] Акты ЮЗР. Т. XI. № 2. С. 767.
[3] *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. С. 141.
[4] Dwa pamiętniki z XVII wieku. Wroclaw, 2006. S. 16–17. Речь шла о воеводе Ф. Арсеньеве.

Причин для недовольства имелось много. И нетолерантная политика в религиозном вопросе, и самовластье воевод. Но в Москве главной причиной считали Нечая и казаков. И, как мы увидим ниже, весной 1657 г. начинается новая серьезная попытка ввести воеводское правление во всех регионах Белоруссии, в том числе и в подчиненных казакам.

Между тем, Нечай весьма успешно исполняет политику налаживания отношений с местной шляхтой. Он выпускает оборонный универсал (3 января 1657 г. н. с.), который включается в Нóвогрудскую городскую книгу – т. е. шляхта считает его важным юридическим документом. Универсал запрещал «чинить шкоду шляхте» воеводства Новогрудского. В нем также отмечалось, что «же раные своволники под тытулом Войска Запорозкого» за Неманом «незносные крывды людям невинным чинят... через которых сваволников Войско Запорозское великую неславу поносит». Нечай разрешал «таковых сваволников, яко непрыятелев, зносит» [1].

На этом Нечай не остановился и назначил комиссию в Чаусах для рассмотрения жалоб шляхты воеводства Новогрудского. Туда он посылает своего сотника Ивана Миткевича с тремя товарищами и приказывает «вчинити справедливість усім покривдженим, де що покажеться». Своим сотникам и казакам он запрещает под страхом смерти посылать отряды, гарантирует всей шляхте свободный проезд к своим маетностям. Уничтожать и наказывать («зносити і сурово карати») отряды своевольников поручалось казакам его полка, сотника Мурашко и с помощью сил Новогрудского воеводства. Характерна следующая декларация Нечая из «пунктов комиссии»: «запевняючи лицарським словом, що від Війська Запорозького найменшого приводу до незгоди не буде подано», он предлагает «жити в згоді й любові братерській» [2].

Но в ситуацию активно вмешивается воевода Никита Одоевский, который вместе с частью новогрудской шляхты в марте 1657 г. напал на отряды «черкас Нечаева полку сотников Мурашко, да Комара, да Станишевского... тех черкас в розных местех побили с двесте человек, а иные черкасы

---

[1] Універсали БХ. Додаток II. № 19. С. 272; Акты Виленской комиссии для разбора древних актов. Т. 34. № 81. С. 95.

[2] Акты Виленской комиссии для разбора древних актов. Т. 34. № 83. С. 96–97.

перешли за Немон в Менской повет» [1]. Мурашко на самом деле в марте 1657 г. действовал в районе Каменя Борисовского уезда. По свидетельству шляхтича-современника, они «не только холопов и подданных наших, но и челядь подговаривали, а других в свой реестр вписывали» [2].

Следует согласиться с мнением А. Мальцева (со скидкой на «советские» термины), что русское правительство постоянно стремилось «освободить территорию Белоруссии от казацких отрядов». Он объяснял это «классовыми интересами», «боязнью перспективы широкого антифеодального движения», а в переводе на современный язык – опасением «показачивания» и личного освобождения крестьянства. На еще один очень любопытный аспект действий Нечая обратил внимание Й. Можи. Он писал, что большая часть Новогрудчины оставалась под контролем шведских, а не русских войск [3].

Борьба за Пинск

Другим белорусским регионом, где гетманская администрация пыталась заручиться благосклонностью местной шляхты, был Пинск. Подчинение этого района Хмельницкому было связано с походом казацких войск на помощь трансильванскому князю Юрию Ракочи. 31 декабря 1656 г. с. с. гетман издает универсал шляхте Пинска, извещая, что посылает «войска нашы Запорозские» на соединение с трансильванским князем и гарантирует защиту от грабежей, за чем должен был следить «назначоный высланый наместник наш». При этом «спротывных теж и Войску Запорозскому не зычливых и не прыхилных росказалисмо громить» [4]. Т. е. Хмельницкий обещал защиту только признающим его власть. Заметим, что этот универсал был вписан в Пинскую городскую книгу как юридический документ.

Чувствуя себя полновластным хозяином и защитником православия, Хмельницкий обращается в апреле 1657 г. к шляхте Пинского повета для защиты архимандрита Тукальского [5].

---

[1] *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. С. 242.
[2] Dwa pamiętnika z XVII wieku. Jana Cedrowskiego i Jana Floriana Drobysza. Wrocław, 2006. S. 18.
[3] *Morzy J.* Kryzys demograficzny na Litwie i Białorusi. S. 69.
[4] Акты Виленской комиссии. Т. 34. № 82. С. 96.
[5] Док. БХ. № 447. С. 585–586.

Находившийся под Брест-Литовским А. Жданович (бывший наказным гетманом в походе) издает в мае 1657 г. охранный универсал шляхте Пинского повета. В нем он сообщает о приближении своем с войсками Ракочи [1] «к повіту Пиньскому» и заверяет, что знает о том, что Хмельницкий «под протекцыю свою их всіх принявши, и залогу для лепшого безпеченства» [2]. Где-то в июне 1657 г. пинская шляхта направила к Хмельницкому посла, «прося... о спокойном соседстве и о протекции от венгерского тиранства». Но посол пошел дальше и присягнул «на вечное подданство гетманам запорожским» [3]. 8 июля 1657 г. н. с. Хмельницкий издал универсал, подтверждающий права шляхты Пинского повета ("Powiatu Pińskiego Bóg skłonił uprzejmie ku zjednoczeniu z nami wolę i serca»). Среди данных гетманом обещаний была веротерпимость в отношении католиков. Хмельницкий гарантировал сохранение «обрядов римской веры, с которой они присоединяются к нам», и обязывался силой их к православию не приводить. Это обещание коренным образом отличалось от политики русских властей. Кроме того, в своем универсале Хмельницкий оставлял пинских обывателей при их привилегиях, за исключением «только королевщины», которую намеревался теперь собирать в казну Войска Запорожского [4].

Шляхта присягнула, но не все обыватели с этим согласились и, напротив, подписали «манифестацию» о нежелании принять договор с Хмельницким, заключенный их послом. Среди подписавшихся был греко-католический архиепископ Смоленский, епископ Пинский Андрей Кваснинский-Злотый и т. д. [5]

Ситуацию усугубила смерть Б. Хмельницкого. Когда в конце августа н. с. «приехал пан Груша [6] после смерти Хмельницкого от всего Войска Запорожского для принятия постановленной маршалком присяги», шляхта отдала ему в

---

[1] Имеется в виду совместный казацко-трансильванский поход против Речи Посполитой.

[2] Універсали БХ. Додаток II. № 22. С. 275; Акты Виленской комиссии. Т. 34. № 92. С. 106–107.

[3] Акты Виленской комиссии. Т. 34. № 98. С. 111–112.

[4] Універсали БХ. № 167. С. 232, 235; Док. БХ. № 462. С. 601–603.

[5] Акты Виленской комиссии. Т. 34. № 98. С. 111–112.

[6] Писарь И. Груша.

уплату контрибуции 200 коней и получила «письменные пункты, чего Войско Запорожское требовало от нашего повета...». По выражению местного шляхтича – «очень тяжелые и несносные пункты». Особенно не устраивали положения об уничтожении унии и принесении присяги. Казаки узнали о негативном решении пинской шляхты и, не ожидая официальной декларации сейма, отступили все от Пинска [1].

Сразу после этого, в сентябре 1657 г., в Пинский повет вступает П. Сапега, про которого И. Выговский саркастически заметил, что тот «многожды до е. ц. в. писал, покаряючись, однакож никогда впрямь не желал». Сапега приказал всем казацким гарнизонам «с повету Пинского уступить», а сам выступил к Полесью [2]. В своих универсалах Сапега приглашал обывателей Пинского повета к активной борьбе с казаками [3]. Хорунжий и мечник Пинского повета тоже призывали обывателей сбираться с оружием в Пинск для борьбы с казацкими шайками [4]. Одновременно польский король Ян Казимир жаловался Алексею Михайловичу про захват и разорение казаками Пинского повета [5].

В середине октября 1657 г. киевский полковник Павел Яненко-Хмельницкий сообщил киевскому воеводе, что «которая де была их козачья залога в Пинску и в Корце, и к тем де городом пришли поляки и присылали к ним козаком, чтоб они из Пинска и из Корца вышли; и козаки де из тех городов отступили». Яненко-Хмельницкий предлагал киевским воеводам вместе идти на поляков, но те сказали, что должен прийти Г. Г. Ромодановский [6].

Обратим также внимание, что в начале лета 1658 г. И. Выговский назначает полковником пинским и туровским своего брата Константина Выговского [7], заявляя о претензиях на эти территории и ограничивая полномочия бывшего «белорусского полковника» И. Нечая.

---

[1] Матеріали до історії козаччини XVII віку. Львів, 1994. № 6. С. 24–25.
[2] Акты ЮЗР. Т. IV. № 20. С. 29.
[3] Акты Виленской комиссии. Т. 34. № 102. С. 116–117.
[4] Акты Виленской комиссии. Т. 34. № 103. С. 117–119.
[5] Матеріали до історії козаччини XVII віку. Львів, 1994. № 10. С. 29–31.
[6] Акты ЮЗР. Т. IV. № 26. С. 35.
[7] Матеріали до історії козаччини XVII віку. Львів, 1994. № 56. С. 72.

Попытка введения воеводского правления

Сдача Быхова во всей полноте проявила русско-украинский конфликт в Белоруссии. А тут еще снова коренным образом меняется геополитическая обстановка. 22 января 1657 г. с. с. к Нечаю (!) направляется царская грамота, в которой извещают, что поляки не сдержали слово и не собрали сейма для избрания царя королем. Поэтому Алексей Михайлович велел «готовить рати» на Яна Казимира, а Нечаю приказывал быть готовым к походу [1]. На фоне исчезновения иллюзий по поводу получения польской короны, с одной стороны, и похода А. Ждановича на помощь Ракочи – с другой, как мы видели выше, в Москве принимается решение установить воеводскую власть в Украинском гетманстве. Это относилось и к Белоруссии.

Показательным может служить тот факт, что отправленный царем в Украину молодой разведчик Иван Желябужский должен был прежде всего ехать именно к Нечаю в Чаусы (прибыл туда 17/27 июня) [2]. В данном случае мы не разделяем мнение М. Грушевского, что Желябужский хотел узнать у Нечая место нахождения Ждановича (почему именно у него?). Он просто имел целью разведать обстановку в Чаусах. В наказе Желябужскому точно прописывался маршрут следования: ехать на Можайск, Вязьму, Смоленск, Рощу, Борисов, Минск, «а з Минска проведывать, где Ракоцы чает в походе, туды и ехать». Затем рукой дьяка была сделана вставка (после Смоленска): «в Чаусы войска запорожского к полковнику к Ивану Нечаю» [3]. Это был явный крюк.

Посольство Ф. В. Бутурлина и дьяка В. Михайлова, ездивших к Б. Хмельницкому в июне 1657 г. с выражением крайнего недовольства политикой гетмана, имело отдельные статьи наказа с новыми претензиями к Нечаю. А ведь не прошло и полгода, как тому наконец официально разрешили размещаться в Чаусах и смягчили риторику.

Бутурлин говорил Хмельницкому: «А ныне которая шляхта в. г. нашему, е. ц. в., добили челом и присягали на вечное

---

[1] Акты ЮЗР. Т. III. № 373. С. 593.
[2] Рус. ист. библ. Т. 8. С. 1237–1238.
[3] РГАДА. Ф. 40: Сношения России с Венгрией. Оп. 1. 1657. № 1. Л. 30–30 об.

подданство, и государь их пожаловал старыми их маетностьями... И черкасы *Иванова полку Нечая той шляхте чинят тесноту и разоренье* и из маетностей их выгоняют, а иных многих выгнали и побили, а крестьян от пашни отлучили». Бутурлин обвинил Нечая, что действия его казаков привели к массовому голоду – «не токмо, что мертвечину и всякую нечистоту, но и плоти человеческие едят». А что хуже – теперь поляки опасаются присягать царю в Литве [1]. Т. е. Нечая делали виновным за провал политики русских воевод в отношении литовской шляхты.

Кроме того, поступили жалобы от нового могилевского воеводы Ивана Бутурлина. Он уверял, что Нечай потребовал вывести русский гарнизон из Дашкова, в противном случае угрожая «приходить, и громить, и биться с ними, что с неприятели». Хмельницкому приказывалось прикрикнуть на Нечая, чтобы «от такой самовольной дурости отстал» [2].

Опять шла речь о показачивании, как и во времена Золотаренко: «черкаской де сотник Яцко Войсковской пописал ево войтовства крестьян в козаки и роздал им засевки и пустовые земли, да и достальным крестьяном велит писаться в козаки ж; а будет в козаки не запишутся, и им пашни пахать не велит». Бутурлин передавал Хмельницкому указ царя: «И ты б, гетман, тех сотников, которые в Могилевском уезде от пашни крестьян пишут в козаки и которые живут в Могилеве и в Лупулове, велел из тех изо всех мест свесть, и впредь им в Могилеве и около Могилева нигде не жить и крестьяном разоренья чинить не велел» [3].

Жалобы на показачивание шли и от других воевод. Из Смоленска писал воевода Петр Долгоруков, «что новоприборные черкасы, которых в Горках прибирали из горских мещан и из уездных крестьян, сотник черкаской Крюковской убил в Горках салдацкого строю ротного подьячего до смерти и салдат многих побил... Да и в иных местех, в Толочине, и в Словенях, и в Радичках, сотник сказывается Чаужского полку, пишет в козаки пахотных крестьян насильством и пописал многих мужиков, и многое делает с теми новоприборными козаками воровство». Из Мстиславля писал Г. Даш-

[1] Акты ЮЗР. Т. III. № 369. С. 576.
[2] Там же. С. 577.
[3] Там же. С. 578.

ков, «что черкасы Чауского полку во Мстиславском уезде в. г. нашего, е. ц. в., волости многие села и залоги поставили, и шляхту... из маетностей выгнали, и пашенных крестьян в козаки пописали насильством...».

Другими словами, во всех прилегавших к Чаускому полку районах местное крестьянство активно показачивалось и присоединялось к казакам Нечая. Это вызывало крайнее возмущение царя: «И великому государю нашему, е. ц. в., то в подивленье, какими обычаи такое самовольство от Нечая и от сотников ево полку делается? И чаять, что то все чинится без твоего гетманскова ведома» [1].

Когда по дороге в Чигирин Бутурлин лично встретился с Нечаем, тот отрицал, что писал самовольные письма воеводам. Он утверждал, что в дни их отправки «ево, полковника, в Чаусех не было... И то де некто ево имянем писал разве за очи воровски; того он к воеводе отнюдь не писывал, что ему с царского величества людьми битись, то дело статочное ли?..» Нечай пытался представить себя послушным и верным царским подданным: когда, мол, без него «учинилось каких кривд людем царского величества, и он, приехав, тотчас сыск и казнь велит учинить по войсковому праву... А пашенных крестьян, коли царское величество в козаки писати не позволил, и он писать и не велит; и с Луполова козаков велит сослать и впредь строить не велит. А ему де что чинить без повеления царского величества? Во всем он послушен и повинен указу ц. в., яко верный подданный, и хочет по своему обещанию ему, в. г., служити до смерти. И клялся на том, и, саблю выняв, говорил: буде я не истинно служу ему, в. г., и всею правдою, дай, Господи, мне сю саблю видети на своей шеи!» [2]

Можно допустить, что многие казаки действовали самовольно, не имея на то прямого приказа Нечая. Однако и сам он был, безусловно, властным правителем, не желавшим подчиняться русским воеводам.

Что касается Хмельницкого, то он тоже усомнился, «мог ли бы так чинити, что ему то слово молвити, чтоб ему громить и биться ц. в. с людьми, яко с неприятели». Но обещал

---

[1] Там же. С. 581–582.
[2] Там же. С. 557–558.

«про то сыскать и по сыску указ учинить по войсковому праву; и на Лупулове жить не велим» [1].

Федор Бутурлин объявил о введении русской администрации в Белоруссии. Были назначены воеводы: В. Б. Шереметев – Вильно плюс Троцкий, Ошмянский и Лицкий поветы; И. Ржевский – Борисов; В. Яковлев – Менск; С. Змеев – Орша и Оршанский повет; Слонимский и Волоколамский поветы – Новгородскому воеводству; Гродню – гродненскому воеводе; Речицу – мстиславскому воеводе Г. Дашкову. «И быти ратным людем в тех во всех поветех на залогах. И тебе б, гетману, велеть полковником приказать накрепко, чтоб их полков черкасы в те городы и в поветы, где ц. в. от воевод ратные люди на залогах будут, не приходили и ссоры никакие не чинили, а были б они в тех местех, где им по указу ц. в. указано».

К сожалению, из статейного списка Бутурлина (напомним, что наказ не сохранился) не ясно, какие все-таки белорусские города были оставлены за казаками. Не менее расплывчато звучит и следующий указ в изложении Бутурлина: чтобы «залог в воеводствах: в Виленском, в Троцком, в Минском, в Новогородцком, во Мстиславском, в Лицком, в Слонимском, в Ошмянском, в Гроденском, в Волковиском и в иных воеводствах и поветех, где не указано, не ставили» [2]. Не проясняет картину и ответ Хмельницкого в русском изложении статейного списка: «которые в. г. нашего, его ц. в., в городех воеводы, и те де воеводы в воеводствах, и которые к тем городам приналежачие волости, во всем и ведает. А Войска его ц. в. Запорожского начальным людем у него, гетмана, о том приказано накрепко, чтоб они те места ведали, которые им приказаны» [3]. О каких именно городах идет речь, не ясно, но они были. Остается открытым и вопрос, где все-таки пролегала граница русско-украинского административного управления Белоруссией на лето 1657 г. Нечай писал в январе 1657 г., «что только с двух войтовств прокормленья сам имею....». По его словам, Кричовым владел пан полковник нежинский (В. Золотаренко); «а в Но-

[1] Акты ЮЗР. Т. III. № 369. С. 579.
[2] Там же. С. 581–582.
[3] Там же. С. 582–583.

вом Быхове люди в. ц. в. давно стоят и всеми пожитками они владеют» [1].

Новые данные о следующем этапе попыток внедрения своей политики в Белой Руси русскими привел еще А. Мальцев. Он писал, что после провала миссии Ф. В. Бутурлина «в Смоленске был сформирован отряд во главе с воеводой С. Д. Змеевым и подьячим К. Мининым». Материалы Безгласного стола РГАДА, частично приведенные А. Мальцевым, а в настоящее время хорошо отреставрированные, дополняют наши сведения о деятельности Змеева, известные из его отписки, опубликованной еще Николаем Костомаровым.

Перед отрядом С. Змеева была поставлена задача выслать украинских казаков из Смоленского, Дубровенского, Оршанского, Могилевского уездов [2]. Змеев сначала из Смоленска прибыл в Оршу, откуда разослал гарнизоны по городам и уездам («в которые местечка довелось послать и уезды на залоги салдат и мы, холопи, твои послали, а в ыные местечка послать некого») [3], а затем направился в Могилев. Из Могилева Змеев выступил в Дубровну, где казацкий гарнизон получил подкрепление в 100 человек. У самого Змеева конных людей не было («кроме моих, Сенкиных, дворовых людишек»), шел он «с великою нужею» [4]. Отметим, что, несмотря на явное неравенство сил, казаки не стали оказывать сопротивления и подчинились приказу выслать гарнизон.

Воевода получает царский указ выслать «черкас» из Малых и Больших Гор Горского уезда (включая Любавичи, Шклов и другие города) [5]. Для исполнения этого указа С. Змееву направляются серьезные военные силы: рейтары из Москвы, пять рот солдат из Смоленска и т. д. К тому же в поддержку посылался воевода П. А. Долгоруков [6]. Но применять силу русские тоже не стали.

Главной целью поездки С. Змеева и К. Минина в Могилев объявлялось, «чтоб им с... (Иваном Нечаем. – *Т. Т.*) полковником видетца и о всяких государевых делех договоритца

---

[1] Акты ЮЗР. Т. III. С. 589–590.
[2] РГАДА. Ф. 210. Оп. 17: Безгласный стол. № 86. Л. 1, 3–4, 8–9.
[3] Там же. Л. 3.
[4] Там же. Л. 4.
[5] Там же. Л. 8.
[6] Там же. Л. 9.

вскоре» [1]. Согласно донесению Змеева Нечай к тому моменту владел «тремя войтовствы: Благовитцким, Путковским, Осоветцким». Сам полковник уверял, «что владеет двумя войтовствы: Благовитцким, Путковским», причем согласно царскому указу и представил «в. г. жаловальную грамоту на те войтовства». Относительно Освецкого войтовства Нечай сказал следующее: «великий де государь пожаловал Старым Быховым гетмана Богдана Хмельницкого, а то де войтовство к Старому Быхову» [2].

В сентябре 1657 г. Змеев и Нечай достигают определенных договоренностей, согласно которым «козаков выслали з тех мест, из которых, по твоему указу, мне, холопу твоему, велено выслать...». Главной проблемой было местное показаченное население [3].

Змеев и Нечай осуществляют совместные действия для установления порядка в Могилевском уезде. Так, посланный от Змеева капитан М. Сипягин и от Нечая наказной полковник Корней Драпь «с двесте человек выписали из козаков и били вместо кнута батоги нещадно, и велели им жить по-прежнему на своих жеребьях в пашенных людех, а старых козаков, и сотников, и есаулов, и атаманов, и рядовых били ослопьем, что они вновь козаков писали и уездом владели без указу».

Но у Змеева с Нечаем оставались серьезные разногласия. Так, не имевших дворов казаков выслали вон, а старых казаков не тронули. Нечай заявил: «за что де их разорять, которые служат, и в осаде сидели, и на боях бивались, а иным твои, в. г., грамоты даны?» Нечай уверял, что нет царского указа выслать *всех* казаков из Могилевского уезда. И ссылался на то, что Хмельницкий и Выговский «писали дважды к нему, чтоб одноконешно козаков ниоткуды не выводил». Змеев лично читал письмо Выговского, написанное сразу после отъезда Ф. В. Бутурлина, в котором было сказано: «как де посол был у гетмана от тебя, в. г., окольничей Федор Васильевич Бутурлин, и договаривался де, чтоб из Лупулова козаков вывесть, *и они де отговорились, что козаков выводить нельзя: война наступает*». Как мы видели, в статейном списке Бутур-

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 17: Безгласный стол. № 86. Л. 6.
[2] Акты ЮЗР. Т. IV. № 12. С. 15–16. Ошибочно датирована августом.
[3] Там же. Ошибочно датирована августом.

лин писал, что Хмельницкий согласился вывести казаков из Лупулова. Единственное, что мог сделать могилевский воевода в таких условиях, – это договориться с Нечаем переписать старых казаков «в Могилевском уезде для ведомости, чтоб, где не указано быть, козацких залог не посылать, и в козаки не принимать, и не писати... и жити смирно, налог и обид крестьяном не чинить и пашнею и пустыми волоками не владеть» [1].

Таким образом, неподчинение Нечая царскому указу о выведении казаков из городов Могилевского уезда осуществлялось по прямому указанию Хмельницкого и Выговского.

Наиболее сложные отношения были у Нечая с В. Б. Шереметевым. Тот сообщал царю, что к нему приезжали ротмистры Минского воеводства со шляхтой и жаловались на Нечая и Мурашко, что те приезжают с казаками «в их шляхетские маетности, и их, шляхту, грабят... и крестьян их с собою емлют в неволю, и пишут в козаки» (!) [2].

27 июня с. с. Нечай писал Шереметеву, назначенному борисовским воеводой, ответ на обвинения, что «де Войско Запорожское по городом и селам залоги, и сотники полку моего: Мурашка, да Сапрыска, да Богданович, да Андрей Конишевской с козаками приезжают в шляхетские маетности и шляхту грабят» [3]. Нечай заявлял: «И в том писаньи не единыя правды на сотников полку моего нет». Нечай советовал: «и нам бы межу собою любовью и мирно жить, что есми единого государя праведного верные и зычливые слуги, и всегда на службе е. ц. в. готовы умирать, и нещадную кровь проливать». А «залоги козацкие по городом и селам поставлены не для государевых ратных людей, но для своевольного воровання ляховского и литовского, а на залогах козацких ни единого посадского и уездных людей скарга и челобитья у меня нет» [4]. «А в Лядской кривде тебе до меня не писать» [5]. Со своей стороны Шереметев писал царю, что «в Горах, и в Горках, и в Шкловском, и в Борисовском уездех, в селах и в дерев-

---

[1] Там же. Ошибочно датирована августом.

[2] Акты Моск. гос. Т. II. № 1001. С. 591.

[3] Отметим, что А. Мальцев не был уверен, являлся ли Д. Мурашко сотником И. Нечая (*Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. С. 241). В данном случае у нас есть прямое свидетельство.

[4] Акты Моск. гос. Т. II. № 984. С. 581–582.

[5] Там же. № 1001. 591.

нях, во многих местех стоят козаки на залогах... крестьян бьют, и грабят, и разоряют без остатку; и многие де крестьяне от разоренья козаков розбрелись, и деревни многие запустели». Видимо, Шереметев слегка лукавил, т. к. он сам передавал сообщение шкловского воеводы: «которыя де села и деревни к Шклову есть, и в тех де селех и в деревнях многие мужики пишутся в козаки и чинятся ему не послушны». И еще более характерное заявление: «А козаков стоит по залогом непомногу; а воруют многие деревенские мужики, пишутся к ним в козаки, и от того козаков множится». Когда в Шкловский и Борисовский уезд поехал сам Шереметев, «которые мужики писалися в козаки, и они, боясь, сказывались, что они в козаки не писались, а живут по-прежнему в крестьянех». А как Шереметев оттуда уехал, «и после того опять называются козаками ж». Царь давал указ отсылать казаков в Старобыховский уезд, а мужиков «бить кнутьем и батоги, без пощады; и велеть по-прежнему жить на пашне в прежних их усадьбах» [1].

В конце августа 1657 г. Нечай написал пространную жалобу царю, выдвигая обвинения воеводам оршанскому, борисовскому, мстиславскому, шкловскому, копыскому и минскому. Он писал, что они отнимают деревни, «откуль бым хлеб мочь мети», причиняют обиды казакам его полка, в частности выгоняют из домов и требуют оплату податей «як з мужиков», «чюприны» (в русском переводе – «хохлы») режут, кнутами бьют, грабят. К тому же оговаривают его, Нечая, и казаков в глазах царя, а он и казаки – верные подданные, готовы кровь проливать. В этом Нечай противопоставлял себя местной шляхте, которая, мол, хотя и крест целовала, но, как волк, в лес смотрит, постоянно донося о разных секретных вещах польскому королю, гетманам его войск и «иншим неприятелем». О такой двойной игре Нечай узнал из перехваченных шляхетских писем.

Главным своим обидчиком Нечай называл боярина, воеводу и наместника белозерского В. Б. Шереметева, который в августе 1657 г. с ратными людьми и «з арматою на месты и деревни, где козаки свое поместье мают, кажет наезджати, козаков имают и иных в вяземе (тюрьме. – *Т. Т.*)

[1] Акты Моск. гос. Т. II. № 987. С. 584–585.

держат, а иных невесть девает где, в домах козацких добра берет» [1]. Польский источник приводил интересные подробности (полученные от казаков Нечая), что полковник послал их к воеводе в Борисов «с угрожающим письмом». Шереметев в ответ оскорбил казаков и «едва их выпустил, недели две продержав». В другом случае Шереметев, «казака взяв, приказал повесить», на что Нечай «в троекратном размере наградил» (видимо, повесив троих). К тому же Нечай и Шереметев «один другому залоги выбивали, убивая» [2].

Нечай писал, что у него имеется царский указ «смирно жить», а от гетмана «не бранитьца», поэтому просил дать грамоту Шереметеву и другим воеводам, чтоб «такова зла делати перестали». И отмечал, что только неприятель будет радоваться «з нашого православного несоюзу» [3].

Противостояние русским воеводам в их административной деятельности как в самом Украинском гетманстве, так и в Белоруссии к лету 1657 г. достигает очень высокого уровня. Недаром Хмельницкий высказывает Бутурлину, что, мол, царь-то к нему, гетману, «и ко всему Войску Запорожскому милостив», а вот бояре его «ненавидят и службы их прямые, будто до ц. в. не доносят и не объявляют» [4]. Т. е. во всем виноваты злобные бояре, извращающие донесения гетмана.

Градус недовольства московского правительства поднимали литовские магнаты, которые в то время вели мирные переговоры с русскими. Например, в инструкции, написанной литовским польным гетманом В. Гонсевским своему посланнику 1 августа 1657 г. н. с., говорилось: «в завоеванных царем е. м. воеводствах и поветах, что хотят и думают, то и делают, бунтуют постоянно и людей посполитого чина к себе привлекают», казаки «залоги свои (ставят. – *Т. Т.*) не на имя царя е. м., а на войска запорожского, и всякую протекцию роздают даже тем, которые царю е. м. доброжелательность свою предложили». Гонсевский подчеркивал, что «Быхов почему-то не царю е. м., но казакам поддался» [5].

---

[1] Акты ЮЗР. Т. IV. № 13. С. 16–18; Акты ЮЗР. Т. VII. № 62. С. 179–180.
[2] *Medeksza S. K.* Księga pamiętnicza. Kraków, 1875. S. 41.
[3] Акты ЮЗР. Т. IV. № 13. С. 16–18; Акты ЮЗР. Т. VII. № 62. С. 179–180.
[4] Акты ЮЗР. Т. III. № 369. С. 582.
[5] *Medeksza S. K.* Księga pamiętnicza. Kraków, 1875. S. 52–55.

Но осенью на фоне согласия И. Выговского на принесение присяги царю жителями Старого Быхова (об этом будет сказано ниже) напряжение в отношениях спадает.

29 сентября с. с. Змеев заключил с Нечаем договор («о наших великого государя делех») [1], по которому строго оговаривались места, где могли находиться казацкие залоги. При этом вольных людей в драгунскую службу Змеев набрать не мог.

7/17 октября В. Б. Шереметеву посылается царская грамота, в которой запрещается «черкасом обид и никаких налог делать и задоров» устраивать, чтобы впредь подобных жалоб от казаков «о том не было» [2]. Далее сообщалось, что «в которых местех по указу нас в. г. черкасом впред на заставех быть и в которых местех не быть», воевода С. Змеев и полковник И. Нечай «учинили договор, и мы в. г. указали впредь нашего ц. в. новых городов в уездех быть черкасом на заставех по нашему государскому указу и по договору». Шереметеву приказывалось действовать согласно заключенному договору, а также отписать приказным людям, «чтоб они по тому ж о черкасех делали по нашему государскому указу и по договору Семена Змеива» [3]. В тот же день направляется грамота и Нечаю, чтобы казаки, «где им не указано, не стояли... и ссор никакие не чинили» [4].

Отказ Ивану Выговскому на белорусские имения

Нежелание царского окружения допускать казаков в Белоруссию было столь сильно, что весьма верный, полезный и крайне влиятельный генеральный писарь И. Выговский получает отказ владеть там имениями (и вообще не претендовать на административную власть!).

Следует отметить, что история борьбы И. Выговского за имения своей жены крайне интересная и важная для понимания многих аспектов внутреннего развития Украинского гетманства накануне и сразу после смерти Б. Хмельницкого. Ряд обстоятельств этих событий давно известны историкам

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 17: Безгласный стол. № 86. Л. 60.
[2] Там же. Л. 57.
[3] Там же. Л. 57–58.
[4] РГАДА. Ф. 229: Малороссийский приказ. Оп. 1. № 27. Л. 16.

и неоднократно цитировались. Но документы Безгласного стола Разряда серьезно дополняют наши знания. Они были выявлены и частично введены в научный оборот А. Мальцевым [1], но, во-первых, он их неверно датировал, во-вторых, практически не цитировал и, в-третьих, не объединил с другими «пазлами» наших знаний. А вот почему никто из исследователей Украинского гетманства не использовал эти документы, остается загадкой.

События развивались следующим образом. 22 мая с. с. И. Выговский, будучи еще генеральным писарем, отправляет своего двоюродного брата Самойла Выговского из Киева, чтобы отобрать имения своей жены, урожденной Елены Стеткевич. Сделано это было с ведома киевского воеводы А. Бутурлина, который дал Самойлу подорожную [2]. Кроме того, у Самойла имелся универсал И. Выговского и «наказная память» [3]. 11/21 июня Самойло приехал в Белоруссию с намерением «поставить залоги». Это вызвало большое удивление находившегося в Могилеве С. Змеева, который велел Самойлу приехать к нему для разговора. «И Самоило Выговской, приехав в Могилев, говорил нам, холопем твоим: прислал де ево, Самоила, брат ево, Иван Выговский, в Статкееви в маетности, которые маетности были за Богданом и за Михайлом Статкеевичи, чтоб ему те маетности взять на себя, потому что женился де Иван на Статкеевичевой дочери и которые залоги по твоему в. г. указу поставлены, и те бы залоги свесть, а владеть в тех местех Ивану Выговскому, а которые люди тех маетностей живут в городех и в местечках, и ему закликать и свозить» [4]. Выговский также претендовал на восемь сел, «которые... Статкеевичевы были под Чаусами... а в них казацкие залоги», т. е. на входившие в Чаусовский полк [5]. Единственным основанием для таких притязаний Самойло считал универсал и память генерального писаря [6].

Заметим, что действия Выговского вызывают множество вопросов. Во-первых, он издает универсал, назначив Самойла «дозорцою» имений жены, и приказывает вывести из них

---

[1] *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. С. 236.
[2] РГАДА. Ф. 210. Оп. 17: Безгласный стол. № 86. Л. 45.
[3] Там же. Л. 44.
[4] Там же. Л. 43.
[5] Там же. Л. 44.
[6] Там же.

«залоги» как царских войск, так и казаков Нечая. Это явно превышение полномочий. Кроме того, он именует в своем универсале территории Новогрудского повета (где располагались маетности) «княжеством Литовским» [1]. Т. е. не Московским государством и не Гетманщиной. Наконец, он претендовал и на земли Нежинского полка, что создавало уже конфликт с его главой, полковником Г. Гуляницким [2].

Решение воеводы С. Змеева было закономерным: он велел Самойлу, «чтоб теми маетностями до нашего в. г. указу не владел и наших в. г. залог до нашего указу свесть не велели». Зато «которые де Статкеевичевы маетности были под Чаусами восмь сел, а в них казацкие залоги, и те села у Нечая взял Иван Выговский и поставил свои залоги» [3]. Такое решение Змеева создавало прямой конфликт Выговского с Нечаем. Что касается царского указа, то в сохранившейся грамоте Алексея Михайловича отсутствует часть с принятым решением, но можно уверенно говорить, что резолюция была отрицательной. Дело в том, что, не сумев самостоятельно получить в свое владение имения жены, Выговский теперь начинает просить об этом царя. 10/20 июня И. Выговский обращается к Ф. Бутурлину, приехавшему в Чигирин, с сообщением, что «женился благочестивые християнские веры на Богданове дочери Статкеевича», и с просьбой отдать имения умершего ему и жене [4]. Бутурлин уходит от ответа, ссылаясь на неведенье.

10/20 июля Выговский подает царю челобитную об имениях покойного Богдана Стеткевича, «также и за Костянтина Евстафьевича Выговского, брата моего, и за Павла Ивановича Тетерю, зятя моего» [5]. Эти имения располагались в Мстиславском, Менском и Смоленском воеводствах. Константин Выговский от жены, урожденной Мащериной, претендовал на имения тестя между Кратным и Баевым, за Смоленском, под Дорогобужем [6]. Самойло Выговский хотел получить село Хлуново «в повете Оршанском... по жене иво по умершему Романе Хлусевиче» [7], а сестра жены И. Выговско-

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 17: Безгласный стол. № 86. Л. 46.
[2] Там же. Л. 48.
[3] Там же. Л. 52.
[4] Акты ЮЗР. Т. III. № 369. С. 573.
[5] Акты ЮЗР. Т. XI. № 2. С. 717.
[6] Там же. С. 719–720.
[7] РГАДА. Ф. 210. Оп. 17: Безгласный стол. № 86. Л. 49.

го «пани Еголовчинской сестры родные пание писаревой Выговские, где всколвек были в княжестве Литовском, абы позволено отобрать маетности» [1].

Спустя месяц, 14/24 августа, просьбу И. Выговского о маетностях Стеткевича напоминает П. Тетеря, находясь в Москве, и получает резкий отказ: «А те Статкевичевы маетности розданы шляхте присяжной, и у них назад взять нелзе» [2].

Уже став гетманом, Выговский разговаривал со стольником В. Кикиным и спрашивал, есть ли царский «по моему челобитью, за мою правую к нему, великому государю, службу и раденье милостивый указ о маетностях нынешней жены моей, которые... остались после отца ее?» Кикин заявил, что «про то не ведает, потому что послан он... скорым обычаем». Вероятнее всего, это была ложь, т. к. в Москве Выговскому отказали. Он такое предполагал и очень резко сказал, что царь раздал имения его жены полякам, «которые де к нему, в. г., приехали ныне, и служат де словами, а не серцами, а серца де их от его ц. в. милости далеко отстоят; а я де, *покаместа буду жив, тех маетностей жены своей ляхом владеть не дам»* [3].

Таким образом, русские власти входят в конфликт с активной политической элитой Украинского гетманства, которая на фоне смерти Б. Хмельницкого получает реальную власть. Анализ действий братьев Выговских и Тетери, пожелавших сделаться помещиками в Великом княжестве Литовском, выходит за рамки данной главы, но представляется крайне важным для оценки действий политической элиты Украинского гетманства переходного периода после кончины Б. Хмельницкого.

«Сдача» Быхова Иваном Выговским

В историографии, посвященной «белорусскому вопросу», события первого года гетманства И. Выговского (до момента заключения Гадячского договора) странным образом пропускаются [4]. Между тем, это был очень интересный период, когда под давлением внутренних событий и борьбы за власть И. Выговский постепенно «сдает» Белую Русь.

---

[1] Там же. Л. 48–49.
[2] Акты ЮЗР. Т. XI. № 2. С. 764.
[3] Там же. № 3. С. 811.
[4] Это относится и к В. Горобцу, и к Й. Можи, и к другим исследователям.

Уже Кикин находит союзника в лице Выговского в попытках ослабить влияние Нечая в Белоруссии. В разговорах с новым гетманом тот сказал про Нечая, что на него «многие приходят скарги от тамошних обывателей; да он же де, *Нечай, маетности жены моей нынешней пограбил и разорил без остатку*» [1]. Кикин не замедлил добавить, что на Нечая «пишут к царскому величеству воеводы из Могилева, из Шклова, из Мстиславля и из иных тамошних городов, что он, Нечай, им, ц. в. воеводам, чинитца непослушен и тамошним людем чинит всякую обиду и налоги, и многих людей его полку казаки грабят и побивают до смерти, а сыску и обороны от него никакой нет. Да он же, Нечай, Могилевского, Шкловского, Кричевского, Мстиславского и многих иных городов в уездех ц. в. волостми многими владеет, и залоги положил свои без его, государева, указу, и мужиков многих пописал в казаки силою. И гетман говорил: *то де его, Нечая, укрывает, по свойству, прежней гетман; а я де ему в том во всем фалговать нимало не буду*» [2]. То, что Выговский попытался выбить залоги Нечая, мы видели выше. Сложные отношения у них явно имелись, так как Выговский говорил Кикину, что Нечай «писал к шурину своему, к Юрью Хмелницкому; а в том листу написано, что царское величество на миргороцкого полковника Лесницкого опалу свою положил, велел его сослать в Сибирь» [3].

Однако на этом этапе, только получив неполную власть, Выговский готов был уступить в Белоруссии в обмен на поддержку царя. В начале сентября 1657 г. в Чигирин приезжает полковник и стрелецкий голова Артамон Матвеев (близкий к царю человек!) и поднимает вопрос о подчинении Быхова. Он говорил Выговскому (интересно, что в статейном списке он еще именует его писарем): «Быхов великому государю нашему, его ц. в., здался чрез гетмана Богдана Хмельницкого, а великому государю они на вечное подданство не присягали и в Быхов государевых людей не пущают...» [4]

---

[1] Акты ЮЗР. Т. XI. № 3. С. 809.
[2] Там же. С. 809–810.
[3] Акты ЮЗР. Т. VII. № 75. С. 205.
[4] Акты ЮЗР. Т. IV. № 15. С. 26.

Видимо, Выговский согласился на приведение жителей Быхова к присяге царю [1]. По крайней мере в царской грамоте от 7/17 октября 1657 г. давался указ могилевскому воеводе С. Змееву съехаться с И. Нечаем в связи с письмом, посланным от И. Выговского с А. Матвеевым. В царской грамоте пересказывалось содержание послания нового гетмана к Нечаю: «А ныне, по договору с нашим царского величества полковником и головою стрелецким с Артемоном Матвеевым, прислан к ним быховским обывателем Иван Выговской, который ныне обран гетманом войску Запорожскому, чтоб они, быховские жители, нам, великому государю, на вечное подданство веру учинили...» В Москве сомневались, что Нечай покажет Змееву это письмо гетмана, потому прикладывали копию, переданную с Матвеевым [2].

Сохранившийся в русском переводе универсал И. Выговского от 11/21 сентября 1657 г. оставляет смешанное впечатление. Речь идет о том, что быховчане присягали царю при жизни Б. Хмельницкого, «так и ныне по отшествии оного с сего света, чтоб есте присягу в. г. ... на вечное подданство все быховские жители учинили». Казалось бы, при чем тут смерть гетмана? Ведь умер не царь, зачем же повторная присяга? Правда, Выговский обещал: «как славные памяти его милость пан гетман бывший войска его ц. в. Запорожского» заботился, чтобы «при волностях своих и целости ваша милость пребывали», так и он, новый гетман, будет следить, чтобы «милостию его царского величества подлинно против прав давных своих без всяких зацепок при волностях своих пребывати будете...» [3] Заметим, что присяга царю в любом случае еще не означала выход Быхова из-под юрисдикции казацкой администрации.

7/17 октября грамоту быховчанам написал Алексей Михайлович («обывателем всякого чину людем»). Он «милостиво похвалял» за то, что «вы упорство свое оставили». Царь сообщал, что получил письмо от «новообранного гетмана Ивана Выговского, чтоб вам города Быхова обывателем нам

---

[1] М. Грушевский, который не был знаком с материалами Безгласного стола, писал, что Выговский только «підтримував фікцію, нібито Старий Бихів піддався цареві». *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. X. С. 47.

[2] Акты ЮЗР. Т. VII. № 64. С. 182–183.

[3] Там же. С. 181; Акты ЮЗР. Т. IV. № 16. С. 26.

в. г. ... на вечное подданство веру учинить при том, кого мы, в. г., к вам для того дела прислати изволим». Было решено послать в Быхов С. Змеева, которому и следовало принять присягу, а царь за это обещал: «веры, и прав, и волностей ваших нарушать не велим» [1].

На фоне развернувшейся в Украинском гетманстве борьбы за власть и недружественных отношений с новым гетманом Нечай укрепляет свое положение в Белоруссии. Этому способствовало ослабление позиций русских в Великом княжестве Литовском на фоне побед поляков над шведами и отказа от исполнения Виленского перемирия.

Весьма красноречиво характеризует обстановку в Литве статейный список Клементия Иевлева от начала июня 1657 г. Когда он ехал к Смоленску и приехал в местечко Чернь, там «были в то время казаки и хотели Клементья убить за подводы; а говорили, что те места Бог знает кому достанутца; а лежат на залогу у Нечая. В том же местечку Черни приходил воскресной поп Яков Захарьев, а сказывал, что пана литовского жолныри хотят побрать в Полотцке ево, государево, жалованье; а службы его, государевы, служити не хотят, а хотят быть при полку Нечаеве» [2]. Тогда же русские воеводы сообщали, что шкловские крестьяне перешли к казакам и восстали [3].

На этом фоне И. Выговский вставляет в договор со шведами от 6 октября 1657 г. н. с. пункты, согласно которым к Украинскому гетманству должны были перейти Брестское и Новогрудское воеводства Великого княжества Литовского [4].

Сам Нечай начинает самостоятельную политическую игру. Медекше удалось 5 сентября н. с. подпоить водкой двух казаков Нечая, которые ехали из Быхова к Морошке, сотнику игуменскому. Среди прочего они сказали, «что их гетман польный Нечай как есть готов, встав при е. к. м., бить Москву, как его живого видишь, чтобы даже Хмельницкого, тестя своего, т. к. женат на сестре Тимошка, имеет с женой умысел к повиновению е. к. м. привести, желая себе посла

---

[1] РГАДА. Ф. 229: Малороссийский приказ. Оп. 1. № 27. Л. 35–37.
[2] Док. БХ. Ч. 1. С. 107.
[3] ЦГАДА. Разр. приказ. № 272. Л. 250–253.
[4] Архив ЮЗР. Ч. III. Т. VI. № CXIII. С. 336.

е. к. м. у Хмельницкого застать» [1]. Т. е. уже осенью 1657 г. поляки считали Нечая своим сторонником, что, как мы увидим ниже, вскоре подтвердилось. Обратим внимание и на то, что в это время соратником Нечая становится Данило Выговский, а их жены – дочери Б. Хмельницкого – играют активную политическую роль.

При попустительстве В. Б. Шереметева местная шляхта (пользуясь тем, что в преддверии вального сейма, который должен был избрать Алексея Михайловича польским королем, царское правительство опасалось вызывать недовольство) в январе 1658 г. разбила отряд Мурашко («побили казаков человек с триста») [2].

Что касается И. Выговского, то, теряя контроль над гетманством в условиях соперничества старшины и начавшихся бунтов, он делает очередную уступку Москве в отношении Белоруссии.

Б. Хитрово, приехавший в феврале 1658 г. и присутствовавший на очередной Переяславской раде, должен был повторить Выговскому известие (содержавшееся еще в наказе Ф. Бутурлину) о назначении воевод в Вильно, Борисов, Минск, Оршу, Новогрудок и Гродно: «И вам бы в те городы и в поветы, где ц. в. от воевод ратные люди на залогах будут, не приходити и ссоры никакие не чинити» [3]. Далее Хитрово должен был добиться от Выговского сдачи Быхова и Чаусов: «Писал к царьскому величеству гетман Богдан Хмельницкой, что Быхов здался на имя царьского величества и крест целовали. А ныне залога в нем козацкая. И вам бы козаком велети из Быхова уступить в черкаские городы, потому что Быхов издавна повет Аршанской и быть тут царьского величества воеводе; да и в Чаусах полковнику быти не у чего, потому что Чаусы блиско Могилева» [4]. Как мы уже говорили выше, оказавшийся в условиях гражданской войны И. Выговский уступил Хитрово и подписал согласие на ряд пунктов. Один из них – сдача Быхова (правда, о Чаусах все же речи не шло): «По воле вашего царского величества, о Быхове, как вашое царское величество изволиш, я вшелякое вашего царского

---

[1] *Medeksza S. K.* Księga pamiętnicza. Kraków, 1875. S. 41.
[2] *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. С. 249.
[3] Акты ЮЗР. Т. IV. № 58. С. 95.
[4] Там же. С. 96.

величества розказане полнити готов» [1]. Ни А. Мальцев, ни В. Горобец вообще не пишут об этом, хотя документ был опубликован еще Н. Костомаровым. И. Крипякевич полагал, что Выговский про Быхов высказался уклончиво, а М. Грушевский цитировал пункт о Быхове без всяких комментариев [2].

Между тем, решение о сдаче Быхова выполнялось лишь частично. Медекша писал 10 марта 1658 г. н. с.: «О Быхове Старом пришло известие, что снова присягают во второй раз, первый казакам, теперь вынуждены Москве сделать... Залога, однако, казацкая Москву не только что полками, для чего были готовы, не впустила, но и поодиночне не пускают...» [3]

Переход Ивана Нечая и его казаков на сторону Речи Посполитой

Вплоть до заключения Гадячского договора, т. е. до осени 1658 г., Нечай сохраняет внешнюю верность царю и поддерживает миролюбивые отношения с воеводами. Так, 18/28 августа 1658 г. он писал борисовскому воеводе Федору Нарбекову, что в волости Заборовской «которые за волею и милостию е. ц. в. до полку моему Чаусскому належали и ныне належат, люди е. ц. в. с солдаты хотят хлеб и всякий харч и крестьян имати». «Прошу милости твоей, чтобы они мне такой обиды не чинили», иначе Нечай намеревался писать царю [4]. 28 августа с. с. он опять пишет Ф. Нарбекову: «как владел славней памяти Золотаренко властию е. ц. в., сим образом владею ж и по зволенью от е. ц. в., государя моего; имеючи и твоя милость, воли государской не будучи противен, велел в залог свои Зборовские волости свести, и обиды там крестьяном никаковы чинить не велел, и паки твоей милости прошу. А если милости твоей не будет вскоре, буду челом бить государю царю на тебя; десятократне челом бью: вели уступить!» [5]

Одновременно Нечай ведет тайные переговоры с поляками. Секретарь польской королевы Пьер де Нойер писал

---

[1] РГАДА. Ф. 124: Малороссийские дела. Оп. 1. 1657. № 19. Л. 22.

[2] *Крип'якевич І.* «Вольний порт» у Старім Бихові в 1657 р. С. 96; *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. X. С. 145.

[3] *Medeksza S. K.* Księga pamiętnicza. Kraków, 1875. S. 145.

[4] Акты Моск. гос. Т. II. № 1028. С. 609.

[5] Акты Моск. гос. Т. II. № 1033. С. 612.

1 сентября н. с., что «другой казацкий начальник» (помимо И. Выговского) обещал предоставить 20 тысяч войск. Через неделю он подтвердил эти сведения [1]. В данном случае мы разделяем мнение Людвика Кубалы, что речь шла о Нечае [2], тем более что это подтверждается письмом канцлера ВКЛ Христофора Сигизмунда Паца, написанным от имени короля комиссарам 10 сентября 1658 г. н. с.: «в Литве война может вестись силами Нечая, который е. к. м. 20 000 войска предложил, и все те милости е. к. м., которые он просил, послали ему несколько дней тому через посла его, от чего надеемся», что сможет дать отпор Долгорукому совместно с воеводой виленским [3]. К тому же в сентябре 1658 г. (еще до заключения Гадячского договора) Ян Казимир писал комиссарам на переговорах с русскими о возможности военного решения вопроса. Ссылался он, в частности, на готовность Нечая ударить в тыл неприятелю (о чем заявил посол Нечая к королю) [4].

Русская сторона пока не только не активизировала наступление воевод на Нечая, но, наоборот, согласно указу приказа Тайных дел рассчитывала использовать его казаков в случае окончательного срыва Виленского перемирия. Например, об этом писали к сотнику Нечая Денису Мурашко (Юрий Долгоруков именовал его «черкасским полковником»), находившемуся в районе Минска. Но 19/29 сентября узнали, что «в Менску... и близко Менска полковника Дениса Мурашки и черкас нет; а сказывал де им... менской воевода Богдан Аладьин, что де полковник Денис Мурашка с черкасы из Менска пошли в Быхов к полковнику Нечая, сентября в 8 день... а твоих, великого государя, людей во многих местех черкасы побивают» [5].

28 сентября 1658 г. с. с. виленский воевода Ю. Долгоруков сообщал еще более тревожные сведения: «присяжная де шляхта всех городов и поветов учали сбираться и, соединясь

---

[1] Lettres de Pierre des Noyers, secretaire de la Reine de Pologne Marie-Louise de Gonzagne. Berlin, 1859. № CLXVII. P. 435; № CLXIX. P. 437. У В. Горобца эти письма ошибочно датированы 8 октября, и письма де Нойера он именует дневником. *Горобець В.* «Волимо царя східного...». С. 147.

[2] *Kubala L.* Wojny duńskie i pokój oliwski 1657–1660 // Szkice historyczne. T. 6. S. 122.

[3] Ibid. Dodatek XXVI. S. 573.

[4] Biblioteka Książąt Czartoryskich. № 2107. L. 365.

[5] Акты ЮЗР. Т. VII. № 87. С. 257–258.

с черкасы, с полковники: с Нечаем и с Мурашкою, и, прибрав к себе многих из сел и из деревень крестьян, хотят приходить на нас» [1].

Уже 16/26 октября дается царский указ окольничему и воеводе Ивану Лобанову-Ростовскому идти в Смоленск «и над изменниками Ивашком Нечаем и над черкасы нашего великого дела промышляли-б есте, по нашему в. г. указу, и, смотря по тамошнему делу, сколько милосердный Бог помощи подаст» [2]. Начинается новый этап «белорусского вопроса», перешедший в стадию открытой кровопролитной войны между русскими войсками и украинско-белорусским казачеством и завершившийся трагическими событиями взятия Старого Быхова.

Подводя итог, следует сказать, что русско-украинское соперничество в Белоруссии было следствием взаимного непонимания и отсутствия договоренностей. Каждая из сторон действовала в соответствии со своими традициями, представлениями и опытом прошлых лет. У царского правительства и украинской администрации они были диаметрально противоположными. Немалую роль играло и различное социальное видение сторонами будущего белорусских земель. В Украинском гетманстве, как мы видели, к 1654 г. почти все крестьянство было уже лично свободным, и такую же модель несло казацкое войско в Белую Русь. Это не могло устраивать русскую сторону.

При этом, начиная поход, ни одна из сторон не обсуждала и не ставила вопрос о дальнейшем административном управлении Белоруссии. Для Хмельницкого было очевидным, что она станет частью Украинского гетманства и таким путем примет подданство царя. В Москве имели совершенно иное видение, включавшее прямое воеводское правление. К этому неразрешимому противоречию добавлялась необходимость находить компромисс с местной шляхтой. Споры и обсуждения начались уже по факту возникновения конфликта, когда строить линию взаимного компромисса было сложно.

---

[1] Акты Моск. гос. Т. II. № 1035. С. 615.
[2] Акты Моск. гос. Т. II. № 1060. С. 627.

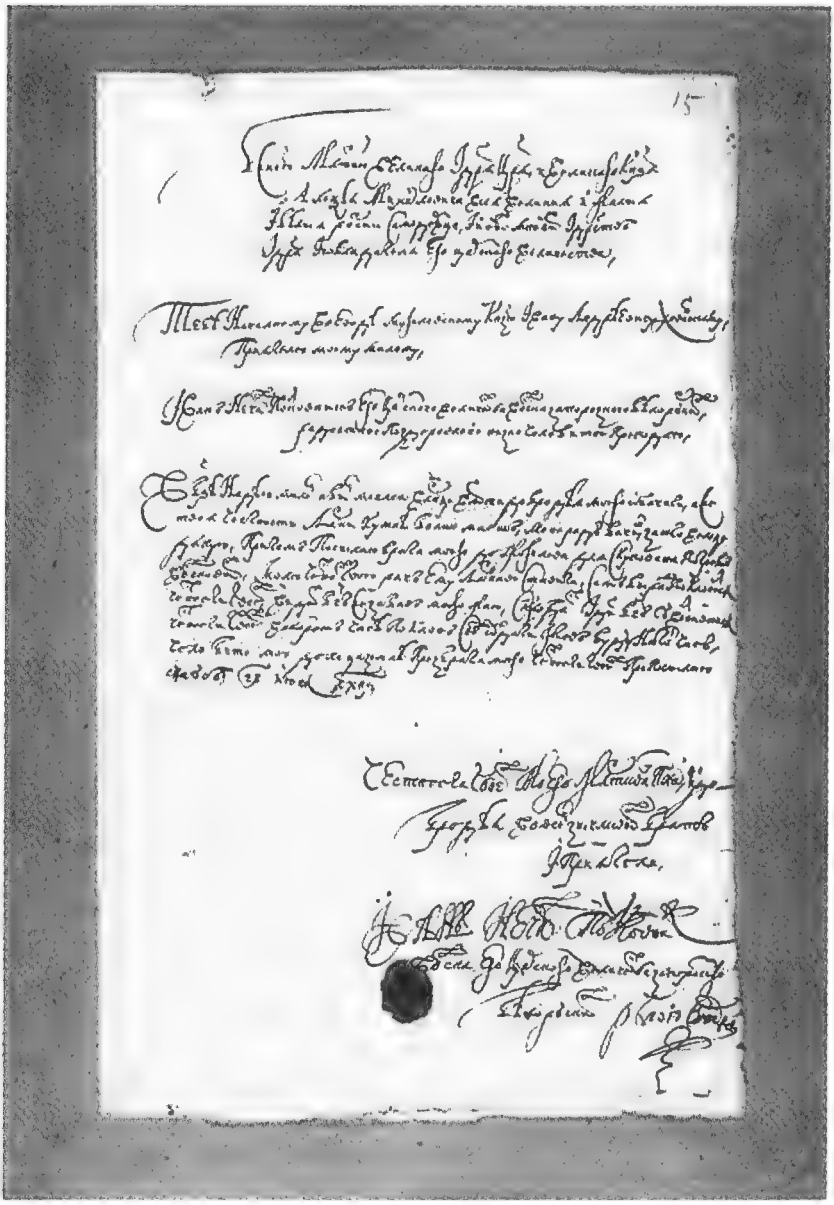
Нужно сказать, что русские власти с самого начала заняли спорную позицию в отношении союзных войск «гетмана сиверского». Нигде не обсуждалось, на каких условиях полки под командованием И. Золотаренко принимают участие в войне. По доброй воле, как подданные? Так не бывает. Царь должен был платить. Но сделано это было только один раз и явно лишь в «поощрительном» размере. И в этом случае понятно, что проливавшие в походе свою кровь казаки не собирались безвозмездно покидать Белую Русь, а Золотаренко при первом перемирии начал устанавливать там свою администрацию. К тому же, официально разрешив на первом этапе показачивать местное население и принимать его в ряды Войска Запорожского, царь открыл ящик Пандоры, и запихнуть обратно почувствовавших запах свободы белорусских крестьян было уже крайне сложно.

Итог русско-украинского соперничества за Белоруссию был весьма плачевным. Ее потеряли обе стороны, а белорусские земли вплоть до конца XVIII в. остались в составе Речи Посполитой.

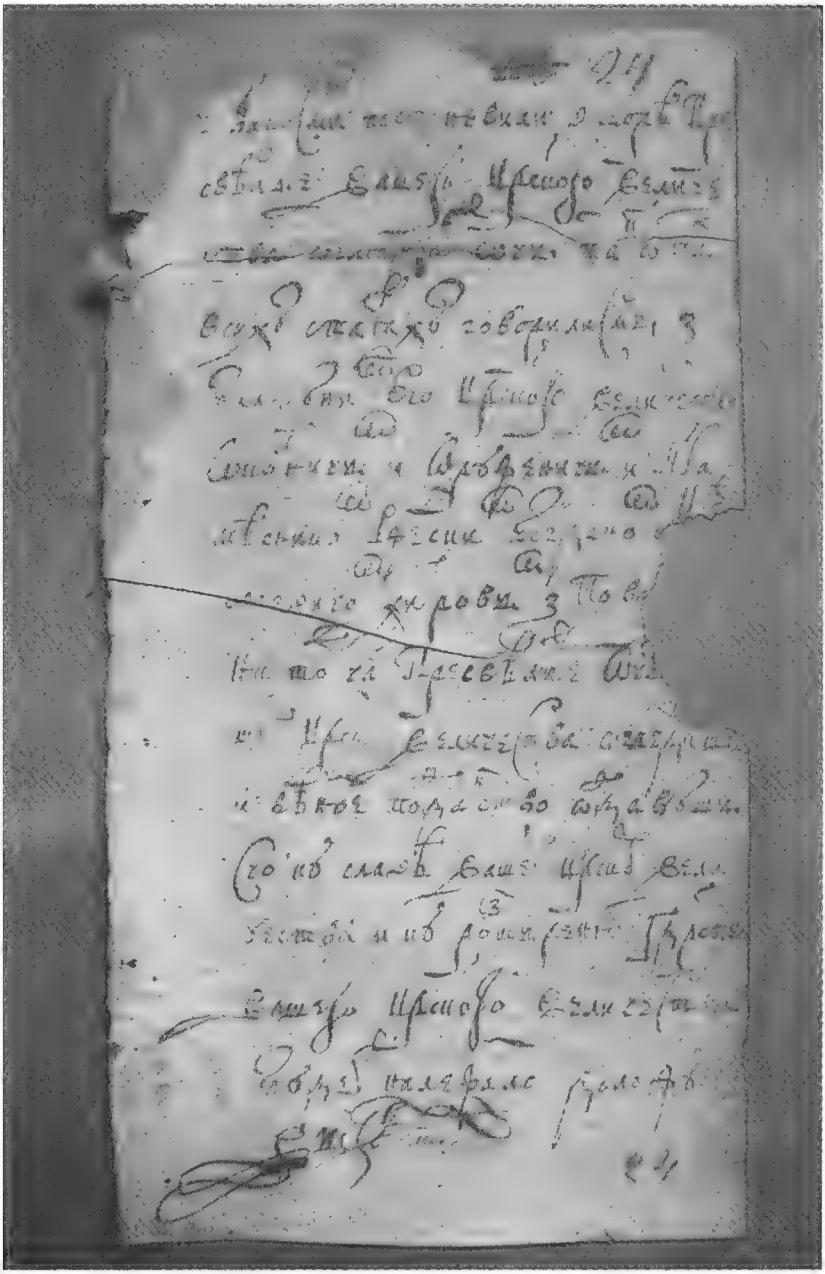
Заключение

Решение о присоединении Украины к Московскому государству принималось в спешке и было продиктовано различными целями сторон. Это идея религиозной войны, которую поддерживали царь Алексей Михайлович и патриарх Никон, а также срочная необходимость военной помощи со стороны верхушки Украинского гетманства. Существенное различие в сложившихся юридических традициях и менталитете создавало прецеденты ложной или противоречивой трактовки одних и тех же документов, терминов и вопросов. Это, в свою очередь, порождало взаимонепонимание, ссоры и недоверие.

Различие социальной базы, судебных и административных систем, весь предыдущий опыт не позволяли слушать и слышать. Внутренние проблемы обеих сторон (опала Никона, борьба боярских группировок в Москве; наличие десятков тысяч показаченных, не влившихся в новую социальную структуру общества, и борьба старшин за личную власть в Украине) накладывались на геополитические процессы. В таких условиях поиск компромисса был крайне затруднен. Сторонам нужно было пройти еще очень длинный путь для того, чтобы научиться понимать друг друга – в прямом и переносном смысле слова. К сожалению, этот путь был полит кровью.



Письмо И. Нечая воеводе И. Хованскому. Июнь 1656 г.
РГАДА. Ф. 229: Малороссийский приказ. Оп. 1. № 20. Л. 15



Личная подпись И. Выговского на «договоре» с Б. Хитрово. Февраль 1658 г.
РГАДА. Ф. 124: Малороссийские дела. Оп. 1. 1657. № 19. Л. 24

Указатель имен

Акинфов Иван *125*
Аладьин Богдан *307*
Алеппский Павел *66, 67, 217*
Алферьев Иван *227*
Андреев Игорь *39, 54, 65*
Антонов Марк *159*
Апостол Данило *56*
Арсеньев Федор *270, 276*

Багалий Дмитрий *47, 51, 54, 59, 60*
Бадовский Ян *13*
Байбаков Фирс *160*
Балабан Дионисий *152, 157, 160*
Барабаш Яков *127, 133, 147, 159, 169, 177*
Баранович Лазарь *19, 142*
Барвинский Александр *54*
Барвинский Виктор *40, 68*
Безпалчик Григорий *214*
Беневский Станислав Казимир *146*
Бердичовский Михаил *249*
Бережицкий Прокоп *163*
Бобровка, казак *274*
Богатырь И. *68*
Богданов Григорий *269, 270–273*
Богданов Самойло *86, 90–92, 94, 96, 97, 99, 110, 111, 123, 141, 143, 166, 190*
Богун Иван *104, 109, 150, 152, 161, 163, 164, 173*
Болотников Иван *30*
Болтин Оверкей *162, 171*
Борсук Иван *214*
Браницкий Константин *49*
Брехуненко Виктор *22*
Брюховецкий Иван *14, 59, 272*
Булавин Дмитрий *86*
Булычев Андрей Алексеевич *8*
Бутиков С. Б. *162*
Буткеевич Петр *280*
Бутурлин Василий Васильевич *36, 38–41, 67, 79–85, 90, 95, 105, 110, 191, 196, 226, 227*

Бутурлин Андрей Васильевич *113, 142, 170, 172, 280, 299*
Бутурлин Иван *290*
Бутурлин Федор Васильевич *71, 110–112, 120, 137, 289, 290, 292–294, 297, 300, 305*
Бушак Иосиф *242*

Василевич Феодосий *25, 36*
Василевский Тадеуш *199*
Величко Самойло *150, 152, 156*
Венюков Максим *211*
Владислав IV *11*
Воейков Михаил *193, 202, 204–207, 220, 221, 227, 229–231, 235*
Война-Ясенецкий Григорий *223*
Войсковский Яцко *290*
Волконский Федор Федорович *83, 85, 113, 205, 224*
Воронченко Яков *176*
Выговский Данило *59, 152, 176, 177, 247*
Выговский Иван *20, 35, 41, 54, 61, 62, 78, 79, 83, 95, 112, 119, 123, 127, 130–136, 141–152, 155–165, 167, 169–178, 180, 184, 190, 191, 195, 196, 235, 261, 266, 280, 284, 288, 294, 295, 298–307*
Выговский Константин *288, 300*
Выговский Остафий *284*
Выговский Самойло *77, 172, 299, 300*
Выговский Федор *119, 121, 135*

Гагарин Иван *179*
Галятовский Иоанникий *19*
Гедройц Арнольф *224*
Гизель Иннокентий *19, 217*
Головин Петр Петрович *90*
Горкуша Филон *187*
Горобец Виктор *186, 194, 247, 248, 258, 273, 306*
Горчаков Семен *206*
Гонсевский Викентий Корвин *225, 229, 231, 284, 297*
Грек Данило *244, 245*
Громкевич, шляхтич *70*
Гроссу Ян *275*
Груша Иван *287*
Грушевский Михаил *84, 94, 95, 99, 101, 152, 155, 156, 159, 160, 161, 186, 192, 194, 210, 258, 259, 268, 273, 277, 289, 306*
Гуляницкий Григорий *177, 251, 277, 300*

Данилов Григорий *242*
Данилович Ян *14*
Дашкевич Ярослав *246*
Дашков Андрей Яковлевич *162, 170*
Дашков Григорий *265, 292*
Джалалий Филон *13*
Дмитриев Михаил *203, 211, 212, 214, 222, 230–232, 237*
Дмитриев Василий *236*
Довга Лариса *19*
Довгаль Степан *137*
Долгоруков Григорий Данилович *178*
Долгоруков Петр *290, 293*
Долгоруков Юрий *307*
Донец Иван *50, 163*
Дорофеев Иван *213*
Дорошенко Иван *248–250, 253, 262*
Дорошенко Петр *176*
Драньь Корней *262, 294*

Емченко Федор *213*
Еремеев (Еремеенко) Афанасий *189, 214*
Еремеев Гаврила *214*
Еремеев Ивашко *245*
Ермолаев Сергей Сергеевич *8*
Еропкин Автоном *268*
Ефимьев Яков *221*

Жабокрицкий Александр *49*
Жабокрицкая Теренция *49*
Жарин Станислав *224*
Жаркевский Мишка *205*
Жданович Антин *108, 109, 116, 128, 132, 195, 262–267, 269, 270, 287, 289*
Жегота Войцех *49*
Желябужский Иван *115–120, 128, 129, 133, 135, 146, 289*

Забела Петр *249*
Заборовский Лев *241*
Заборовский Семен *170*
Завацкий Федор *213*
Загоровский Виктор *173*
Засужский Василий *205*
Захарьев Яков *304*
Змеев Семен *292–294, 298, 300, 303, 304*
Золотаренки, род *13*
Золотаренко Иван *84, 95, 98, 100, 184, 189–196, 201–215, 219–249, 252, 253, 258, 260, 263, 275, 282, 306, 309*
Золотаренко Василий *122, 196, 212, 228, 230, 234, 237, 248–250, 262, 263, 292*
Зражевский Кирилл *213*
Зузин Григорий *175*
Зыбин Никита *250*
Зюзин Никита *133, 136, 143, 149–152, 157, 159, 160, 163*

Иванов Алмаз *90, 91, 148, 164, 259*
Иван Петрович, украинский посол *244*
Иевлев Клементий *304*
Илянецкий А. *231*
Иоиль, игумен *219*
Исупов Патрекей Степанович *250*

Казимир Ян *36, 52, 70, 135, 276, 277, 278, 288, 289, 307*
Каллист, архиепископ *217*
Капуста Лаврин *83*
Карл X Густав *199, 201, 241, 244*
Карпов Геннадий *17, 93, 166*
Качаноский Андрей *268*
Кашовский Генрих *49*
Кваснинский-Злотый Андрей *287*
Кгелда Николай *234, 244*
Кгосчицкий Войцех *49*
Кикин Василий *85, 108, 109, 127–134, 145, 170, 174–178, 191, 240, 266, 267, 271, 301, 302*
Кинбирев Марко *214*
Киндеенко Павел *212*
Кисель Адам *19, 46, 50*
Кишка Януш *188*
Кобылецкий Григорий *213, 249*
Ковалевский Иван *112*
Конишевский Андрей *295*
Когут Зенон *185*
Козинская Анна *49*
Козловский, сотник *243*
Комар, сотник *285*
Константинов Федор *250, 254*
Коробка Ефим *142, 231*
Коробка Юрий *231*
Косинский Иван *213, 242, 248*
Косинский Кшиштоф *13*
Косов Сильвестр *25, 102, 186, 215, 218*
Костомаров Николай *14, 145, 153, 154, 306*
Котел Иван *274*
Котляр Петр *147, 148*
Котлярчук Андрей *241*
Кочегаров Кирилл *7, 24*
Краферт Даниил *242*
Кривонос Максим *70*
Крижанич Юрий *29*
Крипякевич Иван *54, 55, 59, 65, 68, 69, 247, 283, 306*
Кричевский Иван *281*
Кричевский Михаил *188*
Крюковский Михаил *274*

Кубала Людвик *307*
Кузьмин Тимофей *252*
Куракин Федор Семенович *83–85*
Курбацкий Самойло *236*

Лаврентий, Тверской митрополит *217*
Ладыженский Максим *92, 93*
Лазарев, дорогобужанин *224*
Лазарев Иван Дмитриевич *224*
Лазоренко Иван *214*
Ласка Иероним *70*
Ласк Петроний *46*
Легкий Владимир *47*
Леонтьев Павел *267, 270, 271, 273*
Лескинен Мария *15*
Леско, казацкий хорунжий *276*
Лесницкий Григорий *34, 97, 135–137, 146, 148, 150, 152, 161, 163–169, 171, 172, 302*
Лещинский Ян *15*
Липинский Вацлав *258*
Лихарев Василий *241*
Лобанов-Ростовский Иван *308*
Лобачев Сергей *24, 26*
Лодыженский Михаил *91, 179*
Лопухин Авраам *109, 277, 280, 284*
Лопухин Ларион *105–108, 117, 125, 128, 145, 202, 211, 230–232, 252–254, 256, 257, 259–262, 264–266, 269*

Мазепа Иван *13, 68, 81, 160, 230*
Макарий, антиохский патриарх *66*
Мальцев Александр *200, 201, 216, 230, 258, 259, 283, 284, 286, 293, 299, 306*
Мамонтов Федосей *104*
Манулов Василей *213*
Марголис Юрий Давидович *8*
Мартюшкович Егуп *239*
Марченко Михаил *51*
Матвеев Артамон *41, 100, 101, 104, 105, 107, 117, 132, 133, 137, 143, 145, 146, 302, 303*
Мацк Матюшка *270*
Махов Иван Спиридонович *279, 280*
Медекша Степан *251, 304, 306*
Мефодий, буйницкий игумен *216*
Мещеринов Алексей *224*
Мещерский Андрей Михайлович *224*
Мещерский Дмитрий *175*
Мидведь Станислав *204*
Миневский Юрий *142, 148, 149*
Минин Кузьма *293*
Миронович Антоний *218*
Мирский Григорий *187*
Миткевич Иван *285*
Михайлов Василий, сотник *214*
Михайлов В., дьяк *109, 110, 289*
Михайлов Семен *214*
Многогрешный Демьян *37*
Могила Петр *23, 218*
Можи Йозеф *200, 286*
Мокрьский Андрей *70*
Мужиловский Силуян *47, 211*
Мурашко Денис *275, 276, 285, 286, 295, 305, 307, 308*
Мякотин Венедикт *55, 59, 63, 64*

Назаров Игнат *213*
Наливайко Северин *13*
Нарбеков Федор *306*
Небаба Мартын *187–189*
Немирич Юрий *49*
Нечай Данило *71, 246*
Нечай Иван *40, 105, 106, 108, 115–117, 246–250, 252–259, 261–280, 282, 285, 286, 288–298, 300, 302–308*
Нечай Юрий *268*
Никон, патриарх *24–26, 28, 29, 41, 42, 101, 126, 151, 152, 157–*

160, 162, 175, 180, 183, 193, 201, 215–219, 225, 230, 310
Нойер, Пьер де *306*

Одоевский Никита *285*
Оленик, сотник *136*
Олферьев Иван *221*
Оникиенко Тимофей *189, 209, 212, 228, 230, 234, 236, 237*
Опухтин Иван *169, 171, 175*
Ордин-Нащокин Афанасий *162*
Оришевский Иван *13*
Оскирка Самуэль *225, 280*
Оссолинский Ежи *48*
Остафьев Дорофей *115*
Остророг Николай *48*

Паисий, патриарх *24*
Пац Христофор Сигизмунд *307*
Пашко, полковник минский *232*
Пекулицкий Яков *119*
Перетц Владимир *18*
Перфильев Томила *190*
Петр I *32, 81, 114, 230*
Плещеев Никифор *48*
Плохий Сергей *28, 29, 41, 185*
Подгайный Семен *213*
Подобайло Степан *211*
Поклонский Константин *38, 191–193, 196–198, 201–210, 220–223, 226, 227, 229–231, 233, 235, 241, 242, 259, 260*
Поленов Микифор Алексеевич *162, 170*
Полтев Иван *179*
Попович Иван *237*
Попович Федор *214*
Портомоин Яков *170, 175, 176, 266*
Прицак Омельян *8, 39, 40*
Протасов Давыд Захарьевич *251*
Протасьев Петр *94–97, 99, 100, 211*
Путята Юрий *196*
Пушкарь Мартын *77, 152, 157, 158, 160, 161, 163, 169–172, 174, 175*

Радзивилл Альбрехт Станислав *46, 49, 187*
Радзивилл Богуслав *275, 276*
Радзивилл Януш *14, 19, 187–189, 195, 196, 218, 219, 225, 227–232, 234*
Разумовский Кирилл *57, 66*
Ракочи Юрий *79, 109, 115–118, 123, 128, 286, 287, 289*
Ракушка-Романовский Роман *190, 206, 273, 277*
Ревох Василий Хаилович *214*
Репнин Иван Борисович *243, 244, 248, 250, 254, 256, 257, 264, 265, 268, 273*
Репнин Афанасий Борисович *251, 252*
Ржевский Иван Андреевич *276, 292*
Рогозин Дмитрий *145–148*
Родес, Иоганн де *26, 29*
Романов Алексей Михайлович *23–26, 29, 32, 40, 42, 59, 96, 101, 105, 108, 126, 149, 151, 158–160, 186, 192, 199–201, 207, 215, 219, 223, 225, 227, 234, 240, 242, 244, 248, 252, 274, 277, 288, 289, 300, 303, 305, 310*
Романов Михаил Федорович *22*
Романов Федор Алексеевич *24*
Ромодановский Григорий Григорьевич *120, 123, 128, 137, 149, 155, 176, 177, 226, 288*
Ромодановский Юрий Иванович *228, 233*
Ронорт Яков *236*
Ртищев Федор *119, 120, 143, 144*
Рычаловский Евгений *7*

Сагайдачный Петр *13, 15, 18, 22, 52, 53*

Саганович Геннадий *183, 185, 186, 217, 270*
Сакович Касьян *15*
Сапега Павел Ян *276, 278, 282, 283, 288*
Сатановский Арсений *25*
Сваричовский Войцех *49*
Свищов Иван *205*
Седов Павел *24*
Семенов Иван *115*
Сенка *225*
Сербин Роман *152, 157*
Сивцов Никита *256, 261, 262, 264*
Сидоров Макар *214*
Сипягин М. *294*
Скоробогатко Иван *269, 270*
Скоропадский Иван *66*
Скрынников Руслан Григорьевич *8*
Скуратов Петр *171–174*
Славинецкий Епифаний *25*
Смолий Валерий *77*
Смотрицкий Мелетий *14, 19*
Смяровский Яков *16*
Солнцев Андрей *50*
Соловьев Сергей *26, 27, 100, 201, 225, 230*
Сомки, род *13*
Софонов Григорий *162, 170*
Софья Алексеевна (Романова), царевна *145*
Спасителев Тимофей *191, 194, 204*
Стамачаенков Евстафий *66*
Станишевский, сотник *285*
Старинский Матфей *239, 242*
Старков Григорий *179*
Степанков Валерий *77*
Стеткевич Богдан *300, 301*
Стеткевич Елена *299*
Стеткевич Михаил *299*
Стопский Тимофей *205*
Стрынжа Михаил *150*
Субтельный Орест *8*
Сулима Иван *73*
Сулименко Василий *73, 100*
Сухина Иван *213*
Сысин Франк *19*

Телепнев Иван *232*
Терлецкий Омельян *184, 186, 201, 202, 212, 248*
Тетеря Павло *41, 58, 66, 68, 76, 86, 90–92, 94, 96, 110, 111, 119, 121–125, 127–129, 131, 134, 137, 142, 143, 164, 166, 190, 277, 284, 300, 301*
Тимофеев Иван *213*
Титов Александр *115*
Тиханович Юрий *274*
Тихоновецкий Самойло *274*
Тиша Михаил *50*
Толочко Петр *54*
Трепавлов Вадим *31–33*
Третьяк Иван *213*
Трубецкой Алексей Никитич *30, 58, 90, 123–125, 128–136, 143–146, 197, 204, 205, 216, 230, 236, 242*
Тукальский Иосиф *283, 286*
Тургенев Денис *179*
Тышкевич Юрий (Ежи) *241*

Уманец Филипп *237*
Унковский Василий *238, 239, 242*
Усенко Лаврен *214*

Филарет, епископ *217, 218*
Филарет, патриарх (Федор Никитич Романов) *22*
Филимонович Максим *18, 40, 133, 134, 137, 144, 158, 160, 161, 163, 169, 172, 202, 215, 218, 234, 240*
Филипп, сотник *214, 247, 274*
Флоря Борис *7, 18, 35, 185*
Фомин Иван *109*
Фурнура Ганус *213*

Халецкий Владислав Ежи *48*
Харлампович Константин *217, 219*
Хитрово Богдан *125, 128, 144, 145, 148–158, 161–163, 165, 168, 170, 175, 237, 305*
Хлусевич Роман *300*
Хмельницкая Елена *247*
Хмельницкая Степанида *247*
Хмельницкий Богдан *11, 13, 14, 16, 17, 19, 23–25, 28, 30–37, 41, 42, 45–47, 50–56, 59–62, 65–73, 77, 79–84, 86, 87, 91, 93–98, 100–112, 118, 119, 121, 122, 125, 127, 128, 132, 135, 143, 144, 147, 160, 164, 183, 186–192, 195, 199, 201, 205, 208, 209, 211–213, 216, 222, 234, 235, 240, 244, 246–248, 251–264, 266, 269, 274–277, 279–283, 286, 287, 289–292, 294, 295, 297, 298, 301–305, 308*
Хмельницкий Михаил *14*
Хмельницкий Тимош *72, 304*
Хмельницкий Юрий *130, 131, 163*
Хованский Иван *268, 272, 274, 275, 278, 279*

Чарнецкий Стефан *72*
Черепов Федор *136*
Черкасский Яков *223–225, 237, 240*
Чернышов Андреан *141*
Чириков Алексей *114*

Шавляга Степан *213*
Шаровар Оменка *270*
Шебеши Ференц *77*
Шевченко Федор *6, 8, 51, 64, 80, 84, 85, 90, 103, 109, 127*
Шереметев Василий Борисович *40, 104, 128, 164–171, 174, 176, 177, 251, 292, 295–298, 305*
Шереметев Василий Петрович *59, 191*
Шереметев Петр *206*
Шкваров Алексей *54, 58*
Шкода Федор *213*

Щелканов, шляхтич *224*

Эйнгорн Виталий *153, 160*
Эскин Юрий Моисеевич *8*

Юрьев Ефим *119, 120, 163, 164*

Яковлев Василий *233, 274, 292*
Яненко-Хмельницкий Павел *288*
Янковский Андрюшка *196*

Науково-популярне видання

Татьяна Таирова-Яковлева

ИНКОРПОРАЦИЯ:
РОССИЯ И УКРАИНА
ПОСЛЕ ПЕРЕЯСЛАВСКОЙ РАДЫ
(1654–1658)

Відповідальна за випуск *Соловйова В. Й.*
Оригінал-макет підготовлено *ФОП Єгоровець Н. О.*

Підписано до друку 11.04.2017. Формат 60 × 90/16.
Папір книжковий. Друк офсетний. Гарнітура NewBaskervilleC.
Ум. друк. арк. 20,0. Обл.-вид. арк. 20,5.

ТОВ «Видавництво "КЛІО"».
Свідоцтво про реєстрацію № 036149 від 28.05.2012.
ІПН 382378426558.
Адреса видавництва:
01001, м. Київ, вул. Грушевського, буд. 4, офіс 629.
Тел./факс: (044) 279-92-14.
E-mail: clio.book@gmail.com
www.clio.in.ua

Надруковано у ПАТ «Білоцерківська книжкова фабрика».
09100, м. Біла Церква, вул. Л. Курбаса, 4.
Зам. № 17-196.

Таирова-Яковлева, Татьяна

Т14 Инкорпорация: Россия и Украина после Переяславской рады (1654–1658). – К.: ООО «Издательство "КЛИО"», 2017. – 320 с., ил.

ISBN 978-617-7023-55-4

Новое исследование Татьяны Таировой-Яковлевой посвящено изучению тех договоренностей, которые были достигнуты при инкорпорации Украинского гетманства и Московского государства в 1654 г., а также тому, как они трактовались сторонами и какие конкретные шаги предпринимались в первые четыре года после Переяславской рады для имплементации их в жизнь.

Эта книга позволит лучше понять причины конфликтов, ссор и споров, вылившихся в прямое военное противостояние и отсоединение Украины уже в 1658 г.

Работа основана на широком архивном материале и ориентирована как на профессиональных историков, так и на тех, кто интересуется историей Украины и русско-украинских отношений.

УДК 94(470+477):327.5]"1654/1658"